

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ
Н.И.ГРЕЧ
Записки
о моей жизни
·КНИГА·

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ

ДНЕВНИКИ,
ВОСПОМИНАНИЯ,
ПИСЬМА

ЗАПИСКИ

о

МОЕЙ ЖИЗНИ

Н. И. ГРЕЧА

С Ъ   П О Р Т Р Е Т О М Ъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
1886

Н. И. ГРЕЧ

Записки о моей жизни

•

МОСКВА
·КНИГА·
1990

ББК 84Р1-4
Г 81

Составление, послесловие, комментарии
Е.Г. Капустиной

Оформление серии художника
Б.А.Лаврова

Г $\frac{4702010101-048}{002(01)-90}$ 36-90
ISBN 5-212-00282-6

ЗАПИСКИ О МОЕЙ ЖИЗНИ

Часть первая

13 мая 1849.

Несколько раз сбирался я писать Записки о виденном и слышанном мною в жизни как по советам других, так и по собственному влечению. Раза два и принимался, но не имел силы продолжать. Самый длинный из сих опытов начал я в 1821 году, именно 21 мая, но написал не более пяти страниц и остановился. Я прочитал их Булгарину: они ему очень понравились, и он поощрял меня продолжать, но я, сам не зная почему, не мог решиться. Теперь думаю я, что эта нерешительность произошла от чувств тогдашней моей молодости: впечатления были свежи, но не глубоки; мнения решительны, но односторонни; опыт тяжелою своею рукою еще не подавил тогда души кипучей и отважной; не охолодил студеною водою мечтаний самолюбия и самонадеянности. К тому же многие из существенных лиц биографической моей драмы были живы: следовало бы писать портреты, а не воспоминания, приходилось бы пожать руку иному, а чрез полчаса прижать всего его, только не к сердцу. Я написал потом несколько отрывков из моих воспоминаний: письмо к графу Толстому в первой книжке "Новоселья" (1833), другую статью в "Новогоднике" Кукольника (1839), о начале "Сына Отечества" в №№ 28 и 29 "Северной Пчелы" 1839 года*. Эти статьи, кажется, были не без достоинства: доказательством тому были, с одной стороны, внимание к ним бóльшей, благонамеренной публики; с другой — безусловная брань враждебных мне журналов.

Возобновляю на шестьдесят втором году жизни безуспешно начатое на тридцать четвертом. Двадцать восемь лет и десять дней — почти размер поколения человеческого! Авось либо теперь буду счастливее. Какая цель моих записок? Оставить моим детям, внучатам, друзьям и приятелям воспоминания о жизни не слишком разнообразной, не богатой важными проис-

---

*См. вторую часть настоящего издания "Записок".

шествиями, но довольно замечательной в кругу, который был ее поприщем. Постараюсь писать как можно проще, без всяких затей, прикрас и авторских требований. Буду писать обо всем, что видел, слышал, испытал, о делах важных и о безделицах. Постараюсь об одном, чтоб в моих записках было сколь можно более правды. Безусловной правды не обещаю и обещать не могу: она не далась никакому человеку в этой жизни страданий, искушений, разочарований; довольно того, если он желает и старается быть правдивым. Буду щадить своих ближних, сколько возможно, но пощада эта будет ограниченная. Слабости людей, невольные их прегрешения, свойственные всякому человеку, – имеют право на умолчание их; но пороки гласные и вредные: подлость, коварство, злоба, лицемерие, неблагодарность, мстительность – должны быть изобличены и тем самым наказаны. Мне возразят: об умерших должно говорить только... Только правду! – прерву я вашу речь. Выставляя и карая порок, чту и возвышаю добродетель. Не один нынешний или будущий мерзавец (а на таковых всегда и везде большой урожай), читая описание душевных качеств и дел подобного себе во время оно, призадумается и, может быть, сделает одною подлостью менее. Довольно будет и этой пользы от моих записок. Если б следовало говорить о людях, по смерти их, только добро, то оставалось бы или не писать истории, или сжечь все исторические книги. В этом случае является достойное внимания преимущество людей мелких и слабых пред великими и сильными. Умрет мелкий негодяй; его похоронят с тою же молитвою, как доброго человека: упокой, господи, душу усопшего раба твоего! – и потом забудут. Брань на него при жизни обращается по смерти в безмолвие, а иногда и в похвалу с пожеланием ему царства небесного. Другое достается на долю царей и великих мира сего. При жизни их хвалят, им удивляются, раболепствуют, не только писать и говорить, даже думать дурно о них не смеют. Но едва лишь они сойдут с позорища, является неумолимая история и разит их обоюдоострым мечом своим. Над могилою простого человека легкий зеленый холмик; труп вельможи тяготит мраморная гробница. И не одна история терзает их память. Ближайшее потомство чернит их, как бы желая нынешнею неблагодарностью загладить вчерашнюю свою подлость*...

---

*Здесь в копии ПД позднейшая вставка Греча:

"Это было написано в 1849 году и блистательно оправдалось в 1855-м, по кончине Николая I. Облагодетельствованные, возвеличенные им люди восстали на него бессовестно и бесстыдно". (Далее: ПД – Пушкинский Дом, ПБ – Государственная Публичная библиотека).

Всего лучше в этом отношении писателям, артистам и т.п. творцам: при жизни судят о них по самому плохому из их творений, по смерти – по самому лучшему. Кто, например, теперь бранит стихи графа Хвостова и кто не отдает справедливости единственному четверостишию Рубана!

Не пора ли мне приступить к делу. Вижу, что мне идет седьмой десяток: старость болтлива!

Итак – с Богом!

Род мой происходит из Германии, а именно, сколько мне известно, из Богемии. В Вене жил и умер знаменитый в свое время католический проповедник, доктор богословия, профессор университета, бенедиктинец Адриан Греч, род. в 1753 году. Некоторые отрасли пресловутого рода занесены были и за Рейн: в Крейцнахе жил бедный ремесленник этого прозвища, но я, к сожалению моему, в 1845 г. бывши там, не нашел уже его в живых.

В половине XVII столетия несколько тысяч семейств протестантских, преследуемых католическими изуверами, бежали бóльшею частию в Северную Германию и в Пруссию. В числе их был и прапрадед мой. Кто он был, мне неизвестно. Булгарин отрыл в какой-то старинной польской метрике, что король польский Стефан Баторий даровал чеху Гречу дворянское достоинство за услуги, оказанные Польше, но был ли этот чех из наших предков, не знаю. Сомневаюсь даже, ибо, в случае действительного облагорожения его фамилии, он непременно прибавил бы, в Германии, к своей фамилии частичку ф о н, а такой прибавки ни в одном из наших фамильных актов не значится. Если мне удастся побывать в Стокгольме, я справлюсь об этом обстоятельстве в тамошнем архиве, где хранятся именно свидетельства о дворянских родах Польши. Всего ближе поведет к открытию фамильный герб, о котором упомяну ниже.

В фамилии нашей сохранилось темное предание, что уже прадед мой жил в России, но выехал оттуда обратно в Пруссию. Достоверно знаем только, что сын выходца из Богемии, Михаил Греч, в 1696 году был камерным советником в прусской службе и умер в Кенигсберге, около 1725 года, в крайней бедности. Дед мой Иван Михайлович (Iohann Ernst), родившийся в Кенигсберге 19 октября 1709 года, с самых молодых лет чувствовал страстную охоту к наукам, и особенно любил поэзию. Он учился сначала в Кенигсбергской, а потом в Данцигской гимназии с большими успехами. При всяком достопамятном случае брался он за лиру и воспевал счастие или несчастие своих знакомцев и благодетелей, особенно членов Данцигской ратуши.

Они обратили внимание на благонравного и красноречивого юношу и поместили его, в 1732 году, на городскую стипендию студента в Лейпцигском университете. Там приобрел он особенную благосклонность знаменитого историка Маскова и помогал ему в сочинении немецкой его истории. Масков рекомендовал его в репетиторы к знаменитым молодым людям, учившимся в Лейпциге. Несколько времени провел он и в Марбурге. В обоих городах познакомился он с русскими студентами и стал заниматься русским языком, как будто предчувствуя свое будущее назначение. Действительно, судьба неожиданно переселила его в Россию. Находившийся при курляндской герцогине Анне Ивановне знаменитый Бирон желал иметь при себе секретаря, который бы имел основательные познания в истории и образе правления Польши, с которою тесно связано было Курляндское герцогство, и поручил русскому посланнику в Варшаве, графу Кайзерлингу, отыскать ему способного к такой должности человека. Кайзерлинг обратился с этим поручением к Маскову, и он рекомендовал моего деда. Иван Греч прибыл в тридцатых годах в Митаву. Герцог принял его благосклонно, но вскоре увидел, что имеет дело с действительно ученым человеком и что секретарское место ему не прилично. Он дал Гречу место профессора в Митавской гимназии. Чрез несколько лет, когда надлежало устроить верхние классы в Сухопутном Кадетском корпусе (учрежденном в 1732 г.), главный начальник корпуса граф Миних спросил у Бирона, не может ли он рекомендовать ему хорошего профессора. Бирон назвал Греча, вызвал его из Митавы и представил графу. В начале 1738 года магистр философии Iohann Ernst Gretsch, переименованный Иваном Михайловичем Гречем, поступил профессором истории и нравоучения и так называемых humaniorum в верхние классы Сухопутного Шляхетского Кадетского корпуса, называвшиеся тогда Рыцарскою Академией. У меня есть акты, относящиеся к определению в службу моего деда: прошение его 21 февраля 1738 г., доклад о том директора корпуса, полковника фон Теттау, Высокому Кабинету ее императорского величества, на котором значится и резолюция Кабинета: "Ежели по штату профессору быть положено, то оного магистра философии принять позволяется. Андрей Остерман. К. Алексей Черкасский". Потом приказание директора майору корпуса фон Радену о приведении его к присяге, присяжный лист на русском языке, засвидетельствованный по-немецки майором фон Раденом, что "смысл присяги объяснен был новому профессору, и он принес оную

на немецком языке". Вообще, достойно замечания, что все эти акты написаны по-русски, старинным подьяческим почерком, под титлами и с крюками, а подписи немецкие: von Tettau, von Rhaden и т.д. Любопытнее всего контракт (капитуляция), заключенный с профессором; он написан по-немецки со следующим русским переводом: "Ее Императорского Величества, определенный Шляхетного Кадетского корпуса директор и при армии полковник, я, Абель Фридрих фон Теттау, объявляю сим: понеже некоторые при Рыцарской Академии к цивильному этату определенные кадеты, при обучении потребных им языков, в обучении философии и юриспруденции только профитировали, что они ныне при политике и государственную немецкую историю, также юс публикум и феодале обучаться могут, а к обучению таких наук за несколько время прибывший сюда из Лейпцига господин магистер Иоанн Эрнст Греч представлен, который, по некоторым заданным ему пробам и от него поданным шпециминам, науку и искусство свое довольно показал, и, по всемилостивейшей Высокого Кабинета резолюции на порозжее в регламенте место профессором гуманиорум, в корпус определен. Того ради, с предоставлением сиятельнейшего Рыцарской Академии шефа и генерал-фельдмаршала, Государственной Военной Коллегии президента, генерал-директора всех крепостей Российской Империи и кавалера Российских и Польского Белого Орла орденов, графа фон Миниха, ожидаемой ратификации, с ним, господином магистером Гречем, как для исполнения его должности, так и для определения годового ему жалования, следующую капитуляцию учинил, а именно: 1. Должен он, г. профессор И.Э.Греч, по учиняемой своей присяге в обучении шляхетных кадетов так поступать, как пред Богом, пред Ее Императорского Величества и перед начальствующими своими, ответствовать надеется. 2. Позволяются ему при Рыцарской Академии профессорские преимущества, в котором деле он, по требованию и по цивильному этату, определенных кадетов по 22 часа в неделю, в философии, политике, государственной истории, юс публике и феодале, Коллегии читать имеет, и в латинском, а особливо в немецком штиле определенных к нему в том кадетов по возможности понатвердить обязан. 3. Должен он, г. профессор Греч, в такой своей службе по опробованному генеральному штату (статуту) корпуса и по ожидаемой от определенного господина обер-профессора опробованной же инструкции и окладному табелю поступать. 4. Он же в таком состоянии обязан три года с нижепоказанного числа при Рыцарской Академии пробыть, а когда, по прошествии трех лет,

впредь капитуляцию соключить не пожелает, должен он, за полгода наперед, пристойным образом о том объявить, чего и ему, ежели, по прошествии означенных лет, он впредь ненадобен будет, равномерно учинено быть имеет. 5. А за его, по 2-му N° назначенную службу определяется ему, г. профессору Гречу, годовое жалованье по 500 рублей на год и свободная в корпусе квартира, которое жалованье с того времени, как в службу вступит, как прочим служителям корпуса по третям без задержания ему выдано быть имеет. 6. Впрочем, может г. профессор всякой надлежащей протекции и склонности наилучше всегда обнадежен быть, чего ради сию капитуляцию своею рукою подписал и природною моею печатью подкрепил. В С.-Петербурге, марта 20 дня 1738 года. Ф о н Т е т т а у, директор. Что вышепредъявленная копия господина профессора Греча с подлинной капитуляцией сходствует, свидетельствую с подписанием руки своей. Апреля 29 дня 1738 года. Обер-профессор ф о н З и х г е й м (Siegheim)".

В этой должности дед мой прослужил около двадцати лет, и 22 мая 1757 года был назначен директором учебной части (инспектором классов) корпуса, с производством в чин юстиц-рата 5 класса. Сверх сей должности был он лектором при великой княгине Екатерине Алексеевне, выбирал книги для ее библиотеки и преподавал ей историю и политику. Блистательные успехи ученицы дают его познаниям и способностям самый лестный аттестат. Достойно замечания, что он в то же время пользовался вниманием и милостью великого князя Петра Федоровича, бывшего главным директором корпуса: это свидетельствует о его благоразумии и уменье жить в свете. Дед мой несколько лет страдал головокружением, сопровождаемым обмороками, и 4 марта 1760 года, на экзамене в корпусе, в присутствии великого князя, поражен был апоплектическим ударом. Он упал без памяти на пол. Великий князь поднял его, посадил в кресла и, как в нем были еще знаки жизни, приказал бережно отнести домой, в квартиру его в 1-й Линии. Тогда протекала между Кадетскою и 1-ю Линиями канавка, и против дома, в котором жил И.М.Греч, был пешеходный мостик, но такой узкий, что нельзя было пронести кресел. Великий князь, увидев это из окна, приказал сломать перила по сторонам мостика, чтоб пронести больного. Потом мостик этот починили, и он с тех пор, до упразднения своего вместе с канавкою, слыл Гречевым. Бедный дед мой томился на одре болезни до осени и скончался 13 сентября того же года. Из сочинений его известны мне печатные немецкие стихи, напи-

санные им в Митаве в 1738 году по случаю переселения одного патриция, покровителя его, в новый дом. В этих стихах назван он профессором Митавской гимназии; это противоречит другим известиям о его службе. Кажется, он, по вызову Бирона, прибыл не прямо в Петербург, а сначала был определен в Митаве, и там сделался известен своею ученостью. Сверх того сочинил он книгу: "Политическая География, сочиненная в Сухопутном Шляхетном корпусе. СПб. 1758, в типографии Корпуса". Книга эта издана на русском языке, но, вероятно, написана по-немецки и переведена кем-нибудь из его помощников.

Из учеников его я знал генерал-прокурора Александра Андреевича Беклешова, тайного советника Карла Федоровича Модераха и знаменитого нашего актера Дмитревского: все они хранили о нем благодарную память. На экзамене в Юнкерской школе (в июле 1801 года), происходившем в присутствии генерал-прокурора, инспектор вызвал меня к доске. Фамилия Греча поразила его.

– Не родня ли ты профессору Гречу, моему учителю, душенька? – спросил Беклешов ласково.

– Я внук ему.

– Так ты сын Ивана Ивановича?

– Точно так, ваше высокопревосходительство.

– Очень хорошо учится, – прибавил директор наш, А.Н.Оленин.

– Не диво, – сказал Беклешов. – И отец его, и дяди хорошо учились, а дед был преученый человек. Ну, душенька, скажи мне, по каким губерниям протекает Волга?

В 1819 году поручено мне было устроить ланкастерские классы в Воспитательном Доме, где тогда почетным опекуном был почтенный Модерах. Государыня Мария Федоровна, слышав, что я привез эту методу из-за границы, вообразила, что я должен быть иностранец, и при первом посещении новоустроенного класса говорила со мною по-французски. Когда начались упражнения, я громко скомандовал: "Смирно! Старшие по местам!" – "Как вы хорошо говорите по-русски", – сказала государыня с удовольствием. Я не знал, что отвечать. "Это не удивительно", – заметил Карл Федорович Модерах: "Дед г. Греча был моим учителем в Кадетском корпусе".

Третий из известных мне учеников, как я сказал, был Дмитревский. Я познакомился с ним у Гнедича и, имея надобность в сведениях о началах русского театра (для моей Истории литературы), отправился к почтенному старцу (это было летом в 1821 году). Дмитревский жил тогда у сына

своего, служившего в почтамте. Я нашел его за утренним завтраком: он сидел на лежанке и ел салакушку. Тогда он был уже совершенно слеп, и, когда я объявил ему, кто я и зачем пришел, он сообщил мне все нужные сведения, и наконец спросил, не родня ли я профессору Гречу. Я сказал: точно, я внук ему, и просил И.А.Дмитревского дать мне какое-нибудь понятие о моем деде. Дмитревский отвечал мне, что учился у него, с товарищами своими, по средам, всеобщей истории; что дед мой был человек высокого роста, важный, глубокомысленный, строгий.

Никогда не забуду этой беседы с осьмидесятилетним Дмитревским: в голосе его было что-то торжественное, трагическое; голова его дрожала от старости, но была удивительно прекрасна. У Н.И.Гнедича был несравненный портрет его, слегка набросанный Кипренским: не знаю, куда он девался... Впоследствии узнал я, что у покойного деда моего, на дому, учился историческим и политическим наукам знаменитый впоследствии государственный муж, граф Яков Ефимович Сиверс (умерший в 1808 г.), благоволивший отцу моему, вероятно, в благодарность за уроки деда. Строг был мой дед, по свидетельству его ученика, но, видно, только в классах: о том, что сердце его доступно было нежным чувствам, свидетельствует письмо, полученное уже после его смерти, от сынка его, Johann Ernst Gretsch, которого он, занимаясь в Лейпциге науками, прижил с дочерью своего хозяина. Почтенный мой дядюшка пишет к родителю своему, что матушка воспитала его в страхе божием, а дедушка наставлял в науках; что он служил писарем у какого-то уголовного судьи и нередко переписывал набело смертные приговоры (письмо было написано четким, красивым почерком); просит батюшку своего о позволении приехать в Петербург с тем, чтобы, при его ходатайстве, получить какое-нибудь, хотя бы лакейское, место, обещая притом быть скромным и никому не открывать тайны своего происхождения. Жаль мне крайне, что я затерял этот драгоценный документ.

Законная родня моего деда была многочисленнее и чище. У него было несколько братьев: из них известен мне только один, Федор Греч (Theodorus Gretsch). Он, как кажется, был в размолвке с моим дедом, и они никогда не переписывались. Федор Греч был аншпахским надворным советником и резидентом Ганзейских городов в Берлине. Он участвовал в построении богемской церкви в Берлине, сооруженной изгнанными из Богемии протестантами, но в церковь и к причастию не ходил, прилежно читая Библию и душеспасительные сочинения Рейн-

бека. Он был холост и жил уединенно в Фридрихсштадте. Умер он скоропостижно, в 1757 году, отказав все свое имение одному приятелю, какому-то господину Шах фон Виттенау, слуге своему и кухарке, которая, как кажется, служила ему и по другой части. Родственникам своим отказал он двести талеров, которые дед мой уступил сестре своей, бывшей замужем за каким-то Геннингом, в Линденау, близ Браунеберга, в Пруссии. В 1771 году покойная бабка моя получила от г. Шах фон Виттенау фамильную печать нашего рода: на ней изображено писчее перо.

Упомяну еще о двух любопытных (по крайней мере, для меня) обстоятельствах. В 1812 году познакомился я с одним из достойнейших и искуснейших петербургских врачей, Иваном Яковлевичем Геннингом, который пользовал меня и весь дом мой до кончины своей, последовавшей в 1831 году. Однажды узнав, что он родом из окрестностей Данцига, я вздумал спросить, из какой фамилии была его мать, как говорит Грибоедов: "Позвольте нам родными счесться". Но добрый, однако же, расчетливый Геннинг не почел нужным объяснять это обстоятельство и отвечал мне уклончиво: "Все люди родня друг с другом". Вероятно, он опасался, что я, добившись с ним родства, перестану платить за визиты. Другой случай. Внучатный мой племянник, сын двоюродной моей племянницы Марии Павловны, урожденной Безак, Николай Андреевич Крыжановский, ныне (1861 г.) директор Михайловского артиллерийского училища, посланный в 1840–1841 годах из артиллерийского училища в Берлин для окончания наук, познакомился с одним капитаном Шах фон Виттенау, который, угощая его, не догадывался, что подчивает человека, которого прапрадед ограблен его предком!

Дед мой, около 1740 года, женился на купеческой дочери Катерине Мартыновне Паули, бывшей камер-юнгферою у какой-то герцогини, вероятно, у курляндской. Она была женщина кроткая и добрая, но ума не дального: она привила к роду Гречеву какое-то педантство, какую-то ограниченность взглядов, качества, изглаженные в некоторых его отраслях новыми прививками. Скончалась она в семидесятых годах. У ней были две сестры, Елена и Анна. Елена была замужем за прапорщиком Копорского полка Гуром Арбузовым. Единственным памятником ее существования остался следующий акт, данный ей мужем: "1752 году, мая 23 дня, я, нижеподписавшийся, дал сие обязательное письмо жене моей, Елене, Мартыновой дочери, Арбузовой, в том, что взял я от ней, жены,

пожалованных ей от Всемилостивейшей Государыни денег четыреста рублев для выкупу недвижимого дяди моего, асессора Евтифея Арбузова, новгородского имения, которые деньги платить мне, Гуру Арбузову, кому оная жена моя по смерти своей по сему или своеручному письму прикажет или сестре ее, девице Анне Мартыновой Паулиновой, или зятю ее, Кадетского корпуса профессору Ивану Гречу и жене его Катерине с детьми, кому что в том своеручном письме ее написано будет. В чем своеручно и подписуюсь, муж ее, Санкт-Петербургского гарнизона Копорского полку прапорщик Гур Арбузов". На обороте написано: "Obererwähntes Geld muss meine Schwester Anna Pauli nach meinem Tode haben. Helena Pauli"*.

Анна Мартыновна Паули была дева чувствительная и анекдотическая. Она помолвлена была, в молодости своей, с немцем, аптекарем, человеком весьма хорошим. Вдруг подвернулся к ней какой-то французик: тара-бара, бон жур, коман ву порте ву? Она изволила в него влюбиться, и однажды, сидя с женихом своим, нежным аптекарем, у открытого окна (в доме на берегу Мойки), попросила у него шутя обручального кольца и, когда он согласился, бросила кольцо, с своим кольцом, в реку. Аптекарь изумился, испугался, просил ее одуматься. Она не согласилась, разбранила его, утверждая, что от него несет ревенем и ассафетидою, принудила уйти и объявила домашним, что выходит за француза. Назначен был день свадьбы. Невесту разрядили, готовились ехать к венцу. Вдруг, вместо жениха, явился католический священник и объявил, что жених венчаться не может, потому что в тот самый день приехала к нему законная жена из Франции.

Огорченная досадным происшествием, пристыженная пред всеми родными и знакомыми, решилась она оставить Петербург и поехала с одним богатым помещиком в отдаленную провинцию для воспитания его детей. Дворянин вздумал обратить молодую и, как гласит предание, хорошенькую лютераночку в православие, стал ее уговаривать, убеждать, стращать: ничто не помогало. Раздраженный неожиданным упрямством, он, наконец, объявил ей, что уморит ее с голоду, повел в пустой погреб и замкнул. Она просидела в темном погребу несколько дней без пищи и уже готовилась к голодной смерти. Вдруг отворились двери ее темницы. Жена мучителя ее пришла освободить ее и рассказала, что муж ее, отправившись на охоту, упал с

---

* Означенные деньги должна получить после моей смерти сестра моя Анна Паули. Елена Паули (*нем.*).

лошади, ушибся смертельно и пред концом объявил, что это несчастие, конечно, есть кара божия за терзание бедной немки, сказал, где запер ее, просил освободить несчастную и скончался. Анна Мартыновна воротилась в Петербург и неоднократно езжала в Москву к бывшему жениху своему, который между тем женился на другой и жил припеваючи. Ей не было суждено умереть обыкновенною смертью. По кончине сестры своей, моей бабки, она не хотела жить с племянниками, наняла себе квартиру на Васильевском Острову и гостила по родным и домашним. В одно утро нашли ее дома убитою; все ее имущество было расхищено; в разных местах комнаты, особенно подле шкапов и сундуков, видны были следы крови. Вероятно, злодеи терзали ее, чтобы она показала им мнимое свое богатство. Жизнь и кончина Анны Мартыновны были самою романтическою легендою в нашем семействе.

Бабушка моя получила от императора Петра III тысячу рублей пенсии, которую оставила за нею и Екатерина II. Сыновьям повелено было производить сию пенсию до повышения в офицерский чин, дочерям – до замужества. Сверх того, пользовалась она по смерть казенною квартирою в корпусе.

У деда моего были три сына: Карл, Логин, или Лудвиг, и Иван (отец мой) и три дочери: Анна, Вера и Елена. Оба старшие сына были воспитаны в Кадетском корпусе и выпущены офицерами в армию, и в 1771 году оба были капитанами. Карл Иванович Греч, бывший отличным в свое время молодцом, служил в гвардии и был адъютантом генерала Мансурова и другом Державина. Он вышел в отставку, отправился в Пензу, женился там на достаточной дворянке и оставил дочь Елисавету. О ней, как и о времени кончины старшего моего дяди, не имею я никаких сведений. Покойный Ф.Ф.Вигель говорил лишь, что знал Елисавету Карловну в Пензе. Она скончалась в старости девицей, приняв православие.

Второй, Логин, жил недолго, но оставил монумент своего существования. Когда в начале царствования императора Николая Павловича повелено было выставлять на мраморных досках имена отличившихся кадет, справедливый государь вспомнил о предместниках их и приказал изобразить, таким же образом, имена кадет, получивших большие золотые медали с начала учреждения корпуса. В числе их красуется имя моего дяди.

Усладительная мысль, что по прошествии полувека благонравие и успехи получают признание и награду! Поприще его было короткое. Вскоре по выпуске в офицеры он отправился к армии, действовавшей против турок, был в сражениях при

Ларге и Кагуле и в 1772 году умер от моровой язвы в Яссах. Он был любимцем своей матери и, как говорит семейное предание, явился ей в минуту своей смерти. Бабушка, однажды после обеда, легла отдохнуть; вскоре выбежала она из своей спальни, встревоженная, и спрашивала у домашних:

– Где ж он? Что ж он не вошел ко мне? Я еще не спала.

– Кто?

– Как кто! Сын мой, Логин Иванович. Я начала было засыпать, вдруг услышала шорох, открыла глаза и вижу, он проходит бережно, с остановкой, мимо дверей спальни, чтобы не разбудить меня! Где он? Не прячьте его.

Ее уверили, что Логин Иванович не приезжал, что это ей так пригрезилось, и она со слезами убедилась в своей ошибке. В это время вошел в комнату зять ее, Безак; узнав о случившемся, он призадумался, вынул из кармана записную книжку и записал день и час этого случая. Чрез две недели получено было письмо, что в этот самый час Логин Иванович скончался.

Кстати, о Безаке.

Дед мой, чувствуя ослабление сил своих от возобновлявшихся часто припадков головокружения, принужден был искать себе помощника и обратился с просьбою к приятелям и корреспондентам своим в Лейпциге о присылке ему надежного человека. 17 сентября 1760 года вошел в квартиру его молодой человек и спросил по-немецки, может ли видеть господина юстиц-рата. А деда моего в этот день хоронили. Оказалось, что этот молодой человек (тогда ему было двадцать шесть лет), магистр философии Христиан Безак, родом из Лузации, один из отличнейших молодых доцентов Лейпцига, рекомендован моему деду и лишь только прибыл на корабле из Любека. Начальство корпуса тотчас приняло его на место умершего и как холостому отвело ему половину квартиры покойного, оставив другую его вдове. Безак, чрез несколько лет, женился на тетке моей, Анне Ивановне. Он было человек необыкновенных достоинств, умный, ученый, кроткий нравом и строгий только к самому себе, добросовестный в исполнении своих обязанностей, приятный в обращении. Немногие оставшиеся ученики его воспоминают о нем с искреннею благодарностью. Вскоре по прибытии в Россию, он выучился русскому языку и впоследствии написал книгу: Краткое введение в бытописание Всероссийской Империи (СПб. 1785 г.). На немецком языке напечатал он несколько философских диссертаций. Важнейшие труды его остались в рукописях. Сын его хотел издать их, но, развлекаемый служ-

бою и делами, не успел. Один из его учеников, кажется, князь Путятин, напечатал в двадцатых годах в Дрездене, где он жил, его уроки философии на французском языке, не указав источника. Безак умер летом 1800 года, прослужив без малого сорок лет в одной должности. Он имел чин коллежского советника и был одним из первопожалованных кавалеров ордена св. Владимира. Государыня Екатерина II лично знала и уважала его. В семействе своем пользовался он безусловным авторитетом. Своячины, невестки и другие крикливые дамы умолкали пред изречением: "Это сказал Безак". Мне дорога его память тем, что он любил и уважал мою матушку. Он имел одну дочь, Дарью, бывшую в замужестве за действительным статским советником Вирстом (Wuerst, умершим в 1831 г.), и сына Павла Христиановича, о котором не раз будет говориться в моих записках. Овдовев, он чрез несколько лет женился на какой-то Ксантиппе, безобразной и скупой, которая памятна мне только по ужасной вони от ее собак в их квартире. И теперь вижу эту квартиру. Она была в узком флигеле корпусного здания, выдающемся к Неве, подле церкви. В большой комнате стоял биллиард, на котором Безак постоянно играл для моциона.

Другая тетка моя, Вера Ивановна (умершая в 1815 г.), была также за корпусным профессором, но по другой части, за ротмистром Петром Ивановичем Штёбером (Stöber — известная эльзасская фамилия), служившим при корпусе берейтором. Он умер, в исходе 1797 года, шталмейстером Конной Гвардии, в чине полковника. Сын его, Александр, выпущенный из 1-го корпуса в 1804 году, убит в 1813 году под Бауценом в чине майора. Имя его начертано на мраморной доске в корпусной церкви. Третья тетка моя, Елена Ивановна, скончалась девицею, в 1797 году. Она была женщина очень умная и добрая, но решительная и своенравная и слушалась только Безака; с Верою же Ивановною и отцом моим была в беспрерывной войне, прерывавшейся редкими кратковременными перемириями. С матушкой моею она всегда была дружна и согласна. На нее удивительно похожа, и наружностью, и отчасти нравственными свойствами, сестра моя, Екатерина Ивановна.

Отец мой, Иван Иванович (Iohann Ernst), родился 31 июля 1754 года. Лишившись отца в малолетстве, он был воспитан в доме своей матери, сколько могу заключить из его характера и основных понятий, весьма не педагогическом. Предрассудки, причуды, нелепые поверья и предания бестолковой немецкой старины, приправленные приметами русских и чухонских кухарок, составляли атмосферу, в которой возникли и выросли

дети этого семейства. Старшие сыновья, по-видимому, сбросили с себя эту кору в корпусе. В остальных превратное воспитание несколько умерялось влиянием Безака, но не довольно: оно отразилось и в родном его сыне. Женская партия имеет большое влияние на воспитание детей. Умный муж, занятый службою и другими делами, не может перевесить тяжести, налагаемой на весы глупыми и злыми бабами, которые считают самих себя умными и добродетельными. Отец мой сначала учился под руководством Безака, к которому сохранил до конца его жизни сыновнюю привязанность и благодарность, и лет тринадцати отдан был в единственную тогда порядочную школу в С.-Петербурге, Петровскую, учрежденную в 1762 году знаменитым географом Бюшингом, в то время пастором лютеранской церкви св. Петра. Главным своим образованием обязан он был старшему учителю, доктору Фаусту, который, по странному стечению обстоятельств, был чрез пятнадцать лет учителем матушки моей в Киеве. В 1769 году произнес он на публичном экзамене латинскую речь и поступил на службу писцом в Комиссию о составлении проекта нового Уложения: почерк у него был прекрасный. Потом он служил в канцелярии генерал-прокурора князя Вяземского, состоявшей из трех чиновников: старшим был Александр Васильевич Храповицкий; младшими — Иван Иванович Хмельницкий и отец мой. Он отличался по службе умом и деятельностью и был употреблен во многих важных делах. В 1775 году он был в командировке в Москве, при комиссии, судившей Пугачева и его товарищей; а в 1777 году посылали его с важными поручениями (по финансовой части) в Гамбург и Амстердам, в 1789 г. дважды в Генуу. Достойно замечания, что он долгое время служил в чине канцеляриста для того, чтобы не лишиться пенсии после отца, прекращавшейся с офицерским чином. В чужие края он ездил в чине армии поручика. Вдруг из канцеляристов он был произведен прямо в титулярные советники. Это обстоятельство повредило ему впоследствии: он не мог получить следовавшей ему пенсии, не прослужив урочного времени в обер-офицерском чине. В начале осьмидесятых годов переведен он был секретарем в Экспедицию о государственных доходах, дослужился до надворных советников, но, повздорив с управляющим, Василием Михайловичем Хлебниковым (который его, впрочем, искренно любил и впоследствии делал ему добро), вышел в 1792 г. в отставку. Обстоятельства этой отставки будут мною описаны впоследствии. В 1794 году поступил он вновь на службу секретарем в 3-й департамент Сената; в 1798 г. определен был

обер-секретарем во временной Апелляционный департамент. В сентябре 1800 г. отставлен от службы без всякой причины[1]. Скончался, после тяжкой болезни, 5 марта 1803 года. Он был человек умный, по тогдашнему времени весьма образованный, светский, притом честный и добродушный, но рьяность и неровность его характера и самые странные капризы причиняли несчастие и ему и тем, кто его окружали. Сердце имел он самое доброе, но буйная голова одолевала благие его внушения, и к тому присоединялось упрямство. С сестрами своими он ссорился беспрерывно, но люди умные и твердые могли владеть им; так, например, он уважал шурина своего, Александра Яковлевича, и слушался его охотно, несмотря на то, что тот был гораздо моложе его. Хозяин он был самый плохой, и, когда имел в кармане копейку, думал, что ей исхода не будет: в этом он остался не без наследников. Подчиненные любили и уважали его. Многие, облагодетельствованные им, после его смерти являлись к матушке, 24 ноября, для поздравления ее с именинами. В 1831 году имел я дело в Сенате. Обер-секретари, бывшие при отце моем писцами, старались всячески услужить и помочь мне*.

23 августа 1786 года женился он на моей матери, девице Катерине Яковлевне Фрейгольд. При этом имени, священном и незабвенном, уныние возникает в моем сердце и глаза наполняются слезами любви, благодарности и благоговения. Если во мне было что-либо хорошее, если я прожил в свете недаром, если принес пользу моим ближним, – всем этим обязан я провидению, сподобившему меня родиться от такой матери, которой и дети мои, а чрез них и внуки обязаны своим умственным и нравственным образованием. Для последних она божество невидимое. В истории фамилии матери моей несравненно более поэзии, нежели в отцовской. Начну издалека, доколе восходят семейные предания.

В начале XVIII века у прусского генерала фон Зауэрбрей фон Зауэрбрунн (Sauerbrey von Sauerbrunn) была хорошенькая дочка, обращавшая на себя внимание всех любителей изящного. Полк его стоял в каком-то неважном городке. Все холостые молодые люди хороших фамилий, все сыновья богатых помещиков, все полковые офицеры дивизии вздыхали кто по красавице, кто по приданому, кто по важным связям, но красавица

---

[1] Примечания Н.И.Греча затекстовые, даны в конце каждого из разделов книги; обозначены цифрами.

* В этом месте на полях рукописи ПБ пометка, стертая в копии ПД: 2 сент. 1849.

была равнодушна ко всем баронам и фонам, обратив нежный взор свой на молодого полкового пастора Филиппа Фрейгольда (Freyhold). Наперсный крест на зеленой ленте (отличительный знак армейских пасторов в Пруссии) был для нее привлекательнее Черного Орла; кусок ржаного хлеба с милым сердцу предпочтительнее роскоши в браке с постылым... Вы смеетесь, читатели мои? Вы сомневаетесь в истине этого описания, читательницы? Могу вас уверить, что это сущая правда, но правда XVIII века. Теперь не то. Разумеется, что под черным кафтаном сердце вторило сердцу в тесной шнуровке, но не было надежды получить согласие родителей. Пастор и генеральская дочка решились втайне обвенчаться и бежать. Обвенчались, но бежать куда? Разумеется, nach Russland! Они счастливо ускользнули от преследований и прибыли в Москву. Там Фрейгольд получил место пастора и впоследствии был генерал-суперинтендентом. Более не знаю о них ничего. Слыхал потом, что при одном ужасном пожаре в Москве они лишились всего своего имущества и полунагие с детьми сидели на куривщихся развалинах. Вероятно, что пастор помирился впоследствии с своим тестем, потому что пользовался вниманием и покровительством сильных людей и что дворянское звание его жены не было выпущено из виду.

Сын их, Яков Фрейгольд (род. в 1728 году, ум. 16 дек. 1786 г.*), был принят в Сухопутный Кадетский корпус, получил там хорошее, по тогдашнему времени, образование и выпущен был в Елецкий пехотный полк. В корпусе подружился он с графом Петром Александровичем Румянцовым, и, когда граф, по связям своим и происхождению (тайная история XVIII века гласит, и очень правдоподобно, что он был сын Петра Великого), вышел в чины, он вспомнил о корпусном своем товарище, вызвал его из армии и определил к себе адъютантом. Фрейгольд служил с ним в Семилетнюю войну, но не до конца: в сражении при Цорндорфе (25/14 авг. 1758 г.) он был ранен двумя пулями, одною в ногу, другою в голову, упал навзничь, ударился об пень и переломил себе крестец. Он остался жив, но страдал всю жизнь, особенно под конец: чрез тридцать лет еще вынимали у него косточки из черепа. Получив облегчение от ран, Фрейгольд, бывший тогда в чине майора, приехал для окончания лечения своего в Петербург. От императрицы Елисаветы Петровны скрывали число убитых и раненых на этой войне, и никто

---

* В рукописи Греча (ПБ) сперва стояло: "умер – дек. 1787"; ниже дана другая дата – 17 дек. 1786 г.

из последних не смел пред нею показываться. Под этим условием позволили жить Фрейгольду в Петербурге. Он прятался целую зиму, но весною не мог не погреться на солнышке, пробрался в Летний сад и сел на скамью. Вдруг услышал он: "Идет государыня!" — вскочил, схватился за костыли, хотел бежать и не мог. Императрица завидела его, ласково подозвала к себе и спросила с участием, кто он, где ранен и т.д. Узнав же, что он адъютант Румянцова, пригласила к обеду и раз навсегда на все придворные собрания. Осчастливленный сын немецкого пастора, получивший в публике название х р о м о г о м а й о р а, воспользовался царскою милостью, за которою последовало и благоволение всех знатных и придворных (вероятно, с поговоркою: il gagne à être connu)*, сделался светским человеком, стал разъезжать по первым домам и играть в карты очень счастливо. Тогда играли в азартные игры не только в частных домах, но и на придворных балах и маскарадах. Это продолжалось и в первые годы царствования Екатерины II. Однажды, в придворном маскараде, Фрейгольд держал банк. Подходит женская маска, одетая очень просто и не очень опрятно, и ставит на карту серебряный рубль. Банкомет возразил сухо: "Нельзя ставить меньше червонца". Маска, не говоря ни слова, указала на изображение государыни на рубле. "К ней всякое почтение, — сказал Фрейгольд, поцеловавши портрет, — но на ставку этого мало". Маска вдруг вскричала: "Va banque!" Банкомет рассердился, бросил в нее колодою карт, которую держал в руке, и, подавая другой рубль, сказал с досадою: "Лучше купи себе новые перчатки вместо этих дырявых". Маска захохотала и отошла. На другой день Фрейгольд узнал, что это была Екатерина. "Хорош ваш хромой майор! — сказала она одному из царедворцев. — Чуть не приколотил меня!" И майор после этого вошел в большую моду. В 1764 году он женился... Позвольте еще воспользоваться правом с к о б о к.

В то время жил-был бригадир Михайло Иванович Шне (Schnee), комендант крепости Кексгольма. Он женат был на красавице польке Терезе Ивановне, урожденной Шенгоф, дочери польского генерала, бывшего комендантом в Лемберге. Моя прабабушка**, умершая в 1802 году лет девяноста от роду, оставила по себе память в фамильных преданиях. Ребенком она сиживала на коленях у Карла XII и у Петра Великого и чуть ли не была крестницею последнего. Ее назначали в монахини, как

---

*При знакомстве — он выигрывает (*фр.*).
** Тереза Ивановна Шне.

вторую дочь; но, по веселости и резвости нрава, она от того всячески отрекалась, и, наконец, вместо ее, постриглась старшая сестра, чувствовавшая склонность к отшельнической жизни. Тереза, при веселом характере, одарена была вторым зрением: нередко предчувствовала и предвидела, что случится. Однажды умер в Лемберге какой-то генерал. Сбираясь на похороны, Тереза стояла перед зеркалом и забавлялась гримасами и кривляньями. Вдруг видит, стоит позади ее бледная, высокая фигура в зеленом халате и строго грозит ей пальцем. Тереза обернулась – нет никого; ей так причудилось. Но каков был ее испуг, когда она в тот же вечер увидела в гробу эту самую неизвестную ей дотоле фигуру в зеленом халате! У нее было еще несколько таких похождений, которых не помню. Она вышла за капитана Шне, который дослужился в браке до бригадирского чина. У нее были сыновья, которых я не знал, и три дочери – Катерина, Мария и Христина, все красавицы.

Екатерина Михайловна вышла замуж за богатого майора Ренкевича, который подарил ей пятьсот душ в С.-Петербургской губернии (имение это называется Пятая Гора; оно принадлежит теперь г. Волкову). Екатерина Михайловна была женщина благородного образа мыслей, строгих правил, но добродушная и сострадательная. Летом живала она в своей деревне, а зимой в Петербурге. Дом ее, деревянный, ветхий, вросший до половины в землю, еще существует на Сергиевской улице, под № 58, и теперь принадлежит Голубцову. Под конец жизни она была разбита параличом и жила безвыездно в Пятой Горе, где и скончалась в 1802 году. У ней не было детей, и прекрасное, хотя и расстроенное, ее имение перешло к сестрам, как увидим далее. Другая девица Шне, Мария Михайловна, вышла замуж за лифляндского помещика Врангеля. Он происходил из старинной и богатой фамилии, но эта фамилия, вопреки обыкновенному течению дел, теряя богатство, уменьшала и титулы свои. При продаже половины имения, граф Врангель стал называться бароном, а прожив и остальное, – простым фоном. Сын его, от второй жены, Борис Карлович, был лет сорока плац-майором в Смоленске и умер года за два перед сим. Дочь его, Анжелика Борисовна, замужем за полковником Августиновичем. Мария Михайловна скончалась рано, оставив одну дочь, Екатерину Карловну, выданную потом за доктора медицины Карла Борна, прусского уроженца, бывшего профессором в здешней медицинской школе и главным доктором в Кронштадте; он умер потом в Новгороде (1799). Из учеников его я знал Ивана Федоровича Буша, который признавался, что многим обязан Борну, и ста-

рался выразить свою благодарность сыну его. Доктор Борн имел все добродетели и пороки щирого немца: был трудолюбив, честен, верен своему слову, аккуратен в исполнении своих обязанностей, но притом упрям, своенравен, скуп, грубиян и т.д. Он сам страдал грудью, сообщил эту болезнь жене и детям предсказал недолгую жизнь. Действительно, две дочери его, лет тринадцати и одиннадцати, умерли в один день. Сын прожил долее, но жил как приговоренный к смерти. Иван Карлович Борн, внучатный мой брат (род. 10 февр. 1790, ум. 11 янв. 1821), был человек необыкновенно благородный и добродетельный, каких я мало знавал в жизни. О нем не раз упоминаемо будет в этих записках.

Третья девица Шне, Христина Михайловна (род. 7 апр. 1747 г.), вышла по семнадцатому году за Якова Филипповича Фрейгольда, известного нам хромого майора. Она, как гласит предание, была необыкновенная красавица, что видно было по чертам лица ее и в старости. Она была одарена большим природным умом и наследовала хитрость, общий удел всех дщерей праматери нашей Евы. Родившись и получив воспитание в Кексгольме, она не могла приобресть больших познаний, говорила только по-русски и по-немецки; писала с умом и красноречием, с наблюдением всех форм, но без всякой орфографии. Счастье, что она не умела говорить по-французски: тогда не было бы конца ее подвигам, а так она спотыкалась, к благу рода человеческого, на первом бонжуре. Девицею играла она на домашних театрах, в Петербурге, с Мелиссино, Шуваловым и т.д., в трагедиях Сумарокова и приводила в восторг всю публику. В преклонных летах твердила она еще тирады из "Синава и Трувора", в которых было все, кроме смыслу, например: "Лишенный вольностей, надежды и покою, пролей, о государь, кровь винну пред тобою". Вышедши замуж, в 1764 г., она, как и все змейки, сбросила с себя блестящую девичью шкурку и заставила своего мужа чувствовать всю тягость брака. Властолюбием, упрямством, прихотливостью, злостью она имела бедственное влияние на судьбу всех ее родных, и особенно детей. Я старался схватить некоторые черты ее характера в лице Алевтины Михайловны (в "Черной женщине"), но, признаюсь, далеко отстал от оригинала. Сверх этого несносного нрава, который делал ее бичом и страшилищем всех приближенных, были в ней и другие слабости, неприятные особенно мужу. О них долго сохранялось предание и в прозе, и в стихах. У ней было человек шесть детей: из них достигли до совершенных лет: Александр (род. 7 сент.

1767), Катерина (род. 29 июня 1769) и Елисавета (род. 21 апр. 1777).

Яков Филиппович Фрейгольд, покинув военную службу за ранами, оставался при фельдмаршале графе Румянцове, которого Главная Квартира до начатия турецкой войны (1769) была в Глухове; потом был определен начальником Скарбовой канцелярии (Казенной палаты) в Глухове и при учреждении наместничества переведен в Киев экономии директором. Все дети родились в Глухове. Христина Михайловна любила из них только вторую дочь, а старших ненавидела и гнала, вероятно, потому, что они возрастом своим напоминали и о ее летах. Лишь только подрос Александр, его отдали в Инженерный Кадетский (ныне 2-й) корпус. В корпусе был он большим шалуном и особенно преследовал кадета Аракчеева, который уже в детстве надоедал всем и каждому. Исполнителем приговоров кадетского суда над благонравным впоследствии другом Настасьи был Костенецкий Василий Григорьевич, известный своею физическою силою и разными впоследствии причудами (умер в 1831 г.). Фрейгольд в последний год пребывания в корпусе образумился, стал учиться и был выпущен, по экзамену, инженер-прапорщиком, а потом перешел штык-юнкером в артиллерию. Он отличился в шведскую войну (1788—1789 гг.) необыкновенною храбростью и в одну кампанию получил два чина за отличие, но дорого за то поплатился: на биваках простудился он жестоко и впал в болезнь, которая терзала его почти до самой кончины. По окончании шведской войны, откомандирован он был в Польшу, в корпус Ферзена, и вскоре успел обратить на себя внимание этого знаменитого генерала. Вдруг, против всякого ожидания, перевели его офицером в Инженерный Кадетский корпус, и вот по какому поводу. Мать его, Христина Михайловна, овдовев (в декабре 1786), вышла в 1791 г. замуж за капитана артиллерии Ивана Егоровича Фока и, опасаясь, что сын ее вскоре сравняется чином с ее мужем, вздумала перевесть его в такое место, где он мог преблагополучно прослужить в одном ранге десять лет. Она отправилась к директору Инженерного корпуса, генералу Петру Ивановичу Мелиссино, давнишнему другу и товарищу ее (по игре в трагедиях Сумарокова), упала в обморок в его приемной зале и, очнувшись, умоляла его вызвать единственного сына ее из армии, ибо она ежедневно опасается его лишиться. Он исполнил ее просьбу, дивясь силе материнской любви, и Фрейгольд был остановлен на своем поприще. В 1796 г. вышел он опять в полевую артиллерию, ибо тогда

не было войны, и он не угрожал матери ни производством, ни смертью, но в 1797 г. возобновилась в нем с большею силою шведская лихорадка, и он не мог сносить тяжелой службы при императоре Павле. Он вышел в отставку капитан-поручиком и отправился с другом и товарищем своим, Павлом Ивановичем Мерлиным, в тамбовскую его деревню. Там влюбился он в одну девицу (Варвару Сергеевну Чубарову) и надеялся на ней жениться, но на беду написал к матери своей письмо (с просьбою о позволении вступить в брак) по-русски. Лютеранская святоша на это разгневалась и изорвала письмо. Это было при мне, и я очень хорошо помню злобное выражение лица ее в эту минуту. В 1802 г. Александр Яковлевич Фрейгольд воротился в Петербург, и как в то время Христина Михайловна получила в наследство часто упоминаемую Пятую Гору, он отправился для управления имением. В конце 1803 года имение продали; он воротился в Петербург и поселился у сестры своей, Елисаветы Яковлевны. В это время определялся он архитектором при Конюшенной конторе, замыслив жениться на дочери соседа по деревням, Дарии Мартыновне Буцковской, бывшей впоследствии замужем за Романом Ив. Ребиндером (сын ее, Николай Романович теперь (1861) директор Департамента Министерства народного просвещения), но вдруг занемог и умер 4 августа 1804 г.

Сорок пять лет прошло со времени его кончины, и я еще теперь не могу вспомнить о нем без сердечного волнения. Он был красавец собою, добрый, благородный, умный, рисовальщик, певец, актер, математик и воин. Если б он получил образование ученое, если б, по крайней мере, учился не в Инженерном, а в Сухопутном корпусе, то сделался бы примечательным человеком, какое бы поприще ни избрал. Главная слабость его, как и почти всех членов фамилии нашей, была излишняя любовь к прекрасному полу. Я слышал рассказы о многих его авантюрах. Непостижимая ненависть матери преследовала его до могилы в точном смысле сего слова: при положении тела его в гроб, она прочла над ним, для формы, благословение, а потом осыпала лицо его негашеною известью, чтобы оно скорее истлело. Он сносил ее несправедливости и обиды с истинно христианским смирением, иногда выходил из себя, но никогда не забывался. Я обязан ему многим и по гроб не забуду его. Читатели сих строк видели, что я по всем линиям происходил от немецких корней. Он научил меня быть русским, потому что сам был истинно русский человек, душою и сердцем. Если ты, незабвенный мой благодетель, видишь, что происходит

в мире, тобою оставленном, прими слезу, орошающую слабеющие мои ресницы в сие мгновение, данью неизгладимого благоговения к твоей памяти!*

Елисавета Яковлевна Фрейгольд, младшая сестра, была женщина умная, любезная, добрая, но наследовала несколько женского притворства своей родительницы. Она вышла замуж (5 февраля 1800) за барона Карла Федоровича Клодта фон Юргенсбурга, скончавшегося генерал-майором и начальником штаба Сибирского корпуса в 1823 году. Он был человек образованный, умный и благородный. В свое время коснусь его жизни и кончины. Она оставила несколько человек детей. Старший из сыновей, генерал-майор Владимир Карлович, второй — знаменитый скульптор Петр Карлович.

Катерина Яковлевна Фрейгольд родилась за пять недель до рождения Наполеона Бонапарте, а именно 29 июня 1769 года, как я сказал, в Глухове. Рождение ее, по преданию, возвещено было пушечною пальбою, но о поводах к пальбе толки различествуют. Одни говорят, что палили по случаю тезоименитства наследника престола Павла Петровича. Другие утверждают, что пальба произведена была по приказанию фельдмаршала графа Румянцова, по случаю разрешения от бремени жены друга его, полковника Фрейгольда. Повод к этой клевете был очень понятный. Христина Михайловна была писаная красавица, а герой Задунайский славился победами не над одними пруссаками и турками. Живые тому доказательства остались в Умянцовых, Тет-Румянцовых и т.п., которые рождались в Главной его Квартире. Катерина Яковлевна, как продолжают злоязычники, нимало не походила на Фрейгольдов: у них был фамильный, длинный нос, как отвислая губа у австрийской династии, а носик ее был небольшой, благообразный, нежный. Говорят даже, что она смахивала жестоко на покойного графа Сергея Петровича, сына фельдмаршала. В 1812 году граф С.П.Румянцов, пригласив меня к себе, просил, чтоб я согласился давать уроки дочери его, девице Кагульской (нынешней княгине Варваре Сергеевне Голицыной). Я не мог принять его предложения, потому что слишком был занят редакцией "Сына Отечества", и рекомендовал ему преемника моего в Петровской школе, А.И.Булановского. Граф, при этом случае, тщательно допрашивался о моем роде и племени. Я рассказал ему все, что знал, и упомянул, что

---

* Здесь рукой Н.Греча приписано в скобках: "7 октября 1850 г., 20 марта 1861 г., 5 октября 1861 г.", — очевидно, даты дней, в которые он написал, а потом перечитывал и исправлял эти страницы своих Записок.

дед мой, Фрейгольд, служил при его отце и пользовался его милостями. Граф улыбнулся, хотел что-то сказать, но удержался. Очень видно было, что ему совестно стало объявить внуку о п р у э с а х его почтенной бабушки. Катерина Яковлевна о том не догадывалась и не знала вовсе до кончины отца и до своего замужества. Супруг ее, человек не самый деликатный, в частые периоды размолвки своей с тещею, не щадил старухи и говорил все, что знал о ней и чего не знал. Жена, изумленная, огорченная мыслию, что почтенный, добрый Фрейгольд не отец ей, сначала не верила, потом сердилась и плакала, но в зрелых летах и под конец жизни признавалась, что, припоминая разные обстоятельства младенческих и девических лет, должна признаться в правдоподобии этих догадок. Замечательно, что мать не любила, можно сказать, ненавидела ее. Я замечал неоднократно, что женщины не терпят детей, которые напоминают им о минувших слабостях, а любят уродов, прижитых с постылым, но законным мужем, и преследуют милых, любезных детей, плод страсти и преступления. Напротив того, они любят детей своих любовников, прижитых с другими женщинами, их соперницами. "Какой прекрасный ребенок! — говорят они про себя. — Он, конечно, думал обо мне в ту минуту!" Еще одна приурочка. Христина Михайловна кончила тем, что поссорила мужа своего с графом. Фрейгольд имел место, которое в то время обогатило бы всякого, но, по необыкновенной честности, не нажил ничего и вышел из службы чист и беден. Его представили к пенсиону. Государыня отвечала, что он, конечно, сберег что-нибудь из своих экстраординарных доходов. Ей доложили, что он формально ничего не имеет. "Или он дурак, — отвечала она, — или честнейший человек, и в обоих случаях имеет надобность в пособии" — и подписала указ. Слух о его крайности дошел до Румянцова: он прислал бывшему своему товарищу значительную, по тогдашнему времени, сумму с надписью: "Tribut der Freundshaft" (Дань дружбы). Известно, что граф П.А.Румянцов, воспитанный в чужих краях, говорил и писал на иностранных языках гораздо лучше, нежели по-русски.

Как бы то ни было, Катерина Яковлевна Фрейгольд, внука ли она немецкого пастора или кого-нибудь повыше, была существо необыкновенное. Она не была записною красавицею, но привлекательна и мила до крайности. Рот небольшой, волосы светло-русые, прекрасные голубые глаза, правильное лицо, игра вокруг маленького ротика, приятнейшая улыбка, тонкая талия, стройная осанка, руки нежненькие, ножки точеные, очарователь-

ный звук голоса — были отличительными чертами ее наружности. Прибавьте к тому ум светлый, пылкое воображение, любовь к изящным искусствам, добрейшее сердце, самый кроткий нрав и неподдельное благочестие. Качества души и сердца сохранила она до кончины и еще удивительную осанку: на осьмом десятке держалась прямо и не имела ни одного седого волоса. Она получила хорошее, по времени, воспитание: знала языки немецкий и французский в совершенстве. По-италиянски она говорила в детстве и потом забыла. Она страстно любила литературу и беспрерывно читала, но со вкусом и разбором. Читанное передавала, чрез долгое время, с удивительною отчетливостью. За два дня до кончины читала она молитвенник свой и, почувствовав отягощение, вложила закладку, закрыла книгу, легла и более не вставала. Не взыщите с меня, любезные дети, что я так много о ней распространился; я мог бы исписать целые стопы бумаги и не высказал бы всего, что чувствую и вспоминаю при ее имени. Повторяю и еще сто раз повторять буду: если во мне было что хорошее, если я не без пользы для ближних прошел поприще жизни, я этим был обязан несравненной моей матери. Но, по слабости и высокомерию молодых лет, я не слушал всех ее уроков... Матушка моя выросла в Киеве, в кругу отборном и образованном. Помню из рассказов ее имена Андрея Степановича Милорадовича (отца графа Михаила Андреевича), обер-коменданта Кохиуса, Александра Федоровича Башилова. Безбородко и Завадовский были секретарями Румянцова, под начальством моего деда, и частенько являлись в его передней с бумагами. Еще нередко вспоминала она об италиянском графе Капуани, старичке-забавнике и шуте, который учил ее музыке и италиянскому языку и называл: "Mein Engel Amour!"* Искреннею приятельницею ее была девица Анна Семеновна Алферова, вышедшая потом за князя Дашкова.

Христина Михайловна Фрейгольд, освободясь от улики возрастом сына, отправленного в корпус, старалась сбыть с рук и старшую дочь. В то время проезжала чрез Киев известная в свое время бой-баба, Настасья Андреевна Бороздина; она, познакомившись с Христиною Михайловною, полюбила ее старшую дочь и выпросила ее у матери, обещая дать ей воспитание и ввести в свет в Петербурге. Нежная мать с удовольствием согласилась. Бороздина привезла ее с собою в столицу и несколько месяцев матушка жила у ней, но вскоре соскучилась безалаберною жизнью в барском доме, переехала к тетке

---

*Мой ангел Амур (*нем.*).

и крестной матери своей, Екатерине Михайловне Ренкевич, и жила у ней то в городе, то в деревне с бабушкою своею, Терезою Ивановною. В доме Бороздиной все ее любили и уважали. Чрез пятьдесят лет после того Андрей Михайлович Бороздин, познакомившись со мною, осведомлялся о ней и, узнав, что она живет у меня, навестил ее. Любопытно было после полувека свидание двух стариков, которые расстались, когда одна из них была четырнадцатилетнею красавицею, а он блистательным гвардейским офицером! В доме Екатерины Михайловны узнал ее покойный мой отец и задумал на ней жениться. Не он один искал руки ее. Лет за десять перед сим, обедал я у покойного Андрея Ивановича Абакумова. За столом сидел неподалеку от меня старичок, артиллерийский генерал, как я узнал потом, барон Карл Федорович Левенштерн. В продолжение обеда посматривал он на меня часто и пристально и, когда встал из-за стола, подошел ко мне и спросил учтиво, не сын ли я Екатерины Яковлевны, урожденной Фрейгольд. Когда я отвечал ему: да, – глаза его засверкали, лицо с лишком шестидесятилетнего старца покрылось юношеской краской, и он сказал мне с глубоким чувством: "Как я счастлив, что вижу сына той, которую в молодости моей любил пламенно. Я был вхож в дом госпожи Ренкевич, увидел племянницу ее, прибывшую из Киева, узнал редкие ее качества, прельстился ее привлекательною наружностию и уже хотел было посвататься; но, узнав, что сватается на ней Иван Иванович Греч, надворный советник, любимец генерал-прокурора князя Вяземского, я, бедный подпоручик, скрепя сердце, отретировался. Но образ ее запечатлелся в моем сердце навеки, и я с невыразимым удовольствием принял сегодня приглашение Андрея Ивановича, узнав, что увижу ее сына".

Отец мой, увидев будущую жену свою на тринадцатом году от ее рождения, задумал уже на ней жениться; между тем он повздорил с ее тетушкою Катериной Михайловною, которая дотоле его очень жаловала, но теперь на него прогневалась, и не без причины. Он принужден был оставить ее дом, но не оставлял надежды. В 1786 году Яков Филиппович Фрейгольд, изнуренный болезнями и трудами, вышел в отставку и переселился в Петербург. Отец мой познакомился с ним и вскоре пришел в милость у Христины Михайловны, которая горела желанием сбыть с рук взрослую дочь. Он посватался и получил обещание матери. Умирающего отца убаюкали радостною вестью, что Катенька будет хорошо пристроена, а Катеньке объявили, что она должна выйти за Ивана Ивановича. Объяв-

ление это ее сразило. Она уважала И.И. как человека умного и честного, но не могла любить его и особенно не расположена была к нему за ссору его с Катериною Михайловною. Матери ее это было на руку: насолить сестре своей, хотя бы это стоило счастья ее дочери. И все это прикрывалось громкими фразами о материнской нежности и христианском долге устроить судьбу своей дочери. Отец мой был влюблен смертельно и в пылу страсти не видал, что нет счастья без взаимной любви. Бедственное заблуждение! 23 августа 1786 года их обвенчали, по лютеранскому обряду, не в церкви, а на дому. Утром того же дня матушка еще надеялась, что дело это как-нибудь переделается, но в десять часов мать объявила ей, что ее обвенчают после обеда. Она лишилась чувств, но ее оттерли, и после обеда пастор Рейнбот обвенчал их. Матушка не могла стоять на ногах; должно было, при венчании, поставить новобрачных к стене. Сестры моего отца, бывшие при том, не могли скрыть своего сожаления и негодования. Они потом горько выговаривали отцу моему, что он решился воспользоваться властью бессовестной матери, чтобы обладать дочерью. Брак этот не был счастлив.

Отец мой с честностью и природным умом, с школьным образованием и навыком к службе соединял понятия, предрассудки, привычки, внушенные ему нелепым бабьим воспитанием, был отнюдь не зол, а, напротив, любил делать добро и помогать ближним, но при том своенравен, упрям, вспыльчив и не очень разборчив в выражениях своего гнева. В нем являлась олицетворенная проза: изящные искусства, музыка, живопись, поэзия для него не существовали. Он, думаю, по выходе из школы не читал ни одной книги. Перед концом жизни матушка случайно прочла ему какую-то повесть; он восхитился ею до крайности и просил, чтоб она чаще радовала его чтением. Но самое тяжелое свойство в нем было – капризы. Вдруг, бывало, от какой-нибудь безделицы, надуется, перестанет говорить с кем бы то ни было и по целым неделям не выходит из кабинета, а потом вдруг развеселится, также без причины, и сделается уже слишком любезным и угодливым. Нас, детей, он или баловал без меры, или терзал без вины. И с ним должно было жить это неземное, поэтическое, ангельское существо! Ангельское – в точном смысле этого слова: матушка сделала все в мире для исполнения своих обязанностей. Муж это видел, чувствовал, признавал и вдруг оскорблял, обижал жену самым чувствительным образом, а потом, образумившись, просил прощения и разными угождениями старался задобрить обиженную.

Можно рассудить после этого, долго ли он оставался в мире с своею тещею. Месяца через два после свадьбы он обедал один у сестры своей Веры Ивановны. В тот день был у ней немецкий осенний праздник: резали капусту (это северное собирание винограда описал я в моем романе: "Поездка в Германию"). Сестра пеняла ему, что он приехал один, и после обеда послали за матушкою карету с запискою, в которой муж приглашал ее на семейный вечер. Матушка получила записку эту, когда была у Христины Михайловны (они жили не в далеком расстоянии между собою), показала ее своей матери, и на вопрос ее: "Неужели ты поедешь?" – отвечала: "Муж мой желает этого" – и отправилась. На другой день после обеда Христина Михайловна явилась к нам. Отец мой, увидев, что она идет, отложил в сторону свою трубку, встретил ее и поцеловал у ней руку. "Я пришла к вам, – сказала Христина Михайловна, задыхаясь от злобы, – чтоб объясниться и требовать удовлетворения. Для того ли выдала я за вас дочь мою, чтобы она резала капусту у ваших сестер?" Отец мой остолбенел. Матушка старалась образумить фурию, уверяя, что капуста вовсе дело постороннее, что ее пригласили в семейный круг, где она провела вечер с удовольствием. Христина Михайловна стала браниться еще более, но, видя, что ее слова не действуют, замахнулась на дочь свою. Тут лопнуло терпение моего отца: он удержал руку беснующейся, и с словами – "марш, мадам!" – вывел ее в переднюю и захлопнул двери. Можно вообразить себе ужасное положение жены! Чрез несколько времени произошло примирение, причем, как и всегда бывало впоследствии, ссора была приписана недоразумению. На этот раз отец мой был прав совершенно, но иногда отплачивал своей теще слишком жестоко.

Вскоре по выходе в замужество моей матери, скончался отец ее, Яков Филиппович Фрейгольд (17 дек. 1786 г.). Этот печальный случай ознаменован был удивительным вещим сном матушки, которая действительно одарена была каким-то шотландским вторым зрением. Она провела целый день у больного отца, читала ему книгу, подавала ему лекарство, радовалась облегчению его страданий и оставила его поздно вечером. Ночью снится ей, что она видит отца на том же болезненном одре. Подле него стоят жена, сын и младшая дочь; перед ним на столике три чашки. Он берет одну и велит выпить ее сыну; другую выпивает дочь. Взяв третью чашку, больной оглядывается. "Где же другая дочь моя, где Катенька?" – "Она дома, – возражает жена. – Она не очень здорова и, как я думаю, беременна. Дай, я выпью за нее". – "Нет! – сказал он. – У меня

есть сын. Выпей, Александр, эту чашку за мать и за младенца". Сын исполнил это приказание; больной опустился на подушку и закрыл глаза. Матушка в ужасе проснулась. Было три часа. Движение ее разбудило мужа: "Что с тобою?" – "Ничего, так что-то пригрезилось". Он вскоре захрапел вновь, а она долго не могла заснуть. Он, по обыкновению своему, встал рано, не будя ее, и отправился к должности. Подкрепив силы свои утренним сном, она проснулась, оделась и села за чай с золовкою, которая жила или гостила у них. Вспомнив виденный ею сон, она пересказала его Елене Ивановне Греч. – "Катерина Яковлевна, – спросила изумленная Елена Ивановна, выпустив из рук чайник, – да кто это мог сказать вам, что батюшка ваш скончался?" За этим последовала сцена, которую всяк вообразить себе может. Довольно того, что Я.Ф.Фрейгольд действительно умер ровно в три часа. Чувствуя приближение кончины, он велел позвать жену и детей, благословил их и требовал, чтобы послали за старшею дочерью. Христина Михайловна возразила ему, что Катенька нездорова, объявила, что она чувствует себя беременною, и бралась передать ей благословение отца. "Нет! – сказал он (точно так, как в сновидении). – У меня есть сын. Подойди, Александр, и прими благословение для сестры и для ее младенца!" Александр Яковлевич Фрейгольд свято исполнил это поручение, был другом и руководителем этого младенца, но, к несчастью, не довольно долго.

Матушка часто имела и вещие сновидения, и необыкновенные предчувствия. Расскажу случай ничтожный, но не менее того замечательный, бывший уже на седьмом десятке ее жизни. Воротились с дачи осенью в город. Она спросила у горничной теплых башмаков, а та не знала, куда заложила их весной. Долго искали напрасно по всем углам. Вот матушка однажды заснула после обеда: ей чудится, что она подходит к шкапу, сделанному в заколоченных дверях, видит высокую круглую корзинку (какие употребляются для бутылей); в корзинке доверху разный хлам; она вынимает все и на дне находит свои теплые башмаки. Проснувшись, видит она, что в той комнате сидит дочь ее, Катерина Ивановна, и, боясь насмешки, не говорит о своем видении, но лишь только Катерина Ивановна вышла, она встала с постели, отперла шкап, нашла корзину и в ней, под тряпками и обломками, искомые башмаки! "Prodigious!" – воскликнул бы при этом Доминик Самсон (в "Гюи-Меннеринге", В.Скотта). Не раз еще придется мне говорить о матушке, благодетельнице моей и всего моего рода, без которой не знаю, что было бы из меня и из всех нас. В фамилии Гречей был какой-то зародыш своенравия и

упрямства, который в умных называли твердостью характера, а в прочих – злобою и жестокостью. Пример умного упрямства старшей линии представляла тетушка Елена Ивановна; образец другого – Вера Ивановна. Отец мой был в средине: действовал вообще умно, а по внушению капризов – очень глупо. Упрямство это в разных отливах разделялось и братьями моими, Александром и Павлом, и сестрою Катериною Ивановною. О себе не знаю, что сказать: я, кажется, вовсе не упрям, но зато вспыльчив до крайности, и в минуты страсти не помню, что говорю и делаю. Этот элемент упрямства и капризов выразился по женской линии: Павел Христианович Безак был несносен своим своенравием; большая часть сыновей его наследовали это свойство, вредящее самому лучшему сердцу и светлому уму... Признаюсь, что если во мне этого было менее, нежели в других, я тем обязан моей матери.

Довольно толковал я о моей знаменитой династии. Пора приступить к самому себе*.

Я родился во вторник, 3/14 августа 1787 года, в десятом часу до полудня. В этот день церковь празднует память преподобного Исаакия. Когда, по совершении родов, довольно благополучных при произведении на свет первенца, отец мой вышел в залу, он нашел в ней сторожа своей экспедиции, Исаака, с тарелкою, на которой лежали три хлебца.

– Имею честь поздравить ваше высокоблагородие, я именинник; примите, батюшка, хлеб-соль.

– Да что это ты принес три хлеба?

– Да как же, батюшка? Один для вашей милости, другой для Катерины Яковлевны.

– А третий?

– Для того, кого бог даст!

– Он уже дал его, – сказал отец мой, тронутый этим случаем, одарил Исаака, понес хлеб в спальню и сказал матушке: "Вот, Катенька, и хлеб нашему Николаю. Видно, бог его не оставит без хлеба!"

Местом моего рождения был деревянный дом Колачевой, на Сергиевской улице. Помню этот дом потому, что в нем впоследствии жила бабушка Христина Михайловна, и матушка не раз говорила мне, что я там родился. Она хотела кормить меня сама, но занемогла и должна была отказаться от этого услаждения материнского сердца: мне наняли кормилицу, женщину

---

* После этого в рукописи ПБ вписано между строками: Глава вторая, но дальнейшего разделения на главы нет, как нет его и в копии ПД.

здоровую, но придерживающуюся чарочки. Дивлюсь после этого, что я не пьяница. Меня окрестили*. Вероятно, батюшка был в то время в войне с бабушкою, потому что она не была моею восприемницею. Крестным отцом был муж тетки моей, Веры Ивановны, полковник Петр Иванович Штебер, а восприемницею дочь его Анна Петровна. Крестный отец, вместо подарка, привез на крестины паспорт, по которому я, определенный капралом Конной Гвардии, отпускался в домовый отпуск до окончания наук. Теперь обычай этот может казаться странным, но в то время был понятным и справедливым. Чрез несколько лет получил бы я чин вахмистра, а потом был бы выпущен из полка в армию капитаном, а в гражданскую службу титулярным советником. Таких малолетных капралов и сержантов считалось в гвардии до десяти тысяч. Император Павел приказал взрослым из них явиться на службу, а прочих, в том числе и меня, исключил. Дельно!

В 1789 г. 21 марта родился брат мой Александр. Вскоре потом отец мой съездил курьером в Италию, именно в Генуу, для исполнения займа, заключенного нашим правительством с тамошними банкирами. Расскажу любопытный эпизод из его жизни. Когда он за несколько лет пред тем был в Голландии, познакомился он с одним прелюбезным итальянцем, полковником Пеллегрини, который путешествовал с своею женою, и, заметив, что хозяин гостиницы намерен обмануть отца моего, неопытного молодого иностранца, предупредил его. Это обстоятельство сблизило их; они были неразлучны; расставаясь, Пеллегрини подарил отцу моему трость с золотым набалдашником, взяв с него слово, что он посетит его, в поместье его близ Генуи, если б ему случилось быть в Италии. Приехав в Генуу, отец мой стал осведомляться, где именно поместье полковника Пеллегрини. Ему дали адрес и спросили, почему он его знает. – "Я видался с ним за десять лет пред сим в Голландии". – "Это невозможно, – отвечали ему, – полковник Пеллегрини ослеп за тридцать лет пред сим и с тех пор не выезжал из своей деревни. Вероятно, кто-нибудь назвался его именем". Человек, давший это известие, говорил так определительно, что отец мой не счел за нужное удостоверяться лично в истине его слов. Что же? Вскоре потом вышло в свет описание жизни и подвигов Калиостро, и оказалось, что он странствовал под именем полковника Пеллегрини.

---

* Здесь, и в рукописи ПБ, и в копии ПД – пропуск, очевидно, для даты, так и не вставленной.

Странное было тогда время. Просвещение распространялось повсюду, а между тем верование в алхимию, в призывание духов, в предсказания, в ворожбу занимали сериозно людей умных и образованных. Расскажу еще анекдот. У отца моего был добрый приятель, некто Штольц, служивший при театре и нередко снабжавший матушку билетами на ложи. У него была сестра, помнится, Елисавета Петровна, старая, высокая, сухая, но умная и решительная дева, знаменитая в свое время ворожея. Не имея долго известий о муже, матушка начала было беспокоиться и попросила Елисавету Петровну поворожить ей. Елисавета Петровна, разложив карты, в ту же минуту сказала:

– Не тревожьтесь: Иван Иванович здоров и приедет сегодня.

Матушка засмеялась.

– Не верите, Катерина Яковлевна? – возразила ворожея. – Я останусь у вас, чтоб быть свидетельницею его приезда.

Они поужинали, и, готовясь идти спать, матушка стала смеяться над ее предсказанием.

– Не смейтесь, Катерина Яковлевна, еще день не прошел: только половина двенадцатого.

В эту самую минуту послышался конский топот, стук колес и звон колокольчика. Дорожная повозка остановилась у крыльца. Они выбежали навстречу – это был их путешественник!

Елисавета Петровна Штольц уже в утробе матери испытала целый роман. Отец ее был портной и жил с женой где-то в глуши, в Коломне, в улице, не совсем еще застроенной. По смерти одного родственника в Москве, ему досталось наследство. Жена умершего стала защищать свои права, и портной Штольц принужден был сам ехать в Москву. Это было зимою в пятидесятых годах*. Беременная жена осталась одна с молодым его племянником и с крепостным человеком. В то время отпустила она свою кухарку и наняла в работницы молодую матросскую жену. В самый первый день ухватки, речи и ответы этой бабы возбудили ее досаду, и она решилась отпустить ее на другой же день. Вечером были у нее гости. Провожая их, она увидела, что племянник и слуга спят в прихожей, облокотясь на стол, хотела разбудить их, но не могла. "Их теперь хоть ножом режь, – сказала служанка, – не добудишься". Это замечание поразило ее. Гости ушли. Мадам Штольц отправилась в спальню и, объявив работнице, что она должна лечь с ней в одной комнате, легла в постель и начала читать Библию. В то время вспомнила она, что у нее есть пистолет, порох и пули, отпра-

*Восемнадцатого века.

вилась в другую комнату, зарядила пистолет и, воротясь, положила его на ночной столик. Вдруг слышит она, что на улице раздаются шаги; снег хрустит под лаптями и сапогами, и баба, приподнявшись, крадется к ней.

— Куда ты? Ложись!

— Матушка, выпустите меня, крайняя нужда!

— Оставайся! нужду исправишь и здесь.

— Ах, матушка, что вы!

В это время хозяйка увидела у ней за пазухою кухонный нож.

— Это что? на что у тебя нож?

— Лучину колоть, матушка!

Хозяйка решилась ее выпустить и тотчас заперла за нею двери. Слышит, отворяется дверь с надворья в кухню, входят какие-то люди, приближаются к дверям спальни и требуют, чтобы их отворили. Хозяйка не отвечает. Начинают стучаться в дверь, усиливаются ее выломить и, не успев в том, уходят с угрозами и ругательствами. В кухне утихло, но голоса раздаются на улице; слышно, что подставляют лестницу к окну, кто-то влез и стал бить стекла в окошке. Хозяйка, взяв пистолет, встала с постели в углу, прицелившись в окно. Стекло вылетело. Разбойник, перекрестясь и сказав: "Благослови, господи", просунул голову. В то самое мгновение раздался выстрел, и разбойник с раздробленным черепом упал навзничь с лестницы. Прочие разбежались. Мадам Штольц, запихнув отверстие в окне подушкою, стала ждать, что будет. Выстрел разбудил соседей. Сбежались испуганные и любопытные. Подняли разбойника; он был еще жив и объявил имена своих соумышленников. Но она не отворяла дверей до приезда полицмейстера. Племянник и слуга приведены были в чувство: злодейка опоила их чем-то в квасу, и, если бы их оставили еще несколько времени в этом опьянении, они лишились бы жизни. Императрица Елисавета Петровна, узнав о храбром подвиге портнихи, пожелала ее видеть, обласкала ее и, узнав о причине поездки мужа ее в Москву, приказала оказать ему в его иске всякое пособие. У ребенка же, которым была портниха беременна, была она восприемницею. Ребенок этот был знаменитая ворожея Елисавета Петровна, которую помню хорошо.

О детстве своем знаю я немного. Самое замечательное приключение со мною было следующее: когда мне было года полтора от роду, я, играя на полу, хотел встать, оступился и упал с ужасным криком — непонятно, как вывихнул я себе

правую ногу. Призваны были лучшие хирурги и костоправы. Ногу вправили, но не совершенно: она осталась навек вывороченною, и до сих пор я чувствую, что она слабее левой. От этого я не мог танцовать, но ходить мог и могу без устали очень долго, только на горы взбираться я не мастер. Говорят, что я с первых лет своей жизни оказывал большую понятливость и любознательность. До сих пор помню первый свой подвиг. Родители мои жили тогда на Невском проспекте за Аничковым мостом, в зеленом деревянном доме русского серебряника, насупротив Троицкого переулка. Потом на этом месте был дом Сухозанета. В квартире нашей была комната с одним выходом. Брат Саша, лет двух от роду, забрался туда, запер дверь задвижкою и, не зная, как выйти, стал плакать и кричать. Напрасно учили его, как он может отодвинуть задвижку, — он не понимал. Решились впустить меня в комнату чрез форточку (в окнах были и двойные рамы); я опустился, подошел к запертой двери и отодвинул задвижку, как помню, с большим торжеством. Припомню при этом случае, что в каменном флигеле этого дома жили небогатые русские купцы, хорошие, честные люди, именно Чаплины, составившие себе большое состояние меховою торговлею. Одна их родственница, Марфа, была у нас нянькою и потом часто нас навещала.

Говоря о жизни моего отца, упомянул я, что в 1792 году он вышел в отставку по каким-то пустякам и очутился с семейством своим в крайней бедности. Тогда жили мы в доме Кострецова, который выходил окнами в ограду церкви Симеона и Анны, и, при перемене обстоятельств, принуждены были переселиться из бельэтажа в нижний. Бедственно было положение наше, особенно матушкино. Дядя Александр Яковлевич Фрейгольд был в походе. С Христиною Михайловною отец был в ссоре. Не могу не упомянуть при этом случае о тех, которые помогали нам в этой крайности. Первым был сосед наш, надворный советник Иван Густавович Нордберг, строгий и упрямый швед, но благородный и добродетельный человек, и жена его, Марья Акимовна. Вторым — служивший под начальством отца моего в Экспедиции о государственных доходах Александр Григорьевич Парадовский. Они делали нам всевозможное добро. Отец мой, виновник горя всего семейства, был совершенно равнодушен, курил с утра до ночи трубку, расхаживая по комнате, и ни о чем не заботился, а когда случалось, что в доме нет ни копейки денег, ни куска хлеба, он уходил со двора, проводил день и обедал у приятелей и возвра-

щался домой к ночи. Когда матушка ему выговаривала это, он отвечал: "Что ж мне было делать? Ведь вы не умерли же с голоду". К довершению бедствия нашего, у нас открылась оспа, — натуральная, другой тогда не было. Первый заболел я: это было в январе 1794 года. Началось бредом, — мне чудилось, что пред мною стоит какой-то великан и опутывает себя веревками. Моя болезнь была довольно сильная, но кончилась благополучно, не оставив никаких следов. У Александра еще менее: на лице было всего три оспины. У третьего, Павла, оспа была сильнее и вскоре скрылась; полагают, что это было причиною его смерти, последовавшей чрез год после того. Более всех страдала семимесячная Катя, — все лицо ее покрыто было как бы маком и тело также. Она долго не могла поправиться, и следы оспы остались на лице ее на всю жизнь. При этом случае не лишним будет исчислить всех моих братьев и сестер: Александр род. 21 марта 1789 г., ум. 22 октября 1812 г. в Москве, от ран, полученных при Бородине. Павел род. 21 мая 1791 г., ум. в феврале 1795-го. Павел (другой) род. 9 мая 1797 г., ум. 16 марта 1850 г. Екатерина здравствует поныне. Елисавета род. 23 июня 1795 г., вышла в 1819 г. замуж за Андрея Яковлевича Ваксмута (умершего в 1849 г.), скончалась 21 марта 1832 г.

В самое то время, когда крайность и страдания матушки достигли высшей степени, явилось пособие. Неожиданно приехала сестра ее, Елисавета Яковлевна, и привезла, помнится, сто рублей от тетушки Екатерины Михайловны. Это было истинною манною в пустыне! Я упоминал уже, что Екатерина Михайловна была в ссоре с отцом моим еще до женитьбы его и негодовала на этот брак. Христина Михайловна своими проделками возбудила гнев ее и к матушке, ее крестнице и любимице. Екатерина Михайловна не хотела ее видеть, но, узнав о ее крайности, поспешила ей помочь. Родная же мать отвечала на просьбу матушки о пособии изречением Библии: "Ищите и обрящете, толцыте и отверзется вам, просите и дастся вам". Отец мой раздувал это пламя злости своим упорством и выстрелами в слабую сторону бабушки. В заглавии ответа на одно письмо ее к матушке он написал: "надворная советница Греч капитанше Фок". Прекрасное средство жить в ладу с родными! Бедственное наше положение прекратилось определением отца моего на службу секретарем в 3-й департамент Сената. В этом способствовал ему обер-прокурор этого департамента Александр Федорович Башилов, друг покойного дедушки Фрейгольда. Сенаторами были между прочими граф Александр Сергеевич Строганов и Петр Александрович Соймонов. Това-

рищем отца моего был Сергей Иванович Подобедов, брат митрополита Амвросия. Получив место, отец мой переселился опять в верхний ярус того же дома и чрез несколько времени переехал в дом Баскова (потом Норова, а теперь (1861) дом принадлежит А.А.Краевскому) на Большой Литейной, на углу Девятой роты. За квартиру в одиннадцать окон на улицу, со всеми угодьями, платили тогда в год 360 рублей. Описав обращение семейства к лучшей участи, скажу, что могу припомнить о себе в то время.

Чтению начал учить меня добрый Александр Григорьевич Парадовский 3 августа 1792 года, лишь только мне исполнилось пять лет. Буква "у" была первою, которую я узнал. Читать выучился я очень скоро, потому что это интересовало мой умишко и детское воображение. Начал и писать, но это шло не так хорошо: тут нужны были физические приемы, положение руки, держание пера, и я никак не мог к тому привыкнуть. Меня не принуждали, и я теперь держу перо, как шестилетний мальчик, и пишу прескверно, неровно и нечетко. Сколько раз впоследствии жалел я и раскаивался, что не умею писать четко и красиво! Это большое пособие в жизни и службе. Выучившись читать, старался я прочитать всевозможное: ярлык на бутылке вина, клок афишки – все возбуждало мое любопытство. Это продолжается и поныне: не могу видеть ничего печатного, чтоб не прочесть. Враг чистописания, я начал, на первых порах, употреблять грамоту на сочинение, и первою написанною мною фразой были слова: "Беги, Николай, в избушку!" Почему я именно написал это, не знаю, но, написавши, радовался от души. Матушка питала эту любознательность рассказами басен и повестей; заставляла меня читать по-русски, по-немецки и по-французски, но отнюдь не принуждала. Жаль! и я был слишком снисходителен к своим детям. Отец мой забавлялся нами: то ласкал, то бранил нас, но ничему не учил, предоставляя это грамотной и начитанной жене своей. Слух о страсти моей к чтению распространился по всей фамилии, и самый грамотный представитель ее, Павел Христианович Безак, подарил мне несколько детских книг, и сверх того получил я переведенное им "Описание Санкт-Петербурга", проф. Георги, которое много способствовало к возбуждению детского моего любопытства и во многом его удовлетворило. В конце 1793 г. отец мой купил мне календарь на 1794 г. (за 30 к. медью): это было основание моих политических и статистических познаний. Я читал его так часто, что затвердил имена всех владетельных особ в Европе. Отец мой очень этим любо-

вался и не раз, толкуя, бывало, с приятелями о политике, обращался ко мне с вопросом, например: "Как, бишь, Николя, зовут нынешнего датского короля?" – "Христиан Седьмой!" – восклицал я с удовольствием и гордостью. Я читал внимательно перечень политических известий, и, странное дело, досадовал, когда находил торжество французов, и радовался успехам союзников.

Первые политические воспоминания мои относятся к шведской войне, или, по крайней мере, к ее последствиям*. Помню, как сквозь сон, грохот и треск, раздавшиеся в городе, когда взлетела на воздух пороховая лаборатория на Выборгской стороне; чиненные бомбы и гранаты поднимались и лопались в воздухе. Однажды, подавая отцу моему умываться (это было 31 марта 1794 г.), услышал я пушечные выстрелы. Рукомойник задрожал у меня в руках, и я со страхом вскричал: "Шведы или лаборатория!" – "Ни то, ни другое, – сказал отец мой, смеючись, – палят потому, что прошла Нева".

Еще помню одно политическое событие. Шел процесс несчастного Людовика XVI. Мне был тогда шестой год от роду, и я не мог понять, в чем дело. Вдруг приходит к нам однажды вечером Александр Григорьевич Парадовский и говорит: "Ну, матушка Катерина Яковлевна! Злодеи-французы королю своему голову так о т ч е с а л и!" Матушка горько заплакала, с ней сделалось дурно. "Отчесали, – думал я, – видно, гребнем". На другой день нянька стала расчесывать мне волосы и как-то задела неосторожно. "Что ты, нянюшка, – сказал я, – да ты мне этак голову отчешешь, как французскому королю".

Чрез несколько дней после того явился к нам квартальный надзиратель, как теперь вижу, человек высокого роста, в тогдашнем губернском мундире (светло-синем, с черными бархатными лацканами). Батюшки не было дома. Матушка приняла его. В то время приказано было отыскать всех французских подданных в России и привести их к присяге королю Людовику XVII. Так как фамилия наша оканчивалась не на о в или и н, то и следовало узнать, какого мы племени. Матушка рассказала полицейскому офицеру всю генеалогию обеих линий, Гречевой и Фрейгольдовой, и, объявив, что в жилах наших течет кровь, смешанная из немецкой, богемской, польской, убедила, что в ней нет ни капли французской.

За неимением воспоминаний о самом себе, напишу

---

* После этих слов в рукописи ПБ – две страницы анекдотов о Екатерине II, зачеркнутые самим Гречем и перенесенные им в другое место "Записок".

здесь несколько портретов тогдашних наших знакомых.

1. Нордберг (Nordberg), Иван Густавович, точно северная гора, твердая, чистая, непреклонная. Он был по происхождению швед, родился в Старой Финляндии, но с самых малых лет был ревностным приверженцем России. Во время шведской войны (1789–1790) он набрал отряд волонтеров и действовал с ним против шведов в окрестностях Нейшлота, который в то время был защищаем храбрым майором Кузьминым. Это возбудило ненависть и злобу к Нордбергу всех финских патриотов: как волка ни корми, а он все в лес глядит. Он не мог оставаться в Финляндии, переселился в Петербург и служил в разных присутственных местах; наконец (1800–1802), советником здешнего губернского правления, отличался строгим исполнением своих обязанностей и примерною честностью, но с тем вместе и самым несносным упрямством. Наскучив беспрерывною войною с начальниками и товарищами, он вышел в отставку и занялся управлением частными имуществами. Лет десять управлял он, в Зарайском уезде, деревнями графини Мамоновой, привел их в цветущее состояние, удвоил ее доходы. Она в благодарность подарила ему дом в Москве. Он было зажил там с семейством; вдруг наступил 1812 год. Нордберг устроил в своем доме больницу, написал на воротах: в о е н н ы й г о с п и т а л ь, пригласил врача, сам себя назначил смотрителем госпиталя, а жену и двух дочерей прислужницами и сиделками. Неприятель подступал. Все советовали ему бежать. Он оставался непреклонен. Москва загорелась. Жена его и дочери ушли пешком куда глаза глядят. Мать умерла от усталости и грусти; дочери, по изгнании неприятеля, воротились в Москву, нашли вместо дома кучи угля и пепла, а отца отыскали в каком-то погребу. Оправившись кое-как, он занимался частными делами и, наконец, принял управление поместьями Веневитинова, в Воронежской губернии; там он поссорился с помещиком и другим управляющим до того, что у него вынули в доме оконные рамы зимою, чтобы принудить его выехать. Он закутался в шубу и лег в постель. Не знаю, как его выпроводила полиция и он очутился, в 1823 году, в Петербурге. Здесь написал он сильное письмо к графу Аракчееву, начинавшееся словами: "У нас, в России, нет правосудия". Граф, изумленный этой смелостью, пригласил его к себе в Грузино и расспросил обо всех обстоятельствах дела. Оказалось, что форма была на стороне его противников, и он не получил ничего.

Тогда решился он переселиться в Финляндию, где у него был хутор (Heimat), отданный им по выезде оттуда во временное

владение зятю его (мужу сестры), пастору Горнборгу. Приехав в поместье и объявив желание вступить в обладание им, он получил в ответ от своего зятя, что это имение уже не принадлежит ему. По выезде Нордберга за границу (то есть в Россию), его вызывали трижды чрез газеты, потом же, по истечении земской давности, ввели во владение сестру его и зятя, потому что его дети, находившиеся также в чужих краях, чрез то лишились прав своих. Он воротился в С.-Петербург.

Я вырос и был дружен с детьми его. Первым другом отрочества моего был старший сын его, Ефим Иванович, воспитывавшийся в Кадетском корпусе с нынешним обер-шталмейстером П.А.Фредериксом и умерший в молодых летах. Дочь его, ровесницу мою, Анну Ивановну, называли моею невестою, и я, начитавшись романов, в самом деле вообразил себе, что влюблен в нее. Она выехала из Петербурга в 1802 году. В 1824 году входит в мой кабинет неизвестный мне пожилой человек, с лицом, на котором изображались ум и твердость характера, и спрашивает меня: "Вы ли Н.И.Греч?"

— А вы Иван Густавович Нордберг, — возразил я, узнав его чрез двадцать два года. Он рассказал мне вкратце о своих приключениях и дал свой адрес.

На другой день я к нему явился и нашел у него двух дочерей его. Моя бывшая невеста явилась девою уже перезрелою, но имела лицо умное и интересное, с выражением грусти и решимости. Вторая казалась нездоровою. Я старался всячески быть полезным старику, употреблял все средства, чтобы принимать его как можно лучше и учтивее. Казалось, он чувствовал мое внимание, и вдруг пропал. Я отправился к нему на квартиру и узнал, что он съехал неизвестно куда, вероятно, выехал из Петербурга. Конечно, дело его в Финляндии решилось в его пользу, подумал я, но странным показалось мне, что он не приходил ко мне проститься. Года чрез три вхожу в комнату матушки и вижу у ней даму в глубоком трауре. Это была Анна Ивановна Нордберг. Она объявила мне, что отец ее умер за несколько времени до того. — "Где?" — "Здесь, в Петербурге". — "Помилуйте, как же это он скрылся от меня?" Она замялась и объявила, что отцу ее показалось, будто я не хочу принимать его. "Когда, — сказала она, — я говорила ему: подите к Николаю Ивановичу, он покачивал головою и утверждал, что вы не хотите его видеть". — "Да из чего вы это заключаете?" — "А вот из чего: всякий раз, когда я его посещаю, он, при уходе моем, провожает меня до самых дверей: не явный ли это знак, что он не желает, чтобы я приходил вперед?"

Вежливость моя к старцу, к человеку истинно почтенному и благородному, к другу моего отца, была перетолкована таким странным образом! С тех пор я смотрю, как бы не провожать слишком далеко людей мнительных. Я поместил Анну Ивановну в дом родственницы моей, Марии Павловны Крыжановской, для смотрения за домом. По отъезде Крыжановской из Петербурга я предложил ей и сестре ее квартиру и содержание в моем доме. Они жили у меня десять лет (1834–1844), и в это время Анна Ивановна оказала мне и родным моим самые усердные, неоцененные услуги, особенно в попечении о больных. На ее руках скончались сын мой Николай и Елисавета Павловна Борн. По отъезде нашем в чужие края (1843), она оставалась в моем доме при малолетней воспитаннице моей дочери и потом отправилась в Малороссию, к младшему брату своему Андрею, овдовевшему в то время и пригласившему к себе обеих сестер. С тех пор я ничего не слыхал о них. Дай им Бог всякого благополучия! Анна Ивановна могла бы составить счастье благородного человека, но отец ее, по непостижимому своенравию, отталкивал всех женихов и, можно сказать, заел век дочерей своих, а притом был человек самый честный и благородный. И сколько в свете таких домашних тиранов!

2. Фамилия Клодт фон Юргенсбург. Около 1730 года родился в одном эстляндском поместье сын богатого дворянина, барон Фридрих Адольф Клодт фон Юргенсбург, вырос в родительском доме, выучившись немецкой грамоте, бегая за девками и зайцами, был определен юнкером в кирасирский полк, жил в Петербурге, мотал, кутил и продолжал то же в Семилетнюю войну на полях Пруссии. Соскучив военною службою, по смерти отца, вышел в отставку поручиком, женился на богатой наследнице из фамилии Швенгельм и зажил как истый дворянин остзейский, не отказывая себе ни в чем. Он был человек очень не глупый, доброго сердца, благородных правил, но легкомысленный, ветреный, любитель лошадей, карт, обедов и попоек. Особенно отличался он вкусом и знанием поваренного дела: рассуждал пресерьезно о каком-либо лакомом блюде и облизывался. Жил, жил и наконец прожил все, что имел. Вдруг досталось ему богатое наследство. Прежний урок не проучил его: он закутил снова и вскоре не осталось у него ни гроша. Именье описали и продали. По смерти жены, он женился (по эстляндскому обычаю, допускаемому законами лютеранской церкви) на младшей ее сестре. И она вскоре скончалась. Детство старших детей его, к счастью их, проходило во время первого его богатства. Он старался дать им хорошее воспитание: между

прочим, гувернерами и учителями детей его были знаменитый астроном Шуберт и ученый-ориенталист Беллерманн, бывший потом директором гимназии в Берлине. Но вот характерная черта тогдашнего остзейского воспитания. Дети, обучаясь строго наукам математическим, физическим и историческим, из новых языков знали только немецкий, да и тому учились более по навыку. Русский язык узнали они в военной службе, но без правил, без надлежащего произношения и правописания. Французский понимали только глазами, а не ухом. К счастью еще, первое банкротство отца последовало, когда дети подросли и им следовало избрать род жизни. В прежнее золотое время они сделались бы собачниками; теперь отдали их в военную службу. Дети у него были: 1. Карл Федорович (род. в 1765, умер в 1823), о котором подробно будет сказано ниже. 2. Борис (Bernhard) Федорович, дослужившийся до генерал-майора, женился, уже в самых зрелых летах, на горбатой, но весьма богатой графине Тизенгаузен, здравствует теперь еще (в 1851 г.) в эстляндском своем поместье. 3. Федор Федорович и 4. Адольф Федорович служили в армии и умерли в разное время. 5. Яков Федорович успел схватить и спасти часть материнского наследства, купил небольшое именье близ Везенберга и умер за несколько лет пред сим. Дети его были кирасирами и прокутили материнское имение: один умер в молодости, другой питается теперь в Эстляндии, взяв на аренду частное имение. 6. Густав Федорович, младший из всех, не застал уже и крох прежнего богатства, вырос неучем и наследовал только беспечность и леность отца. Он, лет двадцати пяти, вдруг исчез, отправился в Германию, учился живописи, но не достиг большого совершенства; потом, воротясь в Эстляндию, женился на девице фон Бистром, прибыл с нею в Петербург и помирился с отцом незадолго до его кончины (1806). Впоследствии жил он в Ревеле, имел многих детей и, затрудняясь в содержании семейства, исчез вторично, жил где-то в Курляндии у католического пастора и лет чрез десять вновь явился в своем семействе, и в какой день! В день погребения его дочери, прекрасной шестнадцатилетней девицы, которую он узнал только в гробе. Сыновья его с честью служили в полках Гренадерского корпуса. Сам он умер за несколько лет пред сим в Эстляндии.

У отца его были три дочери: старшая за каким-то эстляндским дворянином, помнится, Раутенштраухом. Другая, Анна Федоровна, на втором году от роду, по небрежности няньки, упала в пруд, была спасена от смерти, но оглохла и сделалась

слабоумною. Она умерла лет за пятнадцать пред сим, в глубокой старости, в Эстляндии. Она жила у своего отца, потом, когда женился брат ее, Карл Федорович, у него, а когда последний, в 1817 году, поехал с семейством на службу в Сибирь, ее отправили в Эстляндию, где она и кончила грустную свою жизнь. У нас, детей, слыла она фрейлиною. Мы, признаться, частенько трунили над несчастною и выводили ее из терпения. Третья дочь барона Клодта была, сказывают, красавица. В нее влюбился некто Белли, гувернер старших ее братьев, умный, красивый собою молодой человек, и она имела участь Элоизы; но его сделали не Абеларом, а мужем ее и дали ему место казначея в Везенберге. В молодости я был знаком и дружен с его детьми, Яковом Карловичем и Иваном Карловичем. Белли учился в Германии в университете с покойным Опперманом и прислал сыновей к нему, по возрасте. Якова определили в Инженерную Кондукторскую школу; но он, убоясь бездны премудрости, вышел офицером в Кременчугский полк и отправился в поход, в Финляндию, в 1808 году. Перешел с полком чрез границу, услышал он впереди выстрелы и вскоре на дороге увидел убитых наших драгун. Бледные лица, искаженные черты покойников жестоко поразили юного героя, но ненадолго. Не прошло шести месяцев, как он метал банк с поручиком Закревским (бывшим московским военным генерал-губернатором и графом) на лодке под шведскою картечью. Вдруг одним выстрелом сбило столик перед игроками. "Подайте другой столик и свежую колоду!" – закричал Белли. Он был человек самый добрый, благородный, но и самый беспечный. Удивляюсь, как он десять раз не был разжалован за упущения по службе, но все у него как-то с рук сходило. Он женился в двадцатых годах на девице Шредер и вскоре потом умер. Иван Карлович Белли воспитан был в 1-м Кадетском корпусе и выпущен в армию. Чрез несколько лет написал он ко мне очень дельное и грамотное русское письмо, извещая о том, что вступил в брак с какою-то помещицею в полуденной России, но с тех пор не имею о нем никаких сведений.

Дядя их, Карл Федорович Клодт, в Бородинскую битву, в звании обер-квартирмейстера 8-го корпуса, подъехал к Одесскому полку и смотрел на ход битвы. Подле него стоял красивенький собою молодой офицерик и жаловался на бездействие. "Предосадно стоять, – говорил он, – во второй линии. Дела не делай, а того и смотри, что тебя убьют ни за что". В это самое мгновение оторвало у него ядром голову. "Белли! бедный Белли!" – закричали офицеры, бросившись к нему. Это имя

поразило Карла Федоровича Клодта: так прозывалась сестра его, но он ничего не мог узнать об убитом, кроме того, что он за полгода выпущен был из 1-го Кадетского корпуса. Чрез час К.Ф.Клодт должен был вести вперед колонну. В голове шел Кременчугский полк, и первым взводом командовал Яков Карлович Белли. Карл Федорович Клодт, не видавший ни его, ни братьев его несколько лет, закричал ему:

– Здравствуй, Яша! Нет ли у тебя брата в Одесском полку?

– В этот полк выпущен брат мой Петр.

– Он убит, прощай, – отвечал Клодт и поскакал вперед...

Кончу рассказ о старике, родоначальнике их.

Не знаю, каким образом познакомился с ним отец мой, но это было в один из антрактов его богатства, то есть когда ему, с сыном Густавом (прочие были в армии), нечего было есть. Отец мой делил с ними последнее и, поправившись в своем состоянии, имел их за столом ежедневно. Люди наши, разумеется, на это негодовали и называли их в насмешку нахлебниками. Старого "барона" (так мы все называли его) чтил я и буду век чтить за любовь и уважение его к моей матушке. Меня он также любил и ласкал, называя маленьким профессором. Последнее обогащение его последовало в 1796 году. Он купил прекрасную мызу Рябово (принадлежавшую впоследствии В.А.Всеволожскому) в С.-Петербургском уезде, нанял просторный дом на Сергиевской, давал обеды, вечера, балы. Вдруг запутался он в какую-то тяжбу. Имение у него отняли, и он опять очутился ни с чем, или с весьма немногим – с надеждою. Ежедневно говорил он: завтра выиграю я мой процесс; наступало завтра и ничего не приносило. Между тем он не уменьшил своего хозяйства: дворня у него была пребольшая; лошадей полная конюшня; но люди его искали пропитания на стороне, а лошади съели ясли, в точном смысле слова. Отец мой сжалился над ними и, когда барон отъезжал от нас вечером, снабжал его овсом и сеном. Сам же он ел и пил сладко, дремал после обеда, потом садился за бостон или за гранпасьянс, ужинал и уезжал домой, говоря: "Завтра кончится мой процесс". Самое грустное было то, что он увлек в свое разорение и всех детей своих, удержав в своем распоряжении долю, причитавшуюся им после матери, тетки и деда. Наконец, очарование прошло. Он увидел, что никогда не выиграет своего процесса, жестоко тем огорчился, но вскоре утешился мыслию, что оставит детям своим в наследство плоды своей опытности и написал толстую тетрадь под заглавием: "П р а в и л а х о з я й с т в а, с е л ь с к о г о и д о-

машнего, для сохранения и увеличения имущества". В последнее время питался он у сына своего, Карла Федоровича, и у бабушки моей, Христины Михайловны. Иван Егорович* обращался с ним учтиво и деликатно. Он скончался в 1806 г. в тесненькой квартире на Петербургской стороне.

Сын его, Карл Федорович Клодт, был человек умный, образованный, благородный, но чудак не последний. Получив, как я упоминал, прекрасное образование, особенно в науках математических, умея очень хорошо чертить и рисовать, он был в то же время очень приятным музыкантом на виолончели: каждый из его братьев также играл на каком-нибудь инструменте. Терпение, хладнокровие, равнодушие его были удивительные. К тому присоединялась насмешливость и страсть дразнить: он иногда очень терзал этим мою матушку, которую, впрочем, любил и уважал искренно. Какая-нибудь ошибка или обмолвка служила ему забавою на несколько недель. К тому присоединялась в молодые лета большая леность и беспечность: начнет рисовать или играть на виолончели и все забудет. Впоследствии обстоятельства отвадили его от этого. Сначала служил он в артиллерии, потом перешел в Генеральный штаб и оставался в нем до кончины. В 1800 г. женился он на тетушке Елисавете Яковлевне Фрейгольд и жил с нею очень счастливо, в любви и согласии. У старшего его сына восприемником был император Павел и пожаловал отцу дорогую табакерку, осыпанную бриллиантами: у него вытащили ее из кармана на Царицыном лугу, при каком-то параде. Этот сын умер полугодовой. Была у них дочь София, прекрасное дитя, любимица бабушки Христины Михайловны: и та умерла лет трех. Потом родились: Владимир (1803), Петр (1805), Константин (1807). Жили они на Петербургской стороне, в старом зеленом деревянном доме Копейкина (теперь на этом месте площадь), при пересечении Каменноостровского проспекта Большим проспектом. Карл Федорович Клодт ходил раз в неделю в чертежную Генерального штаба, а остальное время проводил дома, рисуя и чертя в засаленном сером сюртуке, небритый, нечесаный. Однажды летом вышел он за ворота и смотрел на проходивших. Ведут под руки пьяного чиновника. Жена бранит его за дурное поведение. "Знаю, матушка, – отвечает он, – я пьяница и срамец, хуже... хуже вот этого господского человека", – и указывает на полковника и барона. К.Ф.Клодт, воротившись в комнаты, с наслаждением рассказывал об этой аттестации. В другой раз зашел он к новому будочнику и завел с ним зна-

---

*Иван Егорович Фок.

комство, объявив, что он "крепостной человек" барона Клодта. Дня чрез два проходит он мимо его в мундире и, когда будочник стал во фрунт, спрашивает: "Знаешь ли меня?" С дядюшкою Александром Яковлевичем Фрейгольдом жил он в искренней дружбе.

В конце июля 1804 г. К.Ф.Клодт отправился на маневры и, воротясь чрез две недели, узнал, что добрый шурин его похоронен дней за пять пред тем. В 1805 г. откомандировали его в Тульчин, где была Главная Квартира армии, назначенной в Турцию. Он отправился туда со всем семейством. В 1806 г. армия двинулась далее, и тетушка с двумя детьми, беременная третьим, воротилась в Петербург и поселилась в доме Христины Михайловны. К.Ф.Клодт пробыл в походе до окончания войны с турками и не прежде начала 1812 г. свиделся с семейством на две недели, чтобы расстаться с ним еще на два года. К.Ф.Клодт из турецкого похода писал к жене очень редко, иногда не более разу в месяц, потому что письма пересылались не иначе как чрез курьеров. И всякий раз, бывало, он вырежет из карточки лошадку и вложит в письмо в подарок детям. Второй сын его, Петр, заметил, что, когда его мать радуется, кланяется от отца, целует детей, – он всегда получает в подарок лошадку. Отец, мать, счастье, радость – затвердились в его памяти под фигурою лошади. И он сделался первым в мире скульптором лошадей!

Тетушка жила в доме Христины Михайловны довольно приятно: веселая, шутница, хохотунья, она умела окружать себя молодыми людьми. Таковы были тогда И.К.Борн, Михаил Петрович Анненков (брат генерала от инфантерии, Николая Петровича, служивший в гвардии, в Финляндском полку, живет теперь лет тридцать в Курской губернии и служит по выборам дворянства), Владимир Андреевич Глинка (генерал от артиллерии, бывший начальник Уральских горных заводов), Семен Васильевич Коханов (генерал-лейтенант, свояк Талиони) и пр. Бабушка ложилась спать после ужина в десятом часу. Тогда собирались на половине тетушки и проводили время в приятной беседе до глубокой ночи.

К.Ф.Клодт был офицер знающий и храбрый, но до крайности скромный и терпеливый. Его беспрерывно обходили. После Лейпцигского сражения был он произведен в генералы и назначен комендантом в Бремене. В 1815 году воротился он в Петербург. На беду свою, он стал обходиться с давнишним товарищем своим, К.Ф.Толем, по-старинному, а Толь был в то время генерал-адъютантом и генерал-квартирмейстером Главного штаба. Разгневавшись за то, что Клодт пришел к нему в сюртуке и в

фуражке, он выдумал для него место начальника штаба Сибирского корпуса, и Клодт отправился туда со всем своим семейством в начале 1817 года, служил там честно и верно, забыл старинное приволье и работал безустанно. По его старанию, снята на карту значительная часть южной Сибири. Командиром корпуса был большой урод, гатчинский герой, генерал от артиллерии Петр Михайлович Капцевич, лицемер и ханжа, жестоко разбитый французами (в 1814 году) при Монмирале. К.Ф.Клодт много терпел от него и молчал. Однажды Капцевич, в присутствии его, при докладе, разругал, оборвал самым наглым образом дежурного штаб-офицера, полковника Золотарева. Когда К.Ф.Клодт на другой день явился к нему по службе, Капцевич предложил ему подписать бумагу о том, будто полковник вывел его из терпения грубостями и неповиновением.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, — сказал Клодт, — полковник не сказал ни слова и вынес величайшие оскорбления.

— Хорошо, — отвечал Капцевич, — вы заодно с бунтовщиком! Но извольте помнить, что у вас жена и восьмеро детей. Я обо всем донесу по начальству.

Клодт взял перо, подписал требуемое, но, воротившись домой, слег в нервную горячку и чрез девять дней умер. Старшие три сына его уже два года были в Петербурге, в Артиллерийском училище. Тетушка прибыла в С.-Петербург с остальными; жила недолго: в 1825 году скончалась она после мучительной болезни. Я не оскорблю памяти доброго и благородного К. Ф.Клодта, рассказав один анекдот из военной его жизни. При погоне за французами, в 1812 году, он был начальником штаба отдельного отряда, бывшего под командой генерала Павла Васильевича Кутузова: они преследовали маршала Макдональда, ретировавшегося из Курляндии, и, по всем соображениям, могли его отрезать и заставить положить оружие. По донесениям офицеров Генерального штаба, все важные пункты были заняты, и Макдональд должен был проходить на другой день в восемь часов. Наступил вечер. "Что, барон? — спросил Павел Васильевич Кутузов, — не схрапнуть ли нам немножко? Велите только, чтоб нас разбудили часа в четыре". Барон охотно согласился, но их разбудили не в четыре часа утра, а в одиннадцать часов. Макдональд между тем ушел благополучно. К довершению неудачи, один из офицеров, перепутав имена деревень, занял не тот пункт, который следовало занять, так что никто и не заметил, как французы прошли. В противном случае тревога непременно разбудила бы начальство.

От этого обстоятельства корпус Макдональда пробрался за границу, целый и невредимый. Та же история, что и с Чичаговым на Березине. Кажется, судьба не хотела слишком баловать нас славою. Но и того, что мы приобрели, довольно было с нас. Если бы придушили Наполеона в России, мы не имели бы славы войти в Париж.

Династия Безак.

О родоначальнике Христиане Безаке говорил я выше. У него был сын Павел Христианович, родившийся 28 сентября 1769 г. Отец приложил все старание свое о воспитании сына, но не мог внушить ему своей кротости и смирения. Павел Христианович был одарен необыкновенными способностями: умом быстрым, необыкновенною памятью, примерным трудолюбием и редкою способностью к делам. К сожалению, эти блистательные качества затемнялись в нем большим тщеславием и такой же страстью к приобретению: то и другое в нем спорило, но тщеславие одерживало верх. От этой борьбы происходила шаткость его характера, неровность обращения и удивительное в умном человеке неуменье обращаться с людьми: к людям честным и надежным питал он очень часто недоверие и подозрительность и в то же время слепо предавался льстецам и негодяям, ласкавшим его слабую сторону. Он не был зол в сердце, но как бы стыдился быть добрым. Странная смесь добра и зла, упрямства и слабости, ума и безрассудства! Отец поместил его в корпус не кадетом и не пансионером, а вольным слушателем в чине сержанта Преображенского полка, но как тогда в классы ходили не в мундирах, то он, из экономии, и не шил сыну мундира. Отец мой подарил молодому человеку полную обмундировку, и за это, равно как и за другие родственные услуги, П.Хр.Безак питал к нему уважение и дружбу и, несмотря на причуды дяди, делал ему всякое добро. В корпусе, между товарищами и сверстниками, он не имел друзей и впоследствии не был знаком ни с одним из них: видно, они его не любили. По производстве в офицеры, он оставался в корпусе; и я помню еще в 1794 г., как он, на ученье кадет в саду корпуса, командовал взводом и равнял рядовых шпагою. Это был день важный в моей жизни, и я о нем упомяну впоследствии. В 1797 г. Безак перешел в Сенат секретарем в Герольдию, а потом в 1-й департамент и обратил на себя внимание своего начальства трудолюбием, умом и искусством изложения дел, как на письме, так и изустно. Старики сенаторы радовались, когда очередь доклада была за Безаком, и неудивительно. В канцелярии Сената было в то время мало людей, светски образованных: появление

человека умного, просвещенного, красноречивого изумило всех. Императору Павлу Безак сделался известным в Москве, куда был отправлен на коронацию с 1-м департаментом Сената. Он был в числе сенатских секретарей, которые разъезжали с эскортом по городу и возглашали о предстоящем торжестве. Павел встретился с таким разъездом на перекрестке. Безак прочитал прокламацию смелым, громким голосом, ударяя на слова: державнейшего, великого государя императора и т.п. Это понравилось государю: он приказал узнать и записать имя молодого чтеца и с тех пор был всегда к нему благосклонен. Открылось место правителя канцелярии в новосоставленной Комиссии опекунства иностранцев. Безак был помещен. Вскоре переведен он был правителем в канцелярию генерал-прокурора, в чине коллежского советника, в 1800 г. В то время генерал-прокурор был род верховного визиря: ему подчинены были юстиция, полиция и финансы. Во всех прочих ведомствах были прокуроры, ему подчиненные. Безака стало на эту должность. У него были два экспедитора: статские советники Сперанский и Клементий Гаврилович Голиков, преданный бессмертию Ильиным, в лице подьячего Клима Гавриловича Поборина, в драме его: "Великодушие, или Рекрутский набор".

Расскажу анекдот, который покажет, как делались тогда важные дела и составлялись законы. Однажды, во время пребывания двора в Гатчине, генерал-прокурор (Петр Хрисанфович Обольянинов), воротясь от императора с докладом, объявил Безаку, что государь скучает, за невозможностью маневрировать в дурную осеннюю погоду, и желал бы иметь какое-либо занятие по делам гражданским. "Чтоб было завтра!" – прибавил Обольянинов строгим голосом. Положительный Безак не знал, что делать, пришел в канцелярию и сообщил свое горе Сперанскому. Этот тотчас нашел средство помочь беде.

– Нет ли здесь какой-нибудь библиотеки? – спросил он у одного придворного служителя.

– Есть, сударь, какая-то куча книг на чердаке, оставшихся еще после светлейшего князя Григория Григорьевича Орлова.

– Веди меня туда! – сказал Сперанский, отыскал на чердаке какие-то старые французские книги и в остальной день и в следующую ночь написал набело "Коммерческий устав Российской Империи". Обольянинов прочитал его императору. Павел подмахнул: "Быть по сему" – и наградил всю канцелярию. Разумеется, что этот устав не был приведен в действие, даже не был опубликован. Обнародовали только при-

соединенный к нему штат Коммерц-коллегии (15 сент. 1800 г.).

Павел учил войска, выдумывал новые формы, подписывал всякие законы и постановления, только бы они противоречили Екатерининым, сажал под арест, ссылал в Сибирь, производил в генералы, дарил души сотнями и тысячами и воображал, что он властвует! Ужасное время! Я был тогда ребенком, в том возрасте, когда все кажется нам в розовом цвете, когда живешь годы, о которых потом вспоминаешь с удовольствием, с сожалением, что они прошли, а не могу и теперь, в старости, вспомнить без страха и злобы о тогдашнем тиранстве, когда самый честный и благородный человек подвергался ежедневно, без всякой вины, лишению чести, жизни, даже телесному наказанию, когда владычествовали злодеи и мерзавцы и всякий квартальный был тираном своего округа. Буду еще не раз иметь случай говорить об этом царствовании ужаса, не уступавшем Робеспьерову. Хорошо теперь заочно хвалить времена Павла! Пожили бы при нем, так вспомнили бы.

Безак был один из немногих людей, которые удержались на месте по смерти Павла. Вот что он рассказывал*. 11 марта 1801 г. приехал он к Обольянинову, жившему тогда на Мойке, на углу Почтамтского переулка, в доме нынешнем Карамзина. В передней встретил он Зубовых, князя Платона и графа Валериана: они надевали шубы и ехали домой. "Il est temps, mon frère", – сказал Валериан. "Je le crois aussi", – отвечал Платон**. Они вышли и поехали – в собрание заговорщиков. Сигнал к тому подан был пробитием зари четвертью часа ранее обыкновенного, по приказанию военного губернатора Палена, сообщенному плац-майором Иваном Саввичем Горголи, нынешним верноподданным и святошею. Безак вошел в гостиную. За несколькими столами играли в карты разные баре и вельможи. Он подошел к Обольянинову и подал ему бумагу с словами: "Известная вашему высокопревосходительству бумага, полученная от князя Александра Борисовича Куракина!" – "А! знаю!" – сказал Обольянинов, взял бумагу, положил ее под подсвечник на столе и, вынув из-за пазухи другую, отдал Безаку со словами: "Тотчас же исполнить!"

Что ж было в этих бумагах? В первой – здесь скажем в скобках, что последние роды императрицы Марии Феодоровны (великим князем Михаилом Павловичем) были очень трудны,

---

**Первоначально было:* Вот как он рассказывал эту катастрофу.
** "Брат, пора". – "И я того же мнения" (*фр.*).

и медики объявили, что она едва ли перенесет другие, если б ей случилось обеременеть. Павел и прежде не строго держался супружеской верности; теперь охотно отказался от брачного ложа. Патентованною его фавориткою была княгиня Анна Петровна Гагарина, урожденная княжна Лопухина, прозванная Б л а г о д а т ь[2]. Этого было ему мало для удовлетворения физических потребностей. Решили промыслить ему любовниц нижнего этажа и выбрали двух молодых, хорошеньких прачек с Придворного Прачечного двора. Вскоре они забрюхатели. И вот князь Куракин препроводил к Обольянинову бумагу, в которой говорилось, что император призвал его, князя Александра княж Борисова сына Куракина к себе, объявил ему, что такие-то девы носят плоды трудов его, что таковые плоды имеют называться графами Мусиными-Юрьевыми, иметь по стольку-то тысяч душ, такой-то герб, такие-то права и пр. На случай рождения девочек также постановлялось, чем им быть и слыть. Разумеется, что все это кануло на дно[3].

В другой был написан новый титул императора, с прибавлением: Царь Грузинский. Безак отправился с ним в сенатскую типографию, взял двух наборщиков и печатников в особую комнату, приставил к ней военный караул, велел набрать титул, прочитал сам корректуру, велел выправить, сжег корректурные листы, приказал оттиснуть три экземпляра и разобрать набор. Затем запечатал он оттиски и, надписав: ”В собственные комнаты Его Императорского Величества”, отправил с фельдъегерем к дежурному камердинеру, с приказанием разложить их на письменном столе государя так, чтоб они бросились ему в глаза, лишь только он поутру подойдет к столу. Было уже поздно, когда операция кончилась. Безак воротился домой и лег спать с женою, когда была она беременна старшим его сыном Александром, нынешним генерал-адъютантом и генерал-губернатором оренбургским.

В первом часу входит в комнату горничная девушка и будит его: приехал-де генерал Рязанов. Безак вскочил и хотел одеваться. Рязанов (обер-прокурор 1-го департамента) закричал сквозь двери: ”Сусанна Яковлевна, позвольте мне войти к вам: дело преважное, мешкать нельзя”. С сими словами вошел он в комнату, приблизился к постели и с низким поклоном сказал:

– Имею честь поздравить с новым императором Александром Павловичем.

– Как! что! ах! – возопили и муж, и жена.

– Как и что, узнаете после, – продолжал Рязанов, – а теперь извольте ехать к государю: он вас требует.

Безак накинул халат и вскочил с постели.

— Эй, чесаться!

— Какое тут чесаться: надевайте мундир и спешите. Я довезу вас до дворца.

Безак надел красный мальтийский мундир и поехал.

— Да что генерал-прокурор?

— Он под арестом: я исправляю его должность.

Тут рассказал Рязанов всю историю в главных чертах. Приехали в Зимний дворец, совершенно освещенный, и вошли в аванзалу, наполненную народом, т.е. народом придворным, в числе которых было несколько человек весьма навеселе.

— Herzens Bruder! — закричал Пален Безаку. — Wie kommst du her?*

— Государь приказал мне явиться.

— Так ступай. Да присягал ли ты?

— Нет еще.

— Вот тебе присяжный лист.

Акт был рукописный. Все важнейшие сановники подписали его. Осторожный Безак не мог не прочитать и сказал Палену, отдавая лист:

— Я его не подписываю. В нем нет существенной статьи по генеральному регламенту.

— А какой?

— "И высочайшего престола его наследнику, который от его величества назначен будет".

— Правда, — отвечал Пален, — а мы все подписали. Хороши же мы!

Он отнес в кабинет, и государь своеручно вписал пропущенные слова между строками. Безак, подписав присягу, вошел в комнату государя. Александр I, бледный, с красными на лице пятнами, с опухшими от слез глазами, ходил в раздумье по комнате.

— Сколько у вас неисполненных именных указов? — спросил он.

— Два, — отвечал Безак. — Состоявшиеся вчера о том и том-то.

— Сколько налицо сенаторов?

— Столько-то.

— Привезите мне список их. Я поручил должность генерал-прокурора обер-прокурору Рязанову. Так ли я сделал?

---

*Сердечный друг! как ты здесь? (*нем.*).

— Рязанов, обер-прокурор 1-го департамента, но старший по чину Оленин, обер-прокурор 3-го департамента.

— Так объявите ему, чтобы он принял должность. Поезжайте скорее за списком.

Безак отправился в канцелярию генерал-прокурора, но дом окружен был целою ротою Семеновского полка, и его не хотели впустить. С трудом объяснил он, что идет в канцелярию по высочайшему устному повелению нового государя...

Чрез несколько дней прибыл в Петербург Александр Андреевич Беклешов и вступил в должность генерал-прокурора. Он был воспитан в Сухопутном корпусе, знал Безака, уважал отца его, и Павел Христианович остался при нем во всей силе. При всем уме своем, он не имел одного необходимого качества в жизни — ровности в характере и уменья обращаться с людьми: был то учтив, то груб, то горд, то снисходителен по внушению минутного каприза, приобрел уважение многих, но ничьей искренней дружбы и любви, надоедал тяжестью своего характера, оскорблял высокомерием и составил себе легион врагов, не сделав, сколько мне известно, формального зла никому и сделав добро многим. Его обнесли хищником, грабителем, взяточником, выдумывали на него всякие скандалезные анекдоты. Между тем он исполнял свои обязанности в точности, умно, догадливо и снискал благоволение своих начальников, которые, сблизившись с ним, души в нем не слышали. Брать-то он, конечно, брал, ибо одним жалованьем не мог бы не только составить себе состояния, но и жить, как он жил, но низостей и несправедливостей никогда не делал. В то время брали в с е, и в этом не было ничего предосудительного, по общему мнению. Теперь берут так же и больше, да не говорят о том.

В сентябре 1802 года последовало учреждение министерств, мера полезная и благодетельная, но так как она нарушала многие личные выгоды, искореняла старинные злоупотребления, оскорбляла господствовавшие издавна предрассудки, то и была встречена общим порицанием и ропотом. Беклешов, приверженец старины, вышел в отставку; с ним и Безак, не имевший опоры у новых министров. Безак поселился в Киеве, в доме, подаренном ему Беклешовым, занимался коммерческими делами с польскими панами, играл с ними в карты, любезничал с польками, к досаде своей жены. Вдруг объявлено было учреждение милиции (в конце 1806 г.), и Безак был избран на одно из важнейших в ней мест. Главным начальником ее назначен был генерал-фельдмаршал князь Александр Александрович

Прозоровский, имевший тогда от роду семьдесят четыре года, дряхлый, беспамятный. Он взял к себе помощником статского советника Безака, который вскоре сделался главным начальником штаба и всего, что относилось к службе. Видя, что дела идут скоро и исправно, князь полагался на него совершенно. В 1808 году Прозоровский был назначен главнокомандующим дунайскою армиею, действовавшею против турок, и Безак остался его правою рукою. Тогда время было критическое, затруднительное. Наполеон соглашался, на словах, на уступку нам Молдавии и Валахии, а между тем предписывал своему послу в Константинополе препятствовать и заключению мира, и уступке нам княжеств. В нашей Главной Квартире знали об этом и доносили в Петербург, но тогдашний канцлер граф Румянцов, опутанный Наполеоном, не хотел тому верить и уверял, что все это выдумка английских агентов. Безак успел перехватить депеши Талейрана, выкрал (при помощи убитого в 1813 г. майора графа Мусина-Пушкина) секретную инструкцию у французского консула Леду (в Бухаресте). Румянцов возненавидел Безака, который раздавал александровские ленты, а сам получил два раза бриллиантовые знаки к Анне 2-й степени, чтоб не дать ему чего повыше. Чин действительного статского советника получил он во время пребывания Румянцова на конгрессе в Фридрихсгаме.

В августе 1809 г. умер Прозоровский, и на место его поступил князь Багратион, друг и приятель Безака, который при нем еще более усилился. Все части военного управления и гражданское ведомство княжества лежали на его ответе, и все шло как нельзя лучше. Князь Багратион занимался только исключительно ведением войны. У него было не более 19 000 войска, и он действовал очень успешно, надеясь в следующем году, пополнив армию, усилить и успехи. Наступала осень. Надлежало перейти обратно на левый берег Дуная, но в Петербурге требовали, чтоб армия непременно зимовала на правом берегу. Багратион не мог этого исполнить и впал в немилость. К падению его споспешествовали Милорадович, Ланжерон и другие, с которыми он не ладил. Они не могли прямо охуждать Багратиона, известного и государю, и России, и сваливали всю вину на Безака, заставлявшего их, александровских кавалеров, стоять по часам в своей передней, между тем как он пировал и любезничал с молодыми вельможами, Воронцовым, Бенкендорфом и другими. К начатию похода 1810 года, сформирована была армия в 160 000 человек; но в марте, на место Багратиона, главнокомандующим назначен был граф Каменский. Отпуская его,

государь сказал, что в армии находится любимец Багратиона, Безак, которого должно выслать оттуда до приезда нового главнокомандующего, чтоб Безак не успел опутать и его, как Прозоровского и Багратиона. И действительно, Каменский, остановившись в Яссах, послал одного из своих адъютантов в Бухарест, где царствовал Безак над Главною Квартирою, сидя в богатой диванной на турецких коврах. "Янтарь в устах его дымился". Докладывают, приехал адъютант главнокомандующего. – "Проси". – Входит молодой майор с Георгиевским крестом.

– Кто вы, сударь? – спрашивает Безак, не двигаясь с места.

– Майор Закревский, адъютант главнокомандующего графа Каменского.

– Что вам, сударь, угодно?

– Я пришел, чтобы принять у вашего превосходительства канцелярию и дела.

– Если вы, милостивый государь, имеете понятие о порядке службы, вам должно знать, что мне с вами иметь дело вовсе не прилично.

С этими словами он позвонил. Вошел секретарь его Саражинович[4].

– Позовите Омельяненку[5] и Сорокунского[6].

Явились.

– Сдайте все дела этому господину офицеру.

– Позвольте доложить, ваше превосходительство, – сказал Закревский, – что главнокомандующий требует сдать бумаги и суммы в двадцать четыре часа.

– А, так я могу еще командовать здесь целые сутки. Знайте же, господа, если вы не сдадите дел в два часа, я вас предам военному суду. Саражинович! Скажите жене, что я сегодня же отправляюсь в Петербург, да велите изготовить экипажи и все, что нужно.

– К вашему превосходительству еще прислан кто-то, – сказал Саражинович.

– Кто это?

– Надворный советник Блудов, – отвечал Саражинович. – Он прислан для принятия дел по дипломатической части.

– С этим господином я и вовсе говорить не хочу. Саражинович, сдай ему дела! Прощайте, господин офицер. А вы, господа, исполните мои приказания в точности.

Омельяненко и Сорокунский исполнили приказанное им sans phrases (без слов), но Саражинович жестоко подтрунил над приемщиком. Блудов прибыл в Молдавию с Каменским из

карамзинского теплого гнезда, чувствительным птенцом, напутствуемый томными стихами Жуковского. Из первых его слов Саражинович увидел, что новоприезжий не имеет понятия о делах и о порядке службы, и порядочно подурачил его, толкуя, что́ входящие и исходящие бумаги, что́ отпуски и заголовки. Блудов обиделся насмешками подьячего, но скрыл свою досаду. Чрез двадцать два года тайный советник Дмитрий Николаевич Блудов вступал в должность министра внутренних дел и вдруг, в числе своих директоров, увидел Саражиновича. Блудов, человек добрый и благородный, но irritabile genus vatum*, и чем менее писатель известен, тем более он дорожит собою. Он не обижал Саражиновича, был с ним учтив, хотя и холоден. Но вдруг возникла ошибка по части Саражиновича: в подрядах на поставку лекарств выставлена была не та сумма, которую выставить следовало. Пошел суд. Блудов не отягчал вины его, но и не вступался. Саражинович лишился места и пропитания. Он жил в крайности и, наконец, по приглашению сына моего, в 1847 году читал корректуру "Северной Пчелы", получая за лист по рублю. Умер от холеры в 1848 году.

Воротимся к Безаку. Прожив года два в Киеве, он прибыл со всем своим семейством в Петербург и обратился к старому приятелю и подчиненному своему, Сперанскому, который был тогда в апогее славы и силы. В то время занимались преобразованием Сената. Предполагалось из 1-го департамента составить Правительствующий Сенат, с особыми правами, в Петербурге. Прочие департаменты намеревались разместить, под именем Судебного Сената, по важнейшим городам губернским. Я сам читал п е ч а т н ы е проекты этих преобразований, не состоявшихся по встретившимся тогда препятствиям. В Правительствующем Сенате полагались статс-секретари, и одно из этих мест Сперанский обещал Безаку. Они долго занимались этим делом. Безак приходил к Сперанскому по вечерам и работал с ним до глубокой ночи. 19 марта 1812 г. приходит он к нему и видит на дворе карету министра полиции Балашова, кибитку с тройкою лошадей и несколько полицейских. Безак догадался, что случилось, поспешно ушел домой и на другой день узнал, что Сперанский и Магницкий сосланы, — неизвестно за что и куда. Опасаясь той же участи, он целый месяц носил в бумажнике две тысячи рублей, чтобы, в случае нужды, не остаться без денег. Но буря миновала. Он остался невредим, но лишился надежды получить место. Зажил он в Петербурге барином, имел большое

---

* Гневливо племя поэтов (*стих Горация*).

семейство и, принадлежа к числу людей, которые, имея хороший достаток, беспрерывно боятся умереть с голоду, впал в большое недоумение. В это время богатый откупщик Перетц, жид, но человек добрый и истинно благородный, зная ум, способности и опытность Безака, предложил ему место помощника по конторе, с жалованьем по 20 т. р. в год, и, сверх того, подарил ему каменный дом. Безак решился принять эту должность, поправил свое состояние и испортил всю карьеру званием жидовского приказчика. Подумаешь, как несправедливы суждения света! Что тут дурного и предосудительного? Но это не принято, и дело конченное. Он пробыл у Перетца года три, и потом они разошлись. Безак купил дом у Сампсония на Выборгской стороне, занимался частными делами, посредством одного знакомого ему купца торговал на бирже и в 1824 г. был членом комиссии о пособии после наводнения. Тут оказал он все свои способности и удивил временных губернаторов Выборгской стороны, Депрерадовича, Паскевича и гр. Комаровского. Ему дали Владимира 3-й степени. Но до звезды он не дожил, и это мучило его несказанно. Бывшие его писцы представляли твердь небесную — Станислава, Анны, Владимира, иные и Александра. Он скончался в Петербурге 10 июля 1831 г. в первую холеру, запрятав, неизвестно куда, свои деньги, документы и т.п., которых, как можно было заключить из слов его, было на 600 т.р. асс.

Об этом скажу в своем месте, если доберусь до того времени. Теперь исчислю его семейственные отношения, мне во многих отношениях важные и близкие.

Он женился, лет 24-х от роду, на Сусанне Яковлевне Рашет, дочери знаменитого скульптора, воспетого Державиным, бывшего директором казенного фарфорового завода. Странное дело: Рашет был француз, жена его датчанка, а дети вышли совершенные немцы и немки, от сношения с петербургскими немцами Васильевского Острова. Еще замечание: дочери Рашета не красавицы, не умницы, а умели найти себе хороших мужей. Старшая была за действ. ст. советником Федором Христиановичем Вирстом (умершим в 1831 г.) и умерла рано, оставив сына. Вирст женился на сестре Павла Христиановича Безака, и та умерла вскоре; потом вступил он в брак с девицею Шульц, женщиною умною и почтенною, она жива поныне. Вторая из дочерей Рашета была Сусанна, жена Безака, безобразная, неуклюжая, грубая, глупая, капризная и при случае злая; она командовала своим умным мужем:

он слушался ее безусловно, хотя частенько с нею бранился. Она умерла вследствие удара в 1825 г., и муж оросил ее останки искренними горячими слезами. Третья, Эмилия, была за французским эмигрантом Дорером (d'Horrer), о котором скажу, может быть, со временем. Четвертая, Юлия, была за славным химиком и добрейшим человеком Петром Григорьевичем Соболевским (умершим в 1841 г.); пятая, Елисавета, за неважным Гофманом, братом статс-секретаря, жива доныне. Сыновья Рашета также не пропали: Антон Яковлевич, статский советник, был директором таможни в Риге, женат на умной жене, и дети у него вышли прекрасные, Павел и Владимир, оба военные; дочь за генералом бароном Зальца; все они умерли. Эммануил Яковлевич, храбрый солдат, умер генерал-майором. Карл Яковлевич, женатый на Елисавете Ивановне Фрейганг, — отец Евгения Карловича и Ивана Карловича Рашет, людей посредственных, но честных и трудолюбивых. Они теперь в чинах и звездах.

У Павла Христиановича Безака были дети: 1) Елисавета Павловна (род. 6 сентября 1795 г., умерла 23 февраля 1842 года), вышедшая замуж за внучатного брата и друга моего, Ивана Карловича Борна (умершего 11 января 1821 г.), краса женского пола, образец и вместилище всех добродетелей. Был я связан с нею в продолжение многих лет самой тесною и искреннею дружбою. Милый лик ее проводит меня до могилы. Сподоблюсь ли, чтобы он встретил меня и т а м! 2) Мария Павловна (родившаяся 8 июня 1798 г.), здравствующая ныне, вдова действительного статского советника Андрея Константиновича Крыжановского, мать многочисленного семейства. 3) Ольга Павловна (род. в 1800 г., умерла в 1820 г.) была замужем за артиллерийским генералом Николаем Яковлевичем Зварковским, умершим в 1848 г., скончалась во вторых родах, любезная женщина и красавица. Дети ее — сын Александр и дочь Мария, замужем за Михаилом Никифоровичем Чичаговым. Достойная и примерная жена и мать семейства, воспитанная теткою своею, Елисаветою Павловною. 4) Александр Павлович (род. 24 апреля 1801 г.), генерал-адъютант, оренбургский генерал-губернатор, человек большого ума и способностей, но, по примеру отца, тщеславный хвастун. 5) Константин Павлович (родился в 1802 г., умер 4 апреля 1845 г.), женившийся на моей дочери Софии, человек честный, умный, но своенравный, тщеславный и ужасный эгоист, наконец помешался в уме от неудовлетворенного честолюбия. 6) Николай Павлович (родился в 1804 г.), действительный статский советник, лучший

из Безаков душою и сердцем. 7) Михаил Павлович (родился в 1810 г.), артиллерийский генерал, большой дурак, и 8) Павел Павлович (род. в 1815 г.), тоже полковник артиллерии, человек неглупый, честный, строгий в исполнении своих обязанностей, но притом односторонний педант. Еще была у них сестра Елена Павловна, больная нервами, которая умерла девицею в 1846 году.

О Павле Христиановиче Безаке должен я еще прибавить, что он, по возвращении из Киева в Петербург, примкнул было к сильной тогда партии богомолов и гернгутеров, при посредстве старого своего приятеля, Карла Ивановича Габлица, но не успел добиться ничего. Он переводил проповеди полукатолического пастора Линдля; помогал Александру Максимовичу Брискорну в издании толкований на Новый завет Госнера, за что порядочно поплатился, как видно будет впоследствии.

Фамилия Шванебах.

Не знаю точно, откуда она происходит. Кажется, прямо из Германии. Отец двоих Шванебахов был щирый немец. Христиан Федорович и Антон Федорович Шванебахи воспитаны были во 2-м (Инженерном) Кадетском корпусе и познакомились в нашем доме чрез дядю Александра Яковлевича Фрейгольда. Христиан Федорович Шванебах, человек сериозный и умный, служил по инженерной части и занимался формированием инженерной команды, причем у него как-то вырос прекрасный каменный дом. Женат он был на русской девице, Варваре Ивановне Пашковской. Она была в молодости красавицею и сохранила самую приятную наружность до старости. С матушкой моею она была в самой тесной дружбе. Мужа своего она любила страстно и при одном припадке его ревности чуть не лишила себя жизни. По смерти его, она жила тихо, в одном из переулков Знаменской улицы, и благотворила всякому, кто прибегал к ней с просьбою о помощи. Я посещал ее непременно 4 декабря, в день ее именин, и находил добрую, умную, миловидную старушку в кругу бывших подчиненных ее мужа, являвшихся к ней с поздравлением, как будто бы она была их начальницею. Разумеется, являлись не все. Некоторые люди, обязанные ее мужу, чуждались ее и не обращали внимания на ее просьбы, когда она вступалась за несчастных. Она скончалась в сороковых годах, во время моего пребывания за границею. Не знаю, исполнена ли была ее просьба, – быть похороненною на иноверческом кладбище подле мужа. Митрополит Серафим положил резолюцию: "Что она врет! Я и старее ее, а умирать не думаю".

Антон Федорович Шванебах, служивший в артиллерии, был

женат на дочери биржевого маклера Шпальдинга. Шванебах был человек приятный, веселый и любимый всеми; жил у тестя своего, которого все считали человеком достаточным и честным. В 1795 году у Шванебаха крестили сына. Батюшка и матушка были на крестинах, данных очень пышно; они, как и все гости, были обижены дерзким обращением и спесью кассира Заемного банка Кельберга и жены его, осыпанной кружевами и бриллиантами. Кельберг грубил всем и каждому. Батюшка сказал Антону Федоровичу: "Ну, братец, если ты станешь принимать и впредь таких наглецов, то меня не зови". Шванебах извинился тем, что принимает Кельберга из уважения к своему тестю, который имеет с ним дела. На другой день утром батюшка получает записку от Шванебаха: "Приезжайте, ради Бога, поскорее: тесть мой опасно занемог". Батюшка поспешил к ним. Входит в комнату, здоровается с Шванебахом и видит, что идет к нему навстречу Шпальдинг, причесанный, как тогда водилось, в утреннем сертуке. "Верно, он с ума сошел! – подумал батюшка. – Лезет целоваться; не откусил бы он мне носу". Этого не случилось, но Шпальдинг, поздоровавшись с ним, сказал ему:

– Вообразите, Кельберг бежал в эту ночь с женою.

– Да мне до того какое дело! – вскричал отец мой, – черт его побери и с нею.

– Но вы знаете, что он кассир Заемного банка, и у меня с ним были денежные дела. Что мне посоветуете сделать?

– Советую вам отправиться сию минуту к полицмейстеру и объявить все, что знаете, – проговорил отец мой, взял за руку Шванебаха и вывел в переднюю.

– Увольте меня, Антон Федорович, от подавания советов вашему тестю: дело это плохое и пахнет Сибирью. Ему я не помогу, а себя могу сгубить.

С сим словом он вышел из дому. Кельберга с женой поймали. Оказалось, что в кассе недостает важных сумм. Куда они девались? Кельберг давал их Шпальдингу, а тот действовал ими на бирже. Поднялось ужасное дело. Многие лица были в нем замешаны. Кончилось оно уже при императоре Павле: Кельберга, его жену, Шпальдинга лишили прав состояния и честного имени, ошельмовали публично и сослали в Сибирь. Менее виновных наказали легче, а недостающую в кассе сумму взыскали со в с е х чиновников банка, с виноватых и с правых, и в с е х отставили от службы. Вот тогдашнее правосудие! Это дело, разумеется, наделало много шуму. В день исполнения казни, когда все наше семейство сидело за ужином и толковало об

этом странном событии, батюшка сказал: "Ну, теперь это дело кончено, и я расскажу вам, в какой я был беде. Слушайте. За несколько месяцев пред сим (это было еще при Екатерине) приглашает меня к себе генерал-прокурор (граф Самойлов), приводит в своей кабинет, где в то время был управляющий Тайною канцеляриею Макаров, и говорит: – В таком-то месяце вы советовали жене одного государственного преступника искать пособия у какого-то господина, живущего на Петербургской стороне и имеющего орден. Спрашиваю вас, именем государыни, кто этот господин? Подумайте и отвечайте.

Я начал ломать себе голову и называть всех знакомых мне кавалеров, живущих на Петербургской стороне.

– Петр Иванович Мелиссино?

– Нет!

– Алексей Иванович Корсаков?

– Нет!

– Более не знаю там никого, ваше сиятельство!

– Постарайтесь вспомнить. Оставайтесь здесь в кабинете. Я еду к государыне и возвращусь через час. Если вы до того времени не вспомните, то отдам вас на руки его превосходительства!

С сими словами указал он на Макарова, вышел с ним и замкнул за собою кабинет. Я остался в недоумении и страхе. Совесть моя была чиста, но память изменяла. Вижу часовая стрелка приближается к роковой минуте. Вдруг раздался в воротах стук кареты графа. Это подействовало на меня как громовый удар, и в ту же секунду вспомнил я все дело, сел за стол и стал писать. Отворилась дверь, и вошел граф.

– Ну что же, г. Греч!

– Вспомнил, вспомнил! – закричал я. – Дайте дописать.

Граф оставил меня. Я написал, что знал, вышел к графу в другую комнату и подал ему записку. Прочитав ее, он сказал: "Хорошо. Узна́ю, правда ли, и потом дам вам знать. Извольте идти". С тех пор я ждал каждый день, что меня призовут к суду и допросу, но ныне все кончилось, и я могу сообщить вам мой страх и теперешнее успокоение. Записка же моя была следующего содержания: "Жена находящегося под судом биржевого маклера Шпальдинга, которого я знаю по приязни с зятем его, артиллерии капитаном Шванебахом, приезжала ко мне тогда-то и, объявив, что дело ее мужа поступило в Сенат, умоляла меня помочь ему, так как я служу в Сенате. Я объявил ей, что это дело не по тому департаменту, в котором я служу. – А по которому? – спросила она. – По первому. – А кто оное произво-

дит? — Обер-секретарь и к а в а л е р Иван Иванович Богаевский, живущий на Петербургской стороне в своем доме".

— Вот вам, дети, урок! — сказал мой отец. — Как должно быть осторожным в делах судебных. Сообщение простого адреса показалось признаком преступления, и если б я не вспомнил, в чем дело, то подвергся бы розыску в Тайной канцелярии.

Тайная канцелярия! ужасное слово, ужасное дело! Если бы Александр Первый не сделал ничего во всю свою жизнь, кроме уничтожения Тайной канцелярии, и тогда имя его было бы бессмертно и благословляемо. Люди не ангелы, и чертей между ними много, следственно, полиция, и строгая полиция, необходима и для государства, и для всех честных людей, но действия ее должны быть справедливы, разборчивы, должны внушать доверенность людям честным и невинным. В последние годы царствования Александрова опять было зашевелилась старая з а с т е н о ч н а я политика, но, слава Богу, ныне не то. Николай Павлович строг и взыскателен, но благороден и откровенен. Употребляя таких людей, как граф Бенкендорф, граф Орлов, Максим Яковлевич фон Фок, Леонтий Васильевич Дубельт, он отнял у высшей полиции все злобное, коварное, мстительное. Дай Бог ему много лет здравствовать!

Возвращусь в Шванебаху. Он умер лет за двадцать пред сим. Один сын его, Христиан Антонович, служит с честью у принца Ольденбургского. Я с удовольствием увиделся и познакомился с ним на обеде у профессора Якоби. Он напомнил мне чертами лица своего доброго и умного отца. Другой сын Антона Федоровича, видно, родился в дедушку: был подполковником инженеров путей сообщения и обворовал ужасным образом Смоленское шоссе. От него пострадал смоленский губернатор Николай Иванович Хмельницкий; сам же Шванебах умер на гауптвахте на Сенной. Дед его, Шпальдинг, в царствование Александра был возвращен из Сибири и умер в Смоленске, в доме одной из дочерей своих, бывшей замужем за тамошним аптекарем.

Ф а м и л и я Б р и с к о р н.

Родоначальником ее придворный аптекарь Максим Брискорн. Детей у него было как склянок в аптеке, и все они процвели и распространились. Так как они были в дружбе с моим отцом, а некоторые из них и на меня имели непосредственное влияние, то я и опишу всю эту фамилию. Иван Максимович был финляндский помещик, человек очень добрый и умный, часто приезжал к отцу моему с своего геймата, расхваливал тамошнюю свою жизнь и советовал нам туда переселиться. Карл Максимович был прокурором в Риге; Яков Максимович — вице-губернато-

ром в Митаве, а потом в Тифлисе; жена племянника его, В.И.Фрейганга, описала его кончину в изданном ею Путешествии на Кавказ. Максим Максимович (отец нынешнего тайного советника Максима Максимовича) был в военной службе и в начале царствования Павла служил майором в Перновском гарнизоне. Жена его, лифляндка, связала из доморощенной овечьей шерсти пару перчаток и послала их при немецком письме к императору Павлу, прося его употребить эти варежки в холодную погоду на вахтпараде. Это наивное предложение понравилось Павлу. Он приказал послать ей богатые серьги из Кабинета при письме на немецком языке. Оказалось, что ни один из статс-секретарей его не знал немецкого языка; вытребовали для этого чиновника из Иностранной коллегии, и прислан был коллежский советник Федор Максимович Брискорн.

Воспитание его сопряжено с любопытным эпизодом. Пред вступлением в первый брак императора Павла, дали ему для посвящения его в таинства Гименея какую-то деву. Ученик оказал успехи, и учительница обрюхатела. Родился сын. Его, не знаю почему, прозвали Семеном Ивановичем Великим и воспитали рачительно. Когда минуло ему лет восемь, его поместили в лучшее тогда петербургское училище, Петровскую школу, с приказанием дать ему наилучшее воспитание, и, чтоб он не догадался о причине сего предпочтения, дали ему в товарищи детей неважных лиц; с ним наравне обучались: Яков Александрович Дружинин, сын придворного камердинера; Федор Максимович Брискорн, сын придворного аптекаря; Григорий Иванович Вилламов, сын умершего инспектора классов Петровской школы*; Христиан Иванович Миллер, сын портного, и Илья Карлович Вестман, не знаю, чей сын. По окончании курса наук в школе, государыня Екатерина II повелела поместить молодых людей в Иностранную коллегию, только одного из них, Дружинина**, взяла секретарем при своей собственной комнате. Великий объявил, что желает служить во флоте, поступил, для окончания наук, в Морской Кадетский корпус, был выпущен мичманом, получил чин лейтенанта и сбирался идти с капитаном Муловским в кругосветную экспедицию. Вдруг (в 1793 г.) заболел и умер в Кронштадте. В Записках Храповицкого сказано: "Получено известие о смерти Сенюшки Великого". Когда он был еще в Петровской

---

*Примечание Греча о Вилламове – см. ниже.
** Примечание Греча о Дружинине – см. ниже.

школе, напечатан был перевод его с немецким подлинником, под заглавием: "Обидаг, восточная повесть, переведенная Семеном Великим, прилежным к наукам юношею".

Андрей Андреевич Жандр в детстве своем видал Великого в Кронштадте, где тот катал ребенка на шлюпке, сидя у руля...*

Обратимся к Брискорнам. Последний из совоспитанников Великого был Федор Максимович Брискорн: он, наравне с другими, поступил в Иностранную коллегию, был секретарем посольства в Голландии и, как я сказал выше, попал в секретари к императору Павлу. Государь иногда жестоко журил его, но однажды, в жару благоволения, подарил ему богатое поместье в Курляндии. При вступлении на престол императора Александра, Брискорн был назначен сенатором. Он был человек умный и дельный, но притом странный, скрытный, недоверчивый, мнительный и имел одного друга, некоего надворного советника Кнорре. Это был человек тоже умный, но хитрый, лиса в медвежьей шкуре, словом, большой плут. Брискорн жаловался ему однажды, что получает мало дохода с пожалованного ему курляндского имения, в соразмерности с капиталом, которого оно стоит. "Послушайтесь моего совета, – сказал Кнорре, – продайте это имение и употребите капитал на извороты: я знаю людей, и верных людей, которые дадут десять процентов и более. А между тем стерегите, не продается ли где имение в России по дешевой цене. Вы его купите и будете иметь вдвое более дохода против курляндского". Брискорн послушался: продал имение, а деньги отдал другу Кнорре, чтоб пустить их в оборот. Между тем приглянулось ему наше родовое поместье Пятая Гора, которое бабушка непременно хотела сбыть с рук, и он, согласившись в цене (155 т. р. асс.), дал 15 т. р. в задаток. Родственники его давно негодовали на тесную связь его с Кнорре, и один из его зятьев, статский советник Федор Федорович Шауфус, долго следив за подвигами и проделками Кнорре, объявил Брискорну, что друг его обманывает. Брискорн перепугался и, вместо того чтоб обследовать дело осторожно, накинулся на Кнорре и стал требовать у него своих денег. Кнорре не оробел: оскорбленный этой недоверчивостью, он объявил, что у него денег никаких нет, ибо он действительно не давал Брискорну расписок в получении их. Брискорн поднял тревогу, обратился к государю и просил, чтоб дело рассмотрели.

---

* Вся эта история о Семене Великом и его товарищах еще раз изложена Гречем во второй половине воспоминаний.

Кнорре был схвачен и объявил, что сенатор Брискорн употреблял его агентом для лихоимства, отдачею денег взаймы за большие сверхзаконные проценты, и вместо денег представил векселя разных промотавшихся, несостоятельных лиц. Его стали судить, но и господин сенатор был обвинен в ростовщичестве и лихоимстве. Брискорн получил часть своих денег с большим трудом и, войдя в спор с вдовою Струковою, на которую имел претензию, для решения дела, женился на ней. Две его дочери замужем за бар. Мейендорфом и за Алексеем Ираклиевичем Левшиным. Брискорн умер около 1824 г., в именье жены своей, которая, говорят, соорудила над его прахом великолепную церковь.

Младший из Брискорнов был Александр Максимович. Он лежал в оспе, когда хотели привить ее великому князю Александру Павловичу. У него взяли из руки материю для прививки, и, когда великий князь благополучно перенес болезнь (тогда была оспа не коровья, а натуральная: ужасная, смертельная), мальчика записали в Инженерный корпус, хотя он был и не ф о н. Он подружился с дядюшкою Александром Яковлевичем Фрейгольдом и был у нас вхож в доме. Он был в молодости человек умный, приятный, хороший актер, большой забавник. Это было в 1795–1800 годах. Потом видел я его в 1804 году у Федора Максимовича Брискорна; живя несколько лет, по службе, в Риге, он онемечился, толковал о немецкой литературе, о Шиллере, о Гете и т.п. Потом стал он придерживаться чарочки и в то же время обратился в гернгутеры, вышел в отставку и поселился в доме, купленном им у шурина своего, Шауфуса, на Выборгской стороне, подле Сампсониевского кладбища. Шауфус выпросил себе это место по упразднении кладбища. Однажды (в 1822 г.) пошел я из любопытства в Мальтийскую католическую церковь на проповедь славившегося тогда пастора Линдля. Вижу, сидит старичок в запачканном сюртуке, с грязною в руках военною фуражкою и внимательно слушает проповедь. Лицо что-то знакомое. Нет! не может быть; это какой-то красноносый пьяница, а Брискорн был молодец, даже франт. При выходе из церкви, он подошел ко мне и сказал: "Так-то узнают старых приятелей!" Боже мой! Это действительно был Александр Максимович. О дальнейших его похождениях, имевших косвенное влияние и на мою участь, расскажу в своем месте.

Написав столько страниц о братьях Брискорн, упомяну для полноты и о сестрах. Катерина Максимовна Фрейганг, скончавшаяся в 1850 году, лет девяноста от роду, мать ориги-

нального поколения. Муж ее, сын знаменитого колбасника, учился медицине в Германии и был лейб-медиком императора Павла, в бытность его великим князем, но, к счастию России, за несколько времени до вступления его на престол, поссорился с ним и был выгнан. Он умер в 1814 г., пользуясь славою хорошего и ученого медика. Я сказал: "К счастию России". Действительно, если б он остался в милости у Павла, все эти Фрейганги были бы теперь министрами и т.п. Софья Максимовна была жена академика Кёлера, славного антиквария и тяжелого педанта. Мария Максимовна Леман — жена бывшего управителя или камердинера князя Потемкина. Анна Максимовна Шауфус — милая и любезная дама. Муж ее был неглупый, но беспокойный немец. Я слышал, что под конец своей жизни она была очень несчастлива. Сущая живая икра все эти поколения Брискорнов, Рашетов, Фрейгангов, разнородные, странные, умные, глупые, добрые, злые!

Полагаю, что эти предварительные сведения о лицах, которые будут встречаться в продолжение моих Записок, совсем не лишние: это исчисление действующих лиц драмы, с показанием их характеров и костюма. Действия и речи их впереди*.

Обращаюсь вновь к самому себе и напишу несколько воспоминаний о детстве моем, не в хронологическом порядке, ибо, право, теперь не помню, что прежде чего происходило.

У матушки моей была приятельница Катерина Игнатьевна Кудлай, у которой три сына Николай, Дмитрий и Иван были придворными певчими, а дочь от первого брака, Аксинья Никитична, замужем за коллежским асессором Костенским, служившим при царскосельской ассигнационной бумажной фабрике. Матушка с нами переселилась на лето в Царское Село и жила у них. Дом, в котором они жили, каменный, в два этажа, на берегу пруда, подле бумажной фабрики, еще существует. В моем романе "Поездка в Германию" описал я чувства, которые волновали меня, когда я, лет через двадцать, вновь вошел в этот дом. В тогдашнее время переселялись на лето в Царское Село из экономии. Съестные припасы из царской кухни продавались за бесценок. Батюшка часто навещал нас и иногда приходил из Петербурга пешком, куря неоцененную свою трубку. Я помню это пребывание в Царском Селе, как сквозь сон. Помню устроенную для игры маленьких великих князей беседку, обитую внутри сукном на вате, чтоб дети не могли ушибиться. Не раз играл я там с братом Александром.

* Здесь на полях рукописи ПБ запись Н.И.Греча "4 авг. 1851 г." — зачеркнуто.

Дети Екатерины Игнатьевны всегда были преданы нашему дому и фамилии, как увидите впоследствии. Все они перемерли; не знаю, остались ли у них наследники их имени. Николай Михайлович Кудлай умер в 1823 г., в клинике Медико-Хирургической Академии, от чахотки. Елисавета Павловна Борн, по моей просьбе, снабжала его кушаньем, по близости своего жительства. Дмитрий Михайлович Кудлай в молодости был франтом и чувствительным мечтателем и женился на дочери начальника своего (по бумажной фабрике) Крейтора. Жена его помешалась на святости. Он бывал у меня в 1825 г.; умер, как я слышал, от невоздержания. Иван Михайлович Кудлай был странствующий Жилъ Блаз. По выпуске из Певческого корпуса он не хотел нигде служить, а поживальничал в Петербурге, в Царском Селе, в Павловске, в Петергофе и пр. С ним сделалось удивительное дело. В детстве у него был необыкновенный дискант; потом пропал, а на двадцатом году возобновился и держался очень долго. Однажды братья долго не видали его после сильной ссоры, причиненной его леностью и распутством. Дмитрий Михайлович, великим постом, входит в Кабинетскую церковь (в нынешнем Аничковском дворце) и вдруг слышит кант: "Да исправится молитва моя", исполняемый несравненным, чистым, свежим дискантом; протесняется сквозь толпу и видит на клиросе не мальчика, не девицу, а дюжего брата Ивана. Это дарование открывало ему вход повсюду: его кормили, поили, одевали, ласкали... Помнится, он наконец пропал без вести.

Важною эпохою в пробуждении моего ума и воображения было первое посещение театра, в конце 1794 года. Давали на деревянном театре, бывшем на Царицыном лугу, русскую комедию "Поскорей, пока люди не проведали" и за ней балет "Арлекин, покровительствуемый феею". Это зрелище произвело на меня сильное действие: возродило в душе моей мир мечтаний и фантазии. Только при фейерверке, которым оканчивался балет, я спрятался под скамью ложи. Второю виденною мною пиесою была комедия же "Честное слово", в которой понравилась мне сцена, как охотник в лесу развязывает узел, стелет на земле салфетку, вынимает нож, вилку и дорожный запас и начинает завтракать. Эту сцену повторял я неоднократно сам. Потом видел я "Начальное представление Олега", великолепную драму, сочиненную Екатериною II, бывал несколько раз в итальянской опере и теперь еще очень хорошо помню певцов Ненчини (друга тетки Булгарина), Мандини, певиц Сапоренти и Гаспарини; помню представление "Севильского

цирюльника", с музыкою Паизиелло, очень помню романс Альмавивы, удержанный и в опере Россини; видел французскую оперетку "Les deux petits savoyards", помню арию "Sachez, que Jeannette". Все это питало мое воображение, переселяло меня в мир чудесный, небывалый и возбуждало любовь и страсть к музыке и литературе. К упомянутым выше сего книгам, занимавшим меня в детстве, должен с благодарностью прибавить "Детскую Библиотеку" Кампе, переведенную Шишковым: я выучил ее наизусть, но должен сказать, к чести моего детского чутья: я чувствовал неравенство слога в разных ее частях и заключал, что она написана не одним, а многими. Иногда прислушивался я, когда Парадовский, чтец искусный и умный, читал матушке моей поэмы и романы, переведенные на русский язык: "Иосифа" Битобе, пер. Фонвизина, "Бианку Капелло" и повести Мейснера, пер. Подшивалова. В это время проявилась во мне охота и способность рассказывать и импровизировать. Я имел дар возбуждать внимание сверстников своими рассказами. Об этом узнал я очень поздно. Однажды, в 1814 году, в полной приемной зале военного генерал-губернатора Вязмитинова, рассказывал я о каком-то происшествии тогдашней войны, кажется, об обстоятельствах покорения Парижа. Все слушали меня с напряженным вниманием. По окончании рассказа, подошел ко мне один полковник и сказал: "Не знаю, кто вы, но вы должны быть Николаша Греч: тому назад двадцать лет вы рассказывали точно так". – "А вы – Костенька Васильев", – возразил я ему. Точно, это был Константин ...* Васильев, внук Кострецовой, хозяйки дома у Симеона, где мы жили.

Матушка видела мою внимательность, радовалась ей и всячески старалась удовлетворить моей жажде к познаниям. Лучше было бы отдать меня в какую-нибудь хорошую школу, например в Петровскую, но это не сбылось. Батюшка, замечая мою охоту к ученью, также радовался этому, соглашался, что нужно дать мне надлежащее обучение, но все отлагал до Нового года, до Святой, до сентября, опять до Нового года и т.д.

Когда дела отца моего поправились вступлением в службу, жизнь в доме нашем сделалась приятною и веселою. Добрые приятели у нас обедали, играли в карты, танцовали. В числе их не могу пройти молчанием товарища моего отца по службе в Экспедиции казначейства Данилу Ивановича Кюля (Kühl): он был умный и приятный собеседник и предал в нашем доме имя свое бессмертию тем, что первый ввел у нас б о с т о н,

---

*Многоточие на месте забытого Гречем отчества.

вместо прежних виста и ломбера. Помню, как пламенно любители карт в то время восхищались новою игрою. Теперь она забыта. Вист, преданный тогда остракизму, опять вступил в свои права и уже вновь трепещет пред преферансом, ералашем и тому подобными великими изобретениями. Кюль приводил к нам иногда побочного сына своего Андрея: он был постарше меня, не глуп, но очень резв, ленив и дерзок. Добру мы от него не научились. Близкими нам приятелями были А.М.Брискорн и Егор Астафьевич Брюммер, друг и товарищ дядюшки Александра Яковлевича Фрейгольда, любимый им, могу сказать, страстно. Я писал выше, каким образом бабушка Христина Михайловна испортила службу и всю судьбу своего сына. Не кончив еще польского похода, в 1794 г. Александр Яковлевич прибыл в Петербург и остановился в доме моего отца, в отдельной квартире, которая принадлежала к нашей. Он занялся мною и стал учить меня тому, что знал сам – арифметике, по старым своим корпусным тетрадям. Он толковал мне правила математические ясно и основательно. Я учился охотно и с успехом, но не мог пристраститься к точным наукам. Все бы читать что-нибудь и составлять самому. Действительно, у меня занятия сочинениями предупредили грамоту. Величайшим удовольствием моим было, проснувшись рано утром, рассказывать брату Александру не минувшие, а будущие приключения наши. Мы служили с ним то в статской, то в военной службе, воевали, страдали от ран, получали награды, возвышались чинами; я женился на Анне Ивановне Нордберг, а он на другой красавице и т.д. Он слушал меня с восторгом и иногда смягчал или усиливал вымышляемые мною удары судьбы, но вообще им покорялся. Он был очень резв и не любил занятий, но слушанье этих сказок его укрощало. Видя, что я расположен сочинять, он вызывал меня словами: д а в а й г о в о р и т ь, которые впоследствии, от частого употребления, превратились в звуки д а у э г и ... Скудное, одностороннее воспитание, скажете вы, но оно не мешало свободному развитию понятий, не стесняло их формами. Неужели полезнее было бы склонять mensa, mensae? Не должно, однако, думать, чтобы Александр Яковлевич Фрейгольд был только сухой математик: нет, он любил чтение книг и сам писал очень умно, хотя и не совсем правильно. Если б он получил порядочное, классическое образование, то непременно сделался бы хорошим литератором. Он писал и стихи в шуточном и сатирическом роде, но они оставались в тесном кругу его друзей. Однажды, при возвращении друга его Брюммера из какой-то командировки, прождав его

целый день, он вышел из терпения и написал экспромт на р я б о г о своего друга:

Скверна Брюммерова рожа,
Никуда она не гожа,
Словно, словно как рогожа,
И на дьявола похожа.
Вся источена червями
Иль царапана ногтями;
Сердясь, морщит он бровями,
Что изрыт он так свиньями.
Это шутка, всеконечно,
Ты, приятель, это знай,
И от любящих сердечно
Ты хвалу днесь принимай.
Хоть наружностью ты скверен,
Но душа в тебе добра;
Ты друзьям своим всем верен,
Никому не сделал зла.
Чти, приятель, добродетель,
Так как должно ее чтить:
Добрых дел твоих свидетель
Не оставит наградить.

Стихи эти теперь кажутся очень плохими; они и тогда были не слишком хороши, но я не мог не привести их; всякая строчка, всякое слово, напоминающие мне о благородном, незабвенном Александре Яковлевиче, для меня неоцененны. Жаль, что я не помню стихов его на курьезную коллекцию бывшего впоследствии вотчимом его, Ивана Егоровича Фока:

Как комодик свой откроет
И бумажки все разроет,
Сколько, сколько там вещей,
Молотков разных, клещей.
Там старинные антики,
Хоть ценою не велики, и т.д.

"Подумаешь и посравнишь век нынешний и век минувший! Свежо предание, а верится с трудом". Ныне не поверят, как отправлялась военная служба

в тот громкий славою Екатеринин век!

Александр Яковлевич Фрейгольд раза два в месяц ходил в караул, на арсенальную гауптвахту. Этот день был для нас, детей, праздником. Утром дядюшка надевал мундир, красный, с черными бархатными отворотами, и отправлялся на службу. Обеденное кушанье носили к нему на гауптвахту, а после обеда вся фамилия с гостями, какие случались, отправлялась к нему

на вечер. Он принимал гостей в утреннем сертуке, похожем на халат, в красных сафьянных сапогах. Раскрывались ломберные столы, и бостон вступал в свои права. Николай Михайлович Кудлай приносил скрипку и играл в антрактах; братья его пели стихи Державина на свадьбу великого князя Александра Павловича:

Амуру вздумалось Психею
Резвяся поймать,
и пр.

За круглым столом маменька разливала чай, а мы бегали по комнате и резвились. В девятом часу являлся сержант, рапортовал, что все обстоит благополучно, и получал приказание бить зорю. Часу в одиннадцатом подавали холодный ужин, потом гости расходились, и денщик стлал постель караульному офицеру.

Солдатами помыкали офицеры, как крепостными людьми, и наряжали их в частную службу. У нас случилась покража. Что ж? В продолжение целой зимы из роты Александра Яковлевича Фрейгольда наряжали к нам на каждую ночь двоих часовых. Солдаты были очень рады этой службе: их кормили и поили вдоволь, и, под предлогом охранения дома, они спали преспокойно всю ночь. Нам, детям, этот постой был очень приятен: мы заставляли солдат рассказывать о походах и слушали их со вниманием и восторгом. В числе их случались и барабанщики: от них мы выучились мастерски бить в барабан, и я однажды изумил до чрезвычайности детей моих, ударив дробь на барабане с большим искусством. Они не подозревали во мне этого военного художества и не так бы удивились, если б я заговорил по-китайски.

Дома для нас праздничным днем была середа. И почему? Батюшка в этот день обыкновенно обедал не дома, а у некоей мадам Михельц, богатой, умной, образованной вдовы немецкого купца, жившей в довольстве и добре на Невском проспекте, в доме Петровской церкви. Она собирала у себя по средам хорошую компанию, преимущественно мужчин, потчевала их хорошим обедом и находила удовольствие в их беседе. Все старались ей угождать, прислушивались к ее желаниям и т.п., особенно по той причине, что она, не имея ни детей, ни других родственников, давала знать, что раздаст после смерти свое имение своим приятелям и знакомым. Она скончалась в исходе девяностых годов, распределив действительно в с е м своим середовым гостям имение свое по ровной части, так что каждому досталось

понемногу. Наследство разделили не вскоре после смерти, потому что должно было списываться с чужими краями. Доля моего отца была ему выплачена в 1802 г., когда он был в крайности, и это обрадовало матушку и всех нас. Нрав моего отца был так неровен, что мы считали тот день счастливым, когда обедали без него. Матушка была строже его, но она была справедлива и всегда одна и та же: мы и любили ее больше, и боялись. Его же только опасались.

На осьмом году от рождения испытал я первое сильное горе: в феврале 1795 г. умер брат мой Павел, на пятом году жизни, как полагают, вследствие застуды бывшей на нем оспы. Все мы были до крайности огорчены его потерею. До сих пор не могу я сносить запаху мускуса, которым пахло последнее данное ему лекарство. В искренней печали моей я написал на этот случай стихи, без меры, без грамматического толку, но с рифмами и — с чувством, которое глубоко тронуло матушку... Не понимаю, как отец мой не употребил всех средств, чтоб дать мне воспитание литературное. Меня все в доме звали профессором, но отнюдь не в похвалу, а в насмешку, разумея под этими словами тяжелого педанта, горбатого и безобразного.

Некоторые тогдашние связи и примеры имели неблагоприятное влияние на нравственность нашу. У сестры Кати была няня, офицерская вдова, обедавшая с нами за столом, Пелагея Тихоновна Верещагина. С нею жил у нас и сын ее, детина лет двадцати, служивший в Экспедиции о доходах, человек очень шаткой нравственности и вредный своим образом жизни. Еще невыгодно было для нас обращение с негодным мальчишкою, сыном жившего в одном с нами доме булочника. Впрочем, трудно уберечь мальчиков от дурных знакомств, да и, может быть, было бы бесполезно: обращение с людьми разных характеров заставляет узнавать людей и развивает понятие об общежитии. Люди, которые обходятся только с честными и благородными людьми, становятся односторонними и привыкают считать всех людей или ангелами, или чертями.

Рассудок и память моя укреплялись. Очень памятен мне 1796 год. У отца моего был близкий приятель, инженер-полковник Самуил Иванович Крейц, родом голландец, поступивший в русскую службу с Сухтеленом, де Волантом, де Виттом и другими нидерландскими инженерами, человек очень умный и образованный. Он был вдов, имел одного сына, большого болвана, и намерен был жениться на тетушке Елене Ивановне. Вдруг, в марте 1796 г., он заболел и неожиданно умер. Опеку над ним вверили моему отцу, который оттого имел много забот и досад.

По этому случаю мы, т.е. я и брат Александр, ездили с ним в Царское Село, к генералу Сухтелену, который жил в Софии, в доме, занимаемом потом Александровским Кадетским корпусом. У Сухтелена видел я Барклая-де-Толли, бывшего, помнится, в то время подполковником; он произвел сильное во мне впечатление строгою и умною своею физиономиею и Георгиевским крестом, который я увидел на нем в первый раз в жизни. Гуляя по саду, встретились мы с прогуливающеюся императрицею. Ее вел под руку какой-то генерал. Великие князья, Александр и Константин, шли подле нее. За ними шла толпа придворных и народа. Музыка играла польский. Зрелище это затаилось в моей памяти вместе с сопровождавшими его звуками. Лет через двадцать И.К.Борн заиграл этот польский (Козловского, из оперы "Adèle et Dorsan"), и знакомые тоны вызвали из глубины души моей зрелище, виденное мною в детстве.

25 мая [1796 г.] все наше семейство отправилось на острова. Помню Каменный Остров с каменною тонею, сад Строганова... Мы прошли на Черную Речку. Ныне там ряд великолепных и изящных домов. Тогда это была простая деревня, к тому еще до половины выгоревшая. Мы расположились в одном крестьянском доме, чтоб напиться чаю. Хозяйка предложила отдать его нам внаймы. "А что цена?" – спросил батюшка. – "Двадцать пять рублей, сударь, ни копейки менее", – отвечала она. Ей дали в задаток пять публей, и чрез неделю мы переехали. Кроме нас, никого не жило в деревне. Все помещались в одной избе. Кухня устроена была на берегу в яме, обведенной рогожами на шестах. Скудно, бедно, неловко, а весело. Этот год кажется мне самым счастливым в моем детстве. Дядюшка Александр Яковлевич Фрейгольд приезжал к нам частенько и привозил других гостей. Мы ходили гулять по окрестностям, катались на яликах, причем я выучился мастерски действовать веслом. В воскресенье бывала музыка в саду Строганова. Туда стекалась многочисленная публика. Сам старик, граф Александр Сергеевич Строганов, сидел с своею компаниею на крыльце и любовался картиною движущегося народа. Батюшка служил секретарем департамента, в котором он, Строганов, был сенатором, следственно, был ему знаком; к тому он пользовался большим с его стороны благоволением. Граф крестил сестру Лизу и брата Павла (меньшого). Граф жаловался однажды, что ни один из посетителей не вздумает пить чай на пригорке, за озером, перед его домом. Батюшка сделал ему это удовольствие: в одно воскресенье принесли туда столик, самовар и чайный прибор, и мы расположились на пригорке.

В саду не было ни кофейни, ни трактира. Графские люди продавали все съестное и питейное, и очень дешево, потому что запасались провизиею из графских кладовых. В одной стороне сада устроена была галерея для танцев; в ней играла музыка. Вокруг ее разбиты были палатки, в которых можно было иметь кушанье и напитки. Раз проходили мы мимо графа, сидевшего на крыльце.

— Что твои немцы, — спросил он у батюшки, — веселятся ли?

— Нет, ваше сиятельство, ждут вас, чтоб открыть бал.

И почтенный старичок сам отправился в галерею, велел играть польский и, подняв первую немку, пошел танцовать с нею. За ним последовали прочие, и бал закипел.

В последние годы жизни Екатерины уже не было тех празднеств, турниров и т.п., которыми блистали первые годы, когда все еще веселье было большое и искреннее. Однажды государыня приказала князю Зубову привесть в ней графа Строганова. Он отправился на большом катере с пушками, атаковал его дачу, сделал десант. Граф Строганов отпаливался своими пушками, наконец спустил флаг, был взят в плен и отвезен во дворец. Строганов, Нарышкин и т.д. были представителями забав аристократии благородной и чувствующей свое достоинство. Но Безбородки, Завадовские, Храповицкие и прочие выскочки тешились не самым приличным образом. Безбородко был то же, что ныне бык Вронченко, только в большом размере. Каждую субботу после обеда, надевал он синий сертук, круглую шляпу, брал трость с золотым набалдашником и клал сто рублей в карман. Вооруженный таким образом, посещал он самые неблагопристойные дома. Зимою по воскресеньям бывал он всегда в маскарадах у Лиона (в нынешнем энгельгардтовом доме, где магазин русских изделий) и проводил время среди прелестниц часов до пяти утра. В восемь часов его будили, окачивали холодною водою, одевали, причесывали, и, полусонный, он ездил во дворец с докладом, но пред входом в кабинет государыни стряхивал с себя ветхого человека и становился умным, сериозным, дельным министром. Однажды государыня прислала за ним из Царского Села. Гонец застал его среди пламенной оргии. Безбородко приказал пустить себе кровь из обеих рук, протрезвился и отправился. Государыня спросила у него: готова ли такая-то бумага. — "Готова, ваше величество", — отвечал он и, вынув из-за пазухи другую какую-то бумагу, прочитал, чего требовала государыня. "Хорошо, — сказала она. — Только мне хотелось бы пройти самой эту бумагу с пером. Подай ее!" Он упал на колени и признался в обмане.

Наконец государыне надоела эта гениальная Lüderlichkeit*, и она очень деликатно дала графу Безбородко почувствовать, что он стареет, что ему трудно рано вставать, и просила его присылать к ней, вместо себя, кого-нибудь из своих секретарей. Граф выбрал колл. сов. Дмитрия Прокофьевича Трощинского. Он ездил с докладами к государыне и вскоре заслужил ее благоволение. Она пожаловала ему (в этом чине) второго Владимира под предлогом, что не привыкла работать с секретарем без звезды, и потом, узнав, что он небогат, пожаловала ему три тысячи душ. Трощинский был человек умный, сметливый, трудолюбивый и очень добрый. Наружность его была самая приятная. Он сгубил себя связью с какою-то гадкою бабою, известною под именем Матрешки, на которой впоследствии женился. Тогдашние министры были не ангелы: высокомерны, не очень доступны, иногда пристрастны, но в них было более добродушия и простоты, более человеколюбия и снисхождения к слабостям людским. В то время не было этих монархических Робеспиеров, которые готовы, на основании законов, казнить отца родного, только бы не прослыть человеком слабым и подкупным. Они хотят быть справедливыми, но справедлив один Бог, а мы, люди, должны быть терпеливы и снисходительны.

Другие новоиспеченные вельможи были таковы же: Завадовский был пьяница и умер (в янв. 1812), вспомнив старинку, как говорили, с старым другом своим, князем Лопухиным. Храповицкий, человек большого ума и дарований, был большой гуляка. Однажды приехал в Петербург какой-то степняк по делам своим и, имея письмо к Храповицкому от одного важного человека в провинции, отправился к нему, но не застал дома. Оттуда поехал он на Крестовский Остров, вошел в трактир и, видя накрытый стол, сел и велел подавать обедать. Прислужник, полагая, что он принадлежит к компании, заказавшей обед, исполнил его требование. В это время вошла эта компания и расположилась за столом, один из ее членов, увидев чужого и заметив по его приемам, что он приезжий провинциал, стал над ним подтрунивать. Странник сначала отшучивался, но потом, когда нападения усилились, стал браниться, а наконец, отвечал за дерзость пощечиною. Завязалась драка, из которой степной герой вышел победителем, оставив под глазами краснорожих своих супостатов багровые следы своей храбрости. Выспавшись на другой день, он поспешил поранее отправиться

---

*Распущенность (*нем.*).

к Храповицкому. "Барин дома, – сказали ему, – но не очень здоров и никого не принимает". Приезжий приказал, однако, доложить о себе и сказать, что привез письмо от такого лица, которому Храповицкий ни в чем не откажет. И действительно, он был потом принят. Его ввели в спальню, завешенную со всех сторон. Приблизившись к постели, он с низким поклоном отдал письмо и прибавил комплимент от себя, но, лишь только раздались звуки его голоса, Храповицкий сказал ему:

– Ваш голос мне что-то знаком. Я вас видел, а где – не помню.

– Быть не может, – отвечал тот, – чтоб я имел это счастие. Я только вчера приехал в Петербург.

– Нет, точно я вас знаю, – сказал Храповицкий и велел поднять стору.

Степняк взглянул на него и обмер: это был тот самый человек, которого он приколотил накануне. Храповицкий, позабавившись его смущением, подал ему руку и сказал: "Ну полно, помиримся. Сделаю для вас, что могу, а кто старое помянет, тому глаз вон". Он не только сделал все, что мог, для посетителя, но и принимал его с тех пор как друга...

Все это рассказываю я вам на лугу перед домом гр. Строганова. Жизнь на Черной Речке до того понравилась всему нашему семейству, что отец мой решился провести там и следующий год: наняли другой, просторный дом с садиком; пристроили к нему галерею; подле соорудили кухню и, в ожидании будущих благ, отправились осенью в город...

L'homme propose*. 6 ноября скончалась Екатерина, воцарился Павел, и не только наш дом на Черной Речке, и весь Петербург, и вся Россия опрокинулись вверх дном. Кроме того, что надлежало быть всегда наготове в городе, должно было для проезда чрез воздвигнутые тогда шлагбаумы предъявлять паспорт; впоследствии всяк, кто выезжал за город, обязан был трижды публиковаться в газетах, как отъезжающий за границу. Это называлось порядком и благоустройством.

Кончиною Екатерины прекратился славный, счастливый век России, но и этот век был не без пятен, не без страданий общих и частных. Главною помехою совершенному успеху царствования Екатерины была несправедливость и противозаконность вступления ее на престол. Венец царский принадлежал ее сыну. Она должна была тяжким трудом, великими услугами и пожертвованиями, действиями, противными ее сердцу и нраву, искупать то, что цари законные имеют без труда. Между тем, может

---

*Человек предполагает (*фр.*).

быть, эта самая необходимость и была отчасти пружиною великих и блистательных дел ее. Мне кажется, что она, успев во многом, ошиблась в одном: она жила слишком долго. Умри она по совершении двадцатипятилетия царствования ее, в начале 1787 года, тогда не имели бы мы второй войны турецкой, войны шведской, может быть, не последовало бы окончательного раздела Польши, вредного и пагубного России. Сын ее вступил бы на престол не на 43-м, а на 32-м году от рождения, еще не совершенно раздраженный и выведенный из терпения ее любимцами. Но – судьбы Божии неисповедимы[7]. Не хочу писать здесь историю Екатерины, упомяну о некоторых чертах ее жизни и характера, не всем известных. Царствование ее было не только славное и громкое; оно было вполне народное. Немецкая принцесса... Позвольте здесь ввести достойный внимания эпизод. Эта немецкая принцесса происходила от русской крови. Отец ее, принц Ангальт-Цербстский, был комендантом в Штеттине (как впоследствии и отец Марии Феодоровны) и жил с женою в разладе. Она (ур. принцесса Гольстинская) проводила большую часть времени за границею, в забавах и в развлечениях всякого рода. Во время пребывания ее в Париже, в 1728 году, сделался ей известным молодой человек, бывший при русском посольстве, Иван Иванович Бецкий, сын пленника в Швеции князя Трубецкого, прекрасный собою, умный, образованный. Вскоре, по принятии его в число гостей княгини Ангальт-Цербстской, она отправилась к своему мужу в Штеттин и там 21 апреля 1729 г. разрешилась от бремени принцессою Софиею Августою: в святом крещении Екатерина Алексеевна. Связь Бецкого с княгинею Ангальт-Цербстской была всем известна.

Екатерина II была очень похожа лицом на Бецкого (ссылаюсь на прекрасный его портрет, выгравированный Радигом). Государыня обращалась с ним как с отцом, поручила ему все благотворительные и воспитательные заведения. Он основал воспитательные дома, Смольный монастырь, был президентом Академии Художеств и т.п. Воспитанницы первых выпусков Смольного монастыря, набитые ученостью, вовсе не знали света и забавляли публику своими наивностями, спрашивая, например: где то дерево, на котором растет белый хлеб? По этому случаю сочинены были к портрету Бецкого вирши:

Иван Иваныч Бецкий
Человек немецкий,
Носил мундир шведский,
Воспитатель детский,
В двенадцать лет

Выпустил в свет
Шестьдесят кур,
Набитых дур.

Известно, что он дожил до глубокой старости. Екатерина была при нем в последние минуты его жизни.

Продолжаю: немецкая принцесса, прибывши в Россию, вела жизнь незавидную, но умела победить все препятствия. Граф Николай Петрович Румянцов, бывший при ней статс-секретарем и докладывавший ежедневно по делам иностранной политики, рассказал мне о ней следующий анекдот: "Дивятся все, — сказала она однажды, — каким образом я, бедная немецкая принцесса, так скоро обрусела и приобрела внимание и доверенность русских. Приписывают это глубокому уму и долгому изучению моего положения. Совсем нет! Я этим обязана русским старушкам. Не поверишь, Николай Петрович, какое влияние они имеют при всяком дворе. Я приехала в Россию, страну мне вовсе не известную, не зная, что меня там ожидает. Муж мой не терпел меня и сам не мог внушить мне ни любви, ни уважения. Тетка, Елисавета Петровна, обходилась со мною довольно ласково, но чуждалась сблизиться со мною и мало мне доверяла. Все глядели на меня с досадою и даже с презрением. Дочь прусского генерал-майора сбирается быть российскою императрицею. Однажды, в большом доме, в многолюдном обществе, когда речь зашла обо мне, стали меня осмеивать, унижать, только что не бранить. Вдруг бабушка хозяина, современница Петра Великого, за меня вступилась, стала уверять, что при дворе еще не бывало подобной мне принцессы и что я предназначена судьбою составить счастие и славу России. Все приутихли, все безусловно согласились со старушкою, и с тех пор ни одно оскорбительное слово не было произнесено на мой счет в этом доме. Я заметила это обстоятельство и вознамерилась им воспользоваться. И в торжественных собраниях и на простых сходбищах и вечеринках я подходила к старушкам, садилась подле них, спрашивала о их здоровье, советовала, какие употреблять им средства в случае болезни, терпеливо слушала бесконечные их рассказы о их юных летах, о нынешней скуке, о ветрености молодых людей; сама спрашивала их совета в разных делах и потом искренно их благодарила. Я знала, как зовут их мосек, болонок, попугаев, дур; знала, когда которая из этих барынь именинница. В этот день являлся к ней мой камердинер, поздравлял ее от моего имени и подносил цветы и плоды из ораниенбаумских оранжерей. Не прошло двух лет, как самая жаркая хвала моему уму и сердцу послышалась со

всех сторон и разнеслась по всей России. Самым простым и невинным образом составила я себе громкую славу, и, когда зашла речь о занятии русского престола, очутилось на моей стороне значительное большинство". В другой раз, говорил Николай Петрович, государыня, подписав, в веселом расположении духа, несколько поднесенных ей бумаг, одну за другою, спросила у него:

— Как ты думаешь, Николай Петрович, трудное ли дело управлять людьми?

— Думаю, государыня, что труднее этого дела нет на свете.

— И! пустое, — возразила она, — для этого нужно наблюдать два, три правила, не больше.

— Согласен, ваше величество, но эти правила составляют достояние и тайну великих и гениальных людей.

— Нимало. Эти правила довольно известны. Хочешь ли, я сообщу их тебе?

— Как не хотеть, ваше величество!

— Слушай же: первое правило — делать так, чтоб люди думали, будто они сами именно хотят этого...

— Довольно, государыня, — сказал тонкий царедворец, — если успею употребить это правило на деле, мне прочие уже не нужны.

И действительно, Екатерина умела употреблять это правило в совершенстве. Вся Россия уверена была, что императрица во всех своих делах только исполняет желание народа.

Сообщу еще два истинные случаи из ее царствования.

В девяностых годах произошла в одном петербургском трактире драка между армейскими офицерами и мастеровыми, причем несколько последних были изувечены и один убит. Произвели следствие и суд. По мнению всех инстанций, трое из подсудимых были виноваты кругом, а один в меньшей степени. На докладе Сената государыня смягчила наказание, к которому присуждены были три первые, но приговор над последним приказала исполнить. Генерал-прокурор, полагая, что эта резолюция положена по ошибке, доложил о том государыне и получил в ответ: "Нет, я не ошиблась. Трое не так виновны, а последний — злодей". Его сослали в Сибирь. Лет через двадцать обратился он к императору Александру Павловичу с просьбою о облегчении судьбы его. Дело пересмотрели в Совете, донесли государю, что люди, более виновные, давно получили прощение, и испрашивали помилования остальному. Государь согласился. Помилованный прибыл в Петербург и с жаром благодарил государственного секретаря А.Н.Оленина

за его предстательство. И что ж! Чрез полгода он оказался сущим извергом и опять был сослан в Сибирь. Екатерина, из производства дела, увидела, что трое виновников поступали в жару гнева и страсти, а этот действовал хладнокровно. Это ускользнуло из виду всех следователей и судей.

Теперь другой анекдот. Один повытчик* 1-го департамента Сената, запечатывая и надписывая пакеты с высочайшими подписными указами, рвал в то же время негодные бумаги и в рассеянности разорвал один подписной указ. Это считалось в то время преступлением уголовным и государственным. Что ж! Он переписал изорванный указ вновь, нанял извозчика, отправился в Царское Село и остановился в аллее, по которой государыня обыкновенно гуляла по вечерам. Завидев ее, он бросился на колени и вскричал:

— Матушка государыня! спасите меня!

Она подошла к нему и выслушала рассказ о его несчастии.

— Вот, ваше величество, — сказал он, — изорванный указ, а вот и вновь переписанный. Потрудитесь подписать, а то обер-секретарь меня сгубит.

— Да как и чем подписать? — спросила она в недоумении.

— Вот перо и чернила, — сказал он, вынимая склянку, — вот на этой скамейке.

Государыня исполнила его просьбу. Он поцеловал полу ее платья и ударился бежать к своему извозчику.

Чрез несколько дней, при докладе генерал-прокурора кн. Вяземского, Екатерина спросила у него:

— Есть ли в канцелярии 1-го департамента чиновник такой-то?

— Есть, ваше величество.

— Что он за человек?

— Честный и прилежный, но как он сделался известным вашему величеству?

Она рассказала о случившемся.

— Ах, он негодяй, дерзкий! — закричал князь. — Да как он смел! Вот я его!

— Не горячись, — возразила Екатерина, — и не делай ему ничего; не показывай даже, что знаешь об этом. Ты не поверишь, как меня порадовала и утешила доверенность этого человека: он трепетал пред обер-секретарем, а на меня надеялся! Любовь и доверие народа мне всего дороже!

Большою помехою славе Екатерины и совершению ее великих

---

*Чиновник.

планов была любовь ее к красивым мужчинам. Масон ("Memoires secrets sur la Russie") сохранил нам имена этих баловней счастия. Теперь это кажется безнравственным и едва возможным, а тогда находили такой образ жизни весьма обыкновенным и не требующим извинения. Притом Екатерина умела и слабости свои облекать изяществом и величием. Не менее того Россия страдала от ее фаворитов и еще более от тех людей, которых вывели эти фавориты. По артиллерии, например, был у князя Зубова правитель канцелярии Овечкин, который делал величайшие несправедливости и мерзости. Особенно теснил он заведовавшего постройками по артиллерийскому ведомству вотчима матушкина, Ивана Егоровича Фока, который был человек не дальний, но честный и бескорыстный. При вступлении на престол Павла, Овечкин был предан суду за разные злоупотребления, и Фок был в числе членов комиссии, судившей его. Узнав об этом назначении, Овечкин сказал: "Члены комиссии были мною облагодетельствованы, но они подлецы, и я от них ничего не ожидаю. Ивана Егоровича я обижал, но он человек благородный: на него вся моя надежда". И действительно, он употреблял все средства, чтоб спасти прежнего своего гонителя, но это было невозможно: злоупотребления были слишком велики и очевидны, да и свыше велено было осудить. Овечкина разжаловали в солдаты. Многие другие подобные злоупотребители власти были изобличены и наказаны, но самые хитрые уцелели и еще усилились.

Сообщаю (здесь в прибавление) мало известную записку об этой перемене, сочиненную графом Ф.В.Ростопчиным:

Последний день царствования Екатерины и первый царствования Павла*.

Я помню этот день очень хорошо. Батюшка приехал, по обыкновению, из Сената к обеду часу в третьем и, вошедши в гостиную, где были матушка и все домашние, сказал с поклоном: "Поздравляю с новым императором Павлом. Государыня скончалась". Все изумились и начали расспрашивать, как это было. Я бросился в детскую и сообщил весть эту Пелагее Тихоновне: "И, батинька, Николай Иванович, — отвечала она, — с утра знаем, да боимся говорить. Ведь и фалеторы приутихли". Должно знать, что в те времена мальчики-форейторы кричали пади́ с громким продолжительным визгом и старались выказать этим свое молодечество. С этого дня они утихли, и варвар-

---

* В прибавлениях к воспоминаниям Греча этой записки Ростопчина не оказалось.

ская мода более не возобновлялась. Батюшка рассказывал о присяге в Сенате и о глубокой печали, в которую погружены были сенаторы гр. Александр Сергеевич Строганов и Петр Александрович Соймонов. "Нельзя было удержаться от слез, — говорил он, — видя искреннюю горесть этих почтенных людей. Признаюсь, я старался сдерживать свои чувства, чтоб их не приписали лицемерию". Эти господа имели повод к слезам. С Екатериною закатилось для них блистательное и благотворное солнце XVIII века. Наступил век штиблет, кос и т.п. воинских украшений; век безотчетного самовластия, варварства и произвола. В первые минуты нового царствования заговорили было о благих намерениях государя, повторяли его счастливые, утешительные слова; изъявляли надежду, что долговременный опыт и размышление научили его науке царствовать; но вскоре все это исчезло, и истина явилась во всей своей, на этот случай неприятной, наготе. Дня чрез три собрались у нас военные, дядюшка Александр Яковлевич Фрейгольд, Шванебах и др. Стали рассказывать о новой военной церемонии, называемой вахтпарадом, о гнусном Аракчееве, о Котлубицком, о Капцевиче, о Куприянове и о других гатчинских уродах, появившихся в свите государя в своих карикатурных прусских костюмах, которые долженствовали сделаться мундирами всей русской армии, смеялись над нелепым в о н (heraus), которое должно было вытеснить прекрасное русское: к р у ж ь ю! Разумеется, к этому примешивали выдумки и пуфы. Вот маленький пример. Все офицеры должны были носить камышовые трости с костяным набалдашником. У дядюшкиной трости отскочила верхняя крышка набалдашника. Он вздумал приклеить ее сургучом.

Вдруг входит к нему немецкий педант, инженер-майор Зеге фон Лауренберг, и спрашивает, не новая ли эта форма. "Точно, — отвечал дядюшка, — вышел приказ, сняв верхушки с набалдашников, наполнить пустоту их сургучом и сверху отпечатать на нем свой герб, и, когда, при представлении государю или другому начальнику, он спросит у офицера: из дворян ли вы, — следует, не говоря ни слова, поднять трость и показать свой герб". И этому верили! Натурально верили потому, что иные действительные предписания были еще нелепее этого. Помню, какое сильное действие произведено было в военной публике арестованием двух офицеров за какую-то неисправность во фронте. Дотоле подвергались аресту только отъявленные негодяи и преступники закона. Арестованные были в отчаянии и хотели застрелиться со стыда. Для них арест был то же, как если б ныне раздели офицера пред фронтом и высекли. Эти нелепости

и оскорбление в безделицах заглушили и действительное добро нового царствования. Приведу пример материальный. В арсеналах стоят еще, вероятно, громоздкие пушки екатерининских времен на уродливых красных лафетах. При самом начале царствования Павла и пушки, и лафеты получили новую форму, сделались легче и поворотливее прежних. Старые артиллеристы, в том числе люди умные и сведущие в своем деле, возопили против нововведения. Как-де отменять пушки, которыми громили врагов на берегах Кагула и Рымника! Это-де святотатство. Самый громкий ропот, смешанный с презрительным смехом, раздался, когда вздумали стрелять из пушек в цель! Этого-де не видано и не слыхано! Между тем это было первым шагом к преобразованию и усовершению нашей артиллерии, пред которою пушки времен очаковских и покоренья Крыма ничтожны и бессильны.

Скажу несколько слов об императоре Павле. Злоба и ненависть, возбужденные не столько несправедливостью его, сколько мелкими притеснениями и требованиями, преследуют его и за гробом и заставляют выдумывать на него всякие нелепости. Так, например, вздумали утверждать, что он не сын Екатерины, а подкидыш. Несправедливость этого можно доказать физическими доводами. Все согласны в том, что граф Бобринский был действительно сын Екатерины. Подите к графу Алексею Алексеевичу Бобринскому и посмотрите на портрет его отца. Вылитый Павел Первый. Еще доказательство, также с левой стороны: у Бобринского был побочный сын, по прозвищу Райко[8]: он разительно похож на императора Александра, и это неудивительно: он ему двоюродный брат. Нелюбовь Екатерины к Павлу отнюдь не доказывает, чтоб он был не сын ей. Я уже говорил выше о замеченной мною нелюбви матерей к детям, которые своим существованием напоминают им утехи юных лет. И так по батюшке Павел не Петрович, ибо известно, что Петр III был, что называется в просторечии куре́я, неспособный к сожитию, или, по крайней мере, к произведению плода, хотя он впоследствии и имел любовниц. Екатерина, сделавшись великою княгинею, долго была на деле княжною. Масон говорит, что первым, по времени, другом ее сердца был Сергий Солтыков и что Павел был его сын. Может статься. Солтыков удален был от двора еще при Елисавете Петровне и жил в своих деревнях до кончины своей, последовавшей в 1807 году. Я знал племянника его Сергия Васильевича Солтыкова, человека богатого и доброго, большого библиомана (он проводил целое утро в книжном магазине

Сен-Флорана и Беллизара, надоедая и хозяевам и покупщикам своею болтовнею), который наследовал имение своего дяди. Дочь его пожалована была во фрейлины в 1826 году, и, когда явилась во время коронации Николая Павловича в Москве, на бале, обратила на себя общее внимание медалионом, в котором вделан был редкий и известный по истории искусства камей, исчезнувший из придворной коллекции в сороковых годах XVIII века: он достался ей от покойного дяди. Как он ему достался, догадаться не трудно.

Павел I был воспитан рачительно, под попечительством графа Н.И.Панина: это видим из любопытных Записок Порошина, но из этого же источника явствует, что нравственная сторона была притом пренебрежена совершенно: одиннадцатилетнего отрока поощряли в страсти его к фрейлине Чоглоковой. Хорошо ли это? Из тех же Записок видно доброе сердце Павла, виден ум его и способности, но в то же время проглядывает нрав его, горячий, вспыльчивый, упрямый, вздорный. И этого человека лишили принадлежавшего ему трона; до сорокалетнего возраста держали его в удалении и заперти; детей отнимали у него вскоре по рождении их и воспитывали отдельно. Сама Екатерина осмеяла его страсть к вахтпарадной службе в комедии "Горе-Богатырь". Удивительно ли, что он сделался таковым, как был. Должно еще благодарить Бога, что он не был хуже[9].

Сообщу историю двух супружеств его, почерпнутую мною из достоверного источника. В 1765 году приезжал в Россию посол датского двора, барон Ашац фон Ассебург, прусский подданный, для решения дела о наследстве гольстинском, которое принадлежало Павлу I. Известно, что это дело кончено было к обоюдному удовольствию трактатом между Россиею и Даниею в 1773 году. Ассебург воротился в Данию еще ранее этого времени, нашел там владычество временщика Струэнзее, не согласился ему повиноваться, вышел из датской службы и поселился в своем родовом поместье. Екатерина, заметившая ум и способности Ассебурга в производстве дела о Гольстинии, велела узнать, не желает ли он вступить в ее службу, и, когда он с радостью принял это предложение, она объявила, что жалует ему чин тайного советника и назначает соответственное с тем содержание, но желает, чтоб это поступление его в русскую службу оставалось до времени в секрете. В то же время поручила она ему предпринять путешествие по Германии, высмотреть тамошние дворы и найти невесту великому князю. Ассебург принял и исполнил это поручение. Чрез несколько времени

донес он государыне, что из всех немецких принцесс нашел он достойными сего избрания только трех сестер, принцес Гессен-Дармштадтских, особенно среднюю из них. Между тем изъявил он сожаление, что государыня торопится бракосочетанием сына: в Штеттине видел он дочь тамошнего коменданта, герцога Виртембергского, Софию, которая красотою, умом и образованием достойна была бы этого сана, но она слишком молода: ей только четырнадцатый год от роду. По донесению Ассебурга, три дармштадтские принцессы были приглашены приехать в Петербург, и одна из них, под именем Наталии Алексеевны, сделалась великою княгинею. Брак совершен был с торжеством невиданным и неслыханным, но он не был счастлив: великая княгиня скончалась в родах. Носятся темные слухи о том, будто Екатерина извела ее из ревности и, боясь ее ума и характера, будто великая княгиня была в преступных связях с камергером великого князя графом (впоследствии князь) Андреем Кирилловичем Разумовским. Не знаю, есть ли основание этим преданиям, и думаю, что они приближаются к тем выдумкам, которые возникают при кончине всякой высокой особы.

Павел был неутешен, и Екатерина решилась скорее женить его вторично. Вспомнив о принцессе Софии, проживавшей в Штеттине, она отнеслась прямо к другу и союзнику своему Фридриху II, с просьбою совета и содействия.

Он дал в Сан-Суси, под каким-то предлогом, придворный бал, на котором р а з в ж и з н и был в башмаках, и пригласил штеттинского коменданта с женою и дочерью, которая между тем помолвлена была с принцем Гессен-Дармштадтским. На бале беседовал он долго с принцессою; потом поговорил с принцем и, обратившись к одному из своих генералов, сказал: "Der Kerl ist ein Narr; sie muss Kaiserin von Russland werden"*. Говорят, что принц, услышав это решение, горько разревелся. Фридрих написал государыне, что невеста достойна ее сына, и просил прислать к нему молодого человека. Екатерина отправила цесаревича в Берлин с многочисленною и блистательною свитою. Первым его ассистентом был Румянцов, увенчанный свежими лаврами турецкой войны. Фридрих принял Павла с большим уважением и в честь фельдмаршала представил в маневрах кагульскую битву. В Румянцовском музее есть картина, представляющая эти маневры. Фридрих II в синем прусском мундире, с андреевскою лентою; великий князь в белом мундире генерал-адмирала и в ленте Черного Орла, а Румянцов в тог-

---

*Малый глуп; она должна стать русской императрицей (*нем.*).

дашнем артиллерийском мундире, красном с черным воротником и лацканами. Все они изображены верхом. Эти маневры знаменуют начало незавидного для России периода. Павел пристрастился там не к гению Фридриха, не к победам и славе его, а к фрунту, к косам, к пуклям, ботфортам и прочим мелочам военной, или штиблетной службы (Kamaschendienst, как говорят немцы), и в этом остался не без преемников.

В начале 1816 года нынешний король Виртембергский, бывший тогда кронпринцем и женихом великой княжны Екатерины Павловны, обедал с императорскою фамилиею. Речь зашла о Фридрихе II. Все наперерыв хвалили и превозносили его. Кронпринц вообще соглашался, но прибавил: "Жаль только, что он слишком был пристрастен к пустякам солдатской формы. От этого все последовавшие государи сделались капралами!" Эти слова произвели самое неприятное действие. Александр I не показал этого в ту минуту, но с тех пор крайне охладел к принцу. Слова эти были тем разительнее, что принц, как известно, был сам умный и искусный полководец.

В Павле эта страсть доходила до крайних пределов смешного. Малейшая ошибка против формы, слишком короткая коса, кривая пукля и т.п. возбуждали его гнев и подвергали виновного строжайшему взысканию. Но у нас где строгое, там и смешное. Павел приказал всем статским чиновникам ходить в мундирах, в ботфортах со шпорами. Однажды встречается он с каким-то регистратором, который ботфорты надел, а о шпорах не позаботился. Павел подозвал его и спросил:

– Что, судырь, нужно при ботфортах?

– Вакса, – отвечал регистратор.

– Дурак, судырь, нужны шпоры. Пошел!

На этот раз выговор этим и ограничился, но могло бы быть гораздо хуже. Я сказал, что статские должны были ходить в мундирах. Должно знать, что фраки были запрещены: носили мундир или французский кафтан, какие видим ныне на театральных маркизах. Жесточайшую войну объявил император круглым шляпам, оставив их только при крестьянском и купеческом костюме. И дети носили треугольные шляпы, косы, пукли, башмаки с пряжками. Это, конечно, безделицы, но они терзали и раздражали людей больше всякого притеснения. Обременительно еще было предписание едущим в карете, при встрече особ императорской фамилии, останавливаться и выходить из кареты. Частенько дамы принуждены были ступать прямо в грязь. В случае неисполнения, карету и лошадей отбирали в казну, а лакеев, кучеров, форейторов, наказав телесно,

отдавали в солдаты. К стыду тогдашних придворных и сановников должно знать, что они, при исполнении, не смягчали, а усиливали требования и наказания. Однажды император, стоя у окна, увидел идущего мимо Зимнего дворца пьяного мужика и сказал, без всякого умысла или приказания: "Вот* идет мимо царского дома и шапки не ломает!" Лишь только узнали об этом замечании государя, последовало приказание: всем едущим и идущим мимо дворца снимать шапки. Пока государь жил в Зимнем дворце, должно было снимать шляпу при выходе на Адмиралтейскую площадь с Вознесенской и Гороховой улиц. Ни мороз, ни дождь не освобождали от этого. Кучера, правя лошадьми, обыкновенно брали шляпу или шапку в зубы. Переехав в Михайловский замок, т.е. незадолго до своей кончины, Павел заметил, что все идущие мимо дворца снимают шляпы, и спросил о причине такой учтивости. "По высочайшему вашего величества повелению", — отвечали ему. — "Никогда я этого не приказывал!" — вскричал он с гневом и приказал отменить новый обычай. Это было так же трудно, как и ввести его. Полицейские офицеры стояли на углах улиц, ведущих к Михайловскому замку, и убедительнейше просили прохожих не снимать шляп, а простой народ били за это выражение верноподданнического почтения.

Можно наполнить целые томы описанием тогдашних порядков и приказаний. Люди, которые в царствование Екатерины не только не оказывали уважения к Павлу, но и с умыслом его оскорбляли, сделались теперь, разумеется, подлейшими его рабами. Таков был в особенности тогдашний генерал-губернатор петербургский Николай Петрович Архаров, выставленный и в записке Ростопчина с действительной своей стороны. Он служил несколько лет обер-полицмейстером и отличился расторопностью, сметливостью, угодливостью и подлостью. Всячески старался он узнать все желания и причуды Павла, предупреждал выражение его воли, преувеличивал его при исполнении. Имя его будет жить в списке извергов, вредящих государям более самых отъявленных революционеров, лишая их любви и доверенности народной, — Бирона, Аракчеева, Клейнмихеля. Но усердие и сгубило его. Павел вскоре заметил истинную пружину его действий и уже в 1797 году исключил его из службы. Достойным его помощником был полицмейстер Чулков, выслужившийся такими же деяниями из сдаточных.

Когда Павел, при вступлении на престол, ввел безобразную

**Первоначально было:* Вот скотина!

форму мундиров и т.п., один бывший адъютант князя Зубова, Копьев[10], послан был с какими-то приказаниями в Москву. Раздраженный переменою судьбы, он вздумал посмеяться над новою формою: сшил себе перед отъездом мундир с длинными, широкими полами, привязал шпагу к поясу сзади, подвязал косу до колен, взбил себе преогромные пукли, надел уродливую треугольную шляпу с широким золотым галуном и перчатки с крагами, доходившими до локтя. В этом костюме явился он в Москве и уверял всех, что такова действительно новая форма. Император, узнав о том, приказал привезти его в Петербург и представить к нему в кабинет. "Хорош! мил! — сказал он, увидев этот шутовской наряд. — В солдаты его!" — Приказание было исполнено. Копьеву в тот же день забрили лоб и зачислили его в один из армейских полков, стоявших в Петербурге. Чулков, прежде того нередко стаивавший у него в передней, вздумал над ним потешиться, призвал его к себе, осыпал ругательствами и насмешками и, наконец, сказал:

— Да говорят, братец, что ты пишешь стихи?

— Точно так, писывал в былое время, ваше высокородие!

— Так напиши теперь мне похвальную оду, слышишь ли! Вот перо и бумага!

— Слушаю ваше высокородие! — отвечал Копьев, подошел к столу и написал: — Отец твой чулок; мать твоя тряпица, а ты сам что за птица!

Не знаю, что сказал и сделал Чулков, только эти стихи мигом разнеслись по городу. Чулков пал вместе с Архаровым за непомерное вздорожание сена в Петербурге, вследствие его глупых распоряжений. На общее их падение была сделана карикатура: Архаров был представлен лежащим в гробе, выкрашенном новою краскою полицейских будок (черною и белою полосою); вокруг него стояли свечи в новомодных уличных фонарях. У ног стоял Чулков и утирал глаза сеном. Архаров, с исключением из службы, сослан был в свои поместья, а в 1800 г. получил позволение жить в Москве, где и умер, в начале 1814 г., сопровождаемый до гроба общим презрением. Достойный внук его[11], Андрей Александрович Краевский, поставил ему монумент на 248 стр. III тома "Энциклопедического лексикона". С Николаем Петровичем не должно смешивать брата его, Ивана Петровича (умер в 1815 г.), человека доброго и благородного, отца Александры Ивановны Васильчиковой и деда писателя графа В.А.Соллогуба.

Мало ли что предписывалось и исполнялось в то время! Так, например, предписано было не употреблять некоторых слов,

напр., говорить и писать государство вместо отечество; мещанин вместо гражданин; исключить вместо выключить. Вдруг запретили вальсовать, или, как сказано в предписании полиции, употребление пляски, называемой вальсеном. Вошло было в дамскую моду носить на поясе и чрез плечо разноцветные ленты, вышитые кружками из блесток. Вдруг последовало запрещение носить их, ибо-де они похожи на орденские.

Можно вообразить, какова была цензура! Нынешняя шихматовская глупа, но тогдашняя была уродлива и сопровождалась жестокостью. Особенно отличался рижский цензор Туманский, кажется, Федор Осипович, о котором я буду говорить впоследствии. Один сельский пастор в Лифляндии, Зейдер, содержавший лет за десять до того немецкую библиотеку для чтения, просил чрез газеты бывших своих подписчиков, чтоб они возвратили ему находящиеся у них книги и, между прочим, повести Лафонтена: "Die Gewalt der Liebe"*. Туманский донес императору, что такой-то пастор, как явствует из газет, содержит публичную библиотеку для чтения, а о ней правительству неизвестно. Зейдера привезли в Петербург и предали уголовному суду как государственного преступника. Палате оставалось только прибрать наказание, а именно, приговорить его к кнуту и к каторге. Это и было исполнено. Только генерал-губернатор гр. Пален приказал, привязав преступника к столбу, бить кнутом не по спине его, а по столбу. При Александре I Зейдер был возвращен из Сибири и получил пенсию. Императрица Мария Феодоровна определила его приходским пастором в Гатчине. Я знал его там в двадцатых годах. Он был человек кроткий и тихий и, кажется, под конец, попивал. Запьешь при таких воспоминаниях!

Кончилось тем, что все иностранные книги были запрещены к привозу без изъятия. И поделом! А к чему это послужило? Продолжили ли эти стеснительные меры на один день несчастную жизнь Павла? Согласен, что есть книги, которых распространения правительство допускать не должно и не смеет, но их число не велико, да и те следует запрещать, удерживать без шуму, а то они найдут себе путь в Россию в бо́льшем числе, нежели если бы были позволены. Запрещенный плод вкуснее и приманчивее всякого другого. Некоторая свобода тиснения бывает очень полезна правительству, показывая ему, кто его враги и друзья. Таким образом, гнусные "Отечественные Записки" до 1848 г. могли служить лучшим телеграфом к обнаружению, что за

---

*"Сила любви" (*нем.*).

люди Белинский, Достоевский, Герцен (Искандер), Долгорукий и т.п.; публика это видела; молодежь с жадностью впивала в себя яд неверия и неуважения к святыне и власти. Один фанфарон Уваров не видал и не знал ничего. Когда разразилась февральская революция (1848), тогда только хватились. Я не называю Краевского в числе людей опасных: он возбуждал молодых людей и распространял вредные учения вовсе не с революционным намерением, при всем радикализме своего образа мыслей, он употреблял несчастных вралей орудиями к своему обогащению, видя, что публика падка на смелые вещи. Сам же он, конечно, охотно потянул бы за веревку, если б их стали вешать.

Опять дигрессия – виноват! Сию минуту прочитал я брошюру скота Герцена, Искандера (Sur le dévelоppement des idées revolutionnaires en Russie)*, и подивился бессовестности, с какой он предает нашему правительству секреты своей партии, оправдывает все меры, которые приняты против его друзей и собратий, и доносит на Московский университет в распространении зловредного учения в России. Возможно ли вообразить подобную гнусность! Вот люди, которые жалуются на государя и хотят переделать Россию!

Я пишу не историю того времени и не историю моей жизни, а только воспоминания и замечания. Потому и считаю не излишним сообщать подробности, может быть, мелочные, но которые не пропадут таким образом совершенно. Нельзя вообразить, как сумасбродно Павел воевал внутри России. Вдруг нажалует тьму народа полковниками, генералами всех сортов, а чрез полгода всех, без просьбы, уволит в отставку; такой участи подвергся вотчим матушки, Иван Егорович фон Фок. Он в два года с половиною выскочил из майоров в генерал-майоры, а потом был всемилостивейше уволен с мундиром. Видя, что число отставных в Петербурге усиливается, император вдруг велел выслать всех их из города, если они не имели недвижимости, процесса и т.п. Теперь легко это написать, а каково было тогда! Однажды едем мы, с семейством, ночью, от тетушки Елисаветы Яковлевны: дорогою встречаются обозы легковых извозчиков. Что бы это значило? Один извозчик нечаянно задавил кого-то. По донесении о том государю, последовал приказ: выслать из города всех извозчиков. Потом их воротили, видя крайнюю в них необходимость, но запретили дрожки, а велели им иметь коляски. Нет спора, что запрещение этого гнусного

---

* "О развитии революционных идей в России" (*фр.*).

экипажа было бы очень полезно, но не вдруг, не в один день. Что сделали извозчики? Сняв подушку с дрожек, навязали на них сверху сани — вот-де и коляска!

Павел обожал Генриха IV и старался подражать ему, удачно ли, пусть скажет история. У него были и прекрасные Габриели, хотя он вообще любил и уважал свою супругу. Первою, по времени, была Катерина Ивановна Нелидова, тетушка нынешней Варвары Аркадьевны, но главною и блистательною явилась Анна Петровна Лопухина. Милости всякого рода посыпались на ее отца и всю фамилию. Он был пожалован светлейшим князем, получил место генерал-прокурора, правда, ненадолго. Ее выдали замуж за князя Павла Гавриловича Гагарина[12]; выстроили для нее великолепный дом на Дворцовой набережной. Догадавшись, что имя Анна значит по гречески благодать, назвали им самый большой корабль русского флота; Благодать и Анна красовались на гренадерских шапках и на корабельных флагах. Но должно отдать справедливость княгине Анне Петровне: она не употребляла своей власти во зло, а делала добра, сколько могла, уклоняясь от осрамительного прославления ее особы и имени. Некоторые лица, достойные доверия, уверяют, что любовь к ней Павла была чисто платоническая.

Фаворитизм Кутайсова был еще удивительнее, хотя и имел пример в брадобрее Лудовика XI. Пленный турчонок мало-помалу сделался обер-шталмейстером, графом, андреевским кавалером и не переставал брить государя. Наскучив однажды этим ремеслом, он стал утверждать, что у него дрожит рука, и рекомендовал, вместо себя, одного гвардейского фельдшера, очень искусного в этом деле и исправлявшего свою должность у многих генералов. Но — таков был взгляд Павла, что у бедного унтер-офицера, со страху, бритва вывалилась из руки, и он не мог приступить к делу. "Иван! — закричал император. — Брей ты!" Иван, сняв андреевскую ленту, засучил рукава, вздохнув, принялся за прежнее ремесло. Кутайсову обязан своим счастием другой гриб, не турецкий, а шотландский. Джемс Виллие прибыл в Россию в звании подлекаря и определился в Семеновский полк баталионным врачом. Он успел оказать важную медицинско-секретную услугу шефу полка, Александру Павловичу, который обещал ему свое покровительство, но не мог ничего в то время сделать. Вдруг Кутайсов заболел нарывом в горле. Его лечили первые придворные медики, но не смели сделать операции надрезом нарыва и ждали действия натуры, а боль между тем усиливалась. По ночам дежурили у него полковые лекаря. Виллие явился в свою очередь и за ужином порядочно выпил даровой

мадеры, сел в кресло у постели и заснул. Среди ночи сильное храпение разбудило его. Он подошел к больному и видит, что тот задыхается. Не думая долго, он вынул ланцет и царап по нарыву. Гной брызнул из раны; больной мгновенно почувствовал облегчение и пришел в себя. Пьяный Виллие спас его. Можно вообразить радость императора Павла: Виллие пошел в гору, был принят ко двору и сделался любимцем Александра. Предвидя ожидающую его фортуну, он выучился латинскому языку и по секрету прошел курс медицины и хирургии. Смелость, быстрый взгляд и верность руки много способствовали его успехам. Дальнейшее поприще его известно: он сделался лейб-медиком и любимцем Александра и, может быть, своею отважностью и самонадеянностью был причиной его преждевременной кончины. Он был начальником военно-медицинской части в России и во многом ее поднял, возбудил в русских врачах чувство собственного достоинства и даровал им права, обеспечивавшие их от притеснений военных начальств. Он проложил путь многим людям с талантами, как скоро они ему покорялись и льстили. Всех непокорных, кто бы они ни были, преследовал он и терзал всячески. Эгоизм и скупость его невероятны. Богатый и бездетный, он брал ежедневно по две восковые свечи из дворца, следовавшие дежурному лейб-медику, и во всем поступал по этой мерке. Ему теперь (в сент. 1851) более осьмидесяти лет, и он проживет еще долго[13].

Воротимся к Кутайсову. По смерти Павла, поселился он в Москве и умер в 1834 году. Сын его Павел Иванович был человек добрый и ординарный: он умер сенатором в 1840 году. Младший сын его, бывший 16-ти лет полковником артиллерии, убит в чине генерал-майора при Бородине. Он был человек гениальный и благородный. Россия много в нем потеряла.

Самым знаменитым из любимцев Павла был граф Алексей Андреевич Аракчеев. Так как я бывал с ним в сношениях и знал его коротко, то буду говорить о нем в своем месте.

При всей тягости ига, которое лежало на России в царствование Павла, нельзя сказать, чтоб он умел заглушить голос общего мнения. Приверженцы его, приближенные, подлецы, хвалили все дела его, и самые жестокие; оптимисты старались его извинять и оправдывать, ухватывались за всякое обстоятельство, самое ничтожное, чтоб возвысить его добродетели и прикрыть пороки, но большинство народа, масса его ненавидела, и редко кто скрывал эти чувства.

Все твердили надпись Карамзина к Исаакиевскому собору:

Сей храм есть памятник двум царствиям приличный:
Фундамент мраморный, а верх его кирпичный[14].

Все знали наизусть пародию Марина (Сергея Никифоровича, умер в 1814) оды Ломоносова:

О ты, что в горести напрасно
На службу ропщешь, офицер!
Кричишь и сердишься ужасно,
Что ты давно не кавалер!
Внемли, что Царь к тебе вещает:
Он гласом сборы прерывает,
Он в правой держит эспонтон.
Смотри, в каких штиблетах он[15].

Это наблюдение должно б было научить всякое правительство, что лучшая оборона от бранных и обидных сочинений — не цензура, а благоустроенное, справедливое, кроткое правление. В.М.Головнин, во время пребывания своего в Мексике (в последние годы испанского там владычества), спросил у одного тамошнего консула, много ли Испания имеет врагов в Мексике. "Довольно, — отвечал консул, — и вы их можете узнать по наружности: у кого здесь нос над ртом, тот враг Испании". Так было и в России при Павле.

Мы все еще, по порядку повествования, в начале царствования Павла. Это время было ознаменовано некоторыми подвигами ума и благородства, составлявшими основу характера Павла. Он почтил память отца своего Петра III, которого, под тем предлогом, что он умер некоронованный, погребли не в Петропавловской крепости, а в Невском монастыре. Павел отправился туда, велел вскрыть склеп, в котором погребен был несчастный император, и оросил его останки горькими слезами. Говорят, что тела не было вовсе: оно истлело; остались только некоторые части одежды. Эти останки были вынуты из склепа и поставлены в другой гроб, царски украшенный. Сначала отвезли гроб со всею подобающею церемониею в Зимний дворец и поставили на катафалке подле тела Екатерины II. Я видел шествие это из окна квартиры мадам Михелис, в доме Петровской церкви. Гвардия стояла по обеим сторонам Невского проспекта. Между великанами-гренадерами, в изящных светло-зеленых мундирах, с великолепными касками, теснились переведенные в гвардию мелкие гатчинские солдаты в смешном наряде пруссаков Семилетней войны. Но общее внимание обращено было на трех человек, несших концы покрова, — это были: граф Алексей Орлов, князь Барятинский и Пассек, убийцы Петра! Мщение справедливое и благородное: они зани-

мали места, подобающие первым лицам империи, и притом выставлены были у позорного столба, с печатью отвержения на челе.

Потом видел я оба гроба на одном катафалке: видел и шествие обоих гробов по Миллионной и по наведенному на этот случай мосту от Мраморного дворца в крепость. Достойны замечания надписи на гробницах: Император Петр III родился 16 февраля 1728 года, погребен 18 декабря 1796. Екатерина II родилась 21 апреля 1729 г., погребена 18 декабря 1796. Подумаешь, говорит один писатель, что эти супруги провели всю жизнь вместе на троне, умерли и погребены в один день. Пожалуй, это скажут будущие историки, истолковывая уцелевшие надписи на неизвестном т о г д а русском языке! Это в истории бывает частенько.

Этими воспоминаниями виденного принимаюсь вновь за нить моей собственной жизни. Мне было от роду десятый год, брату Александру осьмой; надлежало подумать сериозно о нашем воспитании. Батюшка, к большому моему впоследствии сожалению, оставил мысль отдать меня в Петровскую школу, где я мог бы приобресть основательные первоначальные сведения, привыкнуть к труду и порядку. Вместо того, по совету, кажется, г-на Дорезона, приятеля его, он вздумал взять французского гувернера из многочисленных эмигрантов, наводнивших тогда Россию. И действительно, взяли человека средних лет monsieur Delagarde, умного, любезного, образованного, но неопытного и несведущего в деле воспитания и обучения. Он одевался и пудрился со вкусом, называл меня monsieur Nicolas и заставлял читать из азбуки, поправляя произношение. Тем уроки оканчивались. Механическое чтение надоедало мне. На третьей странице я начинал зевать и закрывал книгу. Мусие Делагард не противоречил, и урок тем кончался. Его любили в доме за любезность и веселость: он с утра до вечера играл на фортепиане и распевал французские арии. Особенно любил он одну: "O Richard, o mon roi!". Вскоре, однако, увидели, что такое ученье не ведет ни к чему. У него с батюшкою была крупная эксплликация, но вскоре потом он заболел от простуды и умер. Грустно и теперь вспоминать, как бедный француз умирал на чужбине. Вместо его был взят другой француз, monsieur de Morencourt, уже обжившийся в России, тяжелый, ленивый, любитель чарочки и порядочный невежда. Все уроки ограничивались механическим чтением и письмом; о языке и грамматике ни слова. Он как-то повздорил с батюшкою и получил увольнение. Уроки дядюшки Александра Яковлевича

Фрейгольда также прекратились. Только занимался нами Дмитрий Михайлович Кудлай, также не весьма грамотный, но, по крайней мере, добрый и усердный к делу, с неразвращенною нравственностью. Матушка делала что могла, но она могла немного, притом же я вырастал из гаремного воспитания, и следовало заняться мною сериознее.

Упомяну здесь о некоторых эпизодах. В 1797 г. прибыл к нам из Кронштадта доктор Карл Иванович Борн, по кончине жены его, Катерины Карловны, урожденной Врангель, о которой я упоминал выше, при исчислении родословной Фрейгольдовой фамилии. Он остановился у нас в доме с детьми своими: Иваном, Терезою и Екатериною, на перепутье в Новгород, куда он был перемещен. Я говорил о нем выше. Он очень любил и уважал мою матушку и первый заметил мои дарования: понятливость, воображение, счастливую память. Забавляясь беседой со мною на ломаном русском языке, он спрашивал у матушки, что она делала тогда, когда была беременна мною. "Спала очень много", – отвечала она. – "Вот и причина ума этого мальчика, – говорил он, – вы спали, ум ваш покоился и беспрепятственно действовал на плод вашего чрева". С тех пор он беспрерывно посылал спать жену свою, когда она была беременна. Борн отправился в Новгород и умер в 1799 г. Дети его были привезены в Петербург и подпали опеке Христины Михайловны.

Другая, важнейшая перемена последовала у нас в доме от сношений отца моего с бароном Людвигом. Статский советник, барон Иван Христофорович Людвиг, президент Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел, был человек добрый, умный и почтенный, но большой колпак и флегма. Жена его, Софья Ивановна, урожденная Буше, женщина умная, ласковая и большая кокетка. У них было пятеро сыновей (Петр, Карл, Яков, Александр и Алексей), из коих в то время старшему было семнадцать лет, а младшему год, и четырнадцатилетняя дочь Александра Ивановна. Отец мой уважал барона и увлекался любезностью баронессы, которая, как было слышно, не отвергала ничьего фимиама: говорили даже, что только старший сын был действительно сын ее мужа, а у остальных были разные отцы, которых называли по именам. По прозвищу Boucher, можно бы было подумать, что она француженка. На деле выходило противное. Отец ее был немец, по прозванию Флейшер. Не знаю, каким образом он попал во Францию и в Вест-Индию. Только там находит его история. Он был человек очень умный, добрый, любезный, но большой прожектер и ветреник. В молодых летах, на Мартинике, влюбился он в одну прекрасную

креолку и понравился ей, но она не хотела носить варварской фамилии Флейшер. Он назвался Флейшер де Буше, а потом слыл просто monsieur Boucher. В начале царствования императрицы Екатерины, прибыл он в Россию, вошел в связи с значительными людьми, получил привилегию на продажу изготовляемого им табаку во всех городах России (4 августа 1766, см. № 12, 715 Полн. Собран. Закон.), потом выдумал он способ кормить лошадей не сеном и овсом, а какими-то дешевыми катышками и т.п. Буше принадлежал к особому роду людей, называемых прожектерами: имея острый ум и некоторые сведения, они выдумывают, по внушению своего воображения, разные штуки и средства, рассчитывают на миллионы барыша, принимаются за дело с пламенною ревностью, но, еще не кончивши, охладевают к нему и бросаются на иное, иногда совершенно противоположное. Вся жизнь их проходит в таких обаяниях и разочарованиях; они находятся всегда накануне несметных выигрышей, а в настоящем нуждаются и голодают. Таковы были вспоследствии Гаттенбергер и Пуадебар. Вижу еще теперь пред собой Буше, этого милого, невысокого роста старичка, в старомодном кафтане, с развевающимися седыми волосами, с приятной на устах улыбкою, с мечтательностью во взоре. Он был всегда весел и любезен, терпел нужду, не жалуясь на судьбу, и был благодарен за всякое добро. В конце 1800 года он затеял добывание кремней в Подольской губернии и, не имея нужного на то капитала, женился, имея около семидесяти лет, на какой-то зрелой деве, мамзель Эльсон, чтобы воспользоваться ее приданым для осуществления своих предположений. Он уехал с ней в Подолию и вскоре умер. Говорят, что милая супруга доколотила старика. И поделом! Дочь его, София Ивановна, была баронесса фон Людвиг.

Не знаю, как наша фамилия с ними познакомилась; кажется, чрез барона Клодта. Батюшка, как я говорил, увлечен был любезностью баронессы; но матушка ее не жаловала, хотя и принимала ее учтиво и ласково. Помню одну слабость баронессы: она не терпела кошек, и, когда бывала у нас, нашего доброго кота Ваську запирали в чулан. Однажды за ужином, в самом разгаре веселой и шумной беседы, баронесса вдруг побледнела и задрожала. "Что с вами?" – спросила у нее матушка с участием. Она с трудом произнесла: "Un chat, il y a ici un chat!"* Посмотрели. Васька ушел из-под ареста и сидел под столом. Она услышала близость кошки чутьем. В жестокую зиму баро-

---

*Кошка, здесь находится кошка! (*фр.*).

несса простудилась и впала в чахотку. Употреблены были все средства для излечения ее, но безуспешно. Переехав весною на дачу, на Карповке, она сказала, вошедши в гостиную: "Кажется, довольно будет места, чтобы поместить мой гроб!" Но не ее гроб следовало помещать. Муж ее, человек толстый и сырой, вдруг поражен был апоплексиею и в несколько минут умер. Умирающая вдова умоляла батюшку принять на себя опеку над детьми, которые вскоре сделаются круглыми сиротами. Он имел неосторожность согласиться. Обремененный службою, он не имел ни досуга, ни охоты заниматься своими собственными делами, которые были в беспрерывном расстройстве, и, по влечению доброго своего сердца, навязал на себя чужие дела с тягостною ответственностью. Не стану входить ближе в эти неприятные обстоятельства, прикрытые временем и давностью; скажу только, что эти заботы и труды имели бедственное влияние на его физику и мораль, подкопали его здоровье и были отчасти виною его рановременной кончины. Опыт опекунства над молодым Крейцем не научил его: он ринулся, очертя голову, в другую пучину.

Мы жили в доме Быкова, на Литейной. Это было очень неудобно. Батюшка должен был ездить каждый день в Сенат и нередко попадался навстречу императору. Вот уж подлинно можно было сказать: "Близ царя, близ смерти!" В мае 1798 г. нанял он дом барона Людвига, в нынешней Ново-Исаакиевской улице, принадлежавший потом Коростовцову. Тогда на месте нынешних Конногвардейских казарм простиралась пред этим домом площадь до самого Крюкова канала, теперь засыпанного, с устроенным над ним бульваром. Дом этот был тогда в один этаж с погребом, в котором помещалась кухня. Часть его, выходившая на Почтамтскую улицу, занимаема была извозчичьим двором. Главным достоинством этого дома был сад, разведенный на том месте, где теперь американская* церковь. Уцелели еще два-три клена, под которыми я играл в детстве с братом и сестрою. И действительно, один этот сад оставил во мне приятное впечатление о тогдашнем времени. Оно было тяжело вообще и в частности. Бестолковое, тиранское правление Павла тяготело над Россиею: надлежало остерегаться не преступления, не нарушения законов, не ошибки какой-либо, а только несчастия, слепого случая: тогда жили точно с таким чувством, как впоследствии во времена холеры. Прожили день – и слава Богу. На дворе у нас нанимал квартиру квартальный комиссар

---

*В рукописи ПБ и копии ПД: британская.

(так назывались тогда помощники надзирателей) 14-го класса Сатаров, сын бывшего сторожа в Экспедиции о расходах. Он был тираном и страшилищем всего дома: его слушались со страхом и трепетом; от него убегали, как от самого Павла. Донос такого мерзавца, самый несправедливый и нелепый, мог иметь гибельные последствия. Впрочем, доставалось и им, полицейским. В 1798 году, в жестокое зимнее время, Павел совершал тризну, или панихиду, по тесте своем, герцоге Виртембергском. Служба происходила в католической церкви. Вдоль Невского проспекта стояла фронтом вся гвардия. Мы смотрели церемонию из квартиры нюренбергского купца Себастиана Гешта, выходившей на площадку пред церковью. В ожидании окончания службы в церкви, Павел разъезжал верхом, надуваясь и пыхтя по своему обычаю. Великие князья Александр и Константин, как теперь их вижу, в семеновском и измайловском мундирах, бегали на морозе пред церковью, стараясь согреться. Один полицейский офицер стоял на краю площадки, во фронте. Вдруг подали сигнал. Все поспешили к местам. Раздались музыка, ружейные выстрелы, пушечная пальба. Потом войска прошли церемониальным маршем. Все утихло; площадь опустела. Один только этот полицейский стоял на месте. К нему подошел другой, коснулся его, и он упал на снег: несчастный замерз!

Домашние обстоятельства также не были утешительны. Состояние наше поправилось. У нас бывали обеды, вечера; иногда ездили в театр, но истинного удовольствия и отрады не было от переменчивого характера батюшки, от его капризов. Матушка удивляет меня, когда я теперь о ней подумаю. Одно ласковое слово со стороны мужа – два дня спокойствия – и она оживала, была весела, принимала участие в удовольствиях. В это время услаждала ее своей дружбою Варвара Ивановна Шванебах; в доме были молодые девицы Людвиг, племянницы барона, дочери умершего брата его, Карла, обладателя секрета шафгаузенского пластыря; матушкина родственница по тетке Марье Михайловне, Христина Вилимовна Шрейберг. Умная, веселая, но безобразная собою, она внушила сильную страсть Карлу Карловичу Людвигу, брату упомянутых девиц: он женился на ней впоследствии. Присутствие девиц привлекало молодых людей. У нас часто бывали Измайловского полка поручик граф Егор Карлович Сиверс[16], артиллерийский офицер Василий Григорьевич Костенецкий, прославившийся впоследствии своими странностями, плац-майор Бреверн и многие другие. В то ужасное время и самые невинные удовольствия

приправлялись страхом и горечью. Однажды, у нас, после танцев, ужинали человек двенадцать. Вдруг послышался звонок, и в столовую комнату вошел плац-майор Бреверн. Один из сидевших за столом молодых офицеров, не знавший, что Бреверн вхож у нас в доме, смутился и побледнел. Бреверн заметил это и вздумал позабавиться: не здороваясь ни с кем, подошел прямо к нему и, потрепав его по спине, сказал: "Не угодно ли, сударь, пожаловать со мною!" Офицер едва не упал в обморок. Матушка, догадавшись, в чем дело, с негодованием обратилась к Бреверну и просила его оставить в ее доме глупые шутки. Он расхохотался, и дело кончилось общим смехом. С тех пор почувствовал я отвращение к таким глупым мистификациям и сам никогда не позволял их себе. Еще ненавистнее мне, когда кому-либо сообщат приятную новость и, обрадовав его, потом объявят: неправда, этого не было: я только пошутил! Глупо и бессовестно!

От этих эпизодов обращусь вновь к самому себе. Батюшка все откладывал помещение нас в какое-либо училище. Причиной тому была беспечность его и — недостаток средств. Следовало для этого одеть и снарядить нас вполне, и внести деньги за пансион вперед, а от доходов его, за исключением содержания дома, оставалось очень немного. К счастью моему, рекомендовали ему одного частного учителя, Якова Михайловича Бородкина, который получил воспитание в Сухопутном корпусе; он был в нем гимназистом, т.е. воспитанником из недворян, готовившихся в учительскую должность. Поверят ли, что этому русскому человеку обязан я немногими сведениями о грамматике французской, о которой, при учителях-французах, и в помине не было! Он притом учил нас и рисовать. Я сначала оказал было хорошие успехи в рисовании, но оно мне вскоре надоело: словесность одна занимала мой ум и воображение. Я читал все, что только мог найти. Самым приятным чтением того времени был для меня "Жиль Блаз" в старинном переводе. Из этой книги почерпнул я много понятия о свете и людях; но, несмотря на то, вообще был в свете и с людьми, во всю мою жизнь, в разладе. Французский язык знал я очень плохо. Немецкий слышал в доме чаще, и к тому матушка заставляла меня читать вслух немецкие книги. Однажды, в каком-то немецком сборнике, нашел я описание Солнечной системы, Солнца, планет, неподвижных звезд. Это меня чрезвычайно заняло, и я, для лучшего впечатления этих предметов в памяти, вздумал перевести всю статью на русский язык. Батюшка, видя, что я пишу что-то со вниманием, спросил, что я делаю. "Перевожу с немецко-

го", – отвечал я. Он не сказал ни слова, но позвал матушку. Она стала за мною и начала читать подлинник, а потом перевод. Это ее восхитило. Со слезами на глазах (помню это очень живо) сказала батюшке: Il traduit très bien*. Он улыбнулся и похвалил меня. Тем это и кончилось. Все усилия матушки к доставлению мне бóльших средств образования были напрасны. Мне на роду было написано оставаться самоучкою. Литературные познания моего учителя, Дмитрия Михайловича Кудлая, франта и модника, были очень ограничены. Он читал с восторгом "Бедную Лизу" и любил везде ставить тире, в подражание модному тогда Карамзину. Величайшим его старанием было обвертывать себе шею бесконечною косынкою: это была последняя парижская мода, наистрожайше запрещенная нашим правительством: если б он попался на глаза Павлу, сидеть бы ему в крепости. Батюшка крепко журил его за эти толстые галстухи, боясь, что и сам попадется за него в ответ, но ничего не помогало. Он ходил как страждущий жабою. Уроки его были ничтожные, и я ничему у него не научился; напротив, сам чутьем поправлял его ошибки. Большим препятствием к образованию моих врожденных способностей было то, что в нашем семействе и кругу не было ни одного литератора, ни одного классически образованного человека. Я не имел склонности ни к военной, ни к гражданской службе. Какая-то непонятная сила влекла меня к грамоте и литературе. На блистательных генералов и офицеров смотрел я равнодушно. И звезды вельмож не действовали на меня. На крестинах сестры Лизаньки были у нас сенаторы граф Александр Сергеевич Строганов и Петр Александрович Соймонов. Я смотрел на них с любопытством, но довольно равнодушно. Зато с каким благоговением глядел я на первого виденного мною в жизни писателя: это был Федор Осипович Туманский, автор "Истории Петра Великого" и издатель "Российского Магазина". Не знаю, зачем-то он приезжал к отцу моему. Оба они разговаривали, ходя по зале. Я глядел на Туманского, не спуская глаз. "Вот писатель, сочинитель, – думал я, – что он вымыслит, напишет, напечатает, то читает вся Россия. Умрет он, и его имя будут с благодарностью вспоминать поздние потомки". И Павла Христиановича Безака уважал я более всех именно за то, что он занимался литературою. Еще достойна любопытства страсть моя к книгопечатанию. С детства я разрезывал афишки и другие печатные листы и из отдельных букв складывал слова и речи. В конце 1799 года приехал

*Он переводит очень хорошо (*фр.*).

в Петербург какой-то англичанин и стал продавать типографские буквы, с принадлежащими к ним снадобьями, для пометки белья. Батюшка купил у него такой ящичек и подарил мне. Я был в восторге. Англичанин, заметив это, предложил купить у него ручную типографию, то есть несколько сот букв, с ручными тисками, с маленькими мацами и т.п. У батюшки в то время случились деньги, и он подарил мне эту типографию. Англичанин выучил меня набирать и печатать. Но буквы были французские. Что ж? Я взял "Треязычную книгу" (повести, басни и т.п. на русском, немецком и французском языках) и стал печатать под заглавием: "Petites Historiettes. St.-Petersbourg, 1799, chez. N.Gretsch"*. В то время выходила замуж тетушка Елисавета Яковлевна. Старик Буше, по просьбе батюшки, промыслил мне поздравительные стихи следующего содержания:

Il est donc vrai; ma tante se marie.
Quel compliment, cette tante chérie,
Attendrait-elle de son jeune neveu?
Pour le bien faire il sait encore trop peu.
Mais tout ce que je puise dans mon âme joyeuse,
Je le fais en formant le voeu:
Qu'elle m'aime toujours et qu'elle soit heureuse**.

Я напечатал их чистенько и поднес не как сочинитель, а как типографщик! Типография моя вскоре остановилась. Буквы засорились, а я не знал, как их вычистить. Посещая лекции в Академии Наук, заходил я нередко в типографию академическую, с любопытством смотрел на набор, выправку и печатание и думал: ах, кабы мне иметь такую типографию и печатать, что хочу. Припомню при этом слова Гете: Was man in der Jugend wünscht, hat man im Alter die Fülle***. Так, но нет того чувства, которое волнует и радует нашу юношескую душу. Впрочем, Бог устроил мудро, что не все наши юношеские желания и не тотчас исполняются. Человек, избалованный удачами и счастьем в юности, привыкает к исполнению всех его желаний, притупляет чувства удовлетворением их и в зрелые лета не умеет равнодушно снести несчастия, не умеет пользоваться тем, что есть. Неудачи, нужда, лишения – лучшая школа для образования харак-

---

* "Небольшие рассказы. Петербург, 1799, у Н.Греча" (*фр.*).

** Так, значит, это правда, моя тетка выходит замуж. Какого поздравления ждала бы эта дорогая тетка от своего молодого племянника? Чтобы поздравить как следует, он еще слишком мало знает. Но все, что я могу почерпнуть в моей радостной душе, я выражаю в желании, чтобы она всегда меня любила и была счастлива (*фр.*).

*** Чего желаешь в юности, то изобильно имеешь в старости (*нем.*).

тера и души человека. Уж если терпеть, так терпеть в молодые лета, когда надежда радует и подкрепляет человека. На старости же и без того будут страдания, с нею неразлучные, как, например, ужаснейшее из всех – потеря милых нашему сердцу. Для этого нужно закалить душу мелкими страданиями и лишениями молодых лет.

Важною для меня эпохою был 1799 год – кампания Суворова в Италии. Должно знать, что Суворов пользовался до того времени славою искусного и храброго генерала, но большая часть утверждали, что он может бить турок и поляков, а с французами не сладит. Матушка ненавидела его за варварства в Измаиле и Праге и выставляла пред ним своего героя Румянцова. Другой порицатель его был человек умный, благородный, образованный, но большой чудак, некто Алерт (Ahlert), бывший некогда купцом, но оставивший торговлю по каким-то причудам. Он купил себе польское дворянство и был прозван Алерт де Венгоржевский. Ahl (угорь) по-польски называется wengorz (венгорж). Находя, что женщины образованных сословий слишком ветрены и причудливы, он вздумал сочетаться браком с дочерью природы и женился на какой-то глупой эстляндской девчонке, которая преогорчила его жизнь. Детям своим (у него были все дочери) давал он имена самые странные. При одной беременности жены своей, он положил назвать дочь, которая родится, Идою и прибавить к тому имя святого греческой церкви, по дню ее рождения. Она родилась 17 августа, в день мученика Мирона, и он назвал ее Ида Мирона! Алерт умер в 1800 году, оставив жене и детям небольшое состояние. При всех этих причудах, был он, как я уже сказал, человек хороший, умный и просвещенный.

Родители мои любили и уважали его. Алерт, как и все порядочные люди, порицал и ненавидел правление Павла и в досаде своей нередко переходил за границы. Таким образом, предсказывал он неминуемую беду нашей армии в борьбе с французами, пред которыми падали воинства и царства. Во мне, с самых детских лет, был врожденный патриотизм и оптимизм: я досадовал и горевал в душе, слыша такие толки и предсказания. Вообразите после этого восторг мой, когда раздался гром побед Суворова в Италии! Я с жадностью читал реляции и газеты и торжествовал при Кассано, Требии и Нови. Критики и порицатели умолкали и только говорили: счастье его, что молодой генерал – как бишь его? – да, Бонапарте, в Египте, а то бы досталось Суворову. Да лих не досталось, думал я: а хотя б и этот разбойник вступил с ним в бой, наш Суворов победил бы его непременно.

Наступила осень, и с нею стали приходить тяжелые, грустные известия о жалком и бедственном окончании войны, начатой так блистательно. С досады я перестал читать газеты и не знал, что делается в свете. Весною 1800 года прибыл в Петербург Суворов, больной, умирающий. Он остановился в доме племянника своего, т.е. женатого на его племяннице, княжне Горчаковой, графа Хвостова, на Крюковом канале, насупротив Никольской колокольни. 6 мая он скончался.

Не помню с кем, помнится с батюшкою, поехал я в карете, чтоб проститься с покойником, но мы не могли добраться до его дома. Все улицы были загромождены экипажами и народом. Не правительство, а Россия оплакивала Суворова. Известно, что подлецы и завистники обнесли его у Павла I. Приехав в Петербург, он хотел видеть государя, но не имел сил ехать во дворец и просил, чтоб император удостоил его посещением. Раздраженный Павел послал вместо себя – кого? – гнусного турка Кутайсова. Суворов сильно этим обиделся. Доложили, что приехал кто-то от государя. "Просите", – сказал Суворов, не имевший силы встать, принял его, лежа в постеле. Кутайсов вошел в красном мальтийском мундире с голубою лентою чрез плечо.

– Кто вы, сударь? – спросил у него Суворов.

– Граф Кутайсов.

– Граф Кутайсов? Кутайсов? Не слыхал. Есть граф Панин, граф Воронцов, граф Строганов, а о графе Кутайсове я не слыхал. Да что вы такое по службе?

– Обер-шталмейстер.

– А прежде чем были?

– Обер-егермейстером.

– А прежде?

Кутайсов запнулся.

– До говорите же!

– Камердинером.

– То есть вы чесали и брили своего господина.

– То... Точно так-с.

– Прошка! – закричал Суворов знаменитому своему камердинеру Прокофию. – Ступай сюда, мерзавец! Вот посмотри на этого господина в красном кафтане с голубою лентою. Он был такой же холоп, фершел, как и ты, да он турка, так он не пьяница! Вот видишь, куда залетел! И к Суворову его посылают. А ты, скотина, вечно пьян, и толку из тебя не будет. Возьми с него пример, и ты будешь большим барином.

Кутайсов вышел от Суворова сам не свой и, воротясь,

доложил императору, что князь в беспамятстве и без умолку бредит.

Я видел похороны Суворова из дома на Невском проспекте, принадлежавшего потом Д.Е.Бенардаки. Перед ним несли двадцать орденов; ныне, я думаю, их больше у доброго Ивана Матвеевича Толстого, бывшего в свите наследника Александра Николаевича на путешествии его в 1840 году, а тогда это было отличие неслыханное. За гробом шли три жалкие гарнизонные баталиона. Гвардии не нарядили, под предлогом усталости солдат после парада. Зато народ всех сословий наполнял все улицы, по которым везли его тело, и воздавал честь великому гению России. И в Павле доброе начало наконец взяло верх. Он выехал верхом на Невский проспект и остановился на углу Императорской библиотеки. Кортеж шел по Большой Садовой. По приближении гроба, император снял шляпу, перекрестился и заплакал.

Бог да судит тех, которые в этом добром, благородном человеке заглушили начала благости и зажгли буйные страсти!

О несчастном окончании голландской экспедиции узнали мы по тому, что главнокомандующий генерал Герман и другие генералы, взятые в плен французами, были исключены из службы, а об окончании кампании швейцарской носились одни темные слухи. С прекращением побед кончилась и страсть моя к политике.

1800 год был для меня и для всего нашего семейства самый грустный. Финансовые дела отца моего приходили все более и более в расстройство. Тщетно матушка убеждала его посократить расходы. Он обещал и тут же изменял слову. Наступал день ее рождения, 29 июня. Как не попировать? Но слово было дано. Что ж? Он выдумал, что будто Буше дает этот обед. В то время было перемирие с бабушкою Христиною Михайловною. Она обедала у нас в пребольшой компании. В конце обеда Буше провозгласил ее тост: "Милостивая государыня! За тридцать один год пред сим..." Она прервала его речь: "Мне было семнадцать лет от роду!" А матушка была третьим из детей ее. Этот обед был последним в нашем доме.

В Сенате было решено какое-то дело, в котором участвовала родственница Кутайсова или какого-то другого урода. По жалобе ее отрешили от службы всех сенаторов того департамента и производителей дела. Отец мой был в том числе. Это случилось 16 сентября 1800 г. Помню, как вчера, с каким удивительным равнодушием перенес он это несчастие. Принесли пакет из канцелярии департамента; я принял его от куриера и подал ба-

тюшке, стоявшему с трубкою подле окна в сад. Он, распечатав, прочитал и сказал: "Хорошо!" – потом опять устремил глаза в зелень и, не изменяясь в лице, только стал курить сильнее. С того дня все пошло под гору. Матушка отправилась, по приглашению тетки ее, Екатерины Михайловны, с дочерьми и младшим сыном, в деревню ее, Пятую Гору. Батюшка сдал опеку над фамилиею барона Людвига и переехал со мною и с братом на Фурштатскую улицу, в дом г. Крузе, подле Фурштатского двора. Здесь мы с братом вытерпели большую нужду и принуждены были слушать упреки слуг, которые ее разделяли. Батюшка все питался надеждою, при посредстве Безака, получить новое место, именно президента одной из ратуш, которые вздумали тогда учредить в губернских городах. Давно ли, казалось, жили мы в достатке и обилии. В феврале 1800 года вышла замуж тетушка Елисавета Яковлевна. Муж ее не имел ничего, кроме жалования. Христина Михайловна, смотревшая на этот брак с досадою, хотя Елисавета Яковлевна и была любимою ее дочерью, не дала ей ничего на обзаведение, прибавив по-немецки: "Lass sie darben"*. Батюшка, и по влечению доброго своего сердца, и назло теще, снабдил молодых всем, что нужно было для домашнего хозяйства, и даже съестными припасами на несколько месяцев. Старик барон, отец Карла Федоровича Клодта, объявил, что не может явиться на свадьбу за неимением невыразимой части одежды. Батюшка одел его с ног до головы. А теперь сам был в горьком положении. Я отнюдь не упрекаю в том наших родных: они всегда готовы были делить с нами последнее, только делить было нечего.

Обучение наше остановилось совершенно. В 1800 году посещал я публичные лекции Академии Наук. Императрица Екатерина II пожаловала Академии капитал в 30 000 р.; из процентов его выдавалась награда четырем академикам (NB. из русских), которые читали летом публичные лекции о разных предметах в залах Академии и в кунсткамере. В 1800 году читали: Гурьев высшую математику; Захаров химию; Севергин минералогию; а Озерецковский зоологию и ботанику. Я не мог понимать лекции Гурьева, не имев достаточных для того приготовительных познаний, но тем ревностнее следил за другими, особенно за лекциями Озерецковского, который говорил грубо, не разбирая выражений, но умно, ясно и увлекательно. В числе слушателей его были многие морские и горные офицеры. Я был самым младшим из посетителей, но вскоре обратил на себя внимание

---

*Пусть потерпит нужду (*нем.*).

академика исправным посещением лекций и постоянным вниманием. Вынув из шкапа чучело животного, он заставлял меня держать его и объяснял признаки. Однажды объяснял он свойства птицы щурка и никак не мог вспомнить, как она называется по-французски. Я поглядел на надпись на подножке и сказал будто от себя и с некоторым сомнением: "Кажется, guépier". – "Точно так, – вскричал Озерецковский, – ай да молодец!" С тех пор внимание его ко мне еще увеличилось. С чувством искренней благодарности воспоминаю я об этих лекциях, доставивших мне случай к развитию моих понятий и к приобретению основательных сведений о некоторых предметах. Чрез несколько лет скажу, как помогли мне эти уроки на экзамене. Может быть, что нынешняя Академия Наук блистательнее и славнее; но тогдашняя была, бесспорно, полезнее. Подле знаменитых иностранцев – Эйлера, Эпинуса, Палласа, Шуберта, Ловица и т.д. – были в ней русские: Румовский, Лепехин, Озерецковский, Севергин, Иноходцев, Захаров, Котельников, Протасов, Зуев, Кононов, Севастьянов. Правда, что не все из этих русских были люди великие и гениальные, многие из них были люди невысокой нравственности, т.е. просто пьяницы; но они трудились и действовали для России, и о них можно сказать с Крыловым:

По мне так лучше пей,
Да дело разумей.

Первое место в числе их занимал Озерецковский: человек умный, основательно ученый, но вздорный, злоязычный, сквернослов и горький пьяница. О них ходило в то время множество анекдотов. Однажды все члены Академии были на свадьбе у одного из своих товарищей: это было летом, на Васильевском Острову. Часу в шестом утра шли они домой, гурьбою, в шитых мундирах и орденах и дорогою присели на помост канавки, чтоб отдохнуть и перевести дух. В это время лавочник отворял свою лавочку.

– Братцы! – сказал Озерецковский. – Зайдем в лавочку и напьемся огуречного рассолу; славное дело после попойки.

Вся Академия согласилась с ним и отправилась за нектаром.

– Лавочник! – закричал Озерецковский. – Подавай рассолу огуречного!

– Извольте, ваши превосходительствы и сиятельствы! – отвечал лавочник и, кланяясь, поднес рассолу в ковше. Напились, отрыгались ученые.

— Хорош у тебя рассол, собака! — сказал Озерецковский. — Ну что же мы тебе должны?

— Ничего, ваши сиятельствы!

— Как ничего!

— Да так, ваши превосходительствы! Ведь и с нашим братом это случается.

Один из членов Академии, Лев Васильевич Ваксель, воротившись из Англии, задал попойку товарищам. Это было в глубокую осень, когда уже выпадал снег. Жил он где-то за Владимирскою. Часу в третьем ночи гости его, сбираясь домой, потребовали, чтоб он достал им извозчиков. Послали искать их; не нашли ни одного.

— Ну, вези как хочешь, собака немец! — сказал Озерецковский.

— Да у меня, Николай Яковлевич, одна лошадь да обшевни.

— Уместимся как-нибудь; вели закладывать, а мы выпьем еще по маленькой, на подковку лошадей!

— И то дело, — сказал хозяин и велел подать свежую миску пуншу.

Гости посоловели; пошли сначала упреки и понасердки, потом примирения, лобзания и слезы. Миска осушена. Докладывают, что экипаж готов. Гостей снесли одного за другим, уложили в обшевни и наказали кучеру свезти господ легонько на Васильевский Остров, в дом Академии, постучаться у дверей каждого и вызвать человека с фонарем, чтобы он отыскал своего барина и снес в постель. Приказание было исполнено в точности. Семерых кучер сдал в академическом доме, а восьмого свез в его собственный дом в 3-й Линии, и, когда человек вынул его превосходительство, кучер сказал:

— Ну, слава Богу, всех сдал счетом.

— Как всех? — спросил вернувшийся слуга. — Да там никак еще один.

— Что ты, — сказал кучер, — я принял счетом восемь человек.

— Нет, ей-ей, там есть еще один.

— Одолжи, брат, фонарика; посмотрим, так ли.

Слуга поднес фонарь, и кучер увидел на дне обшевней девятого — это был сам хозяин Ваксель; он улегся с своими друзьями. "Ну этого знаю, куда везти", — заметил кучер и поплелся домой. Еще много носилось в свете анекдотов о членах Академии. Они куликали не одни: к ученым присоединялись и исполнительные члены Комитета Правления Академии. В числе их был некто Василий Иванович Емс, происхождения английского, родившийся в Архангельске; он говорил г о р о д с к и м

наречием, как гребец, пил напропалую, ругался, как подлейший извозчик, и участвовал с друзьями своими в самых развратных оргиях. Мне случилось видеть их на обеде, который давала ежегодно Почтамтская Газетная Экспедиция Комитету Академии за какую-то уступку при подписке на академическую газету. Экспедициею управлял тогда ст. сов. Иван Васильевич Мейсман, человек добрый и любезный, служивший сам прежде того в Комитете Академии. И меня приглашали на этот обед, как издателя журнала, от которого кормилась Экспедиция. Обед этот происходил обыкновенно в ресторации Луи, насупротив Адмиралтейства, и оканчивался жестоким пьянством, а иногда и дракою. Емс был первым во всех этих мерзостях. В пример скажу, что он однажды, после обеда, спросил у своих товарищей: "Ну, господа, куда теперь поедем: в театр или к кому-нибудь?"* Неудивительно, что Емс существовал в моих мыслях как самый гнусный и низкий человек. Однажды, в начале 1817 года, мне случилась какая-то надобность до типографии Академии Наук, которою он управлял. Я отправился к нему поутру в десять часов, в квартиру его, на Васильевском Острову, в доме лютеранской церкви св. Екатерины. Я думал, что мне укажут куда-нибудь на чердак, в подвал, или, по крайней мере, на задний двор. Нет! он жил в нижнем этаже. У дверей колокольчик. Я позвонил. Отворили двери, и явилась чистенькая служанка.

— Здесь ли живет Василий Иванович? — спросил я.

— Здесь, сударь, пожалуйте.

Она сняла с меня шубу и, по чистым, хорошо убранным комнатам, провела в кабинет. Там, пред письменным столом, сидел в креслах, в парадном шлафроке, Василий Иванович Емс. Все вокруг его было чисто и порядочно. Увидев меня и вспомнив, где и как мы встречались с ним дотоле, он смутился было, но вскоре оправился и принял меня очень учтиво. Между тем, как мы разговаривали, вошла в комнату жена его, дородная, миловидная англичанка, и, поклонившись мне, учтиво спросила у него о чем-то по-английски. Он отвечал ей тихо и ласково, и она вышла. Кончив дело свое, я откланялся. Он проводил меня до передней. Мимоходом видел я дочерей его, хорошеньких, скромных, чисто одетых. Это зрелище изумило меня: неужели этот опрятный, благообразный отец прекрасного семейства и пьяница, развратник, сквернослов Емс — одна и та же особа? Точно так. Дома он был порядочный англичанин: с приятелями — грубый и развратный мужик архангелогород-

---

**Первоначально было:* или к девкам.

ский. На одной из пьяных пирушек поражен он был параличом. Его свезли домой. Из неблагопристойных выражений его в разговоре с призванным к нему врачом, из разодранной и загрязненной его одежды дочери увидели его гнусное положение и догадались, что это случается с ним не в первый раз. Он вскоре потом умер, а одна из дочерей его, с отчаяния, сошла с ума!

Повторяю, что эти пьяницы были гораздо общеполезнее нынешних чопорных всезнаек. Озерецковский и Севергин написали "Естественную историю", в семи томах, изданную на счет казны в 1789–1790 годах, которая доныне сохраняет свое достоинство. Озерецковский писал слогом тяжелым и грубым (в чем свидетельствует его перевод Саллюстия), но знал языки основательно и обогатил терминологию естественной истории. В 1800 году он продолжал свои лекции до глубокой осени, потому что из академической конторы не выдавали ему должной за то платы, а мне это было на руку.

В последние годы своей жизни Озерецковский забавлялся разными причудами. У него был племянник в гимназии. Однажды Озерецковский увидел у него казенный синий клетчатый носовой платок, от которого у него посинел нос. Он дал ему другой платок, а этот повесил между редкостями в кунсткамере с ярлыком: "Платок спб. гимназии, в попечительство Уварова и директорство Тимковского!" Наконец, он впал в совершенное расслабление. Грешно Уварову, что он, при праздновании столетия Академии в 1826 году, не дал ему жалкой звезды Станислава за прежние его великие заслуги. Он вскоре потом умер. Память его достойна жить в летописях русской науки. Тогда был иной век: и Петр Великий и Ломоносов жили не по-нынешнему.

Праздное время, а его у меня было довольно, употреблял я на чтение книг исключительно русских, потому что я не понимал достаточно языков иностранных. Их доставлял мне один подчиненный батюшки, Николай Иевлевич Сковычев, сохранивший к начальнику своему благодарность и по смерти его. Ежегодно, 24 ноября, являлся он с поздравлением к матушке. Я потерял его из виду в конце двадцатых годов. Я любил музыку, охотно слушал игру на инструментах и пение, может быть, оттого, что в детстве много водился с певчими. Решено было учить меня играть на скрипке. За это взялся Николай Михайлович Кудлай, мастер своего дела, ученик знаменитого Скиати (отца известной учительницы на фортепиане, госпожи Мейер). Учение это продолжалось месяца три и кончилось ничем. Мне надоели экзерциции без всякой мелодии. Я немедленно хотел

наслаждаться плодами учения и, не видя их, соскучился и, водя смычком по струнам, думал об ином, но и это кратковременное занятие музыкою принесло мне пользу: я познакомился с главными основаниями нотного письма, узнал размер нот, место каждого тона, что такое такт, ключ и т.д. Это мне было полезно впоследствии, когда я занимался переводом опер.

Все это отрывочное и непостоянное образование прекратилось совершенно по удалении матушки в деревню и по переселении нашем из дома Людвига на Фурштатскую. Батюшка выходил со двора поутру рано за своими делами и возвращался домой, и то не всегда, к обеду. Иногда обедывали мы у тетушки Елисаветы Яковлевны. Все время проводили мы почти в совершенной праздности, с крепостными нашими людьми. О них должен я сказать несколько слов. Самым древним из этих лиц была эстляндка Елисавета, известная в доме под именем "старой Лизы". Она принадлежала еще бабушке Екатерине Мартыновне, потом перешла к теткам моим и, наконец, к отцу. В молодости, говорят, она была красавицею. Она пленила сердце какого-то семинариста, и плодом этого плена была дочка Мавра, которая, на основании какого-то закона, была свободною и служила в людях у богатых немецких купцов. "Старая Лиза" была преискусная кухарка и особенно славилась своими супами. От оригинальных капризов батюшки она терпела очень много. Однажды подали на стол поросенка под хреном. Батюшка, большой охотник до этого блюда, с неудовольствием заметил, что у поросенка обрезаны уши. Призвали к страшному суду бедную Лизу.

— Отчего обрезаны уши у поросенка? — спросил он.

— Не знаю-с.

— Как не знаешь, ты, старая!

— Виновата! Мыши отъели кончики ушей, так я их срезала.

— Мыши! вот я дам тебе мышей. Садись, старая... и съешь сама всего поросенка, а я после мышей есть на стану. Садись и ешь, а не то я тебя...

Напрасно бедная старуха умоляла его; напрасно вступалась матушка. Лиза должна была съесть; ей подали прибор, и она, отрезав кусочек, положила его в рот. Вдруг раздалось: "Прочь, старая... с глаз долой и с проклятым поросенком". Старуха с трепетом взялась за блюдо и унесла на кухню. Все мы сожалели о бедной Лизе, и я вечером пробрался в кухню, чтобы увидеть, как она перенесла эти истязания. Что ж? Старуха сидела за поросенком и с аппетитом убирала его. "Дай Бог здоровья Ивану Иванычу, — говорила она, — пожурил, да и

помиловал. Славное блюдо". По кончине батюшки, когда я распустил всех наших людей, она переселилась к своей дочери, попала в дом доброй баронессы Раль, долго служила у ней и там скончалась.

Батюшка привез с собою из Италии молоденького мальчика Франческо, но он оставался у нас недолго и перешел к известному италиянскому импресарио Казаси. После того приятель батюшки, Кретов, прислал к нему из Москвы, в подарок, молодого мальчика, по имени Афанасья. Это был человек сметливый, проворный, услужливый, добрый и довольно трезвый, но имел несчастную страсть к игре. В то время существовали в трактирах и харчевнях азартные игры, называвшиеся фортунками. Кажется, в них катали шариками в отверстия, как на китайских билиардах. Афанасий пристрастился к этой забаве и проигрывал все, что мог. Пошлют разменять синюю бумажку. Нейдет домой часа два. Потом явится бледный, расстроенный: "Виноват, как-то обронил". Можно вообразить, как это сердило батюшку, огорчало матушку, особенно когда финансы домашние были в плохом состоянии. А впрочем, Афанасий был слуга преисправный. Дядюшка Александр Яковлевич Фрейгольд любил этого человека и утверждал, что он шалит оттого, что батюшка обращается с ним слишком строго. "Строго? — спросил батюшка, – так возьми его себе, любезный друг: я дарю его тебе; напляшешься с ним". Александр Яковлевич отвечал, что подарка не принимает, а берет к себе Афанасья в услужение, чтоб доказать справедливость своего мнения. Вскоре потом уехал он с Павлом Ив. Мерлиным в Москву и взял Афанасья с собою. Вот пишет из Москвы: "Афанасий — чудо человек: честен, исправен, трезв и т.п." Вдруг похвалы умолкли. Что ж случилось? После годичной честной и беспорочной службы Афанасия, дядюшка и Мерлин отправились куда-то зимою на бал, взяв с собою героя моего рассказа. Часу в третьем, ночью, выходят в переднюю, кличут Афанасья, нет его; ищут шуб, и их нет. Оказалось, что верный слуга забрал шубы своих господ и еще сколько мог захватить, отправился в трактир и проиграл их. Афоньку воротили и отдали в солдаты. Это было в начале 1807 г. Он попал в один из армейских полков, стоявших в Петербурге, помнится, в Кексгольмский, или, как его звали, Кемзольский. После 1814 г. явился он ко мне унтер-офицером, с Георгиевским крестом и медалями и рассказывал о славных своих подвигах. Потом лет чрез пять пришел опять, но уже простым солдатом и без знаков отличия. Его разжаловали, как он сам говорил,

за то, что полковой писарь выскоблил что-то в его бумагах, для доставления ему скорейшего производства, но, вероятно, за новый раздор его с фортуною. В начале сороковых годов явился он вновь ко мне отставным, дряхлым инвалидом. Иван Никитич Скобелев, по просьбе моей, поместил его в Чесменскую богадельню, где он и умер в 1842 г. Я должен был почтить память человека, который пекся обо мне в младенчестве моем. Литературный монумент поставил я Афанасью Силантьеву в "Черной женщине".

По смерти Крейца остались у него крепостные люди, родом эстляндцы. Две женщины, Мари с сыном Эвертом и Кадри с двумя дочерьми. Батюшка приобрел их покупкою; но они служили нам неохотно, надеявшись, что по смерти Крейца их отпустят на волю. Они беспрерывно жаловались на горькую свою судьбу и повиновались только по принуждению. У отца моего не было никаких письменных видов на обладание ими: по кончине его, я объявил, что, по малолетству своему, не знаю, кому именно принадлежат эти люди, и таким образом сделались они свободными, получая виды на жительство от полиции. Ныне [1851 г.] нельзя было бы этого сделать, хотя и облегчены способы к освобождению людей из крепостного состояния. Потом я потерял их из виду.

И вот компания, в которой мы находились с братом Александром! Нужду терпели мы порядочную, чаю не пили, а довольствовались сбитнем. Я не жалуюсь на эту бедность, на горький опыт молодых лет. Чего не перенесешь в молодости, в надежде будущих благ! Я приобрел этими лишениями независимость в жизненных делах. Обедать или не обедать, напиться чаю или холодной воды — для меня все равно, по крайней мере, было так, когда я был помоложе. Зато и радовался я всякому счастливому случаю, доставлявшему мне какое-либо удобство и наслаждение. Лишение было для меня в обыкновенном порядке вещей; сытость и наслаждение — наградою, не всегдашнею. Оттого я доныне не пренебрегаю благами земными, не пресыщен ими, и благодарю Бога за все, что он ни пошлет мне. Зато я и более сострадаю бедным, зная, каково терпеть голод, стужу, унижение, неразлучные с бедностью.

Среди этого быта раздался над головами у нас громовый удар — смерть императора Павла, — но не устрашил нас, а, напротив, оживил, возвестив, что воздух очистится от мглы и затхлости, которыми был преисполнен в течение с лишком четырех лет. 11 марта пришли мы вечером домой от тетушки Елисаветы Яковлевны. На Фурштатской, насупротив Аннинской

кирки, жила сестра генерал-прокурора Обольянинова. У ворот стояло, как и всякий вечер, множество экипажей. На другой день, часу в десятом утра, разбудили нас с братом громкие слова слуги:

— А молодые господа спят и не знают, что делается в свете.

— Что такое? — спросил я, протирая глаза.

— Да у нас, Николай Иванович, новый государь. Император Павел Петрович приказал долго жить!

— Да как ты это узнал?

— Барин, по обычаю, встал в шестом часу и куда-то отправился. Вдруг воротился он поспешно чрез полчаса и сказал: "Когда проснутся дети, скажи им, что государь умер". С этими словами он опять пошел со двора.

Мы с братом просидели весь день дома, а вечером пошли к Елисавете Яковлевне. Там было несколько человек гостей: они разговаривали об этом происшествии вполголоса. "Это что?" — спросил я у бабушки. Помню, она сказала мне по-французски: "C'est vrai il a été assassiné"*. О обстоятельствах этого случая толки были разные. Часов в десять приехал старик барон Клодт, отец Карла Федоровича, усердный вестовщик, и все бросились к нему с вопросами, как было дело. Он отравлен, — говорил один. — Его задушили, — возражал другой. "Я знаю подробности, — отвечал барон, — было и то и другое: он скушал чего-то за ужином и ночью почувствовал резь в животе, встал с постели и послал за лейб-медиком. "Bums war Pahlen da, Bums war Zuboff da; eins, zwei, drei, todt war todt"**. Достойно замечания, с какою быстротою распространяются известия важные и неожиданные. Заговорщики, т.е. Пален и пр., приступая к подвигу, разослали приказание по заставам — никого не впускать в город. Полагают, что они хотели удержать за шлагбаумом графа Аракчеева, за которым послал император Павел. По всем дорогам остановились обозы, шедшие в город с припасами, и послужили проводниками живому телеграфу. Казус произошел в первом часу ночи, а в третьем часу разбудили с известием о том дядюшку Александра Яковлевича Фрейгольда в Пятой Горе, в семидесяти верстах от Петербурга, куда не могли поспевать ранее десяти часов, особенно в тогдашнюю весеннюю распутицу.

Изумления, радости, восторга, возбужденных этим, впрочем, бедственным, гнусным и постыдным происшествием, изобразить

---

*Это правда, он убит (*фр.*).

** Бац — тут Пален, бац — тут Зубов; раз, два, три — и мертвый был мертв (*нем.*).

невозможно. Россия вздохнула свободно. Никто не думал притворяться. Справедливо сказал Карамзин в своей записке о состоянии России: "Кто был несчастнее Павла! Слезы о кончине его лились только в его семействе". Не только на словах, но и на письме, в печати, особенно в сихотворениях, выражали радостные чувства освобождения от его тиранства. Карамзин, в оде своей на восшествие Александра I, сказал:

Сердца дышать Тобой готовы:
Надеждой дух наш оживлен.
Так милыя весны явленье
С собой приносит нам забвенье
Всех мрачных ужасов зимы.

Державин выражается еще яснее: у него является Екатерина и говорит русским, что они терпели по заслугам, не послушавшись совета ее, взять в цари внука ее, а не сына. Стихотворения Державина представляют любопытную картину поэтического флюгарства. Он хвалил и Екатерину, и Павла, и Александра! Последняя хвала, при вступлении на престол Александра Павловича, была достойна замечания тем, что Державин при этой перемене пал с вершины честей: он лишился места государственного казначея. Государь пожаловал ему за эту оду перстень в пять тысяч рублей. Державин подписал в то время под портретом Александра:

Се вид величия и ангельской души;
Ах, если б вкруг него все были хороши!

Князь Платон Зубов отвечал на это:

Конечно, нам Державина не надо:
Паршивая овца и все испортит стадо.

А чрез полтора года эта паршивая овца или паршивый баран был назначен министром юстиции. Комедия!

Не стану распространяться о подробностях этого ужасного происшествия: они описываемы были несколько раз. Тело покойного императора было выставлено в длинной проходной комнате, ногами к окнам. Едва войдешь в дверь, указывали на другую с увещанием: "Извольте проходить". Я раз десять, от нечего делать, ходил в Михайловский замок и мог видеть только подошвы его ботфортов и поля широкой шляпы, надвинутой ему на лоб. В том году Светлое воскресенье было очень рано, 24 марта, и Павла похоронили накануне: по обеим сторонам улиц, где везли его тело, стояли войска, но в беспорядке,

с большими интервалами. И солдаты, и народ непритворно выражали свою радость...

Вступление на престол императора Александра было самое благодатное: он прекратил царство ужаса, уничтожил Тайную канцелярию, восстановил права Сената, дворянства и — человечества, отменил строгую и, разумеется, нелепую и бестолковую цензуру. Россия отдохнула. Но образ вступления на престол оставил в душе Александра невыносимую тяжесть, с которою он пошел в могилу. Он был кроток и нежен душою, чтил и уважал все права, все связи семейные и гражданские, а на него пало подозрение в ужаснейшем преступлении — отцеубийстве. Всем известно, что он был совершенно чист в этом отношении. Причуды и действия Павла доходили до сумасшествия: финансы были расстроены, интересы народного богатства, движения торговли и промышленности в нестерпимом стеснении, невинность и честность в ежедневной опасности; злоба, коварство долго имели пред собою широкое поле и действовали неослабно. После ожесточенной ненависти к Франции, он восчувствовал нежнейшую дружбу к Бонапарту и готовил свою гвардию быть авангардом французских полчищ для завоевания Индии, т.е. вел ее на верную гибель, без малейшей пользы, даже в случае самого блистательного успеха. Составился заговор для спасения России отрешением* Павла. Участники его обратились к Александру и, представив все бедствия, терзающие Россию и угрожающие ей в будущем, вынудили его согласие на низложение императора, но с клятвенным обещанием щадить его жизнь и личность. Вышло не то и, вероятно, против общей воли участников, говорят, от неистовства пьяного гр.Николая Александровича Зубова... Неизгладимая грусть залегла в сердце Александра. На прекрасном лице его проявлялась она морщинами между бровями.

Александр был задачею для современников: едва ли будет он разгадан и потомством. Природа одарила его добрым сердцем, светлым умом, но не дала ему самостоятельности характера, и слабость эта, по странному противоречию, превращалась в упрямство. Он был добр, но притом злопамятен; не казнил людей, а преследовал их медленно со всеми наружными знаками благоволения и милости; о нем говорили, что он употреблял кнут на вате. Скрытность и притворство внушены были ему — и кем? — воспитателем его Лагарпом. Умный и строгий республиканец ненавидел сильных и знатных; с негодованием видел,

---

**Первоначально было:* отравлением.

как, при вступлении его в должность воспитателя будущего императора, вся эта подлая русская знать начала ему кланяться, как все пред ним раболепствовало и пресмыкалось. "Видишь ли этих подлецов? – говорил он Александру, – не верь им, но старайся казаться к ним благосклонным, осыпай их крестами, звездами и презрением. Найди друга вне этой сферы, и ты будешь счастлив". Уроки эти принесли плоды. Сохранилось письмо Александра к графу Виктору Павловичу Кочубею, бывшему тогда в Константинополе, писанное в начале 1796 года. Александр жалуется на свое положение, выражает все свое презрение к царедворцам того времени и говорит, что ужасается мысли царствовать над такими подлецами, что он охотно отказался бы от наследства престола, чтоб жить где-нибудь в глуши с своею женою. И он чрез пять лет сделался государем, и он выбрал себе друга, и этот друг был – гнусный Аракчеев. История этого временщика любопытна и поучительна. Я знал его довольно коротко и со временем опишу в точности. Александр видел в нем одного из тех, которые неповинны были в смерти Павла, видел человека, по наружности бескорыстного, преданного безусловно, и сделал его козлищем, на которого падали все грехи, все проклятия народа.

Я сказал, что смерть Павла отравила всю жизнь Александра: тень отца, в смерти которого он не был виноват, преследовала его повсюду. Малейший намек на нее выводил его из себя. За такой намек Наполеон поплатился ему троном и жизнию. Это изложу впоследствии, а теперь расскажу анекдот, не всем известный. Когда, после сражения при Кульме, приведен был к Александру взятый в плен французский генерал Вандам, обагривший руки свои кровию невинных жертв Наполеонова деспотизма, император сказал ему об этом несколько жестоких слов. Вандамм отвечал ему дерзко: "Но я не убивал своего отца!" Можно вообразить себе терзание Александра. Он не мог излить справедливого негодования на безоружного пленника и велел отправить его в Россию. Его привезли в Москву, где он, как и все пленные французские офицеры высших чинов, жил на свободе. Глупая московская публика, забыв, что видит пред собою одного из палачей и зажигателей Москвы, приглашала его на обеды, на балы. Государь, узнав о том, крайне прогневался, велел сослать Вандама далее, кажется, в Вятку, а москвичам сказать, что они поступали безрассудно и непристойно. Ни труды государственные, ни военные подвиги, ни самая блистательная слава не могли изгладить в памяти Александра воспоминаний о 12 числе марта 1801 г. Всех виновных этого гнусного дела

мало-помалу удалили от двора и из столицы. Из них только один Беннигсен играл впоследствии важную роль, благодаря своим воинским талантам[17].

Талызин умер в мае 1801 г., объевшись устриц. На памятнике его, в Невском монастыре, начертано было: "С христианскою трезвостью живот свой скончавшего". Потом заменили это слово твердостью, но очень неискусно.

Пален отставлен был, кажется, за грубость, сказанную им императрице Марии Феодоровне. Он удалился в курляндское свое поместье, названное им "Милостью Павла" (Paulsgnade), и умер с лишком осьмидесяти лет, сохранив всю бодрость своего ума. Говорят, что в 1812 г. хотели было назначить его главнокомандующим армиею против Наполеона.

Князь Платон Зубов удалился в свои поместья в Саксонии. Валериан Зубов оставался на незавидном месте директора 2-го Кадетского корпуса, который при нем падал все более и более, оставшись на попечении невежды Клейнмихеля. Адъютант Палена, Франц Иванович Тиран, за неосторожные речи был сослан в Оренбургский гарнизон. Говорят, что не он, а только шарф его был употреблен в этом злодейском случае. Он женился на дочери знаменитого трактирщика Демута, ссорился с женою, жил то в Петербурге, то в Париже, где я видел его в последний раз в 1845 г., – дурак был не последний, но во всех формах светского человека и либерала.

Довольно об этом ужасном, гнусном и постыдном для России событии. Прошло с того времени пятьдесят лет, а страшно об нем вспомнить. Мы ужасаемся, воображая явление частного смертоубийства. Свирепый, необразованный, дикий человек вкрадывается в хижину своего врага, убивает его, беззащитного, и грабит. Картина отвратительная! А как сравнить с нею зрелище этого адского цареубийства! Особы высшего, образованного круга, воспитанные по указаниям философии и религии, знакомые с правами и обязанностями, естественными и положительными, прокрадываются, как тати, в спальную храмину ближнего своего, человека, царя (для многих из них он был и благодетелем), осыпают его оскорблениями и предают мучительной смерти. Россия этого не хотела и не требовала. Зато и прошатались они всю жизнь свою, как Каины, с печатью отвержения на челе...

Я сказал уже, что вступление на престол Александра приветствуемо было как самое счастливое и вожделенное событие. И в сане наследника престола был он любимцем и кумиром русского народа. Молодой, красавец, кроткий, любезный, благотво-

рительный цесаревич привлекал к себе все сердца и царствовал в России еще до вступления своего на престол. Опыт этот имел вредное влияние на характер его, мнительный и недоверчивый. Видев любовь народа к наследнику престола мимо царя, он сам убоялся участи отца своего и не дозволял, чтобы кто-либо из лиц его семейства, разумеется, мужеского пола, мог быть известен народу с хорошей стороны. По этой причине не объявлял он, кто будет его наследником, и не дозволял этому наследнику являться народу в истинном своем свете. Мы не знали великого князя Николая Павловича, или, лучше сказать, знали его с дурной стороны, видели в нем человека честного, строгого в исполнении своих обязанностей, но одностороннего, скрытного, взыскательного в безделицах, совсем не то, что оказалось впоследствии. Если б знали, что он наследник престола, если б знали качества его души и сердца, не было бы постыдного возмущения 14 декабря, имевшего для России бедственные последствия. Ненависть к великому князю Николаю Павловичу была так велика, что ему предпочли бестолкового, взбалмошного Константина. Когда утром 14 декабря, на ектенье у обедни в церкви Симеона и Анны, провозгласили императора Николая, многие люди, и образованные и простые, со страхом выбежали из храма. В замену того, как просто, благородно, умно обращение императора Николая с своим наследником...

Александр, вступив на престол, удалил Кутайсова, Обольянинова и других царедворцев и призвал государственных мужей, пользовавшихся общей доверенностью; из них первые были Беклешов и Васильев; приказал пересмотреть все судебные приговоры и подобные дела прежнего царствования: возвратил невинно пострадавшим свободу, имущество, честь. Не могу выразить тех чувств любви и благоговения, которые внушали Александр и Елисавета, тогда еще соединенные узами любви и верности супружеской. В делах внешних водворился мир: раскрылись гавани и моря для внешней торговли. Избытки России потекли за границу. Прекратилась жестокая и глупая ценсура. Заговорила русская литература, дотоле немая и заклепанная. Служба военная освободилась от прусского педантства[18]. Одежда офицеров и солдат сделалась благородною и изящною. Сначала исчезла пудра; вскоре обрезали и косы. При дворе явился посланник Бонапарта, красавец Дюрок, которому было суждено чрез 12 лет пасть от русского ядра, и прическа наподобие римской вошла в моду под названием à la Duroc. Появились вновь круглые шляпы, фраки (принимавшие вначале разные забавные формы и цвета) и т.п. Немецкая

упряжь с шорами осталась за придворными и архиерейскими экипажами. Светская публика помчалась на ямских. Лишь только миновал придворный траур, закипели забавы всякого рода: вечеринки, балы, танцовальные и музыкальные собрания. В Петербурге возобновился французский театр поступлением на него двух сестер: Филис-Андриё и Филис-Бертен, Дюкруа, Деглиньи и др.[19]. Года чрез два возобновилась италиянская опера, в которой отличались мадам Каневасси-Гарние, Ненчини (друг танты Булгарина), Ронкони (отец нынешнего), Паскуа и мн. др. Оживилась и немецкая труппа. Русская обогатилась новыми талантами Самойлова, Черниковой, впоследствии его жены, Семеновой и др. Петербург проснулся от тягостного сна и наслаждался свежим бытием. То же можно сказать и обо всей России. Блистательнейшим проявлением радости и надежд России было коронование Александра (15 сент.), преданное бессмертию в русской литературе речью митрополита Платона.

С этого времени началась служебная и политическая жизнь двух лиц, весьма различных между собою. Николай Николаевич Новосильцев, тогдашний первый любимец императора Александра, просил начальство Московского университета дать ему, на время пребывания его в Москве, какого-нибудь студента в писцы. К нему прикомандировали белорусского поповича Федора Вронченко, нынешнего* графа, министра финансов, действительного тайного советника и андреевского кавалера, о нем непременно буду говорить впоследствии. Другой был Александр Иванович Чернышев, нынешний светлейший князь и председатель Государственного совета. Ему было тогда лет четырнадцать от роду. Как сын сенатора, был он на одном из балов, данных государю, и в одном экосезе очутился в паре, стоявшей подле танцовавшего Александра. Веселая и приятная его физиономия приглянулась государю. От стал расспрашивать юношу о разных дамах, бывших на бале, о их свойствах, слабостях и т.п. Юноша отвечал умно, смело и забавно, и очень понравился. На другой день государь велел спросить у отца, чего бы он желал для своего сына. "Определить его офицером в гвардию, если будет милость вашего величества", — отвечал отец. — "Этого нельзя сделать, — возразил государь. — Жалую его в камер-пажи". Через полгода Чернышев был выпущен в офицеры в Кавалергардский полк. Он отличился храбростью при Аустерлице и при Фридланде и получил ордена Владимирский и Георгиевский.

---

*В 1851 году.

Государь всегда отличал его. В 1808 году отправил он его курьером к послу нашему в Париже, графу Петру Александровичу Толстому, с депешами и изустными приказаниями. Чернышев прибыл в Париж во вторник. Принимая депеши, граф Толстой сказал ему, чтоб он до воскресенья, приемного дня у Наполеона, не выходил со двора. Молодому шалуну было очень досадно это затворничество в Париже. Вдруг является адъютант Наполеона и объявляет, что император, узнав о прибытии чрезвычайного курьера из Петербурга, просит графа Толстого завтра же привести его в Тюлиери*. Чернышев ожил. Наполеон, увидев на нем военные ордена, сказал: "А, вы один из недавних моих врагов! Где вы заслужили эти кресты?" Чернышев отвечал: "При Аустерлице и Фридланде". Тут Наполеон начал толковать об этих сражениях по своим бюллетеням и критиковать действия наших генералов. Юный поручик, забыв, что говорит с первым полководцем в мире, начал спорить и опровергать его показания. Стоявший за Наполеоном Толстой напрасно подавал ему знаки, чтоб он умерил свой жар. Чернышев, не замечая этого, продолжал отстаивать честь русской армии и принудил Наполеона с ним согласиться. Эта смелость и самоуверенность солдата понравилась Наполеону, и он с тех пор, видимо, отличал Чернышева. Он находился при Наполеоне и в австрийской кампании 1809 года. Известно, что австрийцы одержали верх над французами при Асперне и отбросили их за Дунай. Наполеон сам едва не попался в плен. Конвой его сабельными ударами очищал ему дорогу среди толпы бегущих французов. Сев в лодку, он заметил, что нет Чернышева, и велел отыскать его. Ему доложили, что некогда медлить и должно отчалить. "Нет, нет! – возразил он. – Что скажут, когда взят будет в плен находившийся при мне офицер русского императора". Чернышев был найден и вместе с Наполеоном перевезен на правый берег Дуная. Поутру, на другой день, Наполеон пригласил его к себе и просил съездить в Вену и узнать о расположении тамошних умов: пред вами-де, русским офицером, скрываться не будут. Чернышев отправился и нашел, что Вена в восторге и ликует о нежданной и неслыханной победе.

– Ну, что говорят в Вене? – спросил его, по возвращении, Наполеон с нетерпением.

– Говорят, ваше величество, что вам помешал одержать победу генерал Дунай.

Действительно, разлитие Дуная очень помогло австрийцам.

---

*Тюильри.

— Прекрасная мысль! — воскликнул Наполеон. — Бертье, внесите это в бюллетень. Послушайте, Чернышев, австрийцы именно раструбят свою победу, и до вашего императора могут дойти разные ложные слухи. Сделайте одолжение, напишите к нему, как было, сущую правду. Подите к Маре: там вам удобно будет заняться.

Нечего было делать! Чернышев отправился в избу статс-секретаря Маре (это было в деревне Энцерсдорфе) и нашел, что его там ждали. Сначала думал он написать по-русски, но рассудил, что этим он огорчит Наполеона, который, впрочем, может при помощи какого-нибудь поляка разобрать его писанье. Итак, он сел за стол и написал полную и совершенно справедливую реляцию; только закончил ее следующими словами: "Словом, государь, французская армия была так разбита, что она теперь не существовала бы, если бы австрийскою командовал Наполеон". Запечатав пакет своею печатью, отдал он его статс-секретарю. Часа чрез два Наполеон пригласил его к обеду и был к нему отменно ласков: видно, он прочитал письмо и лесть ему понравилась. Это слышал я из уст самого князя Чернышева в 1835 году. Последовавшие приключения его в Париже расскажу со временем — по иным источникам.

Александр, вступив на престол, окружил себя людьми достойными, в числе которых первое место занимали Александр Андреевич Беклешов и Алексей Иванович Васильев. Первый был назначен генерал-прокурором, последний государственным казначеем, т.е. министром финансов. Быв еще великим князем, Александр окружил себя молодыми людьми отличных дарований. Они были граф Павел Александрович Строганов, Николай Николаевич Новосильцев, князь Адам Адамович Черторыжский и др. Они, и по вступлении его на престол, остались его друзьями и советниками. Когда подумаешь, как непредвиденна и различна была судьба этих трех лиц! Особенно они занимались с ним изучением политической экономии и плоды трудов своих печатали в "С.-Петербургском Журнале", которого редакторами были Александр Федосеевич Бестужев (отец Бестужевых — 14 декабря 1825) и Иван Петрович Пнин, о котором буду говорить впоследствии. Этот журнал издавался только в течение одного 1798 года.

Александр, желая облегчить сношения свои с министрами и другими лицами, не жил летом в Царском Селе, а поселился на Каменном Острову, где принимал их регулярно и занимался неослабно, но нежная и кроткая душа его не могла долго выносить тогдашней тяжелой службы. К нему привозили большие

кипы дел. Надлежало помыслить о сокращении его работ, об упрощении дел вообще, и оттого возникла мысль об учреждении министерств. Дотоле правление делилось между тремя департаментами: Иностранных дел, Военно-сухопутным и морским и генерал-прокурором. Последний был точно верховный визирь; ему подчинены были: юстиция, полиция и финансы, да и во всех прочих департаментах имел он прокуроров. Не постигаю, как могли тогда идти дела, особенно когда вспомню, сколько чиновников составляли канцелярию генерал-прокурора. Теперь погрузились мы в противную крайность: до учреждения министерств, например, все медицинские дела заведовались Медицинскою коллегиею, в которой президентом был достойный Алексей Иванович Васильев. Ныне разделена она на несколько разных департаментов, с тысячами чиновников. Управление медицинскою частию по армии и флоту производилось одним столом, в котором столоначальником был Андрей Константинович Крыжановский. Теперь этот стол раздвинулся на два многочисленные департамента. Более всего выиграли от того бумажные фабрики.

В первые годы царствования Александра два происшествия нарушили обыкновенный порядок и господствовавшую в то время тишину. П е р в о е. Один молодой офицер Семеновского полка, Шубин, вздумал выслужиться и получить награду за открытие небывалого заговора. Однажды летом, в вечернюю пору, раздался пистолетный выстрел в одной из куртин Летнего сада. Бросились на выстрел и нашли лежащего на траве молодого офицера, обагренного кровию; у него прострелена была левая рука выше локтя; подле него лежал пистолет. Его подняли, привезли домой, перевязали. На допросе о том, кем и за что он ранен, Шубин отвечал, что давно уже приглашают его, безымянным письмом, вступить в тайное общество, имеющее целью убить государя, но что он пренебрегал этими приглашениями. Вчера подошел к нему в Летнем саду неизвестный человек в шинели, повторил эти приглашения и, когда Шубин решительно отказался от вступления в заговор, выстрелил в него из пистолета, который держал под шинелью, и скрылся. Стали искать этого человека, объявили, что за раскрытие его дадут большую сумму: никто не являлся и все розыски были напрасны. Наконец открылось, что Шубин выдумал всю эту историю и сыграл комедию, чтоб получить награду за верность к государю. Его лишили чинов и сослали на жительство в Сибирь. Д р у г о е происшествие было гораздо гнуснее. В Петербурге жила молодая вдова португальского консула Араужо, и жила немножко

блудно. Однажды поехала она в гости к придворной повивальной бабушке Моренгейм, жившей в Мраморном дворце, принадлежавшем великому князю Константину Павловичу, осталась там необыкновенно долго и, воротясь домой в самом расстроенном положении, вскоре умерла. Разнеслись слухи, что она как-то ошибкою попала на половину великого князя и что он с помощью приятелей своих, адъютантов и офицеров, поступил* самым злодейским образом. Слух об этом был так громок и повсеместен, что правительство, публичным объявлением, приглашало всякого, кто имеет точные сведения о образе смерти вдовы Араужо, довести о том до сведения правительства. Разумеется, никто не явился.

Цесаревич Константин Павлович вообще представлял собою разительную противоположность Александру: он был суров, груб, дерзок, вспыльчив, не любил никаких полезных занятий, но притом был прямодушен, незлопамятлив и очень добр к приближенным. Однажды сказал он одному из своих любимцев, помнится, графу Миниху:

– Как ты думаешь, что бы я сделал, лишь только бы вступил на престол?

Миних гадал то и другое.

– Все не то: повесил бы одного человека.

– И кого?

– Графа Николая Ивановича Салтыкова за то, что он воспитал нас такими болванами.

Константин отличался от Александра и на войне. Александр был храбр и неустрашим, хладнокровен и рассудителен в деле. Не знаю, как вел себя Константин в италийском походе: есть слухи, что он отличался тогда не только храбростью, но и величайшим самоотвержением. Впоследствии же времени он храбрился только до первого выстрела неприятельского, но, почуяв запах пороху, исчезал до конца сражения. Величайшею заслугою его было отречение от престола, свидетельствующее и о благоразумии его. Бог знает, куда бы затащил он Россию. Дай ему Бог за это царствие небесное! – Мерилом его ума и понятий, впрочем, может служить то, что, по его мнению, следовало бы запретить *Русскую Историю* Карамзина.

Первые годы царствования Александра, как я уже говорил, были самые счастливые и благодатные. Вообще царствование его может делиться на следующие периоды: 1) от вступления на престол до Аустерлица; 2) от Аустерлица до Фридланда;

**Первоначально было:* изнасильничал ее.

3) от Тильзита до начала Отечественной войны; 4) от начала Отечественной войны до Троппауского конгресса (1821) и 5) от Троппауского конгресса до кончины его. В эти периоды характер и действия его изменялись чувствительным образом. С 1801 до 1805 года было царствование тишины, мира, кротости и благодати. В это время последовали многие важные и благодетельные государственные постановления, о которых я буду пространно говорить впоследствии. Россия была совершенно спокойна и счастлива. Литература воскресла от благотворных лучей свободы. Все веселилось и танцовало. Государь не участвовал в шумных удовольствиях, но допускал и поощрял их. Но никто еще не угодил на людей, род гнусный и неблагодарный! Смирение, бережливость, снисходительность Александра наскучили людям, которые недовольны ничем настоящим, и или выхваливают прошедшее, или теряются в мечтаниях и планах о будущем. В то время ходила по рукам сатирическая басня: "Орлица, Турухтан и Тетерев". Начиналась она следующими стихами:

Орлица
Царица
Над стаей птиц была

и прославилась умом, победою, щедростью и пр. По смерти ее, птицы, находя, что Орлица слишком добра была, выбрали в цари злого и бестолкового Турухтана (морской петушок, tringa pugnax, большой драчун). Он до того в короткое время измучил птиц, что они решились сбыть его с рук, и

Убили Турухтана,
Избавились тирана.

Выбрали третьего: Тетерева (Александр был несколько крепок на ухо). Вот как он был описан:

...Тетерев глухой
Не царствует, корпит над скопленной добычей,
Любимцы ж царство разоряют,
Невинность гнут в дугу, срамцов обогащают.
Их гнусной завистью кто по миру пошел.

. . . .

Идет все на коварстве,
И сущий стал разврат во всем зверином царстве.
Чего ж и ожидать от птицы столь безумной?
Ваш выбор безрассудный
Вам, птицы, дал урок таков,
Не выбирать ни злых, ни глупых петухов.

В салате и перец нужен! Александр был слишком кроток и твердость характера заменял, в первые годы, ласкою и снисхождением. Это слишком хорошо для поганого рода человеческого. Вот люблю нашего Николая! Милует, так милует, а как хватит, так поневоле запоют: Боже, царя храни! Правда, прямота, откровенность составляют, по мне, величие всякого человека, особенно царя. Что тут хитрить, когда можно велеть и приударить. Порицания не ограничивались такими стихами. Помню, в конце 1804 г. обедал я однажды у Федора Максимовича Брискорна, который угощал Петра Степановича Молчанова, бывшего тогда в малых чинах (помнится, чуть ли не коллежским асессором) и занимавшего важное место. Брискорн, по своему процессу, имел в нем надобность и угостил его щедро. Обедали только четверо*. Брискорн, Молчанов, наложница Федора Максимовича, Анна Исааковна, о которой буду говорить в свое время, и я, бедный семнадцатилетний юноша, снискивавший себе пропитание уроками в темном пансионе и переписыванием бумаг Брискорна. Хозяин был в числе недовольных правительством, и неудивительно, что отзывался о нем неблагоприятно, но Молчанов был в большом ходу. Поразобрав все тогдашние дела, он решил, что Россия падает, и Молчанов сказал: "Прочтите в Наказе Екатерины статью о приметах падения государств: вы все эти приметы найдете в нынешнем нашем положении". Брискорн придакнул с удовольствием. Я затвердил эти слова. Но вот прошло почти пятьдесят лет с того времени, а Россия все еще держится на ногах и идет вперед. Любопытно было бы узнать, так ли говорил, так ли думал Молчанов, когда впоследствии был статс-секретарем Александра. Впрочем, он был человек умный и благородный и сделался жертвою зависти своих недоброжелателей и глупой, мнимой справедливости бестолкового князя Дмитрия Ивановича Лобанова-Ростовского.

Вообще очень любопытно и поучительно сравнивать произведения ума человека не старого, не знатного с его образом мыслей и выражений, когда он состареется и выйдет в люди. Таким образом, кто подумает, что Александр Семенович Шишков, которого мы привыкли считать аристократом и отнюдь не фрондером или либералом, в 1801 или 1802 году написал стихи на тогдашних министров в виде послания к Александру Семеновичу Хвостову. Они начинались следующими:

Реши, Хвостов, задачу:
Я шел гулять на дачу.

**Первоначально было:* генералы.

Он описывает всех тогдашних министров и царедворцев самыми резкими чертами; о Чарторыжском говорит: "Вот Monsieur Bobo! В руке massue d'Hercule"* (тогдашняя мода). Хвостов отвечал ему новыми колкостями на людей, дерзнувших без его позволения занять первые места в государстве, и заключал свои стихи замечанием, что умный человек

Считает дурака за тучу,
И радуется, как пройдет.

Тогдашние люди скучали спокойствием, довольством, счастием, словом, бесились с жиру. Вскоре миновали эти дни покоя и тишины. Поднялся ветер, забушевала буря, разразилась гроза. Тогда вспомнили о прежнем времени, да поздно было. Странно, подумаешь, какая судьба ожидает людей в свете. Где любимцы Александровы, эти либералы и герои начала XIX века, отказывавшиеся от наружных почестей, чтоб придать себе более важности: Новосильцев имел в петлице Владимирский крест, Чарторыжский Анну на шее, а сами раздавали александровские и владимирские ленты! Чарторыжский, лишенный чинов и дворянства, влачит ветхую жизнь среди Парижа, потеряв и там все сочувствие к его делу. Новосильцев достиг всех орденов наших, был председателем Государственного совета и под конец спился: за несколько месяцев до кончины своей плясал он, пьяный, бычка в Английском клубе. Граф Павел Александрович Строганов жил и умер с честью.

Оканчиваю здесь первую часть моих Записок не политическим событием, а переменою в моей жизни – вступлением в Публичное училище, что составило для меня важную эпоху, богатую уроками и последствиями.

7 ноября 1851 года.

---

*Вот господин Бобо. В руке палица Геркулеса (*фр.*).

Часть вторая

Я уже имел случай говорить о расстройстве, причиненном в нашем доме отставкою батюшки. Матушка отправилась с сестрами моими и с младшим братом, Павлом, в Пятую Гору, к тетке своей Катерине Михайловне, а батюшка со мною и братом Александром переехал в дом Крузе, на Фурштатской улице; это было в октябре 1800 г. Смерть императора Павла разрушила все надежды отца моего на скорое помещение к должности: ратгаузы, предполагавшиеся по губернским городам, не состоялись. Других видов не было. К тому же он поразмолвил с П.Х.Безаком, у которого слуга, не знавши господского дяди, заставил его дожидаться в передней. К чести Безака должен сказать, что он воспользовался первым случаем, чтобы объясниться и помириться с ним. Все предположения о помещении меня в Петровскую школу, а потом в Московский университет рушились. Батюшка решился определить меня в Юнкерскую школу при Сенате, а брата Александра – во второй Кадетский корпус. В мае 1801 года, снабженные рекомендациею Безака, отправились мы к А.Н.Оленину.

Здесь не лишним будет сообщить краткую, но верную историю этого учебного заведения. Юнкерская школа учреждена была 14 января 1797 г., для образования чиновников для служения по Сенату. Для этого возобновлен был старинный чин коллегии юнкера (граф А.И.Васильев начал свою службу с этого чина). Эти юнкера считались в 14-м классе, но производимы были прямо в титулярные советники. Во время пребывания их в школе назывались они титулярными юнкерами, состоя в 14-м классе. Числом их было в школе пятьдесят, но не воспрещалось принимать и сверхкомплектных. Юнкерская школа помещалась близ Пяти Углов, в особом доме, насупротив Коммерческого училища, по Загородному проспекту. Предметами обучения были, кроме правоведения, преподававшегося в высшем классе, языки русский и немецкий, арифметика, геометрия, геодезия и алгебра, история и география всеобщая

и русская и закон Божий; французскому языку не учили, по причине развращения нравственности во Франции: так сказано в уставе Медицинского училища. Латинский язык называли лекарским, неприличным дворянству! Директором школы назначен был обер-прокурор Осип Петрович Козодавлев. По неимению других учебных заведений, эта школа скоро наполнилась, и как ученики были вольноприходящие, то принимали и сверх числа, положенного штатом. Учение шло успешно и удовлетворительно. Вдруг постигла ее неожиданная беда. Император Павел изъявил однажды досаду, что в военную службу поступает слишком мало дворян, и спросил у какого-то придворного: куда девались все наши недоросли?

— Известно куда, — отвечал царедворец в намерении повредить тогдашнему генерал-прокурору, князю Лопухину, — все в Юнкерской школе при Сенате.

— Да сколько их там? — спросил Павел.

— Четыре тысячи пятьсот человек, — отвечал правдолюбец. Император вспылил и приказал всех сверхкомплектных юнкеров отправить унтер-офицерами в армейские полки[20]. Их было всего сто двадцать пять. Козодавлев в смущении приехал в школу, собрал всех юнкеров, прочитал имена остающихся пятидесяти, а всех прочих отправил при отношении в Военную коллегию. Их разослали по полкам; некоторых в Сибирь и даже в Камчатку. Все они погибли при тогдашней тяжелой службе. Последним оставался знаменитый игрою в карты и на билиарде Савва Михайлович Мартынов. Этим нанесен был Юнкерской школе смертельный удар. Она упала в существе своем и в общем мнении. Число учеников ее никогда не доходило до комплекта. Горя желанием учиться чему-нибудь, я с самого ее учреждения помышлял, как бы попасть туда.

В начале мая 1801 года, как сказано выше, отец мой отправился со мною к тогдашнему директору ее А.Н.Оленину. Я шел туда с детским восторгом, не помышляя о том, что от этого визита зависела вся будущая судьба и жизнь моя. А.Н.Оленин жил тогда в собственном доме своем у Обухова моста, отделенном ему из имения тещи его, знаменитой тиранки Агафоклеи Александровны Полторацкой. Он выстроил себе посреди двора отдельный флигель с италиянскими окнами, странный и неуклюжий. Взбираться к нему должно было по тесной каменной лестнице с забегами (теперь все это перестроено). Мы нашли его, как я находил его потом в течение сорока лет, за большим письменным столом в кабинете, заваленном бумагами, книгами, рисунками, бюстами и пр. Он был тогда лет сорока, низенький,

худой, с большим острым носом, учтивый, приветливый человек. Странно подумать, как нравы и обычаи изменяются сами собой. Он был не более как действительный статский советник, а отец мой коллежский советник, летами старее его. Подав Оленину прошение с поклоном, он стоял во время чтения вытянувшись и, глядя ему в лицо, выжидал приказаний. У меня глаза разбежались от множества книг и картин, и я начал вертеться во все стороны. Отец удержал меня, взглянув с укором и гневом. Оленин, прочитав бумагу, отвечал, что исполнит просьбу. Батюшка поклонился, повернулся, как солдат, и вышел из комнаты мерными шагами. Дорогою он пожурил меня за мое беспокойство и невнимание к важному лицу, пред которым мы стояли. Еще должен я заметить один обычай тех времен: нельзя было войти в комнату с тросточкою; ее обыкновенно оставляли в передней. Лет за тридцать пред сим было иначе: в гостиную иначе не входили как с тросточкою. Еще одно: в XVIII веке редко кто носил перчатки, и я до сих пор не могу к ним привыкнуть. И многие старики их терпеть не могут: таким был Яков Александрович Дружинин. Типом старинных франтов до своей кончины (лет в девяносто) оставался бывший директор Царскосельского лицея Егор Антонович Энгельгардт. Я помнил его лет сорока пяти: он ходил всегда в светло-синем двубортном фраке с золотыми пуговицами и с стоячим бархатным воротником, в черных шелковых чулках и в башмаках с пряжками. Осенью и зимою надевал он сверх этой обуви штиблеты. Жилет, галстух – все как в XVIII столетии: он хвалился этим постоянством, как бы спартанскою добродетелью. И в самом деле, он был постоянен, все тот же иезуит и штукарь. Говорил беспрестанно о чести и праводушии, брал по-немецки, т.е. понемногу, и преимущественно п р о ф и т и р о в а л под благовидными предлогами. Ссылаюсь на лицеистов его времени.

Недели через две после визита у Оленина, отец мой сам отвез меня в Юнкерскую школу и, не застав дома инспектора, сдал одному из учителей, именно Борису Ивановичу Иваницкому. Сообщу характеристику лиц, составлявших штаб Юнкерской школы. Директор А.Н.Оленин. Впоследствии я полюбил его искренно и был ему душевно предан, но здесь должно сказать, что он был преплохой директор, посещал школу только на экзаменах, да и то на час, не более, и очень мало о нас заботился. Зато мы его не знали почти вовсе и не имели к нему никакого чувства любви и уважения! Полагаю, что и он не любил нашего училища по каким-то отношениям и неприятностям. Инспектором классов был Михаил Никитич Цветков, человек добрый, умный,

ученый и образованный, один из лучших студентов Московского университета, но большой чудак, к которому нельзя было примениться. Обыкновенно он говорил мало, и о мыслях его надлежало догадываться; иногда же разговорится так, что и духу не переводит. Оставив службу по школе, он перешел в Министерство внутренних дел и, считаясь в канцелярии министра, участвовал в издании "Северной Почты". Дослужившись до чина статского советника, он умер скоропостижно от апоплексического удара (в июне 1813 г.) на Крестовском Острове. В тот день он собирался обедать у меня и, вероятно, шел на Карповку, где я жил тогда в доме Крокизиуса, по левую сторону от Каменноостровского проспекта.

Школа состояла из четырех классов. Учителем русской грамматики, арифметики и катехизиса в младшем классе был Григорий Федорович Оралов, человек не дальний, простой, но знаток своего дела, трудолюбивый, усердный и предобродушный. Во втором классе русский язык и словесность преподавал Борис Иванович Иваницкий, воспитанник учительской семинарии, молодой человек лет двадцати пяти, очень хорошо образованный, знающий и одаренный благородным вкусом. Со временем скажу — сколько я ему обязан. По упразднении нашего института, поступил он в горное ведомство и с начальником своим, Дерябиным, уехал на Урал. В этой службе протекла вся жизнь его: сыновья его — горные инженеры, и дочери вышли за горных офицеров. Последние годы своей жизни провел он в Барнауле, на Колыванских заводах. В третьем классе преподавал логику и красноречие Павел Петрович Острогорский, человек неглупый, умевший красно говорить и внушавший ученикам уважение и необходимый страх. Мы его очень боялись, хоть он не был суров, ни даже строг. Острогорский в молодости своей вздумал быть писателем и напечатал в 1790 году книгу в двух томах под заглавием "Феатр чрезвычайных происшествий истекающего века открыт и представлен очам света. Т.П.О."*. Книга эта составлена была из разных пустых анекдотов, рассказанных варварским и напыщенным слогом. Карамзин отделал ее по заслугам в "Московском Журнале": несмотря на то, она в 1793 году вышла вторым тиснением. Острогорский никогда не говорил о ней. Мы вздумали было представить ему в числе школьных работ выписки из этой книги и просить его мнения о них, но побоялись. Предметы математические преподавал добрый и почтенный Демьян Гаврилович Слонецкий. Всеобщей истории

*Т.П.О. — Трудами Павла Острогорского.

и географии учил человек предостойный, Павел Ефимович Холщевников. Мы были ему обязаны многим. Он был умен, говорил хорошо, знал наизусть все имена, места и случаи и объяснял толково и дельно. В 1813 году он приезжал в Петербург из провинции, где служил дотоле, и обедал у меня с Иваницким. С тех пор я потерял его из виду.

Немецкому языку обучал человек, о котором я до конца моей жизни буду вспоминать с любовью и благодарностью: Павел Христианович Шлейснер (Schleusner). Он был происхождением из Данцига, где родился около 1760 года, учился в тамошней гимназии с большим успехом, но не мог довершить своего образования университетским. Родители его обеднели и отдали его в мастерство, к переплетчику. Он занимался этим мастерством добросовестно, но каждую свободную минуту улучал, чтобы читать книги, учиться, обогащаться сведениями. Не знаю, каким образом он попал в Россию. Памятно, что он был вызван братом своим, доктором медицины, искусным и известным врачом. В конце восьмидесятых годов был он при тогдашнем блистательном немецком театре "театральным поэтом" (Theaterdichter), т.е. сокращал слишком длинные пиесы и трудные роли, писал сам куплеты и стихи для декламирования в торжественные дни и т.п. В то же время был он членом масонской ложи и сделался известен тогдашнему гроссмейстеру этого ордена, Ивану Перфильевичу Елагину. По смерти Елагина (22 сентября 1796 г.), братья-масоны готовились совершить над ним торжественную тризну. Устроили великолепные траурные декорации в ложе, сочинили стихи для пения, речи для произнесения и занимались репетициею траурного торжества. Вдруг вошел в залу частный пристав и объявил высочайшее повеление о закрытии всех масонских лож в России. Они открыты были потом лет через пятнадцать и опять закрыты в 1822 году. Шлейснер сделался известным с лучшей стороны, как умом и познаниями, так особенно и благородством своей души. Он издал тогда роман в диалогах "Sopach, der glückliche Vater", во вкусе тогдашней чувствительной, добродетельной, домашней жизни. Ему предложили место гувернера при детях генерала Корсакова, и он принял это предложение с охотою. Воспитанниками его были: Алексей Иванович Корсаков, человек достойный и благородный, умерший в средних летах; дочь его замужем за князем Василием Петровичем Голицыным (рябчиком), что был губернским предводителем в Харькове. Никита Иванович Корсаков впоследствии женился на дочери калмыцкого хана Дундука и получил

титул князя Дундукова с богатым приданым. Ныне он отставной полковник. Он отдал все свое имущество единственной дочери своей, вышедшей замуж за Василия Александровича Корсакова (равномерно и прозвище князя Дундукова), и получает от нее что нужно на прожитие. Каждый вечер можно найти его в каком-либо спектакле: и в итальянской опере, и в собачьей комедии: только бы сидеть да смотреть или слушать. Анна Ивановна была за графом Петром Петровичем Коновницыным; Марья Ивановна вышла за полковника Александра Ивановича Лорера.

Много способствовал образованию ума и характера молодого Шлейснера бывший в доме Корсакова гувернер, швейцарец Петр Монтандр (Montendre), человек, как я слышал, необыкновенных познаний и достоинств. Он был женат на двух сестрах моего тестя Мюссара. Вторая жена его, Марфа Николаевна, умерла лет десять тому назад в глубокой старости. Шлейснер женился на дочери Монтандра от первого брака, Настасье Петровне, которая здравствует и поныне, женщине доброй и почтенной: она двоюродная сестра моей жене[21]. Марфа Николаевна была ей тетка и мачеха и любила ее как родную дочь. Любовь Петровна, умершая в девицах года за три перед сим, пример женских добродетелей и самоотвержения. Сын его, Иван Петрович Монтандр, был в молодости большим шалуном. В 1812 году граф Коновницын определил его в военную службу, и он дослужился до полковника и разных орденов кавалера. Он управлял, с 1836 по 1845 год, моими делами и разорил меня. Зато младший брат его, Франц Петрович (умерший в 1852 г.), водочный фабрикант, преемник Мартини, был человек честный и благородный.

Возвратимся к самому Шлейснеру. Кончив воспитание молодых Корсаковых, он (в 1797 или 1798 г.) вступил в службу цензором. Должно знать, что была в то время цензура! Сущая испанская инквизиция. Не говорю о том, что запрещали и марали книги: преследовали и наказывали книгопродавцев, как злодеев и революционеров, за малейшее нарушение формы: я говорил о варварском поступке с пастором Зейдером. Таких случаев было несколько. Шлейснер со своей стороны делал что мог для спасения несчастных. Однажды донесли полиции, что книгопродавец Бува (Bouvat) продает вредные книги. Его схватили и привели покамест в цензуру. Бедняк сидел в передней, среди полицейских, дрожал и плакал. Шлейснера послали осмотреть его книжную лавку. Когда он проходил в передней, Бува сказал ему трепещущим голосом: "Меня сошлют в Сибирь! Спасите!" "Будьте покойны", – отвечал Шлейснер. Прибыв в лавку, он разглядел все книги в присутствии частного пристава

и объявил, что в числе их нет непозволительных. Вдруг заметил он на верхней полке "Путешествие Кокса по России", строго запрещенное, встал на ступеньки лестницы и столкнул, будто ошибкою, все тома его с полки: они упали за шкап, где их нельзя было бы отыскать. По донесению его, Бува выпустили. Коцебу в известной своей книге "Достопамятнейший год моей жизни" говорил, что в рукописной его тетради, взятой у него при арестовании его на границе и препровожденной в цензуру, была одна строка, заключавшая в себе смелое суждение об императоре Павле. Когда, по освобождении его, возвратили ему рукопись, он увидел, что эта строка покрыта густыми чернилами. В книге своей он благодарил неизвестного ему спасителя. Спаситель этот был Шлейснер: он читал рукопись у себя на дому. В ней не было ничего предосудительного, кроме этой строки. Шлейснер подозвал свою жену, прочитал ей это место, потом взял линейку и провел по строке широкую полосу. Чтоб оценить вполне важность такого подвига, должно знать, что благородный Шлейснер отваживал в этом случае все свое существование. Потом был он определен учителем немецкого языка в Юнкерскую школу и пробыл в ней до закрытия ее. Не находя хорошей учебной книги для преподавания немецкого языка, он составил прекрасное руководство: "Опыт грамматического руководства в переводах с немецкого языка на российский", напечатанное в 1801 г. на счет казны. Этой книге обязан я познанием немецкого языка и доныне храню ее, как святыню.

Шлейснер подавал нам, молодым людям, пример строгого исполнения своих обязанностей. Другие учителя приходили в класс через четверть часа или через час после звонка и еще долго беседовали с товарищами в дежурной комнате, а потом держали нас лишнее время для окончания урока. Шлейснер приходил ровно в десять часов и с ударом двенадцати выходил из класса. Должность свою отправлял он с большим усердием и радовался нашим успехам. Я был его любимцем отчасти и потому, что имел уже понятие о немецком языке. Он в то же время был учителем в Коммерческом училище и, по истечении десятилетнего там служения, вышел в отставку с пенсионом. О.П.Козодавлев, узнавши его в бытность своего директорства Юнкерской школы, поручил ему в 1810 г. издание "Северной Почты" на немецком языке, но она прекратилась через полгода за неимением подписчиков. Шлейснер оставался переводчиком при Министерстве внутренних дел до 1830 года: в это время место его понадобилось для молодого графа Кутузова, и Закревский уволил бедного старика. С трудом выхлопотал я

для него единовременную награду годовым жалованьем. Он продолжал давать уроки, жена его и дети занялись обучением детей, и они жили очень скудно, но безропотно. Старик под конец жизни ослеп и скончался в 1838 году. Характер и благородство его старался я изобразить в лице Карла Федоровича Миллера (в моем романе "Поездка в Германию").

. . . .

Здесь был огромный антракт в составлении моих записок. Думаю, лет пять, если не более. Возобновляю их 4 октября 1861 года, в день для меня достопамятный. В этот день началось за 49 лет перед сим издание "Сына Отечества", произведшее в направлении и судьбе моей решительную перемену. В этот день, в 1814 г., крещен был мой сын Алексей, а позднее последовала помолвка дочери моей Софии с К.П.Безаком. Начинаю продолжение моих записок не в том духе, в котором их начал и продолжал в прежние годы. Мне семьдесят пятый год. Почти все тогдашние мои современники окончили свою земную жизнь. Буду продолжать начатое покороче прежнего; во-первых, изменяет мне память; во-вторых, не знаю, когда вывалится у меня из руки перо, а будет это скоро. Тяжесть нравственная, душевные заботы – гнетут меня более недугов физических, которые, благодаря Бога, не так сильны, как бывают в таких летах. С Богом начинаю.

В начале июля* явился я в школу. Инспектор принял меня ласково и повел в классы, именно в первый: низший. Шел урок русского языка; по приказанию Цветкова, Г.Ф.Оралов продиктовал мне несколько фраз из какой-то книги. Я написал всю доску. Оказалось, что в написанном мною не было ни одной грамматической ошибки и знаки препинания расставлены были как следует. Когда я кончил, Оралов обратился к ученикам с сими словами:

– Полюбуйтесь, как он пишет! ни одной ошибки.

Тогда М.Н.Цветков сказал мне:

– Сделайте разбор этим предложениям.

– Что это значит? – спросил я.

– Ну, разберите смысл их.

– Я этого не знаю.

– Как не знаете? А почему вы пишете в море, а не в морѣ.

---

* В "Воспоминаниях юности" Греч указывает точную дату: 22 мая 1801 г. Нижеследующий рассказ Греч перенес в свои "Записки" из очерка "Воспоминания юности", напечатанного еще в 1839 году; он приведен в дальнейшем тексте.

— Потому, — отвечал я, — что корабль шел еще тогда в море, а если бы он уже был в морѣ, я написал бы в конце ѣ.

— То есть потому, что это предложный падеж?

— Может быть, — отвечал я, — но мне это неизвестно.

Все изумились: я знал грамматику на деле, а не знал на словах, точно так, как Молиеров мещанин в дворянстве, без ведома своего, говорил прозою. "Нечего делать, — сказал Цветков, — вы останетесь в этом классе, но ненадолго. Экзамен будет чрез шесть недель; вы успеете догнать других и перейдете в следующий класс". Так и было: чрез шесть недель был я по экзамену третьим и перешел. Любопытная черта! Читая русские книги, со вниманием, занимаясь сам опытами, я сочинил себе грамматику без технических терминов! Не оттого ли я потом пристрастился к грамматике, что приобрел ее сам без труда, без принуждения, без досады.

В начале 1802 года стал я ходить для слушания лекций закона Божия, по лютеранскому исповеданию, к пастору Рейнботу Старшему (умершему в 1813 году суперинтендентом, т.е. епископом). Лекции эти были самые скудные и жалкие. В огромной зале сидели с одной стороны девицы, с другой — мальчики, в числе последних был некий обер-шталмейстер барон Петр Петрович Фредерикс. Лекция начиналась тем, что один из сыновей пастора, мальчик наших лет, диктовал нам некоторые изречения Священного Писания. Сам пастор являлся в зале за полчаса до звонка и толковал нам что-нибудь из катехизиса, без последовательности, без старания, без благоговения. Часто прерывал он речь, чтоб пошутить с девицами или подурачить кого-либо из мальчиков, в числе которых были необразованные и дикие сыновья простолюдинов. Только в два последние урока говорил он с одушевлением и чувством: разумеется, девочки плакали, ревели. То же было и при всенародной конфирмации, в церкви: мальчики глазели бессмысленно, девочки хныкали и ревели. И какое учение преподавал он нам, детям! Самое ультрарационалистское. "Почему называем мы, — спрашивал он, между прочим, — Иисуса Христа сыном Божиим? Потому что учение его было божественное".

От этого не мог я примениться к учению протестантскому и только со временем почувствовал всю цену его простоты и духовного величия. Тогда я с бо́льшим благоговением посещал православные церкви и умилялся церковным пением, которое укоренилось в слухе и в душе моей и доселе трогает меня до слез. Иногда в чужих краях я посещал протестантские церкви, слушал лучших пасторов: Шмельца в Гамбурге,

Кокреля в Париже, но умилялся душою только в православной.

Батюшка переселился с нами ко Владимирской, для того чтобы мне ближе было ходить в школу. Сперва жили мы в .....* улице. Летом 1802 года приезжала матушка из Пятой Горы с сестрою моею и братом Павлом. Помню еще, как мы с братом Александром обрадовались их приезду. Идучи, не помню откуда, домой, увидели мы на открытых окнах женские шляпки и догадались, кто приехал. Потом съехали мы в Чернышев переулок, а наконец в .....** улицу, в дом отставного придворного лакея Собольщикова.

Батюшка искал места при помощи Безака, и, наконец, обещали ему должность вице-президента Юстиц-коллегии. Указ о том был подписан всеми сенаторами, кроме одного графа Александра Романовича Воронцова. В сентябре 1802 года последовало учреждение министерств и необходимая перемена министров. Беклешов был уволен, а с ним вышел и Безак. Совместник отца моего, помнится, Тересберн, успел склонить на свою сторону Воронцова посредством кривого Петра Петровича Новосильцева, которому уступил за это дом свой (ныне графа Орлова-Денисова, на углу Литейного проспекта и Пантелеймонской улицы), и определение было переменено. На место Беклешова поступил Державин, знавший отца моего издавна, и обещал ему помочь. Между тем матушка принуждена была воротиться в Пятую Гору, по невозможности иметь пропитание у мужа, который кое-как перебивался.

Учение мое в школе шло очень хорошо. Нас учили немногому, но учили добросовестно и основательно. В мае 1802 г. был экзамен, в присутствии генерал-прокурора Александра Андреевича Беклешова. Старший юридический класс экзаменовали драматически. Лучший ученик был председателем, другие — членами гражданской власти. Прочие играли роль секретарей и адвокатов. Рассматривали действительное дело, доставленное из Сената. Беклешов был в восхищении. Должно знать, что председателем в этом классе был умный и честный человек Илья Федорович Тимковский. Потом экзаменовали низшие классы. Меня, как самого бойкого, выдвинули вперед. Я отвечал на все вопросы громко, решительно, с детскою отвагою. Беклешов сросил о моем имени.

— Греч, — сказал ему Оленин.

---

*Пропуск в рукописи.
** Пропуск в рукописи.

— Греч? — спросил Беклешов. — Не родня ли ты покойному профессору Кадетского корпуса?

— Я внук его, — отвечал я.

— Очень хорошо учится, — прибавил Оленин.

— Не диво, — отвечал Беклешов, — и отец его хорошо учился.

Когда я пришел домой, рассказал это отцу моему, он прослезился. Давно уже слезы радости и умиления не были ему известны. Беклешов на другой день прислал нам по апельсину и дал каникулы на три месяца. Былые патриархальные времена, вы канули в вечность! Не знаю, как проведены были эти каникулы моими товарищами, но мне доставили они величайшую пользу. Должно знать, что П.Хр.Безак всячески старался помогать отцу моему, но, по строптивости характера своего дяди, должен был делать это очень осторожно. На одном аукционе батюшка купил когда-то за бесценок два толстых тома in folio исторического словаря. Безак изъявил желание купить его, хотя не имел в нем никакой надобности, и заплатил за него сто рублей. Батюшка отдал мне пятьдесят. На эти деньги брал я в течение трех месяцев уроки русского языка и алгебры у Б.И.Иваницкого, который занимался со мною с девяти часов утра до полудня, ежедневно переводил со мною, задавал мне сочинения, критиковал и поправлял их усердно и строго. Вот этим урокам обязан я многими познаниями и основанием искусства писать по-русски. Алгебра (по Эйлеру) восхитила меня и как дополнение к урокам математики, даваемым мне дядею Александром Яковлевичем, была для меня лучшей логикою. Не могу без искренней, пламенной благодарности вспомнить о Борисе Ивановиче Иваницком. Во всю жизнь старался я ему доказать это и ныне, по кончине его, смотрю с умилением на достойных детей его.

Матушка с сестрами и братом уехали, как я сказал выше, осенью 1802 года, в Пятую Гору. Брат Александр был в корпусе. Я жил один с отцом. В конце декабря, по возвращении от Державина, он сказал мне, что министр принял его очень ласково и обещал в скором времени дать ему место. Это говорил он за обедом, и когда встал, то почувствовал слабость в ногах. Они распухли до того, что на другой день он не мог обуться и вскоре слег в постель: у него открылась водяная. Его пользовал доктор Нордберг, брат Ивана Густавовича, но спасенья не было. Я бросился к бабушке*. Она встретила меня высокопарными фразами, застонала, бросилась на колени. Муж ее, добрый Иван Егорович, принял участие в нашем бедственном положении и помогал нам.

---

* Христина Михайловна Фок.

Не могу без особенного уныния и ужаса вспомнить о том времени. Матушка не могла знать о болезни мужа. Говорили, может быть, о незначительном его нездоровье. Батюшка скончался 5 марта 1803 г. ... На нем были долги: сколько и кому он должен, я не знал и просил полицию взять все наличное движимое имущество. Оно было оценено в 41 руб. с копейками и продано с публичного торга. Объявление об этой продаже помещено в "С.-Петербургских Ведомостях" № ....* 1804 г. У нас были крепостные люди: одна женщина с взрослым сыном, другая – с девочками. Они были приобретены от Крейца, но акта на куплю их не было. Я объявил, что не знаю, где они, и это была правда. Они жили потом на воле, по паспортам от полиции.

Я поселился у бабушки. Муж ее, Иван Егорович, служил директором Воспитательного Дома, по деревенской экспедиции, заведовавшей воспитанниками, размещаемыми по деревням, и жил в Воспитательном Доме, на том дворе, где гауптвахта, в нижнем этаже. До сих пор не могу проходить мимо без содрогания. Бабушка меня ненавидела, и я принужден был слышать самые оскорбительные отзывы о моем отце. И я выражался о ней не слишком нежно. Оттого происходили столкновения и стычки. Между тем я сдерживался, боясь огорчить матушку.

Весну 1803 г. провел я в Пятой Горе с большим удовольствием. Между тем Юнкерская школа была преобразована в Юнкерский институт и переведена на Большую Литейную, в дом, где потом помещалась Комиссия составления законов. Нас поместили на казенное содержание: одели в зеленые сюртуки с черным бархатным воротником: у дворян с красными выпушками, у пансионеров с синими, у разночинцев с желтыми. Было предположение о преобразовании института умножением числа учебных предметов, но все ограничилось тем, что нас стали учить французскому языку. Один бывший гувернер князя Лопухина, мосье Фламманд, преподавал французскую литературу, а только немногие умели у нас читать по-французски.

Плохое учение, да все же что-нибудь осталось. Помню, что я в то время не знал слова cordonnier (сапожник) и думал, что оно значит веревочник.

В мае 1803 г. был экзамен, в присутствии министра юстиции Державина. Между тем институт выродился: не было уже четвертого класса, в котором преподавалось п р а в о в е д е н и е.

---

* Пропуск в рукописи.

Нас выгнали из главного дома и поместили в надворном здании, а главное занято было Комиссиею составления законов, фантасмагориею, которою известный шарлатан морочил правительство. Расскажу презабавный анекдот. При учреждении нашей школы, на здании ее красовалась надпись золотыми буквами на доске серого мрамора: Юнкерская школа. При переводе в другой дом остались на этой же доске некоторые буквы, и вышло: Юнкерский институт. Когда же дом достался новому учреждению, надлежало переменить и надпись; следовало втиснуть в нее две строки: Комиссия составления законов. Последние два слова не умещались на доске, но как, по предложению Розенкампфа, комиссия должна была кончить задачу свою в три года, то и положили, для сбережения издержек на новую доску, приставить к краям ее по деревянному концу. Так и сделали. Сначала казалась доска как доска, но лет через десять дерево сгнило, отвалилось, упали обе крайние буквы, уцелели слова:

Комиссия
оставления законов.

Эта надпись красовалась несколько лет к забаве проходивших.

Весь Институт наш расстроился. Директор А.Н.Оленин, по каким-то неприятностям или бюрократическим отношениям к высшему начальству, не занимался им вовсе. Инспектором был у нас человек самый тяжелый и самый несносный, барон Федор Иванович фон Вальденштейн, не знавший грамоты и подписывавшийся статский советник. Он получил это место по ходатайству жены своей, бойкой русской бабы, считавшейся роднею Державину, но притом доброй и гостеприимной. Многие мои товарищи, имевшие хорошую протекцию, подали прошение об увольнении из института и получили оное с чином коллегии-юнкеров, хотя не кончили курса, за неимением в институте высшего класса. Отважился и я: пошел к Оленину, подал ему прошение и был уволен с надлежащим чином. Но чин хлеба не дает. Я обратился к родственнику П.Х.Безака, д. ст. сов. Федору Христиановичу Вирсту, заведовавшему тогда статистическим отделением в Министерстве внутренних дел, человеку почтенному и доброму, о котором можно было бы сказать: "Хороший человек, да жаль, что немец". Он занял меня для испытания статистикою Курляндской губернии; потом перевел я записку о китайской статистике, для передачи ее ехавшему послом в Китай графу Ю.А.Головкину. Я делал все,

что задавали. Вирст хвалил мою работу, но об определении моем молчал, а на вопрос мой о том отвечал, что это зависит от канцелярии министра. Директором ее был Сперанский, вице-директором Магницкий, а начальником отделения Ф.П.Лубяновский; столоначальником по отделению статистики М.К.Михайлов. Видно было, что они не расположены к Вирсту. Между тем задавались мне на пробу кое-какие работы. Мне это надоело, и я объявил Вирсту, что хочу доучиться в новооткрывшемся тогда Педагогическом институте, что ныне С.-Петербургский университет, — чтоб искать если не счастия, то пропитания по педагогической части, к которой чувствую большое влечение. Вирст похвалил мое намерение. Вообще я чувствую непреодолимое отвращение к бюрократии, к чиновничеству, к этому пошлому тунеядству, называемому гражданскою службою. Во всяком департаменте одолевает меня скука и голод. На юбилее моем, 27 декабря 1854 г., обратился я к действительному тайному советнику Лубяновскому: "Ваше высокопревосходительство! Вы были начальником отделения в канцелярии министра внутренних дел в то время, как я там служил, скажите, случалось ли вам в жизни видеть канцелярского чиновника хуже меня?" Он засмеялся, и его примеру последовали все бывшие за столом.

Откланявшись пресловутому министерству, отправился я в канцелярию Педагогического института, к директору его Ивану Ивановичу Коху, и был записан п е р в ы м по времени вступления вольным слушателем. Я посещал лекции постоянно и прилежно, но не могу сказать, чтобы много ими воспользовался. Беседы с умными и образованными людьми, чтение хороших книг, собственные размышления и литературные опыты принесли мне более прибыли. Между тем должно было помышлять о насущном хлебе, об одежде и пр. Бабушка Христина Михайловна наследовала от сестры своей, Екатерины Михайловны Ренкевич, имение в пятьсот душ С.-Петербургской губернии, верстах в двадцати за Гатчиною, которое, при порядочном управлении, дало бы хороший доход, и все могли бы жить, но она, в ожидании наследства, наделала долгов. Потом Еф. Еф. Ренкевич затеял с нею процесс, который ей стоил дорого. Она содержала матушку с дочерьми и меньшим сыном, а нам, Александру и мне, не давала ничего. Я решился сделаться учителем, потому что меня влекла к тому и собственная охота. У тетушки Веры Ивановны познакомился я с Григорием Григорьевичем Бочковым. Этот человек воспитывался в Академии Художеств, хотел быть архитектором, но не успел, сделался любимцем

инспектора-француза, проводил у него все время, выучился мастерски говорить по-французски, а, впрочем, знал очень мало, был гувернером в Аннинской школе и сам завел пансион. Я ему понравился моею смелостью и остротами, и он предложил мне место учителя русского языка, географии и истории. Я не давал слова и отправился к матушке с просьбою о дозволении заняться этим ремеслом. Дворянская кровь и в ней заговорила: она колебалась, но, видя, что я иначе существовать не могу, дала мне согласие.

1 июля 1804 года дал я первый урок, и с этого времени считаю свою литературную и педагогическую службу. Уроками моими были довольны и содержатель пансиона, и дети, и их родители. В октябре был экзамен, на котором отличились мои ученики. Бочков жил в Кирочной улице, в доме Федора Максимовича Брискорна. Моя смелость и развязность противоречили сухости и педантству других учителей, и успехи учеников обратили на меня внимание Брискорна. Он пригласил меня к себе на другой день и предложил мне заняться у него делами по его процессу, назначив за то по двадцати пяти рублей в месяц. Кто был тогда счастливее меня! Бочков давал мне двадцать рублей, итак, имел я в месяц сорок пять рублей, будучи свободен в остальное от уроков и занятий у Брискорна время. Я поспешил сшить себе сюртук серого цвета и заменить им мою прежнюю казенную форму. Остальные деньги — виноват! — употребил я на покупку книг, не думая о завтрашнем дне, и потому беспрестанно бывал в нужде. Да и Бочков платил неисправно. 1 августа, в счет за прошедший месяц, дал он мне новенькие синенькие бумажки. Не могу описать моего восторга, когда я держал в руках первые деньги, заработанные мною. У Брискорна работал я недолго. Почерк мой оказался неудовлетворительным, а у него не было другой работы, кроме переписки набело. Месяца через три, видя, что не могу быть ему полезным, я сам отказался от его работы, под предлогом других занятий. Мы остались в дружеских отношениях, которые не прекращались до его кончины.

О свойствах и похождениях Брискорна я упоминал раньше. Теперь скажу о домашней его жизни. Женился он на вдове Струковой, около 1808 года, чтобы покончить с нею спор по делу Кнорре. До того времени жила у него на обязанностях и правах супруги некая Анна Исааковна, женщина лет за тридцать, приятная, миловидная, необразованная, но неглупая и добродушная. Говорили (женщины), что она беглая матросская жена, но этого не могло быть, потому что она порядочно

говорила по-немецки, умела одеваться и жить в свете; ручки у нее были истинно дворянские. Я проводил с нею наедине по несколько часов и искренно полюбил ее за добросердечие и ласку ко мне; но кривое положение ее в нравственном отношении меня отталкивало. Однажды после интересной и благородной беседы, я простодушно спросил у нее, каким образом она, обладая такими прекрасными качествами души, решилась унизиться до степени наложницы. "Ах, друг мой! — отвечала она, заливаясь слезами, — не спрашивайте меня о том! Вы еще слишком молоды и меня не поймете, но верьте, что я была достойна лучшей участи!" Никогда не забуду ее дружелюбие ко мне. Она направляла и мысли, и поступки мои: уроки этой падшей женщины были мне полезнее нравоучения дам, которые, в глазах света, слывут добродетельными. Кто поднимет на нее первый камень? Брискорн расстался с нею в 1807 году, когда женился на Струковой. Когда вышел мой перевод "Леонтины" Коцебу (в 1808 году), я счел долгом поднести экземпляр Федору Максимовичу. Он жил широко и великолепно, в большом доме, близ Каменного театра. У дверей швейцар; везде пыль и грязь; лакеи оборваны; в комнатах тяжелый запах; у камердинера его протертые рукава и разнокалиберные пуговицы на кафтане; в дверь несутся нестройные звуки музыки; сыгрывались домашние музыканты. Из внутренних комнат слышалась громкая брань. Тут я вспомнил небольшую его квартиру на Кирочной, уютную, чистую, вспомнил пение канарейки, которая висела в комнате Анны Исааковны, вспомнил и ее, любезную, и с тяжелым сердцем вошел в кабинет, где встретил меня Ф.М.Брискорн с прежнею ласкою, но не с прежним тоном.

Анна Исааковна оставила дом Брискорна и на небольшой капитал купила себе дом в Москве; там жила она в 1812 году, лишилась при нашествии неприятеля всего, что имела, упала во время бегства и переломила себе ногу. Я видел ее пред тем в последний раз накануне моей свадьбы, 28 июня 1810 года, встретившись с нею на улице. Потом слышал я о ее бедствиях и не знал, куда она девалась. В 1830 году, не знаю по какому случаю, был я на каком-то празднике в градской богадельне, и в глаза мне бросилась надпись над одною кроватью: "Анна Исааковна" (прозвища не помню). Я остановился. Вожатый мой объявил, что это кровать одной старушки, бывшей некогда и счастливой.

— Не она ли была в Москве и пострадала от пожара?

— Она, — отвечал мне.

— Да где же она сама? — спросил я с нетерпением.

— Вышла со двора.

— Жаль, — сказал я, — поклонитесь ей от Н.И.Греча, старого ее знакомого.

Чрез несколько дней приезжает ко мне благообразная чистенькая старушка и, прихрамывая, опирается на костыль. Посмотрю — это моя добрая Анна Исааковна. Все та же милая, умная, любезная. Я посадил ее на диван и побеседовал о старине. При прощании я ей сунул в руку бумажку и был награжден взглядом, которого никогда не забуду. Прежний чин ее был таков, что нельзя было представить ее моему семейству. Жена моя, конечно, сказала бы: "Mais, mon cher, c'est une coquine"*. Я проводил ее до крыльца. После того все спрашивали: кто была эта благородная женщина, эта старушка-красавица? — Она скончалась вскоре потом.

Длинный эпизод! — скажут мне; да вся моя жизнь состоит из эпизодов, которые не интереснее этого. Уверенный в бессмертии души и в том, что умершие нас помнят, посылаю тебе привет, добрая Анна Исааковна!

По выпуске моем из школы, поселился я у доброго инспектора Юнкерского института, барона Вальденштейна, занимая с товарищем моим, Федором Осиповичем Протопоповым, небольшую комнату. За квартиру, стол, завтрак и прочее я платил ему по 20 р. в месяц. Позволю себе сделать отступление, упомянув об этом почтенном человеке. Барон Вальденштейн происходил от дворянской австрийской фамилии и учился в Венском Кадетском корпусе, состоявшем под командою храброго гусарского генерала Габриани, который не знал грамоты и подписывал бумаги несколькими черточками и, поставив за ними точку, произносил важно: "Габриани". По выпуске из корпуса, Вальденштейн поступил в полк, в надежде отличиться военными подвигами, но в то время войны не было: целую неделю занимались строевым учением, а по субботам проходили тактику, то есть расставляли на столе разноцветные шашки, означавшие офицеров, унтер-офицеров и солдат, и испытывали разные построения. Терпение молодого человека лопнуло; он бежал из Австрии в Россию и поступил в Польше в С.-Петербургский легион, под команду генерала Леццано, исходил несколько кампаний и, устарев, перешел в статскую службу. Служил он председателем новгородского верхнего земского суда и женился на дворянке,

*Но, мой милый, это бездельница (*фр.*).

вдове, бой-бабе, родственнице жены Державина. Посредством этой связи, она доставила мужу место инспектора в учебном заведении. По упразднении института удалился он в Новгород и жил там до кончины своей.

В 1817 году, приехав в Франкфурт-на-Майне, познакомился я с братом его, не последним чудаком. Он жил небольшим пенсионом, спал до полудня и являлся потом к обеду (в час пополудни) в одну из первых гостиниц — Weidehof, Weinbach или Zum roemischen Kaiser, но не обедал, а пил кофе после обеда, беседуя с гостями. Потом, в восемь часов вечера, когда прочие ужинали, он обедал. Его угощали в этих домах безденежно за то, что он забавлял гостей своею болтовнею, и он командовал прислугою беспредельно. У него была фантазия собирать табакерки, и всяк, с кем он ни познакомится, должен был давать ему табакерку на память: по смерти его нашли их у него более тысячи.

Елисавета Алексеевна Вальденштейн — баба вздорная, упрямая, крикунья и сплетница, была хорошая хозяйка и большая хлебосолка и кормила нас по горло — царство ей небесное! Потом переехал я к Бочкову и часто голодал за пансионным обедом.

В это время произошли в нашем домашнем быту замечательные происшествия, нимало не отрадные. 4 августа 1804 года скончался, как я уже говорил, дядюшка Александр Яковлевич. Во всю жизнь чувствовал я грустные и бедственные последствия этой потери. Если бы он пожил долее (а ему было от роду только тридцать семь лет), я был бы удержан от многих необдуманных глупостей, которые имели влияние на то, что называется судьбою человека и что в самом деле есть только движение руки и головы его.

Бабушка моя наследовала все имение сестры своей Ренкевичевой. Внук третьей сестры, Марии Михайловны Врангель (Иван Карлович Борн), остался в стороне, по нелепости тогдашних постановлений о наследстве; но бабушка объявила, что дает внуку своему свои десять тысяч рублей в дар. Иван Егорович Фок видел несправедливость этого выдела и молчал, боясь своей Ксантиппы, а она надеялась, что слабый здоровьем Борн умрет до совершеннолетия от чахотки, как предсказывал в духовной своей отец его. По всем этим уважениям, прилагали о Борне всякое попечение: воспитывали его в Петровской школе, в пансионе Патиньи, потом определен он был в нашу Юнкерскую школу. Между тем бабушка продала Пятую Гору Брискорну за 140 000 руб., разумеется ассигнациями, и получила с него

91 т., а остальные 49 тысяч были рассрочены. На эти деньги купила она дом на Петербургской стороне, на углу Бармалеева переулка, и переселилась туда в 1804 году. Матушка с сестрами и братом Павлом жила во флигеле. Бабушка, вздорная, бестолковая и своенравная, перебиралась в просторном доме из комнаты в комнату. Сегодня такая-то комната – столовая; придешь через неделю, она спальная, а столовая на другом краю дома. Однажды перенесла она столовую в тесный бельведер над домом. Подле большого дома, занимаемого хозяйкою, стоял другой, поменьше, в котором жил командир Белозерского пехотного полка, расположенного на Петербургской стороне, генерал Седморацкий. Дом этот оказался для него тесным, но бабушка не хотела лишиться такого знаменитого жильца и взялась пристроить к дому два флигеля. Для этого заняла она у старой родственницы, генеральши Гандваль, шесть тысяч серебром. Седморацкий ушел в 1805 году в поход и в следующем году умер. Квартира осталась пустою, а долг, от падения курса, возрос до 24 000 рублей на ассигнации. Все это уменьшало ее капитал, но она надеялась на 49 т., оставшиеся за Брискорном. Между тем в 1806 году, 30 марта, вышел указ, которым объяснялись и дополнялись прежние постановления о наследстве: племянникам и потомкам их давалась доля, равная братьям и сестрам умершего вотчинника. Таким образом, И.К.Борн получил право на половину имущества, оставшегося после Екатерины Михайловны Ренкевич. Ф.М.Брискорн обратился к Христине Михайловне с требованием обеспечить на всякий случай права Борна и отложить половину полученного за имение капитала в кредитные установления. Но взятые ею излишне 21 000 были истрачены. Брискорн удержал недоплаченные 49 т. и удовольствовался обязательством Христины Михайловны, в случае требования Борна, вычесть недоплаченную сумму. С меня взял слово, что я не открою Борну секрета. Я отвечал, что сам не начну с ним говорить, но если он спросит – скажу ему всю правду. Здесь я должен забежать далеко вперед для окончательного описания эпизода. Это было в 1810 году. Борн жил со мною в доме Петровской школы, где я был учителем. Он же служил в Департаменте государственного казначейства. Однажды прихожу домой поздно и вижу, что он лег. Всю ночь он вздыхал, охал и встал озлобленный. Мы сели за чай. Он взял чайник, стал наливать и вдруг остановился, поставил чайник, заливаясь слезами, и сказал:

– Нет, не могу молчать!

– Что с тобою? – спросил я.

– А вот что. Вчера приходил ко мне в департамент адвокат бабушки (сладивший для него это дело) и говорит: "Хотите ли, Иван Карлович, получить самым честным и справедливым образом семьдесят тысяч рублей с процентами за восемь лет – подпишите эту доверенность". Я изумился и попросил его дать мне время обдумать. Скажи мне, правда ли это?

– Сущая правда.

– Так ты знал это и не говорил мне?

– С меня взяли слово, что я не начну говорить тебе. Теперь ты узнал дело не через меня, и язык у меня развязан.

– Что же мне делать? Я не стану взыскивать с нее денег по записи и проценты. Но, кажется, имею все право на 49 тысяч, хранящиеся у Брискорна.

– Ты прав совершенно. Поди к Ивану Егоровичу (Фоку) и объяви об этом. Отдавать эти деньги старухе не должно: она их промотает, как прочие.

Фок испугался и старался доказать, что запись составлена вообще, а не из опасения его иска.

– А почему вставлено 10 марта, день моего рождения и совершеннолетия?

У ответчика прилип язык к гортани. Решили, как предложил Борн. Бабушка удерживала взятые уже ею 21 тысячу и проценты. 49 тысяч от Брискорна получит Борн. Мы поехали к должнику. Здесь я должен привести черту добродушия Борна. Мы в то время забавлялись домашним театром. Когда мы вошли в просторную залу, Борн сказал с удовольствием: "Вот зала, какую желалось бы иметь для нашего театра". О деньгах, за которыми мы приехали, он и не думал. Вышел Брискорн и принял нас дипломатически. На первое объяснение Борна, он сказал:

– Молодой человек, подумайте, что вы делаете! Вы отнимаете половину достояния у вашей благодетельницы и ее семейства.

– Позвольте мне, ваше превосходительство, в этом случае поступить, как я считаю лучше, и довольствуйтесь тем, что я не говорю с вами об остальных деньгах и о процентах. Что же касается до родственников, то со стороны их находится здесь Н.И.Греч, который согласен в том, что я прав беспрекословно.

Брискорн пошел в свой кабинет и вынес 49 пачек. Борн взял их, и мы откланялись. Приехав к бабушке, у которой жили матушка моя и тетушка Елисавета Яковлевна, он вызвал теток в другую комнату, разложил пачки на столе, разделил их на три части и сказал: "Вот вам, маменька Екатерина Яковлевна (как он звал ее), 16 тысяч, вот вам, тетушка Елисавета Яковлевна, 16 тысяч, а остальные 16 тысяч беру себе". Бабушка,

слышавшая все это, закричала: "А сорок девятую тысячу дай мне на погребение!" — "С удовольствием!" — сказал Борн и отнес к ней.

Борн не оставил потомства; фамилия его исчезла с ним, с его женою и дочерью. Но роднею ему должны считаться все честные и великодушные люди. Мне придется в Записках моих говорить о подвигах глупцов, негодяев и корыстолюбцев. Сначала должен упоминать, как можно чаще, о людях Божиих, оставивших нам примеры благости и великодушия. Таков был Иван Карлович Борн.

Возвращусь к самому себе. Один знакомый мне учитель, не из педагогов, предложил мне летом 1805 года принять приглашение, сделанное ему, на которое он не мог согласиться, — преподавать русский язык в славившемся тогда пансионе госпожи Ришар. Экс-содержательница была не француженка, а уроженка Швейцарии: один ее племянник был адъютантом и любимцем Кутузова; другой служил при почте. Она была замужем за профессором ботаники (которого называли садовником) Ришаром и, быв невестою, лишилась левого глаза: она прогуливалась с женихом своим в санях парою; пристяжная лошадь вышибла ей глаз комом снега. В старости она лишилась употребления ног и не вставала с кресел. У ней были два сына: один в статской службе, женатый на побочной дочери князя Юсупова, другой, Иван, был отъявленный негодяй, пропал на службе в каком-то гарнизонном полку. Но дочери ее имели лучшую судьбу. Анна Францовна вышла за Клейнмихеля, когда он был только майором: известно, какую карьеру он сделал при Павле и Александре. У него был только один сын граф Петр Андреевич и много дочерей. Другая дочь Ришар, Елисавета Францовна, была замужем за Михаилом Александровичем Салтыковым (о котором я говорил в воспоминаниях о времени Александра), бывшим попечителем Казанского университета, потом почетным опекуном в Москве, получившим александровскую ленту, когда он, от старости и болезни, лишился ума. Его дочь была за писателями Дельвигом и Баратынским.

Мария Христиановна Ришар завела пансион по смерти своего мужа и вскоре приобрела общее уважение. У ней воспитывались пансионерки императрицы Марии Федоровны, которых почему-либо нельзя было поместить в дворянских институтах; например, бывшая директриса Мариинского института Прасковья Ивановна Неймановская, до замужества Чепегова, турчанка, взятая в плен в малолетстве. Еще замечательно, что у ней в пансионе каким-то чудом воспитан был нынешний действитель-

ный тайный советник Александр Сергеевич Танеев. С отвагою молодости, которой, как пьяному, море по колено, я отправился к М.Хр.Ришар, жившей на Невском проспекте, где ныне помещается Коммерческий суд. Она приняла меня учтиво и ласково, но сказала, что я слишком молод. К счастью моему, вошел к ней зять ее М.А.Салтыков, человек умный, образованный, стал меня расспрашивать, почти экзаменовать, и мне удалось понравиться ему своею откровенностью, своими суждениями о тогдашней литературе. Старушка на другой день дала мне знать, что принимает меня учителем русского языка. По истечении каникул явился я в первый понедельник и был введен в класс Амалиею Ивановною Несберг, сиротою, которую М.Хр.Ришар воспитала и выдала замуж за Шредера, бывшего потом гофмаклером (А.И.Шредер жила впоследствии у Абрама Сергеевича Норова, где я встретился с нею в 1857 году. Она подарила мне портрет общей нашей благодетельницы, сказав, что родные М.Хр.Ришар недостойны этой памяти). Тьфу, пропасть! у меня голова разболелась. Девицы, числом около двадцати, летами от пятнадцати до семнадцати, одна другой красивее, встали из-за классных столов и присели пред новым учителем, как грации мифологического Элизиума. Я принялся за свое дело с усердием, не желая уронить себя в мнении госпожи Ришар, и особенно этих милых вострух. Мария Христиановна полюбила меня искренно и делала мне всякое добро, дала средства обмундироваться как следует и рекомендовала меня Якову Александровичу Дружинину, а он представил меня Ивану Осиповичу Тимковскому, который определил меня чиновником в с.-петербургский цензурный комитет (26 июня 1806).

Вступление мое на литературное поприще и первое мое знакомство с литераторами того времени я описал в статье своей "Воспоминания юности".

И родственники мои (только не матушка), и бывшие товарищи досадовали на то, что я избрал несовместное с дворянским звание учителя. Юнкерский институт преобразован был в высшее Училище Правоведения. Ко мне приставали, чтобы я вступил в это училище, и, когда я объявил, что не хочу, мне возразили, что я, вероятно, боюсь экзамена, которому для вступления туда подвергались, и очень строго, в Педагогическом институте. Это меня взорвало, я ударился об заклад, что выдержу экзамен, и подал просьбу о принятии меня в училище. Мне назначили день экзамена: 23 ноября 1805 г., в одной из аудиторий Педагогического института (там, где ныне универ-

ситет), в семь часов вечера. Места слушателей были расположены амфитеатром. Внизу за круглым столом сидели профессоры Балугианский, Лоди, Кукольник, Тернич и Мартынов. На скамьях гнездились кандидаты. Они были почти все поляки. Я сел дальше, чтоб прислушиваться. Вызывали кандидата, спрашивали его, на каком языке он желает экзаменоваться. Поляки все избирали язык латинский, и говорили они очень свободно и правильно; но в науках — в логике, в истории, географии, математике и пр. — они были очень слабы. Профессоры ободряли их: "Bene, bene, продолжайте". Напрасно. Они оказались слабыми во всех этих предметах. До меня, последнего, дошла очередь в одиннадцатом часу. На вопрос о выборе языка я смело сказал:

— На каком вам угодно.

— Нет, выберите сами.

— Так на русском,— сказал я.

Помню все, что у меня спрашивали. Из логики — об определении; из истории — о крестовых походах и о Сицилийской вечерне, из географии — об острове Сицилии, из геометрии — о Пифагоровой теореме; из физики — общие свойства тел; из естественной истории — о разделении птиц по Линнею. Я отвечал на все, не запинаясь. Дошли до последней графы: латинский язык. Я хотел было признаться, что очень слаб в нем, но добрый Тернич помог мне: он сказал своим товарищам по-немецки: "Мы обидим его, если станем экзаменовать в латинском языке: он не мог приобресть этих познаний без латыни. Прочие кандидаты говорят по-латыни очень хорошо, а в науках невежды". С ним согласились, и в графе при моем имени явилось благодатное слово optime. Я оказался вторым по экзамену из всех кандидатов. Первым был Иван Мих. Фовицкий. На другой день я подал просьбу с объявлением, что домашние обстоятельства не дозволяют вступить мне в училище. Заклад был выигран.

В статье моей "Воспоминания юности" высказал я, каким образом началось мое литературное поприще. Первым из напечатанных моих трудов были русские синонимы в "Журнале Российской Словесности", издаваемом Н.П.Брусиловым в 1805 году. Кто был счастливее меня, когда я увидел статьи мои напечатанными, да еще с похвальным отзывом редактора. Об участии моем в журнале Варенцова сказано в той же статье, и там помещались только переводы мои. Уже тогда запала во мне мысль о сочинении русской грамматики; я прочитал все сочинения об этом предмете. Особенно помог мне в том умный

и знающий учитель француз Гаврила Леонтьевич Лаббе де Лонд (Labbé de Londes). И он был самоучка. Старший брат его был в Петербурге карточным фабрикантом, младший остался в Париже, учился в каком-то коллегиуме, когда вспыхнула революция. Идучи однажды по улице, он увидел толпу, которая вышла из предместья, взобрался на бочку и смотрел на неучей. Впереди несли на шесте голову принцессы де Ламбаль. Несший ее ударил ею по лицу мальчика. Лаббе упал с бочки и ударился бежать к брату в Петербург. Прибежал в Руан, нашел корабль, отправлявшийся в Россию, и умолил капитана взять его с собою. Капитан согласился и привез его в Кронштадт. Тогда не было строгих правил по паспортам, особенно для тринадцатилетнего мальчика. Брат принял его к себе, поместил на чердаке и заставил разрывать карты на фабрике. Но мальчик продолжал учить украдкою, именно, грамматику латинскую, прошел французскую, выучился очень хорошо русскому языку и пошел в учители, беспрестанно совершенствуя и распространяя свои познания. Он приходил иногда к нашему гувернеру Делигарду. Потом встретился я с ним где-то, помнится, на даче и разговорился. Он полюбил во мне любознательного молодого человека и пригласил к себе. Я не брал у него уроков, но пользовался его поучительными беседами и узнал многое; он же указал мне превосходную грамматику Сильвестра Де Саси. В предисловии моем к моей пространной грамматике я упомянул о нем с искреннею благодарностью.

В 1806 году Шлейснер рекомендовал меня в учители к одной содержательнице пансиона, его родственнице, госпоже Мюссар (Mussard); и так как это знакомство имело великое влияние на судьбу мою, то я должен распространиться о нем подробно.

Фамилия Мюссар была одною из самых старинных и почтенных в Женеве. Праотец ее переселился туда из Франции в XVI веке, спасаясь от гонения на реформатов. Петр Мюссар (Pierre Mussard), по словам "Biographie universelle de Michaud", supplément, tome 75, p. 47, родился в Женеве около 1630 года, был пастором в Лионе, потом в Женеве и прославился там своим учением и богословскими сочинениями. Бель (Bayl) называет его мужем весьма знаменитым (vir admodum illustris). Он умер в 1786 году. Руссо в своей Исповеди (Confessions) упоминает о Мюссарах, своих родственниках: один из них был миниатюрный живописец, прозывавшийся tord-gueule, живший в Женеве. Другой, которого Ж.-Ж. Руссо

называет mon compatriote, mon parent et mon ami* ("Oeuvres complètes de J J.Rousseau", Paris, 1817, chez Belin, tome VI, p. 75, 256), приобрел честною торговлею хорошее состояние, жил в Пасси, близ Парижа, занимался страстно конхилиологиею, собирал вокруг себя общество ученых и образованных людей и любезных женщин. Руссо с чувством рассказывает, как приятно жил у него, и описывает бедственную его кончину: у него сделалась опухоль в желудке и он умер с голода. Известно, что Женева исстари, как всякая республика, раздираема была патриотами. Отец моего тестя, профессор Николай Мюссар, в шестидесятых годах XVIII века был приверженцем партии демократов, спорившей с аристократами, к которым принадлежал родной старший брат. Видя торжество своего противника, Николай Мюссар, надев праздничный плащ и прицепив шпагу, знак отличия гражданина[22], взяв за руку тринадцатилетнего своего сына Даниила, отправился в ратушу, получил свидетельство в своем звании и со всем своим семейством выехал из пределов республики – куда? Разумеется, в Россию. В Петербурге получил он, помнится, по рекомендации Вольтера, должность инспектора классов в Академии Художеств, а жена его поступила инспекторшею в Смольный монастырь. Сына своего, с которым он вышел из Женевы, назначил он тоже в ученое звание, но молодой человек, вероятно, по лености, объявил, что хочет быть часовщиком, comme son oncle J.J.Rousseau**. Отец не хотел посылать его в Женеву, боясь влияния своего брата-аристократа, а послал к одному приятелю и земляку своему, часовому мастеру, в Берлин, где молодой Мюссар выучился своему делу в совершенстве, и, воротясь в Петербург, занялся этим мастерством с большим успехом. Он был очень красив собою и большой любитель прекрасного пола, любил увеселения всякого рода, обеды, пикники, карты и особенно был страстен к уженью рыбы. Родственники его, желая укротить юного весельчака, женили его на молодой, хорошенькой немке, Марии Ивановне Гетц, из которой вскоре возникла глупая и злая баба. С самых первых пор замужества она стала мучить мужа и вскоре ему надоела. Желая отвадить его от частых выходов со двора, она утащила его подвязки. Он ушел без подвязок, которые были почти необходимы при тогдашней форме мужской одежды, и не носил их до конца жизни. Но коммерческие и ремесленные дела его шли хорошо.

---

*Мой земляк, мой родственник и мой друг (*фр.*).
** Подобно своему дяде Ж.-Ж.Руссо (*фр.*).

Он выписывал на несколько тысяч рублей в год хороших карманных часов из Женевы (проходивших в то блаженное время почти непонятною контрабандою) и сбывал их легко. Ходил заводить часы во многие знатные и богатые дома и снискал общую известность. В его магазине происходили сходки между вельможами и дипломатами, под предлогом поверки часов. Безбородко и Кобенцель, Сегюр и Гаррис (лорд Мальмсбюри) посещали его и беседовали между собою в его присутствии, полагаясь на его скромность. Несмотря на беспрерывную его вражду с женою, фамилия его распложалась благополучно*.

---

* Здесь прерываются "Записки о моей жизни" Н.И.Греча; по крайней мере, продолжения и окончания в рукописях нет. Логическим их продолжением являются статьи "Воспоминания юности", "Воспоминания", "Начало "Сына отечества".

ВОСПОМИНАНИЯ ЮНОСТИ

Нестору Васильевичу Кукольнику

Вы требуете у меня статьи для вашего "Новогодника", любезный мой поэт. Вы думаете, что нашему брату, если еще не инвалиду, то, по крайней мере, пользующемуся уже правом бессрочного отпуска в литературе, так же легко вымыслить и написать, как вам, юным, мощным витязям! Вам стоит засесть, задуматься, забыться – и в воображении вашем явится ряд светлых, небывалых, но милых, возможных и понятных призраков, которые, как действием дагерротипа, ложатся стройными очерками на белую бумагу. А мы запоздалые, что создадим в камера-обскуре, действительно темной храмине нашего воображения? В настоящем у нас приметы телесного и умственного ослабления, едва скрываемые самолюбивым утешением: что-де я за старик! Впереди – могила своя; позади – могилы друзей и любезных!

Все, что я ни делаю, о чем ни помышляю, сбивается у меня в воспоминание. Самые романы, которые писал я, состоят из сколков, сохраненных памятью и только наружной рамкою соединенных в одно целое.

Итак, если некоторые воспоминания человека, видевшего в жизни своей довольно интересных картин и лиц, по вашему мнению, могут быть приятны читателям вашего "Новогодника", я вытащу из груды одну из старинных тетрадок моих, в которых и самые чернила приняли цвет поблекших листьев. Странно читать их ныне! Неужели это я? Неужели это мои мысли, мои ощущения! Как все изменилось! Как теперь это мелко и даже смешно! А как было мило, красно, восхитительно в то золотое время, когда гладкая фраза, счастливый стих и улыбка розовых уст казались первыми благами в мире! (А разве они последние?) Полно, приступим к делу.

Отрочество и юность мои совпадают с прекраснейшим временем, каким когда-либо наслаждался свет: это были первые годы XIX века, первые годы царствования нашего незабвенного Александра. Европа отдохнула от десятилетней, кровопролитной войны. Нации, дотоле расторгнутые враждою, сблизились, позна-

комились, подружились. Во Франции кормило правления было в руках дивного мужа, которому в то время весь мир беспрекословно приносил дань уважения и хвалы. В Англии жили и красовались Пит, Фокс, Шеридан, Нельсон. Пруссия была счастлива под правлением юного, благолюбивого короля, была счастлива своею прекрасною королевою, недостигнутым и недостижимым образцом женского совершенства и всех добродетелей. Германия восстала после бедствий войны: науки, литература возникли в ней с новою силою; образовались новые школы, новые учения; живы были и Клопшток, и Фосс, и Шиллер, и Гердер. В России все пришло в счастливое движение. Карамзин издавал "Вестник Европы". С каким нетерпением ожидали мы красненьких книжечек чрез каждые две недели! С каким восторгом читали, учили их наизусть! И теперь случается мне слышать, из уст сверстников по летам, фразы, заимствованные из "Вестника", который, в чистых русских переводах, сообщал нам мысли и чувства первоклассных писателей того времени. Макаров в "Московском Меркурии" жестоко разил дурных писателей. В "Северном Вестнике" сообщались статьи сериозные о науках, об истории и т.п. В "Санкт-Петербургском Вестнике", издававшемся при Министерстве внутренних дел, увидели мы образцы слога дидактического и делового, труды графа В.П.Кочубея, М.М.Сперанского и других отличных людей, принятых в новообразованное министерство. Возникло и образовалось Министерство народного просвещения, и одним из первых подвигов его был тогдашний благодетельный устав о ценсуре.

Карамзин и слог его были тогда предметом удивления и подражания (большею частию неудачного) почти всех молодых писателей. Вдруг вышла книга Шишкова ("О старом и новом слоге русского языка") и разделила армию Русской Словесности на два враждебные стана: один под знаменем Карамзина, другой под флагом Шишкова. Приверженцы первого громогласно защищали Карамзина и галлицизмами насмехались над славянщизною; последователи Шишкова предавали проклятию новый слог, грамматику и коротенькие фразы и только в длинных периодах Ломоносова, в тяжелых оборотах Елагина искали спасения русскому слову. Первая партия называлась Московскою, последняя Петербургскою, но это не значило, чтоб только в Москве и в Петербурге были последователи той и другой. Вся молодежь, все дамы, в обеих столицах, ратовали за Карамзина. Должно сказать, что в то время Москва, в литературном отношении, стояла

гораздо выше Петербурга. Там было средоточие учености и русской литературы — Московский университет, который давал России отличных государственных чиновников и учителей и чрез них действовал на всю русскую публику. В Москве писали и печатали книги гораздо правильнее, если можно сказать, гораздо н а р о д н е е, нежели в Петербурге. Москва была театром; Петербург залою театра. Там действовали; у нас судили и имели на то право, потому что платили за вход: в Петербурге расходилось московских книг гораздо более, нежели в Москве. И в том отношении Петербургская Литература походила на зрителей театра, что выражала свое мнение рукоплесканием и свистом, но сама не производила.

Время, суждение хладнокровное и беспристрастное и следствия основательного учения объяснили тогдашнюю распрю и примирили враждебные стороны. Москва стояла за слог Карамзина; Петербург вооружался за я з ы к русский вообще. Здесь хвалили материал; там возносили искусство художника. Разумеется, что наконец согласились. Карамзин сам был чужд этим толкам и браням. Кончив издание "Вестника Европы" (с 1803 года), он в течение пятнадцати лет не печатал ничего и занимался только своею "Историею". Она удовлетворила многим требованиям (я говорю только в отношении к языку), но — воля ваша! — прежде он писал лучше. И повести его, и "Письма русского путешественника", и статьи "Вестника Европы" написаны слогом приятным, естественным, неотвергавшим прикрас, но и не гонявшимся за красотами. Я несколько раз читал его "Историю Русского Государства"; занимаясь сочинением грамматики, разложил большую часть его периодов, исследовал почти все обороты; находил многое хорошим, прекрасным, правильным, классическим, но вздыхал о "Бедной Лизе"! В слоге его "Истории" видны принужденность, старание быть красноречивым, насильственное округление периодов: все искусственно, все размеренно и не то, что прежде. Поневоле воскликнешь с Пушкиным:

И, бабушка, затеяла пустое:
Окончи лучше нам Илью-богатыря!

И в это время борьбы старого с новым, проявления невиданных дотоле творений, мыслей и выражений выходил я в свет жизни и литературы. Отец мой, видя мою страсть к чтению, к сочинениям, к переводам, заметив отвращение к делам приказным, которыми иногда пытались занимать меня, хотел дать мне воспитание ученое и литературное: хотел отдать меня

в Петровскую школу, а потом отправить в Московский университет, на попечение одного старого друга и товарища; но беспрестанные развлечения и тяжкие труды по должности препятствовали ему исполнить это намерение. Он все откладывал, откладывал, — доколе обстоятельства не переменились; он очутился без места, без хлеба; младшего брата отдал во 2-й Кадетский корпус, а меня в Юнкерскую школу, которая была учреждена при Сенате, для образования правоведов и канцелярских служителей. Мне был тогда четырнадцатый год. Дотоле занимался я из наук только математическими; имел самые скудные понятия о грамматике французской (сообщенные мне сенатским куриером, гимназистом Сухопутного корпуса, служившим в департаменте отца моего), но более не знал почти ничего. Взамен учения, я много читал и размышлял. Географию, историю всемирную и русскую изучил без чужой помощи; в литературе знал всех русских писателей не понаслышке, а потому что прочитал их, и не раз. Поверите ли вы, что я знал почти наизусть Ролленову древнюю и римскую историю по переводу Тредиаковского. И теперь, если угодно, расскажу вам все сплетни и раздоры преемников Александра Македонского. Еще слушал я лекции Н.Я.Озерецковского и В.М.Севергина о естественной истории, которые читаны были каждое лето в кунсткамере. Скудное, жалкое образование! — скажете вы. Точно скудное, но не жалкое. Из истории собственного своего учения вывел я несколько полезных уроков. Во-первых, что не нужно обременять слишком молодых людей систематическим учением, так называемым развитием рассудка. Где есть рассудок, там разовьется он сам собою, а где его нет, там не разовьют его легионы педагогов. Дайте укрепиться физическим и умственным силам и потом занимайте их сериозно. До десяти лет дети больше должны учиться слушая, разглядывая; в это время можно положить основание изучению языков, но только практическим образом. Собственно школьное учение должно начаться позже. Видал я ч у д е с н ы х детей, которые на пятом году от роду рассказывали всю греческую и римскую историю, на шестом сочиняли арии, на седьмом разрешали уравнения второй степени. Потом встречал я их в свете — чудесными дураками.

Еще вредно — многое знание! Постойте, не гневайтесь! Главное в воспитании есть образование ума и сердца, а не наполнение памяти. Научите юношу правильно мыслить и судить, внушите ему любовь к занятиям, любовь к наукам, к истине, к изящному, и, если он одарен от природы понятливостью и памятью —

ему довольно этого воспитания. Множество предметов учения, разнообразных и противоречащих, доступных только немногим избранным, утомляет и ум, и память учащихся, затмевает в глазах их существенное мелкими подробностями и исчезает по выходе из училища, как дым, оставляя в душе усталость и отвращение к занятиям. Мне жалко смотреть на экзаменах, как молодые люди терзаются вопросами по всем частям человеческих познаний! И на одну из этих наук едва ли достаточно было бы сил юноши, а он отвечает из двадцати, отвечает двадцати человекам, которые только одним этим предметом и занимаются. И где же в жизни эти великие гении, которые удивляли нас своими познаниями и талантами перед черною доскою?

Тысячу раз в жизни жалел я, и горько жалел, что учение мое было штучное, мозаичное, что я с великим трудом, в зрелом возрасте должен был приобретать то, что легко мог бы присвоить себе в детстве и юности: жалел, что не знаю т о г о, не дошел до и н о г о. Но все на свете к лучшему; если бы я был ученее по многим частям, то, вероятно, не мог бы уделить всего своего внимания той части, в которой, кажется, не совсем был бесполезен.

Теперь еще странно для меня то, что я позже всего стал заниматься именно тем предметом, которому впоследствии посвятил бóльшую часть трудов своих. Как уже выше сказано, я читал многое, с жадностью, вниманием и размышлением; усвоил себе правила языка, понимал требования и указания вкуса и приличия, умел отличить хороший слог от дурного, сам писал безошибочно, — а не имел понятия о собственной грамматике. Услышав, что она необходима при изучении языка, я занялся чтением "Грамматики" Ломоносова и вскоре оставил ее: я - д е э т о у ж е и т а к з н а ю!

Когда меня привели в Юнкерскую школу, надлежало сделать мне экзамен. Инспектор классов, Михайло Никитыч Цветков, продиктовал мне длинный период. Я написал его на черной доске, без ошибки. Приступили к анализу. "Какая это часть речи?" — спросил он у меня, показав на первое слово. — "Не знаю", — отвечал я простодушно. Он изумился, снова прочитал написанное мною и остановился на одной строке. "Почему вы написали тут: в морѣ, а не в море?" — "Если бы корабль шел в море, я бы поставил е, а как он уже в морѣ был, то должно было поставить ѣ", — отвечал я. — "То есть это предложный падеж", — сказал он, стараясь помочь мне. — "Не знаю", — повторил я. Нечего было делать: меня, как совершенного невежду в русской грамматике, посадили в

нижний класс. Это было 22 мая 1801 года. 1 июля я был первым на экзамене и меня показывали как какое-нибудь диво: "Пишет-де правильно и складно, не понимая, что такое грамматика". И это послужило приурочкою к последовавшим моим наблюдениям: не столько форму вещей, сколько материю, существо их должно присвоивать учащимся детям. Обогащенный материалом слова, я вскоре постиг его форму, и этот предмет, сперва для меня чуждый и даже неприятный, сделался любимым моим занятием. В следующем классе узнал я значение, важность и цену всеобщей грамматики из умных, основательных уроков Бориса Ивановича Иваницкого; узнал необходимость теории при изучении языков, слушая уроки незабвенного П.Х.Шлейснера, автора вышедшего в то время "Опыта грамматического руководства в переводах с русского языка на немецкий"[23]. В то же время увидел я недостаточность наших грамматик в сравнении с иностранными и несообразность их с выводами грамматики всеобщей; увидел, сколько в них набрано лишнего, постороннего и сколько недостает своего. С того времени, с пятнадцатого года от рождения, затаилась в душе моей мысль сделать что-нибудь по этому предмету: она осуществилась чрез двадцать пять лет.

В 1803 году последовало преобразование нашего училища: оно было наименовано Юнкерским институтом и перемещено от Владимирской, где находилось дотоле, на Большую Литейную, в дом, где теперь находится II Отделение Собственной канцелярии его императорского величества. Штат училища и учебные предметы были при том увеличены; ученики поступили на казенное содержание, но институт лишился инспектора своего, М.Н.Цветкова, которому был обязан всеми своими успехами. На место его поступил человек добрый, благородный, но он был всю жизнь в военной службе и уважал науки, как уважали Америку до Колумба. Институт не мог подняться, не мог оказать успехов*.

Вскоре главный дом занят был новоустроенною Комиссиею составления законов; нас поместили в тесное здание на дворе, где наши спальни были и классами. Между тем добрые и почтенные наши учители не охладевали в усердии к своим обязанностям: классы шли своим чередом. При преобразовании института, при даровании его воспитанникам новых прав, круг наш

* Весь этот и несколько дальнейших отрывков из статьи 1839 года Греч перенес впоследствии в незаконченную вторую часть своих Записок. См. выше.

значительно распространился поступлением новых товарищей, получивших хорошее первоначальное образование. Мы усердно занимались науками и не в одно классное время: доставали русские и иностранные книги, читали их, переводили, испытывали силы собственными сочинениями. Всего более жаждали мы приобресть познания в французском языке: дотоле учились мы только немецкому. Целые ночи просиживали мы за книгами, тетрадями, учили, экзаменовали друг друга. Кто был побогаче, тот покупал книги и снабжал ими своих товарищей. Я, бедный сирота, не имел денег не только на книги, но и на утоление голода, для которого умеренный казенный стол, обрезываемый усердием к службе ретивого эконома, был слишком неудовлетворителен. Но эта самая бедность послужила мне в пользу: я переводил за богатых товарищей; для других, более совестных, приискивал слова в лексиконе; иным исправлял их работы. Чашка чая с грошовою булкой были наградою за перевод страницы или за приискание двадцати слов. Этому же юношескому аппетиту обязан я важным и полезным в жизни уроком. Достаточные и досужие товарищи мои частенько, разумеется, украдкой от начальства, поигрывали в карты и особенно любили метать банк. Один из них выиграл несколько рублей. Это меня разохотило: у меня было всего капитала одна медная полтина, на которую я надеялся иметь в течение двадцати пяти дней по грошовой булке на завтрак. Демон игры искусил меня: я начал ставить мои грошевики; чрез полчаса проигрался дочиста и должен был в течение двадцати пяти дней довольствоваться казенным завтраком, очень неудовлетворительным. Это совершенно излечило меня от страсти к игре: и теперь, всякий раз, когда увижу карты, чувствую что-то похожее на голод пятнадцатилетнего мальчика.

Вдруг представился мне удобный случай распространить, усовершить свои познания, удовлетворить влечению моему к наукам. Летом 1803 года открылись публичные лекции в новоучрежденном Педагогическом институте. Я бросился к тогдашнему директору оного, Ивану Ивановичу Коху, и мое имя впервые вписано было в реестр вольных слушателей. Ваш почтенный родитель*, М.А.Балугьянский, П.Д.Лоди, Тернич, И.И.Мартынов преподавали там науки исторические, политические и словесные. Я посещал лекции прилежно, записывал слышанное и толковал о том с товарищами, и, когда чрез два года пришлось выдержать экзамен в этом институте, оказалось, что я ходил туда недаром.

---

*В.Кукольник.

Впрочем, я все еще оставался в Юнкерском институте. Страсть к словесности обуяла многих из моих сотоварищей. Мы писали, составляли планы, сбирались печатать, издавать и уже сочинили было программу журнала "Хаос". Самый ревностный пиита был у нас Иван Гаврилович Аристов, сын саратовского помещика, дальний мне родственник по деду своему, царицынскому коменданту Цыплятеву, прославившемуся храбрым отражением Пугачева. Он был годами тремя старее меня и получил довольно хорошее воспитание: говорил по-французски, понимал по-италиянски и как-то невзначай открыл в себе дар стихотворства, то есть способность низать рифмы. Восхищенные талантом товарища, мы единогласно прозвали его гением.

Другой товарищ мой, милый, образованный, прекрасный собою, был Иван Козьмич Буйницкий, который испытывал силы свои в прозе и написал историческую повесть "Ермак", в подражание "Марфе-посаднице" Карамзина, которою бредили тогда все молодые люди.

Третий, Андрей Степанович Милорадович, очень хорошо воспитанный, притом достаточный, скромный, трудолюбивый: он преимущественно занимался переводами с французского. Долгое время сомневались мы в своих силах и робели выйти на поприще словесности. Аристов решился отведать счастия: не сказав нам ни слова, отправил два стихотворения в "Вестник Европы", издававшийся тогда Поповым, и чрез две недели они появились в свет. Этот успех восхитил все наше литературное сословие, и мы стали посылать свои произведения в московские журналы, но, увы! они пропадали без вести! Вдруг, это было в конце 1804 года, Аристов объявил нам, что один его знакомец, человек богатый и щедрый, желая сделать себе имя в литературе, задумал издавать журнал и приглашает к себе нас, юных поклонников муз. В самом деле, вскоре вышло объявление о "Журнале для пользы и удовольствия на 1805 год", и вслед за тем вереница неоперенных птенцов парнасских потянулась в Лещиков переулок, славный дотоле своими банями, а ныне превратившийся в Иппокрену. Мы ревностно занялись работами. Буйницкий исправил свою повесть; Аристов написал несколько десятков стихотворений; Милорадович сообщил свои переводы с французского; я переводил с немецкого. Наставником и руководителем нашим был Александр Иванович Л., человек основательно ученый и умный, но автор и стилист очень плохой. Он находил славное удовольствие в занятиях переводами самых

безнравственных книг: ему русская литература и мораль обязаны Фобласом, Антенором и "Вредными знакомствами". Между тем в жизни он был человек кроткий, честный, нравственный, если не принимать в уважение слабости, которой подвержены были почти все наши поэты и прозаики XVIII века. Он читал наши сочинения и переводы, советовал, хвалил, порицал, исправлял. Я был последним в этом обществе; большею частию молчал и слушал. Могу сказать по справедливости и с благодарностью, что эти вечера принесли мне большую пользу. Самолюбивые юноши, напитанные галлицизмами, не соглашались на поправки Л., который ненавидел новую школу и, за насмешливый отзыв Макарова о его переводе Антенора, предавал анафеме все московское; от этого рождались споры, высказывались истины; спорщики в новых распрях забывали прежнее, но я, посторонний и уединенный, прислушивался, замечал, затверживал. Отчего такая скромность? — спросите вы. Ах, любезный читатель! в эту эпоху кончилось время безотчетного детства, школьного равенства и честного юношеского правосудия! В институте я был первым почти по всем частям: был отличаем начальниками, учителями, товарищами; говорил решительно и смело, не боясь не только насмешки, но и возражения со стороны мне равных. Внешние, случайные блага не входили еще в счет науки и заслуг. Но тут впервые вошел я в тот странный, вечно движущийся и волнующийся хаос, который называется с в е т о м, и почувствовал веяние резкого, холодного ветра, от которого сжималось мое сердце, дотоле бившееся радостно при лучах юной, беззаботной жизни! Это было как бы изгнанием из земного рая. Мои товарищи, сбросив с себя институтский мундир, облеклись в изящные фраки Занфтлебена, тогдашнего первого портного; тесный суконный галстук заменился батистовою косынкою; вместо казенной фуражки, украсились они модными легкими шляпами. Мой же весь гардероб состоял из одного серого сертука, а в этом наряде можно ли давать простор своим чувствам и мыслям, можно ли спрашивать, рассуждать, уже не говорю: спорить! Еще одно меня останавливало и стесняло. Новые мои знакомцы свободно говорили по-французски, а я не умел отвечать им, хотя в существе знал язык лучше их. От этого я сделался робок и неуверен в своих силах. Несколько моих статей были отвергнуты ареопагом, отринуты французскими фразами и с насмешливыми взглядами на мой стереотипный наряд. Жестокое испытание! — Нет! сто раз лучше терпеть голод и стужу, нежели презрение людей, хотя б оно вовсе было не заслуженное!

Впрочем, я должен исключить из этого моих товарищей: они всегда сохраняли дружеское ко мне расположение, но не могли защитить меня от неизбежной судьбы бедности и несветского воспитания.

Разобиженный в душе оскорбительным равнодушием, я решил испытать счастия в другом месте и послал две статьи (это были разборы синонимов) к Николаю Петровичу Брусилову, который тогда издавал "Журнал Русской Словесности". Он не только напечатал их, но и прибавил к ним приветливый отзыв. Кто был счастливее меня! – "Варвары! – думал я. – Будет и на моей улице праздник".

По этому случаю познакомился я с Н.П.Брусиловым и находил у него приятное общество – В.М.Федорова, К.Н.Батюшкова, Н.Ф.Остолопова, А.Е.Измайлова, И.П.Пнина. Остановлюсь на последнем. Это был человек необыкновенно умный, образованный, любезный, кроткий, с большими дарованиями. Все мои сверстники вспоминают о нем с чувством искренней любви и уважения. Он вырос и был воспитан как сын вельможи. Потом обстоятельства переменились, и он должен был довольствоваться уделом ничтожным. Это оскорбило, изнурило, убило его. Недолго пользовались мы его милою наставительною беседою: он умер в сентябре 1805 года, на тридцать третьем году жизни, к общему искреннему сожалению всех, кто знал его.

В то время, когда я познакомился в этом кругу, наделала много шума в свете комедия князя Шаховского: "Новый Стерн". Все молодые люди, искренние поклонники Карамзина, увидели в злой карикатуре посягательство на славу их учителя и еще более на их собственную, и со всех сторон посыпались критики, сатиры, эпиграммы. В это время зародилась в Петербурге оппозиция против приверженцев и поборников славянщизны и старины, развившаяся потом во многих журналах, особенно в "Цветнике" (1810 и 1811 гг.) и в "Санкт-Петербургском Вестнике" (1812 г.).

Между тем все эти литературные неудачи, успехи, радости и печали занимали только мое воображение. Желудок неоднократно напоминал мне, что должно подумать и о нем, а несчастный серый сертук также докладывал, что вскоре отправится в отставку. Надлежало помышлять о службе. Я отправился к одному дальнему родственнику моему, заведовавшему статистическою частию в Министерстве внутренних дел. Он обещал определить меня, и я начал заниматься работою. Доколе эта работа доставляла пищу уму и воображению, я занимался ею охотно, но лишь только приходилось возиться с донесениями,

отношениями, циркулярами, перо выпадало из рук моих; я чувствовал какое-то стеснение в голове и не мог написать порядочно страницы. А в то время можно б было понаучиться гражданской службе в этом Министерстве! Но непреодолимая страсть увлекла меня в литературу. Я отказался от гражданской службы и вступил в учительское звание. Достойно замечания, что это восстановило против меня многих моих родственников. Как можно дворянину, сыну благородных родителей, племяннику такого-то, внуку такой-то, вступить в должность учителя! Но никто из этих грозных судей не догадался спросить, есть ли у сего благородного юноши целый кафтан, уверен ли он, что завтра будет обедать, и в состоянии ли служить без жалованья, как степной недоросль, кандидат в великие люди! Я приискал место учителя русского языка в пансионе Григорья Григорьевича Бочкова, первого из русских, которые отважились вступить на поприще, предоставленное до того исключительно иностранцам. Никогда не забуду я 1 августа 1804 года! В этот день получил я первые деньги, заслуженные собственным трудом, — две синенькие бумажки: кто был тогда богаче меня капиталом, счастливее надеждою!

"Docendo discimus! Уча учимся" — говорит латинская пословица. Будучи обязан толковать правила языка другим, я должен был сперва привести их в ясность в своей голове и уже тогда начал составлять свою систему преподавания русского языка, которая впоследствии сделалась основанием моих грамматических трудов.

Через год после того предложили мне место учителя в пансионе девичьем. С беспечностию и отвагою молодых лет, явился я к начальнице пансиона... Здесь я должен остановиться и дать свободу слезам искренней признательности одной из первых моих благодетельниц в жизни. Мария Христиановна Ришар, женщина редкого сердца, образованного ума и превосходного характера, приняла меня ласково, но с некоторою, очень понятною, недоверчивостью. "Который вам от роду год?" — спросила она. "Девятнадцатый", — отвечал я, как бы хвалясь тем, что я еще так молод и уже надеюсь иметь право на учительское место. "Вы очень молоды! — возразила она, — у меня есть девицы, вам ровесницы". При этих словах я невольно обратил глаза к двери, которая вела в класс. На мое счастье, приехал к ней в это время один ее родственник, человек очень образованный и умный, и вступил со мною в разговор о русской литературе. Я закидал его суждениями, толками, цитатами. Моя беспечная смелость, откровенность и любовь к словесности ему

понравились. Он вступился за невольную мою вину – излишнюю молодость, и я был принят. Через неделю кончились каникулы, и я вошел в класс, чтоб заняться моею должностью. Глаза у меня разбежались. За длинным столом, по обеим сторонам его, сидело около двадцати молодых девиц, одна другой прекраснее, одна другой милее. "Ай, да Грамматика! – думал я, садясь за стол. – У столоначальников канцелярии министра внутренних дел нет и не будет такой милой компании". Самолюбие молодого человека, выставленное на жертву насмешливым вострухам, побудило меня заниматься моим делом как можно усерднее. Я готовился особо к каждому уроку; брал работы их на дом и приносил назад с замечаниями и поправками[24].

Успехи их меня восхищали. Мария Христиановна вскоре увидела, что напрасно боялась моей молодости. Я был скромен и боязлив и только в разборах поэтов давал волю своему воображению и слову. Почтенная старушка приняла участие в судьбе моей, дала мне средства обзавестись и явиться в свете как должно и способствовала мне вступить в службу по гражданской части. Ее давно уж нет, но воспоминание о ней так еще свежо и живо в моей памяти, как будто бы я вчера был у нее в классах!..

ВОСПОМИНАНИЯ

Графу Федору Петровичу Толстому

Ты хочешь знать, почтеннейший друг, что более всего занимало меня в жизни; на какой предмет я преимущественно обращал внимание и почему именно избрал Словесность занятием и целию моих трудов, моей жизни. Признаюсь, мало есть таких предметов в свете, на которые я, в течение жизни моей, не обращал бы внимания: люблю наслаждение Природою; радуюсь, как ребенок, первому вешнему дню; предпочитаю прогулку в прекрасное летнее утро всем удовольствиям блистательного вечера; осенью не могу дождаться первого мороза, который освежит воздух и нежные лица красавиц расцветит розами. Люблю цветы и птиц; могу по часам любоваться красивым маком, радуюсь появлению новых узоров в цветнике; с наслаждением гляжу на хозяйство, ласки и раздоры домовитых канареек. Люблю изящные искусства; страстен к музыке и, при звуках гармонии Моцарта, забываюсь, созидая мир невещественный в глубине души моей. Но всего более занимает меня человек, сие веками неразгаданное, последнее творение рук божиих — сей царь вселенной и раб страстей своих, телом жертва стихий, духом собеседник божества.

Один новейший философ производит все сущее, все живущее на земле от влияния солнца на планету нашу. Действием солнца, в юные дни мира, — говорит он, — когда оно грело и живило сильнее, нежели ныне, под осень истории всемирной, — произведены на хладной и тяжелой толще земли и минералы, и растения, и животные; произведен и человек, крайнее звено земнородных: он приял животную жизнь свою из общего источника земной жизни, нашего солнца; приял ее в высшей, тончайшей, так сказать, против других существ степени; но солнце, средоточие нашего мира, не есть средоточие всемирное: оно обращается вокруг другого солнца, нам невидимого, неподлежащего чувствам, непостижимого уму нашему. Малый луч сего духовного солнца перелился чрез солнце наше на нашу планету и заронил

искру в человеке: искра сия есть душа его – искра сия есть способность переноситься в мир умственный и духовный, жить в прошедшем и будущем, познавать бытие верховного существа, постигать собственное свое бессмертие. Душа духовная слита в человеке с душою животного, общею ему с другими земнородными; но душа животная является в нем во всем своем совершенстве, на высшей степени противу всех других движущихся в творениях низшего разряда; душа духовная, выспренняя, есть только малая искра, едва зримый зародыш третьего неба, проблеск алмаза в глыбе гранитной. Животная душа, при самом рождении твари в свет, находится на высшей своей степени, лишь только получила возможность располагать и действовать своими орудиями; но душа духовная спит в начале существования человека, просыпается мало-помалу, воспитывается, научается познавать себя, Природу и Бога, но всегда остается во младенчестве. Человек носит ее в себе, холит и взращает для другого мира, куда она, по разрушении жизни животной, переселяется для продолжения своего бытия и для конечного усовершенствования. Неравный удел сей искры составляет различие нравственное и умственное между людьми. В одних, слабая искра тонет во мгле жизни животной; в других, искра духовная расторгает узы чувственные, рвет и жжет вериги земные. Но там, где душа сия обретает достойную себя храмину, где она приходит в равновесие с жизнию животною, там проявляется высшее из существ земнородных – зиждитель царств и законодатель, победитель злодеев, просветитель варваров, изыскатель таинств Природы, толкователь судеб божих в бытиях человечества – творец нового мира в изящных искусствах, в музыке, в поэзии.

Душа духовная создала себе оболочку невидимую, тело невещественное; соткала одежду – разноцветнее полос радуги, блистательнее солнцев на синем небе – сотворив язык человеческий. И в этом теле красуется она и растет, играет миром вещественным и органами его вещает о мире духовном. Я посвятил большую часть жизни своей на изучение сей стороны человеческой природы, смотрел на язык, сие стройное, согласное в разнообразнейших частях целое, как изыскатель природы вещественной глядит, например, на царство растений: не пренебрегал мелочами, старался доискаться причин и начал разнообразия и уклонений в несметном рое звуков, служащих орудием к изображению чувствований и мыслей человека, и относил все к одному источнику, вечному и безначальному. Многие не хотели понять величия, важности, духовности языкоучения; не

соглашались, чтоб глаголы и местоимения, причастия и предлоги вели к чему-либо высшему; но это одни формы, и формы варварские: надлежит вдохнуть в них душу. Так, драгоценнейший гербарий, с редкими произведениями царства растений, в глазах непросвещенного есть кипа сухой травы.

И человек, сей любимец божества в нашем мире, всегда был для меня самым любопытным предметом для наблюдения. В каждом человеке можно найти пищу для созерцательного духа; каждый человек есть малый мир, движущийся вокруг духовного средоточия; но в какой степени возрастает важность сего наблюдения, когда предметом оного бывает человек, необыкновенный между другими людьми, – человек, более противу ближних своих наделенный тою божественною душою, которая дарует ему бессмертие; воспитавший в себе сию небесную искру и употребивший ее на пользу ближних! Земной состав его разрушается, невидимая гостья улетает домой, оставляя на земле благоухание на тысячелетия, как солнце, закатясь за горизонт, долго еще играет лучами своими в атмосфере.

В жизни моей случалось мне видеться, сближаться, беседовать с людьми, которые могут называться великими и необыкновенными; случалось быть в тесных, дружеских связях с другими, которые, своими добродетелями, талантами и трудами, оставили по себе нетленные памятники в душах своих современников, которых оплакивают и свои, и чужие, которых потеря в душе друзей незаменима и в глазах самых врагов их, атеистов нравственности, есть потеря для человечества. Воспоминать о них, воскрешать в мыслях их лик милый и незабвенный, беседовать с ними мечтою, как бывало наяву, – есть отрада и услаждение душе; но все ли то можно передать словами, изобразить мертвыми буквами, что живет, дышит и кипит в глубине ее! и не будет ли святотатством касаться грубыми орудиями чувств святыни недосягаемой! Покойтеся в недрах священного воспоминания души, отлетевшие из сей юдоли, к которым в жизни была привязана моя душа цепью, неразрывною в вечности! Для изображения вас нет у меня красок, которые были б постижимы чувствам посторонних! Обращусь к тем немногим людям, которым я, наравне с прочими, удивлялся, которые гласными подвигами, трудами и творениями доступны и знакомы образованному человечеству.

Уважение к людям необыкновенным, особенно к писателям, к литераторам, питал я с самого младенчества. Я воображал себе сочинителей книг людьми необыкновенными, и более, нежели людьми. Помню, с каким благоговением смотрел я на

первого встретившегося мне русского писателя: то был Федор Осипович Туманский, сочинитель первого тома *Истории Петра Великого* и издатель разных других исторических книг. Он приезжал к отцу моему по какому-то делу. Они разговаривали, ходя по обширной зале. Я не сводил глаз с Туманского и, притаясь в углу комнаты, повторял про себя: "Вот Писатель! Вот Сочинитель! Что он вымыслит, вычитает, напишет, то читают тысячи людей во всех концах России, и будут читать еще долго после его смерти! И по лицу видно, что он не такой человек, как другие"*. Я досадовал в душе на отца моего, что он обходился с писателем так же, как и с другими посетителями, учтиво, но, по мнению моему, слишком холодно!

В Юнкерской школе имел я случай видеть другого писателя, который изданиями своими имел большое влияние на образование тогдашней литературы, — Василия Сергеевича Подшивалова. Он был в то время директором Коммерческого училища, находившегося неподалеку от Юнкерской школы, и, по дружбе с нашим инспектором, Михайлом Никитичем Цветковым, товарищем его по университету, иногда навещал наши классы. И теперь еще вижу лицо его: спокойное, умное, благородное, доброе! Мы, ученики, боялись в нем строгого судьи; но те из нас, которые надеялись на успехи свои в словесности, с умыслом выставляли пред ним свои тетрадки. Он замечал детскую хитрость, брал тетрадки, просматривал их, хвалил хорошее и давал добрые советы. Но непреодолимая моя страсть к авторству и желание сблизиться с великими в литературе людьми нашли полное удовлетворение, когда я в первый раз увидел Державина. Он был тогда (в 1803 г.) министром юстиции и, в сем звании, главным начальником нашего училища. У нас был годовой экзамен. Лучшие из нас были уверены в своих знаниях и с самонадеянностию ожидали начала испытания. Вдруг услышали: "Министр приехал!" Все бросились по своим местам. Державин, в парадном сенаторском мундире и в ленте, сопровождаемый директором нашим, Алексеем Николаевичем Олениным, вступил в залу. По его желанию, начали экзамен с древней истории. Меня вызвали первого — надлежало показать место и разделение Древней Греции. Я знал это, как Отче наш; но, подошед к карте, очутившись в двух шагах от Державина, остолбенел, вперил в него глаза и не мог промолвить ни слова. Я не видел ни шитого мундира, ни звезд, ни ленты: я смотрел

---

*Это место, а также и ряд последующих из своих ранних "Воспоминаний" Греч использовал позднее в "Записках о моей жизни". См. выше.

ему пристально в глаза, и в уме моем с быстротою сонных видений пролетали: Бог, Фелица, Водопад, Рождение Порфирородного.

— Скажите положение и разделение Древней Греции, — повторил учитель. Я посмотрел на него бессмысленно и опять обратил глаза на Поэта.

— Древняя Греция, — подсказывали мне шепотом товарищи, — лежала в Европе, между 36-м и 41-м градусом северной широты и 37-м...

— Знаю, — отвечал я тихо и все смотрел на Державина.

Выведенный из терпения, учитель вызвал другого ученика, а я отступил в сторону, ближе к Державину. Директор, зная меня по экзаменам частным, сказал ему что-то обо мне, и Державин обратился ко мне ласково.

— Это что? — спросил он, указав на тетрадку, которую я держал в руке.

— Мои сочинения, — сказал я с откровенным самолюбием юноши и подал ему. Он развернул тетрадку, прочитал несколько стихов (помнится, преглупых) и сказал, отдавая мне:

— Это очень хорошо — продолжайте!

Вообразите себе восторг мой! Державин говорил со мною, Державин читал мои стихи, Державин хвалил их!

Есть быстрые минуты, имеющие влияние на участь, дела и всю жизнь человека. Немногие слова Державина произвели во мне волшебное действие: мне казалось, что он, как первосвященник в храме русской словесности, посвятил меня в ее таинства и что долг повелевает мне в точности следовать его призыву.

. . . .

Занявшись русскою словесностию, я познакомился с некоторыми тогдашними литераторами; но в тесных связях в то время был с немногими. В числе сих немногих должен я наименовать Матвея Васильевича Крюковского, автора известной всем патриотической трагедии "Пожарский". Я познакомился с ним случайно. В 1806 году, поселился я в доме, бывшем генерала Лещано, на Мойке, за Полицейским мостом. Там очутился я посреди разных литератур. В одних сенях со мною жил немецкий юрисконсульт и поэт, доктор прав Шмидер. Он был консулентом (адвокатом) при Юстиц-коллегии, по протестантскому отделению, а в прежние времена служил театральным поэтом при разных германских театрах. В звании консулента он был большой мастер *разводить браки*: за сто рублей он развел было

Филемона и Бавкиду. В должности театрального поэта он иногда урезывал и сокращал, иногда же пополнял и распространял немецкие пьесы для представления: известно, что чем длиннее список действующих лиц на немецкой афише, тем более стекается зрителей; и, что тот немец не веселился в театре, у которого не скл я к о ш а с я к о с т и от заседания в партере, с семи часов вечера до часа утра. Сверх того, Шмидер перевел, и очень удачно, несколько французских водевилей. Познакомясь с ним, я хотел было поучиться у него теории драматической поэзии – не тут-то было! Он был искусен в одной практике: пьесы разделял на прибыльные (Kassenstücke) и невыгодные; Шикандера ставил выше Шиллера; о достоинстве актеров судил по сборам в их бенефисы. Впрочем, и это знакомство было для меня не без пользы: Шмидер разочаровал мою веру в безошибочность французских трагиков; указал мне сочинения Лессинга и Энгеля и заставил уважать авторов, пренебрегавших правилами трех единств. Но классические авторы Франции имели при мне представителя в другом соседе. Французский трагический актер Деглиньи, о котором, конечно, с удовольствием вспоминают любители театра, жил в нижнем этаже соседнего дома, окнами в наш сад. Он декламировал с утра до вечера, пред открытым окном, монологи и сцены из лучших французских трагедий. Частенько, спрятавшись за кустом, я прислушивался к его декламации и думал про себя: "Что ни говори Шмидер, а ей-Богу, и это прекрасно!"

Шмидер учился у меня русскому языку. В одно утро, в начале нашего знакомства, когда я выбился из сил, толкуя ему, что *б*, и что *п* (он называл их п у к и и б а к о й), вошел в его комнату молодой человек, приятной наружности, одетый опрятно и со вкусом, – не так, как прочие посетители и клиенты доктора. Он пришел сообщить о неприятности, с ним случившейся. Рукопись перевода его, который стоил ему больших трудов, была отправлена к государю императору в армию и как-то дорогою затерялась[25]. Неизвестный говорил (по-французски) о своем напрасном труде, о несбывшейся надежде так скромно, мило и умно, что я почувствовал к нему невольное влечение. И Шмидер обошелся с ним учтивее обыкновенного и, по уходе его, объявил мне, что этот молодой человек – наш сосед, господин Крюковской, русский литератор, умный и образованный. Я искал случая познакомиться с Крюковским и вскоре успел. Он проводил каждое утро в саду – войдет, бывало, в фуражке, в нанковом сюртучке, в зеленых сапогах, с большим красным платком на шее, и ходит про себя по аллеям,

иногда в безмолвном мечтании, иногда декламируя вполголоса стихи. Я узнал и полюбил его. Никогда не случалось мне видеть (ни прежде, ни после того) человека, который бы так совершенно жил в мире фантазии, который бы так мало дорожил светом, так мало задумывался при каком-либо препятствии — нелитературном. Крюковской воспитан был в Сухопутном (первом) Кадетском корпусе; говорил по-французски прекрасно, по-немецки очень хорошо; по-русски писал мастерски, но, увлекаемый мечтаниями, не мог заниматься ничем основательно. Встав часов в десять поутру, он отправлялся в хорошую погоду в сад, в дурную оставался в своей комнате и забавлялся чтением, размышлением, сочинением стихов; потом одевался и уходил куда-нибудь обедать. В шесть часов возвращался домой, свертывал медный рубль и отправлялся в театр — русский, немецкий или французский. Там он совершенно предавался удовольствию, возбуждаемому сценическими представлениями; забывал все, его окружающее, плакал и смеялся, как в своем кабинете. Нередко, замечал я, сидя подле него в театре, как соседние с нами зрители удивлялись вниманию и чувствительности молодого человека. Особенно заглядывались на него женщины — должно знать, что в то время женщины, и порядочные, и прекрасные, не считали неприличным ходить в партер. И он был неравнодушен к такому вниманию. Достойно замечания, что лучшее его произведение, "Пожарский", обязано существованием своим действию двух прекрасных глаз в немецком театре. Играли драму "Волшебница Сидония". Отличная актриса Миллер восхищала публику. Крюковской заливался слезами; я вторил ему. Вдруг он как-то посмотрел в сторону, и слезы остановились у него на ресницах. Глаза его встретились с глазами молодой красавицы, сидевшей в ложе первого яруса.

— Видите ли? — спросил он, толкая меня.

— Вижу, — отвечал я равнодушно, — а что?

— Как что! Эти глаза! Кто, кто эта прекрасная девица? Нельзя ли как-нибудь узнать?

— Можно, и очень можно, — отвечал я.

Вскоре нашел я в партере одного из тех людей, которых можно назвать живыми адрес-календарями; он объявил мне, что эта дама есть девица, дочь такого-то чиновника, из немцев, что она в театре бывает редко, но всякое воскресенье в лютеранской церкви, на Литейной, сидит внизу, обыкновенно на шестой скамье. Я сообщил открытие мое Крюковскому. Он воспользовался этим и стал ходить каждое воскресенье в лютеранскую церковь: притаится, бывало, на хорах и глаз не сводит с вла-

дычицы своей, а она, бедненькая, и не догадывалась о своей победе. Поэт довольствовался обожанием идеальным!

Сердце, конечно, можно было насытить мечтами, но желудок требовал пищи вещественнейшей. Родные и знакомые Крюковского, у которых он обедывал, жили в середине города, и он не мог поспевать к ним по воскресеньям. Надлежало заводить знакомства на Литейной. Он нашел средство познакомиться с Александром Семеновичем Шишковым, который жил тогда в своем доме, напротив церкви лютеранской. В беседе с сим почтенным любителем словесности он заговорил о своих опытах, принес и прочитал ему всю трагедию, едва набросанную; по совету Александра Семеновича, переменил и исправил в ней многое и, при его же посредстве, сделался известным Александру Львовичу Нарышкину. Тогда была война с французами. Русские сердца кипели ревностью отстоять царей и троны Европы. "Димитрий Донской" Озерова имел блистательный успех. Крюковской долго не решался отдать на театр свою трагедию, почитая ее слишком слабою и ничтожною. Убеждения новых знакомцев превозмогли его боязнь. "Пожарского" сыграли в мае 1807 года – и сыграли превосходно. Яковлев, Шушерин, Каратыгин были в ней неподражаемы. Маленького Георгия играл в нем Сосницкий, тогда едва вышедший из младенчества. Успех был совершенный. При поднятии завесы, Крюковской исчез. Когда кончилась трагедия, публика стала единогласно требовать автора. Долго он не являлся. Гром рукоплесканий и восклицания не умолкали. Наконец показался он в директорской ложе. Я не узнал его – так он был бледен и расстроен. Его с трудом доискались в ложе четвертого яруса, где он скрылся при начале спектакля, в твердом уверении, что трагедия его упадет. Я принимал самое усердное участие в пьесе и в самом авторе. В театре не мог я его видеть; блистательное торжество доставило ему множество знакомых, и я не успел пробиться до него сквозь толпу поздравителей. На другой день, часов в двенадцать, пошел я к нему, чтоб разделить вчерашнюю радость. Вхожу в комнату – нет никого, все пусто; вхожу в другую, та же пустота – нет ни столов, ни зеркал, ни стульев. "Что это значит? – подумал я. – Не может статься, чтоб он выехал; вчера провел я у него утро".

– Кто там? – раздался знакомый голос из-за перегородки.

– Я, Матвей Васильевич! Да где вы?

– Извините, еще не вставал. Войдите покамест сюда.

Я прошел за перегородку и увидел моего поэта в постеле. И

спальня опустела: в ней были только кровать его и маленький столик.

– Садитесь, пожалуйста, на кровать, – сказал он мне, смеючись. – На сей раз других кресел у меня нет.

Я последовал приглашению, стал поздравлять его со вчерашним успехом, и между нами завязался жаркий разговор о любимом предмете. Крюковской был вне себя от восхищения.

– Что же вы не замечаете преобразования в моей квартире? – спросил он, наконец, очень весело.

– Вы, видно, съезжаете? – сказал я печально, думая, что лишусь любезного соседа.

– Нет! – отвечал он. – Я остаюсь здесь; только освободился от лишних мебелей.

– Как так!

– Я продал их сегодня. Мне надобен новый фрак; я обедаю у Александра Львовича Нарышкина, а костюм мой уже очень поблек.

– Помилуйте, – сказал я, – можно ли так поступать? Вы могли бы занять деньги до получения платы за вашу трагедию из дирекции.

– Занять! занять! да у кого? Уж мне эта трагедия!

– Но на трагедию вы не можете жаловаться!

– В самом деле? Так потрудитесь вынуть из этого столика бумагу и прочитайте.

Это было извещение начальства Комиссии составления законов, что переводчик Крюковской, за долговременную неявку к должности, исключен из службы.

– Да это ужасно! – сказал я.

– Что делать! – отвечал беспечный поэт. – Я сказался больным, чтобы работать свободнее дома. Чрез несколько времени мне напомнили, что пора выздороветь. Явиться к должности – значило бы признаться, что болезнь моя была выдумана. Я не пошел, и вот последствие!

– Надеюсь, однако, что ваши труды литературные будут хорошо вознаграждены.

– Да! мне поговаривали что-то о деньгах. А главное то, что мне дают даровой билет в партер. Теперь медный рубль не будет у меня оттягивать кармана.

В это время постучались у дверей. – "Entrez!" – закричал Крюковской. Явился молодой портной Фанденберген с новою парою платья.

Чрез несколько времени дела моего приятеля поправились. Он получил хорошее вознаграждение за свою трагедию. Госу-

дарь, приняв ее милостиво, приказал спросить у автора, чем можно было бы его порадовать. Крюковской с робостью отвечал, что он желал бы усовершенствовать свои познания и талант в средоточии драматического искусства, Париже. Желание его было исполнено: ему назначили хорошее содержание и отправили его в Париж. Там он предался всею душою наслаждениям литературы и драматического искусства, изучал великие образцы, готовил себе запас новых идей, но ничего не успел положить на бумагу. К сожалению, он не имел там руководителей, слушателей, друзей. Воля ваша, а талант требует сообщения, требует участия других. Крюковской, пробыв года два в Париже, воротился в Петербург, с чем поехал: с душою, истинно поэтическою, способною постигнуть и передать все прекрасное, но без твердости и решительности в воле и характере. Я уверен, что и "Пожарский" никогда не был бы кончен без случайных, благоприятных обстоятельств. К несчастию, Крюковской, после блистательного успеха своего, познакомился с односторонними судьями драматического искусства, которые под видом благонамеренных советников преподают молодым писателям правила, стеснительные для гения, убийственные для таланта. Они осуждали в "Пожарском" все те сцены, которые занимательны действием и положением лиц, а хвалили одни стихи – именно то, чем автор не мог похвастаться. Если б Крюковской жил и писал ныне, когда все школьные и закулисные правила оценены надлежащим образом, когда верное изображение природы человека предпочитается размеренным тирадам героев и тиранов, – он попал бы на свою стезю. А в то время поэтической нерешительности и литературного смешения языков принужден он был беспрерывно бороться с противоречиями. Я редко видал людей с такими пламенными чувствами, с таким высоким и изящным понятием о любви, какие одушевляли Крюковского, – и он написал трагедию, в коей о любви не упоминается. Клопшток, Шиллер, Гёте были его обыкновенным чтением; Шекспир извлекал у него в театре непритворные слезы – а его осудили низать рифмы и трепетать о соблюдении единств, вследствие небывалого указа Аристотелева. Удивительно ли после этого, что вторая трагедия его, "Елисавета, дочь Ярослава", слаба и несвязна!

Он намеревался было написать трагедию "Сафо", изобразить все наслаждения и мучения любви. Вероятно, героиня поэта уже существовала в его воображении; вероятно, она облечена была всеми красотами поэзии, но прелестный призрак никогда не осуществлялся и улетел с душою поэта.

Крюковской, чрез несколько месяцев по возвращении из Франции, занемог и, после продолжительной болезни, скончался (1811 г.) на тридцатом году от рождения, оставив отечественной публике залогом своего патриотизма и таланта одну трагедию, а в памяти родных, друзей и знавших его — убеждение, что он, при благоприятном направлении своих способностей, мог бы обогатить и прославить русскую словесность.

Готовясь, по обыкновению, поставить под сею статьею месяц и число, я затрепетал невольно: 29 сентября 1832 года. Ровно за шестнадцать лет пред сим, 29 сентября 1816 года, скончался другой русский литератор, искренний друг мой, незабвенный и незаменимый, человек благородный, необыкновенный умом, талантами, образованием — Павел Александрович Никольский. Здесь могу я говорить о нем только как о литераторе. Ты спросишь: что же он сделал важного? чем прославился в свое время? что оставил потомству? — Спросите у юного дуба, сокрушенного бурею, зачем он не раскинул ветвей своих по долине! Спросите у солнца, на восходе помраченного тучами, зачем оно не оживляло земли своими лучами! — Никольский умер двадцати пяти лет от роду.

Он готовился к службе по горной части, учился в Горном корпусе очень хорошо, но не мог заниматься исключительно науками точными и естественными. Мельпомена улыбнулась ему в час рождения: литература, поэзия, история увлекали воображение и ум юноши. Он оставил горную службу и вступил в гражданскую, посвящая все свои досуги трудам литературным. В пылкие лета юности, когда всякая удачная попытка нам кажется блистательным успехом, когда мы поставляем главную цель занятий словесностию не в том, чтоб писать, а чтобы печатать, — молодой Никольский ревностно занялся литературою практическою, участвовал в издании журналов: "Цветник" и "Санкт-Петербургский Вестник", стал издавать "Пантеон русской поэзии", переводил и повести, и романы. Другой на его месте продолжал бы эти занятия и оставил бы лет чрез пятьдесят память писателя трудолюбивого и общеполезного. Но Никольскому этого было недовольно: с необыкновенным самоотвержением признался он самому себе, что не имеет еще тех познаний и навыков, которые нужны для истинного литератора; бросил действительные занятия и углубился в учение. Литература древняя и новая, эстетика и теория словесности сделались предметом его учения и изысканий. Смерть положила всему предел. Воспоминание о человеке обыкновенном тускнет в душе нашей по мере

удаления от нас времени его кончины. Но утраченные миром люди отличные становятся нам дороже и дороже по мере того, как мы на пути жизни удаляемся от времени, которое они украшали для нас своим существованием; по мере того, как мы, узнавая людей, убеждаемся, что нет подобного потерянному другу. Словесность наша, в истекшие шестнадцать лет, чувствительно возвысилась и обогатилась не только числом, но и зрелостью производителей и произведений. С каждым днем узнаем мы о новых явлениях в литературе; с каждым днем наши писатели обогащают ее примерами и образцами: но, поверите ли? – все новое, все прекрасное в нынешних произведениях, в нынешних понятиях кажется мне знакомым и бывалым! Когда вспомню о Никольском, о смелых, здравых и свободных от всякого предрассудка мыслях его в литературе; когда приведу себе на память его суждения о писателях, тогда нам современных, а ныне выслушивающих приговор потомства, – тогда мне кажется, что нынешние лучи проистекли от искры, таившейся в душе этого необыкновенного юноши. Не знаю, был ли бы он сам производителем, но уверен, что русская литература имела бы в нем ныне своего Джонсона, Лессинга, Шлегеля; что его ясный, критический, беспристрастный ум был бы лучезарным светилом в тусклой храмине нашей словесности.

Неисповедимая судьба человеческая! Писатели, трепетавшие резкого взгляда и насмешливой улыбки Никольского, ныне красуются и тщеславятся, – а он!..

Принц де Линь, помнится, сказал Великой Екатерине: "Если бы вы родились мужчиною, то, конечно, дослужились бы до фельдмаршалов!" – "Не думаю, – отвечала она, – меня убили бы в унтер-офицерском чине!"

НАЧАЛО "СЫНА ОТЕЧЕСТВА"

...Мы усердно занимались изданием "Санкт-Петербургского Вестника". Мирные труды наши прерваны были грозою, разразившеюся над Россиею. Многие из членов нашего общества выехали из Петербурга, некоторые вступили в военную службу, в армию, в ополчение. И остальным было не до литературы. Общее чувство опасности, возвышенное ощущение благороднейших движений любви к государю и отечеству волновали все сердца. Но это не был страх. Мы отнюдь не ужаснулись нашествия Наполеонова, нимало им не изумились. Оно давно уже было предвидено, предсказано и ожидалось со дня на день. Особы, посвященные в тайны кабинетов, утверждали, что, вероятно, все кончится миролюбиво, что нет никаких ясных примет скорого начатия войны. Но публика судила и видела иначе, видела правду, которой до времени нельзя было возгласить во всеуслышание. Тяжкое время прожили мы от Тильзитского мира до разрыва 1812 года! Россия не была покорена врагом, не повиновалась ему формально, но и союз с властолюбивым завоевателем был уже некоторого рода порабощением. Земля наша была свободна, но отяжелел воздух; мы ходили на воле, но не могли дышать. Ненависть к французам возрастала по часам. А должно сказать, что послы Наполеона, Коленкур и Лористон, усердно содействовали к ее распространению своею гордостью, дерзостью, тем, что называется по-французски arrogance. К довершению горестного нашего чувства, мы видели страдания государя. Он употребил все средства, какие только совместны были с честию его сана и с величием России, для сохранения мира с тем, для которого все трактаты и условия были только предлогами к начатию новых войн, который не знал пределов своему властолюбию и всякую мысль о независимости иных держав считал преступлением. Мы имеем историю политических сношений того времени, написанную Биньоном умно, красноречиво, искусно. Но справедливо ли? сообразно ли

с истиною и с существом дела? Биньон хвалится тем, что основывает свое описание на подлинных дипломатических актах. Это то же, что писать историю войны, основываясь на реляциях. К тому же лучшие из тогдашних дипломатических бумаг были написаны министром, который утверждал, что слово дано человеку для сокрытия его мыслей. Весть о начатии войны подействовала на всех как живительный дождь после продолжительного зноя: нет нужды, что он и предвещает жестокую бурю. Ждали известия о сражении на границе — его не было. Армии наши начали отступать. Этот образ ведения войны, чуждый нетерпеливому русскому нраву, возбудил общие опасения и даже негодование. Тщетно люди дальновидные утверждали противное. Да так и сдадут Москву! — вопили в публике и едва ли не обвиняли главнокомандующего в измене: он, в безмолвии и сознании собственной совести, понес на себе всю тяжесть общего мнения. Клястицкое сражение оживило сердца радостью и надеждою. Не знаю, какую цену дают этой победе в стратегическом отношении, но в политическом, в нравственном она имела самые благодетельные последствия, и недаром глас народа нарек графа Витгенштейна спасителем Петрова града. Эта победа показала нам, то есть массе публики, что самый благородный дух и твердая надежда одушевляют нашу армию; что наши воины знают, что делают, и успешно могут состязаться с французами. Эта уверенность много способствовала к поддержанию бодрости и мужества во всех сословиях народа: дело не последнее. И все принимали в том искреннее участие. Некто из охотников польстить и подслужиться заметил тогдашнему военному министру князю Алексею Ивановичу Горчакову, что пожалованием графу Витгенштейну александровской ленты обошли его, старшего. "Ах, если бы меня всегда так обходили!" — воскликнул он с благородным чувством справедливости и скромности.

Один бедный чиновник, подгуляв на радости с приятелями по случаю поражения врагов, шел, пошатываясь и попевая, по иллюминованному Адмиралтейскому бульвару. К нему подошел какой-то иностранец и спросил учтиво: "Позвольте узнать, по какому случаю город сегодня иллюминован?" Это взорвало нашего патриота. "Ах ты, заморская тварь, изменник, шпион! Вот по какому случаю!" — закричал он и отвесил нескромному вопрошателю добрую пощечину. Поднялся шум; забияку схватили и представили в часть.

— Как вы смеете драться? — спросил пристав. — И можно ли бить иностранца за то, что он вас спрашивает?

— Виноват, — отвечал подьячий, — но я ударил бы и ваше высокоблагородие, если б вы спросили о причине нынешней иллюминации.

Добрый пристав успокоил немца синенькою бумажкою, а пьяного патриота отпустил с увещанием не слишком увлекаться чувством народной гордости. Многие порицали в то время наше правительство, что оно выслало нескольких подозрительных иностранцев, разглашавших вредные вести, но оно поступило в этом случае справедливо и умно, хотя б в острастку оставшимся. Невероятно, с какою скоростью и быстротою разглашались у нас дурные вести. Я посещал в те времена Биргерклуб, или Гражданское собрание, бывшее в доме Щербакова, насупротив Адмиралтейства. Там собирались чиновники, купцы, художники, ремесленники и тому подобные люди среднего звания, русские и иностранцы, и сообщали друг другу все, что слышали и узнавали. Все они оживлены были искреннею любовью к государю и России, все встречали каждую добрую весть с восторгом и радостными слезами. Но в семье не без урода. В клубе были и приверженцы Бонапарта, французы, эльзасцы, швейцарцы. Когда мы, бывало, радуемся хорошим вестям и громко их передаем друг другу, они посматривают на нас косо и с злобною насмешкою. Радуйтесь, веселитесь! — давали они нам знать, — а скоро вам карачун будет. Когда же приходили новости неблагоприятные, а они узнавали, невесть каким путем, гораздо ранее нас, даже иногда ранее правительства, наши супостаты поднимали головы, пили шампанское с безмолвными тостами и смотрели на русских и приверженцев к России с торжеством и презрением. Лишь только получались несомненные известия о торжестве русских, зловещие заморские птицы прятались по углам. На вопрос, все ли вы в добром здоровье? — эти господа отвечали вздохами и оханьем. Я мог бы рассказать много любопытных анекдотов о том времени, но — кто старое помянет, тому глаз вон! Все это было до милостивого манифеста 1814 года.

И между благонамеренными, истинно преданными отечеству, людьми господствовали неодинаковые мнения. Некоторые из них считали эту войну обыкновенным решением спора между двумя державами, который мог кончиться для нас, если не с блистательным успехом, то и без важных потерь. Но большая часть, не ученая, не теоретическая, не дипломатическая, видела этот исполинский бой в точном его значении, видела, что дело идет о существовании России, что ненасытный властолюбец не успокоится, доколе не сокрушит грозной своей соперницы на суше, чтоб потом, с бóльшим усилием, двинуться на морских

своих врагов. В этом случае народ совершенно понимал государя, и происшествия оправдали справедливость сего мнения.

Время текло, и вести из армии сменялись одна другою. Взятие Кобрина Тормасовым было светлым лучом в этой бурной мгле. Армии наши соединились в Смоленске, но вскоре оставили и этот древний оплот русского царства. Сердца бились трепетным ожиданием, но не унывали; общая радость, твердая надежда на спасение отечества запылали повсюду, когда назначен был в главнокомандующие армии князь Голенищев-Кутузов, за несколько месяцев до того заключивший достославный мир с турками, в самых затруднительных обстоятельствах. Он отправился к армии, сопровождаемый общими, искренними желаниями.

Но я увлекаюсь общими и важными происшествиями, забывая, что пишу записки о собственной своей жизни, что не только имею право, но и обязан говорить о себе.

Впрочем, удивительно ли, что я в эту эпоху моей жизни забываю о самом себе? Тогда никто себя не помнил. Я принадлежал к числу тех людей, которые, с самого начала этой грозной войны, если не поняли, то внутренним чутьем ощутили ее важность, ее святость; я не помнил, не знал ничего более, кроме того, что нам должно победить или пасть с честию. Семейственные обязанности удержали меня от принятия деятельного участия в великом деле того времени, но все помышления, все движения души и сердца моего были посвящены успеху правоты и чести над неправдою и наглостью. Лекции словесности в Петровской школе превратились у меня в уроки истории и политики. Этим я нажил и искренних друзей, и заклятых врагов: я рубил, что называется, сплеча, не смотря, куда падают удары. Товарищи мои были люди благонамеренные и почтенные, но по большей части или иностранцы, или недворянские уроженцы немецких провинций России: они не постигали, что значит ненависть к чужеземному владычеству, не постигали, что невозможно присягнуть кому-нибудь, кроме русского императора. Они любили Россию, как мы любим дом, в котором живем несколько лет по найму: в случае пожара станем усердно его отстаивать, но потом спокойно переедем на другую квартиру[26]. Они дивились моему исступлению и сердились на мои выходки, в которых доставалось и Рейнскому союзу.

Участие, которое я принимал в ходе тогдашних дел, имело и личную причину. Брат мой, Александр, служил в армии: он был поручиком в 3-й артиллерийской бригаде полковника

Глухова, при которой находился, после потери Смоленска, образ Богородицы Смоленской.

8 августа писал он ко мне: "Сражение при Смоленске было кровопролитное и ужасное. Подле меня убит друг мой, Ольхин. Чувствую, что не переживу другого сражения. Ты спрашиваешь, не нужно ли мне чего-нибудь. Пришли, сделай милость, хорошую зрительную трубку, чтоб я мог лучше различать неприятеля и наводить орудия. Умру — но умру как истинный сын отечества!"

Последним светлым днем того лета был Александров день. Сверстники мои, конечно, вспоминают, что в этот день, который Россия двадцать пять раз праздновала с восторгом и ликованьем, редко бывала дурная погода, несмотря на близость его к сентябрю. В 1812 году погода стояла самая ясная, летняя. Разряженные толпы двинулись в Невский монастырь за крестным ходом. К обедне приехал государь со всею императорскою фамилиею. В то же время распространилась весть о победе, одержанной при Бородине. Военный министр прочитал донесение главнокомандующего, но немногие могли его расслышать. Печатной реляции еще не было, а изустная молва преувеличила победу, как прежде преувеличивала потери. Многие слышали от верных людей, что в сражении убито сорок тысяч французов, в том числе маршалы Даву и Ней, и взято в плен тридцать тысяч и т.д. Можно вообразить себе радость и ликованье всей публики! Взоры всех обращались на государя, который молился с искренним благоговением. Хотели прочесть в глазах его радостную новость и, действительно, замечали, что он казался веселее и спокойнее, нежели в предшествовавшие дни. Громкие, усердные клики сопровождали его, когда он, после завтрака у митрополита, уезжал из лавры. Весь Невский проспект покрыт был гуляющими, празднующими. Все предавались усладительной надежде.

Обнародование реляции на другой день охладило пылкие ожидания, но не совсем их истребило. Затем наступило безмолвие. Небо покрылось темными тучами; какая-то тяжесть налегла на сердца. Грозные вести, как привидения, носились над головами. Никто не смел спросить другого; всяк боялся ответа. Наконец разразилось зловещее облако громовым гласом: Москва взята! Мертвое оцепенение последовало за сим ударом. Помните ли вы это время, мои сверстники! Время тяжелое, мучительное, но высокое, расширявшее душу, воскрылявшее мысль нашу к престолу подателя всех благ, дотоле миловавшего нашу любезную Россию. Чрез две недели после Александрова дня наступил другой царский праздник, день коронования государя (15 сен-

тября). Молебствие было в Казанском соборе. По окончании его, государь вышел с императрицею и цесаревичем Константином Павловичем из церкви и сел с ними в карету. Он был бледен, задумчив, но не смущен; казался печален, но тверд. Площадь была покрыта народом. Карета тихо двинулась. Государь и государыня кланялись в обе стороны с приветливою улыбкою доверия и любви. Народ не произносил тех громких криков, которыми обыкновенно приветствовал в торжественные дни возлюбленного монарха; все, в благоговейном безмолвии пред великою горестью русского царя, низко кланялись ему, не устами, а сердцами и взорами выражая ему свою любовь, преданность и искреннюю надежду, что Бог не оставит своею помощью верного ему русского народа и православного царя...

Изданное тогда объявление об оставлении Москвы написано было с глубоким чувством, написано языком, доступным уму и сердцу русских. Мы видели, что государь не унывает, что он уверен в спасении отечества и самой Европы, что он не скрывает от нас опасности настоящей, а в будущем полагает надежду на правоту своего дела и на милосердие божие. Между тем принимаемы были меры предосторожности. Из С.-Петербурга стали вывозить некоторые институты, драгоценности, архивы... Петербургские газеты и "Северная Почта" сделались единственным чтением нашим: но это были газеты сериозные, официальные, в которых нельзя было разыграться вволю, а дурные вести так и томили нас со всех сторон. Злодеи наши торжествовали. Сердце у меня кипело. Что бы, думал я, теперь затеять русский журнал, в котором бы чувства, помыслы и надежды России нашли верный отголосок, который бы, словами чести и правды, заставил молчать глупцов и злонамеренных! Но как за это взяться? Я был тогда бедным учителем в Петровской школе, имел еще два неважные места; всего в год на тысячу двести рублей с квартирою. Связей и знакомств у меня не было почти никаких. Был у меня один благотворитель, бывший начальник Юнкерского института, в котором я воспитывался, Алексей Николаевич Оленин, но я не смел посещать его, боясь беспокоить его в великом горе, которое его постигло: один из его сыновей, за полгода выпущенных офицерами в Семеновский полк, был при Бородине убит; другой, до беспамятства оконтуженный, также считался между мертвыми. О своем брате не имел я известий; знал только, что он ранен в той же битве.

Около 20 сентября приехал ко мне тогдашний начальник мой, Иван Осипович Тимковский, человек самый благородный и добрый, которому я многим в жизни обязан, и привез рукопис-

ное немецкое сочинение Э.М.Арндта "Глас Истины", в котором излагалось плачевное состояние Европы и предвещалось скорое ее освобождение. Эта статья написана была совершенно в тогдашнем нашем духе, и для нашего расположения, слогом восторженным и даже немного напыщенным, но нам тогда было не до простоты. "Эту статью, – сказал Иван Осипович, – сообщил мне Сергий Семенович (Уваров, нынешний министр народного просвещения, тогдашний попечитель Санкт-Петербургского учебного округа), чтоб я отдал ее кому-нибудь для перевода. Я назвал вас, и его превосходительство просит вас перевесть ее, как можно скорее, и доставить ему". Я с жадностью бросился за эту работу, просидел над нею ночь; другой день провел в должности и вечером отнес бумагу к Сергию Семеновичу. Иван Осипович был там. Перевод мой, сделанный со всеусердием, в полном чувстве того, что должно было выразить, им понравился. Иван Осипович, бывший цензором, тут же подписал на нем одобрение к печати.

– Но где бы это напечатать? – спросил Сергий Семенович.

– Напечатать особою книжкою, – сказал Иван Осипович, – политические журналы и даже политические статьи в журналах у нас воспрещены.

– Но теперь обстоятельства переменились, и государь непременно позволит. Если б только найти редактора...

– Его искать недалеко, – прибавил Иван Осипович, посмотрев на меня.

– Вы соглашаетесь? – спросил Сергий Семенович...

Я отвечал с восторгом, что почту это занятие верховным благом в жизни.

– Надобно бы написать программу.

– Сию же минуту, – сказал я, садясь за стол.

– Как бы назвать журнал?

Слова из письма моего брата мелькнули у меня в уме.

– "Сын Отечества", – произнес я медленно и запинаясь.

– Прекрасно, – сказал Сергий Семенович, – пишите!

Не было трудно написать то, что давно зрело у меня в голове. Сергий Семенович прочитал программу, сделал в ней некоторые перемены и сказал, что доложит министру.

На другой день напечатал я "Глас Истины" и пустил в публику по скромной цене – по рублю медью. Передняя моя была беспрестанно наполнена покупателями. Но я не думал о денежных барышах. Это приносило мне удовольствие, потому что радовало и утешало моих домашних, которые все еще думали, что придется бежать из Петербурга. Прошла неделя, и я не слы-

хал об успехе моего плана. Однажды прихожу домой из классов и вижу, в передней у себя, министерского куриера.

— Пожалуйте к графу Алексею Кирилловичу[27], — сказал он мне, — пожалуйте сию же минуту: он вас ожидает.

Я поспешил приодеться и отправился к министру. Граф принял меня очень ласково и объявил, что государь изволил утвердить мой проект журнала. Я поклонился.

— Что вы полагаете напечатать в первой книжке? — спросил граф. Я не ожидал этого вопроса и отвечал:

— Журналы начинаются с января; до того времени можно придумать.

— Как! — возразил граф, — я думал, что вы начнете теперь же. Государь, по моим словам, ожидает первой книжки на будущей неделе.

С этими словами посмотрел он на меня в недоумении.

— Если так, — отвечал я, — то книжка будет готова. И начал вытаскивать из карманов рукописи, с которыми возился в то время с утра до ночи: — Напечатаю "Глас Истины"; потом извлечение из испанских известий; потом вот эти стихи.

— Какие? — спросил граф.

Я прочитал их, граф смеялся, слушая их, одобрил все и отпустил меня очень приветливо. Какие были эти стихи? — спросите вы. Их сочинил покойный Иван Афанасьевич Кованько, лишь только пришла весть о взятии Москвы. Они оканчивались следующим куплетом:

Побывать в столице — слава,
Но умеем мы отмщать:
Знает крепко то Варшава
И Париж то будет знать.

Эти стихи повлекли с самого начала гонение на "Сына Отечества". Паркетные умники утверждали, что нехорошо хвастать так бесстыдно и хвалиться несбыточными мечтаниями. Они не видели, что не должно хвастать в счастье, а ободрять дух народа в беде можно всеми способами, только не ложью и не обманом. Впрочем, Провидение чрез полтора года оправдало это предвидение русского сердца.

От графа поехал я в бумажную лавку Алексея Алексеевича Заветного и взял в долг бумаги на триста рублей и потом завернул к содержателю типографии Иоаннесову с запросом, решается ли он печатать журнал в ожидании будущих благ. Он согласился. Дома нашел я посланного от Алексея Николаевича Оленина, который приглашал меня к себе немедленно. Я отправился и к нему. Он уже знал о позволении

государя и сообщил мне разные материалы для "Сына Отечества".

– Да получили ли вы что-нибудь для начатия журнала? – спросил он.

– Не получал, – отвечал я, – да мне и не нужно. Надеюсь, что печатание и бумага окупятся.

– Оно так, – отвечал Алексей Николаевич, – да все же с деньгами начинать лучше. Я постараюсь.

Оттуда поехал я к Сергию Семеновичу Уварову благодарить его за предстательство, и был принят им с предупредительностию и ласкою, которые совершенно ободряли меня к начатию труда, едва ли бывшего мне по силам. Дотоле бродил я как в чаду, а когда принялся за дело, увидел, что оно не так-то легко; но благосклонное пособие, советы, указания и поощрения почтенных начальников моих уровняли предо мною шероховатый путь скоротечного вестника, и я работал усердно, с уверенностию в важности моего дела и с надеждою на успех. За два дня до выхода в свет первой книжки, получил я уведомление, что государь император, по докладу А.Н.Оленина, который рекомендовал ему меня как своего воспитанника, пожаловал мне, на первые расходы по изданию, тысячу рублей. Тогда это было для меня важнее, нежели впоследствии десять тысяч.

Вышла первая книжка, и была принята публикою с одобрением, какого я не ожидал. Накануне выхода второй книжки, Сергий Семенович прислал за мною и сообщил мне известие об освобождении Москвы. В третьей была напечатана его статья (под заглавием "Письмо из Тамбова"), в которой предрекалось сооружение колонны во славу государя с надписью "Александру I, по взятии Москвы не отчаявшемуся, благодарная Россия".

ПРИМЕЧАНИЯ Н.И.ГРЕЧА

К "ЗАПИСКАМ О МОЕЙ ЖИЗНИ"

[1] В то время раскассирован был весь этот департамент Сената за решение какого-то процесса вопреки просьбе какой-то родственницы Кутайсова.

[2] Некоторые тогдашние лица говорили, что это была любовь чисто платоническая. Что-то не верится. Вот последняя любовь Екатерины была действительно платоническая, с Платоном Зубовым.

[3] Я случайно узнал впоследствии одну из этих мыльных весталок. Она вышла замуж за белорусского дворянина Вакара, которому за то дали чин, место и пр. Племянник его, Феликс Делабинский, учившийся со мною в Юнкерском институте, водил меня к нему. Он был обыкновенный низкопоклонный поляк, а она женщина простая и тихая. В то время, как я знал ее, мне была известна ее этимология. Что сталось с нею и с детьми ее потом, не знаю. Вероятно, графы Мусины-Юрьевы служили и служат под именем Вакаров где-нибудь в провинции. Не от них ли артиллерийский генерал Вакар: он сильно смахивает на Павла.

[4] Павел Григорьевич Саражинович, бывший потом правителем канцелярии генерал-губернатора графа Ланжерона, в Одессе, а наконец, директором Департамента врачебных заготовлений Министерства внутренних дел, умер в СПб. в 1848 г. от холеры, в отставке и крайней бедности.

[5] Омельяненко, бывший впоследствии губернатором и тайным советником.

[6] Акинфий Иванович Сорокунский, в 1806 г. был мелким чиновником в дубосарской Почтовой конторе. Он послал в Москву к приятелю своему голову сахару с отправившеюся туда эстафетою. За это государственное преступление был он судим и отрешен от службы с тем, чтобы его никуда не определять. Безак, проходя с армиею кн. Прозоровского чрез Дубосары, приискивал в штат свой писцов, и главнокомандующий, по силе данной ему власти, определил к себе Сорокунского, о котором все жители Дубосар отзывались с выгодной стороны. При первом представлении к награде, сняли с него опалу, потом произвели в следующий чин. Он оказался человеком способным и благородным. Умер в звании бессарабского гражданского губернатора и был оплакиваем всею областью. К Безаку сохранил он душевное почтение и благодарность.

[7] Это написано в 1851 году, за четыре года до кончины императора Николая Павловича, и заключает в себе что-то пророческое: умри Нико-

лай в 1850 году, он не дожил бы до пагубной войны с французами и англичанами, которая прекратила жизнь его и набросила на его царствование мрачную тень. Но тень эта существует только для современников. При свете беспристрастной истории она исчезнет, и Николай станет на ряду самых знаменитых и доблестных царей в истории.

[8]Г.Райко, умный, образованный человек, служил в одном из полков гвардейской кавалерии, вышел в отставку, отправился в Грецию к графу Каподистрия, вступил в тамошнюю службу и командовал артиллериею. По кончине графа, воротился в Россию. За вступление в иностранную службу он обязан был служить на Кавказе и повиновался безропотно. Выслужив урочное время в Нижегородском драгунском полку, вышел в отставку, поселился в полуденной России и умер за несколько лет пред сим.

[9]Бывший английским послом при Екатерине II, Гаррис (лорд Мальмсбюри) говорит, что главной слабостью Павла была трусость. Этим объясняется многое: и самое покорство его Екатерине, и безмолвие пред ее фаворитами, и подозрительность, и жестокость его по вступлении на престол; он [нрзбр] и тираны [нрзбр] (Людовик XI, Иван IV Грозный) были отчаянные трусы и терзали людей, чтоб устранить их от покушений против престола.

[10]Алексей Данилович Копьев, автор комедии: "Лебедянская ярмарка", был очень умен и особенно остер, но большой циник в словах и поступках. Никто не уважал его. Он умер лет за десять пред сим. В последнее время жизни занимался он торгами и подрядами и отличался скупостью и неопрятностью.

[11]Побочный сын незаконной дочери Ник.П.Архарова с какою-то француженкою. Эта дочка продолжала ремесло своей матери и, произведя на свет великого издателя "Отечественных Записок", сама не знала, чей он сын, ибо имела, при редакции его, много сотрудников. Один белорусский подлец, по фамилии Краевский, дал ему свою фамилию за благосклонность матушки. Она вышла потом за другого подлеца, какого-то майора фон дер Палена, и, лишившись носа в какой-то кампании с Венерою, завела в Москве девичий пансион (Historique).

[12]Князь П.Г.Гагарин был человек тихий, добрый, в молодости пописывал стишки и женился из протекции. По смерти Анны Петровны, он надписал на ее гробнице: "Супруге моей и благодетельнице". Уж хоть бы промолчал. Он оставался генерал-адъютантом при Александре I и был военным посланником при Наполеоне, в 1809 г.; в 1810 г. и последующих служил директором одного из департаментов Военного министерства, а потом вышел в отставку и поселился в поместье своем, на берегу Невы, насупротив Рыбацкой слободы, с любовницею своею, бывшею танцовщицею Спиридоновой, окруженной стаей гнусных собак. Не знаю, что сделалось с его имением. Дом, доставшийся ему после жены, загорелся в 1809 г., во время пребывания здесь прусского короля и королевы. Сгорел верхний этаж, и он построил, вместо его, нынешнюю безобразную галерею.

[13]Умер 1854 года. Обойдя бедных своих родственников, он завещал все свое огромное состояние в русскую казну, по медицинской части.

Ему воздвигли за то монумент пред зданием Медико-Хирургической Академии в С.-Петербурге, а родные его в Шотландии томятся в нищете. Но есть высший суд на небе!

[14] Эту надпись переделали в конце царствования Александра:

Сей храм трех царств изображенье:
Гранит, кирпич и разоренье.

[15] Постараюсь поместить всю эту оду в прибавлениях.

[16] Сиверс получил графское достоинство при Павле в лице дяди его, ученика моего деда, знаменитого генерал-губернатора, начальника путей сообщения, бывшего посланником в Польше, Якова Ефимовича (умер в 1808). Павел дал ему графство и, узнав потом, что у него только дочери (за Гюнцелем и Икскулем), распространил графский титул на его братьев, Петра и Карла. Егор Карлович бывал у нас еще пажом и за отличие был выпущен из камер-пажей в поручики Измайловского полка. При вступлении на престол Александра, он вышел в отставку полковником, поехал в Дерпт, а потом в Геттинген, чтоб кончить свое образование, и, воротившись, поступил в службу по инженерной части, был командиром пионерных полков, а потом директором Главного Инженерного училища (умер в 1827). О нем буду говорить впоследствии, когда допишусь до того. Он был человек не глупый, честный, благородный, но ужасный педант и мелочен до крайности. Я замечал неоднократно, что довершение учения в зрелые лета редко приносит пользу существенную: оно набивает память, но не укрепляет рассудка, а это главное. Ребенок, юноша усваивают себе преподаваемые им предметы, переваривают их в своей голове и потом действуют ими как благоприобретенною собственностью. Люди взрослые всегда остаются чуждыми существу изучаемого дела и теряются в подробностях. Представлю со временем еще несколько тому примеров.

[17] Последним памятником этой катастрофы остался Иван Саввич Горголи, нынешний действительный тайный советник, сенатор и святоша. В молодости своей, служа в гвардии, он был образцом рыцаря и франта. Никто так не бился на шпагах, никто так не играл в мячи, никто не одевался с таким вкусом, как он. Ему теперь [1851] за семьдесят лет, а он в этих упражнениях одолеет хоть кого. Он первый начал носить высокие тугие галстухи (на щетине), прозванные по нем горголиями. В 1800 г. он был плац-майором и состоял в полной команде графа Палена, следственно, должен был ему повиноваться и исполнять его приказания беспрекословно. По этой причине его от двора и из города не удаляли, а держали в черном теле: он был лет пятнадцать полковником. В 1808 г. посылали его с каким-то поручением к Наполеону, бывшему тогда в Байонне, и, по приезде оттуда, его назначили с.-петербургским оберполицмейстером. Он, от природы добрый, и на месте этом зла не делал; только давал много воли своим подчиненным, видя в каждом квартальном и его помощнике офицера. Ну уж офицеры! В 1823 г. сменил его пьяный Гладков, о котором придется мне говорить в свое время. Горголи, пользуясь славою отличного полицейского, был употреблен в начале царствования Николая Павловича для исследования злоупотреблений в Кронштадте и, по глупости своей, наделал много зла. Потом поступил

он, как и следовало, в сенаторы. Свидетельством невежества его может служить, что он в 1826 г. спрашивал у меня, какова История Карамзина, которой не случалось ему читать.

[18] Павел перенял не тогдашнюю прусскую форму, а бывшую при Фридрихе II. Приезжавшие в Петербург прусские офицеры смеялись над нашим военным костюмом и утверждали, что у них никто так не ходит.

[19] Французский театр процветал и при Павле, несмотря на все его предубеждения против тогдашней Франции. Особенно отличалась мадам Шевалье, рожденная Пуаро (сестра танцовщика Огюста). Муж ее был балетмейстером и получил по этому месту чин коллежского асессора. Она занимала первые амплуа в операх и блистала своею игрою и пением. Главное же в том, что она была любовницею Кутайсова и делала из него, что хотела. К ней прибегали за протекциею и получали ее за надлежащую плату. И старик барон Клодт просил ее о пособии. Муж ее сидел в передней и докладывал о приходящих. Она принимала их, как королева. Одно слово ее Кутайсову, записочка Кутайсова к генерал-прокурору или к другому сановнику, и дело решалось в пользу щедрого дателя. Достоверное предание гласит, что этим темным каналом Зубовы испросили себе позволение приехать в Петербург (и были определены директорами 1-го и 2-го Кадетских корпусов): чрез год отплатили они и Павлу, и Кутайсову, и предстательнице своей. Мадам Шевалье, вскоре по вступлении на престол Александра, выехала за границу, с дочкою, прижитою с Кутайсовым, и с того времени не выходила на сцену. Я увидел ее случайно в 1817 г., не зная, кто она. С троюродным братом моим И.К.Борном заехал я на пути из Швейцарии в Висбаден, где жила знакомая нам (по Эмсу) премилая дама, госпожа Гризар (мать нынешнего славного композитора). Мы отыскали гостиницу (Zur Rose), где она остановилась, и вошли в ее комнату; у дверей ее в коридоре стоял лакей с салопами, и на вопрос, чей он, сказал – какое-то общее армейское французское прозвище. У госпожи Гризар нашли мы двух дам, одну пожилую, другую молоденькую. После первых приветствий и излияния радости, госпожа Гризар извинилась пред старшею дамою в том, что так гласно здоровается при ней, и сказала: "Вот те двое русских, с которыми мы с сестрою познакомились в Эмсе и о которых я с вами говорила". Мы поклонились им, и завязался общий разговор. Ужинать пошли за общим столом. Я сел с одной стороны, между госпожою Гризар и пожилою дамою, а Борн поместился насупротив, с молодою, и вскоре разговорился с нею о музыке. Я сказал ему что-то по-русски. Соседка моя сказала, улыбнувшись:

– Мне приятно слышать звуки вашего языка.

– Так вы бывали в России?

– Была, и дочь моя родилась в Петербурге.

Тут я обратился с русским вопросом к дочери, но она посмотрела на меня, не понимая, что я говорю.

– Дочь моя, – сказала дама, – выехала из России на первом году от роду и, следственно, не может знать по-русски, а я что знала, то забыла.

Потом начала она расспрашивать меня о России, о некоторых лицах, о французском театре и т.п. Я отвечал ей, не догадываясь, но и не смел

спросить, кто она. На лице ее видны были признаки красоты необыкновенной: умная улыбка, прекрасные глаза, приятный голос, беленькие ручки — все говорило в ее пользу. У дочери же ее был орлиный нос и восточный облик лица, как у турчанки. Отужинали и пошли в комнаты госпожи Гризар. Незнакомка с дочерью отправилась домой. "Кто эта дама?" — спросил я с нетерпением. — "Сама не знаю, — отвечала г-жа Гризар, — я познакомилась с нею как с землячкою на прогулках и за общим столом. Женщина она умная и очень приятная. Только сегодня она меня изумила. Я зашла к ней, чтоб пойти вместе на воды. Заметив, что я одета слишком легко по холодному времени, она предложила мне надеть шаль, выдвинула ящик комода, и я увидела в нем коллекцию драгоценнейших шалей на миллионы: она должна быть знатнейшая дама. Не знаю, как ее зовут..." — "Мадам Шевалье", — сказал я. — "Не знаю, — отвечала м-м Гризар, — а вы почем это знаете?" — "Мне сказал это лакей ее, стоявший у ваших дверей". И в ту же минуту догадался я, что это должна быть недавняя владычица России! Я сообщил мое открытие приятельнице моей и рассказал похождения героини. Мы должны были отправиться далее в четыре часа утра, и я не мог продолжать начатого знакомства, очень интересного. Брат ее сказывал мне впоследствии, что она постриглась и вела строгую жизнь в одном дрезденском монастыре.

[20] Эти подробности слышал я из уст самого князя Лопухина на экзамене в школе.

[21] Первой жене, рожденной Варваре Даниловне Мюссар.

[22] Никакая дворянская аристократия не дорожит так своим саном, как женевцы званием гражданина (citoyen). Для этого надлежало родиться от фамилии граждан, и именно в стенах Женевы. Прочие жители ее назывались les natifs, les habitants et les bourgeois [уроженец, житель, буржуа]. Некоторыми ремеслами, например золотых дел и часовым, имели право заниматься только граждане.

[23] Этот почтенный человек умер в ноябре 1838 года, в глубокой старости.

[24] Я назвал бы некоторых из них, если б не боялся оскорбить их напоминовением, что они, за тридцать четыре года пред сим, были уже взрослыми девицами.

[25] Впоследствии она отыскалась. Это был перевод сочинения Гереншванда о политической экономии.

[26] Прошлого года, в Париже, в большой компании, один француз, умный и образованный, спросил меня, точно ли мы любим государя, и отчего происходит эта безусловная любовь к нему, о которой они, французы, не могут составить себе понятия. Я ответил ему: "Мы любим нашего государя, как данного самим Богом отца, который сам любит нас искренно и безусловно. Вы же смотрите на вашего короля, как на опекуна, от власти которого, считая себя совершеннолетними, стараетесь освободиться как можно скорее".

[27] Графу А.К.Разумовскому, министру народного просвещения.

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРИКА

Часть первая

Книга барона Корфа о вступлении на престол императора Николая Павловича, по справедливости, возбудила общее любопытство и внимание, описав нам события и сообщив документы, отчасти покрытые мраком неизвестности; но она не вполне удовлетворила ожиданиям публики, ограничиваясь описанием случившегося именно с лицами императорской фамилии и не вдаваясь в подробности, в описание происшествий отдельных, сопровождавших этот важный и необыкновенный эпизод русской истории. К тому еще автор этой книги, камергер, статс-секретарь, член Государственного совета, следственно, человек, связанный обстоятельствами и отношениями, и не мог описывать всего и точно так, как было на самом деле. Желательно, чтоб другие лица, бывшие близкими свидетелями тех событий, передали их беспристрастно, со всех сторон и со всеми подробностями. Нельзя требовать исполнения этого от одного человека. Никто не может быть ни вездесущим, ни всеведущим. Пусть каждый, кто видел или слышал что-либо о случаях того времени, опишет, что ему известно: из этих разноцветных камешков составится полная и верная мозаика для потомства. Главное, чтоб говорили правду, ничего не утаивали, не украшая и не прибавляя.

Желая подать тому пример, я напишу все, что мне известно, о тогдашних событиях и обстоятельствах, которые я видел вблизи, о деятелях того времени и о действиях их, просто и, сколь возможно, правдиво, не стесняясь мыслию ни о какой цензуре, не руководствуясь ни пристрастием, ни каким-либо враждебным чувством к кому бы то ни было. Это простые воспоминания, излагаемые безыскусственно, без всякого стеснения какими бы то ни было правилами или системами, долженствующие почерпать цену и важность в истине моих слов и моего прямодушия.

4 ноября
1857 г.

[Это написал я, когда еще не выходила книга Герцена о 14 декабря 1825 года. Если в то время, когда написаны были мною эти строки, я считал полезным описать добросовестно и правдиво происшествие того времени, то ныне считаю это священною обязанностью. Гнусный беглец дерзает чернить своею пакостью даже людей достойных и благородных, охуждать (нрзбр) землю и выхвалять наглость, бессовестность, подлость, вероломство и кровожадность. Долг всякого честного человека и гражданина русского вступиться за правду и смело высказать ее пред светом и потомством.]

4 августа
1858 г.

Для точного уразумения причин, свойств и обстоятельств странного заговора и мятежа 1825 года, должно беспристрастно рассмотреть характер и царствование императора Александра Павловича. Воспоминания о нем современников вскоре изгладятся совершенно, и он будет изображаться в истории по разнообразным и противоречивым преданиям и лицемерным документам, в ложном и превратном виде.

Император Александр, рожденный со всеми прекрасными дарами природы, наружными и внутренними, явился в свет в самое для него благоприятное время, когда Россия молила Бога о даровании достойного наследника престолу Екатерины. Бог и природа сделали для него все: люди извратили и испортили все, что могли. Известно враждебное, неестественное и пагубное отношение Екатерины к ее наследнику, Павлу. Эта умная, даровитая, великая женщина, которой Россия обязана своим устройством (не говорим б л а г о устройством) и просвещением, находилась к сыну своему, как говорят французы, в ложном положении. Она занимала трон России по праву случая и талантов, по убеждению, что она полезна и необходима России, но законное право наследства было на стороне сына, которого она умела держать в почтительном повиновении, не имея возможности внушить ему любовь и доверенность. Неровный, непостоянный характер Павла, при добром сердце и уме необыкновенном, всегда был ему препятствием к точному и благому исполнению обязанностей царских, а долговременная, тягостная подчиненность не только матери, но и любимцам ее, дерзким и наглым, совершенно сбила его с пути и раздражила до крайности. На людей умных находят минуты забвения; на Павла находили минуты добра и здравого смысла[1].

Одним из самых тягостных для него лишений было отчуждение от него детей. Лишь только, бывало, великая княгиня Мария Федоровна разрешится от бремени, ребенок поступал в полное заведование императрицы. В летнее время великая княгиня приезжала родить в Царское Село, после родов возвращалась в Гатчину или Павловск, а дитя оставалось на попечении бабушки, которая воспитывала внучат по своим видам и понятиям, нимало не спрашиваясь отца и матери. Не говорю, чтоб Павел мог дать своим детям воспитание лучшее, но они получали воспитание превратное, противоречившее законам природы.

Прекрасный младенец и отрок Александр сделался предметом неусыпных и нежнейших попечений Екатерины. Она составила для него план воспитания, писала и печатала учебные книги,

сказки, истории, отыскивала ему лучших наставников. Не надеясь найти для царского сына хороших воспитателей в России (их и теперь в ней нет), она обратилась в чужие края и, по совету известного Гримма, пригласила швейцарца Лагарпа. Выбор был самый несчастный! Лагарп был человек умный, основательно ученый, правдивый, честный, но республиканец в душе и революционер, что доказано действиями его по выезде из России*. Такой человек не годился в воспитатели наследнику самодержавного престола, владыке нации, которой большая часть томилась в вековом, законами утвержденном рабстве. Лагарп старался внушить своему питомцу правила чести, добродетели, милосердия и терпимости, но не мог передать ему любви к отечеству, уважения к его нравам, обычаям, законам и основным правилам, к народу, необразованному, но богатому всеми стихиями добра и славы. Понятно, что царедворцы завидовали счастливому пришельцу, пользовавшемуся доверенностью царицы, и всячески выражали ему нелюбовь свою, а он платил им глубоким презрением и ненавистью, какие внушал и Александру, стараясь убедить его в той истине, что всегда и везде царедворцы были люди ограниченные, подлые и коварные[2].

От этого противоречия между уроками наставника и обстановкою молодого принца произошли те неровности, те противоречия, которые встречаем в характере, образе мыслей и действиях Александра. При первом взгляде, и особенно когда он этого хотел, увлекал он всякого, но впоследствии скоро охладевал и переменялся, прикрывая свои истинные чувства личинами прежней дружбы. В случае надобности, он подавлял свои чувства и убеждения, особенно если тщеславие заставляло его возбуждать в людях мнение о постоянстве его расположения к кому-либо. Нет никакого сомнения, что он искренно любил покойную королеву прусскую Луизу (мать Александры Федоровны); но по кончине ее оказывал ее мужу еще более привязанности и уважения, нежели прежде, несомненно, желая показать свету, что склонность его к королеве была непорочная и бескорыстная. Он не отгонял от себя людей, которые ему почему-либо надоели и перестали нравиться. Нет! поцелует, бывало, — и укажет двери. Усиление знаков его милости было сигналом падения того, к кому они обращались. Накануне отставки графа Кочубея, он сам привез фрейлинский шифр его дочери. Дальновидный царедворец стал вслед за тем укладываться в дорогу.

---

*Примечание Греча о Лагарпе — см. ниже.

Барон Корф в своей книге передал нам письмо Александра к В.П.Кочубею, написанное им в мае 1796 г., за несколько месяцев до кончины Екатерины. Обнародованием этого письма хотел он доказать давнишнюю наклонность Александра к отречению от престола, но доказал только отвращение его к тогдашнему двору и к России, следствие превратного бестолкового образования: оно было более блистательное и многостороннее, нежели основательное и прочное. Он выучил многое наизусть, говорил по-французски, как дофин, но не умел безошибочно писать по-русски и впоследствии говаривал шутя, что сожалеет о невозможности запретить указом употребление буквы ѣ. В то время, когда ему следовало бы приняться строго за учение, укрепить свой рассудок, распространить круг своих познаний путешествием по России и по чужим краям и прилежным наблюдением бытий человеческих, не ограничиваясь легкими очерками учебной книги, – его женили (на шестнадцатом году). Екатерина спешила насладиться плодом своих трудов и попечений, хотела иметь преемника, любезного ей умом своим и сердцем, ею созданного, радоваться и правнуками. Ранняя женитьба расстроила его во всех отношениях: истощила два прелестные цветка, не дав им развернуться. Это обстоятельство имело влияние, грустное влияние, на всю его жизнь. Он не вкусил счастия родительского и сам увял ранее времени. Смерть Екатерины и вступление на престол Павла изменили порядок и наружность дел, но не характер и мнение Александра[3]. Он был кроткий и покорный сын, в точности исполнял волю отца, смягчал, сколько мог, его строгие, часто несправедливые и нелепые меры и сделался надеждою, любовью, божеством народа. Все были обворожены его красотою, кротостью, благодушием, вежливостью, снисходительностью. Народ толпился вокруг него, бегал за ним, в его глазах читал упование и отраду. Александр усердно и добросовестно исполнял возложенные на него служебные обязанности, помогал, делал добро офицерам и нижним чинам полков, состоявших под его командою, но не выказывался, не кокетничал. Вокруг него собрались благородные люди: В.П.Кочубей, П.В.Чичагов, М.Н.Муравьев, граф П.А.Строганов, князь А.А.Чарторыжский, Н.Н.Новосильцев, князь П.П.Долгорукий, А.А.Витовтов, М.А.Салтыков*. С некоторыми из них он занимался изучением предметов философии, истории, политики, литературы. Плодами трудов его товарищей было издание "С.-Петербургского Журнала" (в 1799 году),

---

*Примечания Греча о перечисленных здесь лицах – см. ниже.

выходившего под редакциею И.П.Пнина, при помощи Александра Федосеевича Бестужева, отца участников заговора 14 декабря 1825 г.

Свидетельством выставленной нами выше двуличности и переменчивости Александра служит то, что, окружив себя этою блистательною плеядою, он, конечно, без ведома их, сблизился в то же время с человеком не глупым, но хитрым, коварным, жестоким, грубым, подлым и необразованным* Аракчеевым**. Этот бессовестный, но дальновидный варвар успел подметить слабую сторону Александра, неуважение его к людям вообще и недоверчивость к людям высшего образования, и вкрался к нему в милость, но, вероятно, сам просил его не выказывать своего к нему благоволения слишком явно: он во всю жизнь свою боялся дневного света.

Существование тесной связи Александра с Аракчеевым, в бытность его наследником престола, известно мне по одному неважному обстоятельству: Аракчеев, получив какую-то должность, помнится с.-петербургского коменданта, и чувствуя свою неграмотность, вытребовал себе в писцы лучшего студента Московского университета, обещая сделать его счастие. К нему прислан был Петр Николаевич Шарапов (бывший потом учителем в Коммерческом училище), человек неглупый, кроткий, трудолюбивый и сведущий. Аракчеев обременял его работою, обижал, обходился с ним как с крепостным человеком. Исключенный из службы по капризу Павла, Аракчеев почувствовал сожаление к честному труженику и поручил его покровительству Александра, сказав: "Наследник мне друг и тебя не оставит". Действительно, Шарапов получил хорошее место: впоследствии сгубила его чарочка.

Аракчеев, заметив в бумагах какого-либо высшего чиновника толк и хороший слог, осведомлялся, кто его секретарь, переводил его к себе, обещал многое, сначала холил и ласкал, а потом начинал оказывать ему холодность и презрение. Так приблизил он к себе почтенного и достойного Василия Романовича Марченка и впоследствии сделал его своим злейшим врагом. Потом вытащил он из провинции простого, неученого, но умного и дельного Сырнева. По окончании ревизии Сибири, выпросил у Сперанского Батенькова, посадил его в Совет военных поселений и потом до того насолил ему, что Батеньков пошел в заговор Рылеева. Между тем Аракчеев хорошо умел

---

* *Здесь в копии ПД зачеркнуто:* подлым рабом и хамом.

** Примечание Греча об Аракчееве – см. ниже.

отличать подлецов и льстецов. Таким образом втерся к нему бывший потом генерал-провиантмейстером в Варшаве Василий Васильевич Погодин, человек необразованный, но неглупый, сметливый, честолюбивый. Он начал свою карьеру в Министерстве юстиции, женился на отставной любовнице гр. Шереметьева, сделал себе тем состояние и пошел в люди. Что лучше, думал он, как служить у Аракчеева? – втерся к нему, работал неутомимо, кормил и поил Батенькова, чтоб пользоваться его умом, льстил графу, соглашался на все гнуснейшие его меры и, по-видимому, обратил на себя милостивое его внимание. Однажды, когда он докладывал, графа вызвали в другую комнату. Погодин воспользовался этою минутою и заглянул в лежавшие на столе формулярные списки, в которых Аракчеев вписывал свои аттестации для поднесения государю. Против своего имени прочитал он: "глуп, подл и ленив". И Погодин рассказывал это всем, жалуясь на несправедливость и неблагодарность.

Полагаю, что Александр видел в светских друзьях своих будущих своих помощников пред глазами света, а в Аракчееве готовил цепную собаку, чем он и был во всю свою жизнь. Аракчеев выбрал себе девизом: Без лести предан. Из этого общий голос сделал: Бес лести предан.

Причуды, сумасбродство, тиранство Павла, возрастая ежедневно, достигли высшей степени. Нынешнее поколение не может составить себе в том понятия. Мне смешно, когда толкуют о деспотизме Николая Павловича. Пожили бы вы с его родителем, заговорили бы иное. Все трепетало пред Павлом, особенно люди честные и добрые из его подданных. Почтенные люди, выезжая поутру со двора к должности, прощались с домашними, не зная, где будут обедать, дома или на первой станции по дороге в Сибирь. Павел воображал себя справедливым, а никогда не бывало в России такого неправосудия, как в его время: честных людей гнали и губили, негодяев и мерзавцев возвышали, например: полицмейстером в Петербурге был обанкротившийся трактирщик Морелли. Первым любимцем его был турчонок, фершел Кутайсов, граф, шталмейстер и андреевский кавалер. Любовница Кутайсова, французская певица Шевалие, раздавала места, жаловала чинами, решала процессы с публичного торгу. Генерал-прокурором был раб и палач Обольянинов. Истинные патриоты, Васильев, Беклешов и пр., были в немилости и изгнании. Павел рассорился со всеми своими союзниками и, в сумасбродстве своем, вздумал вызвать на дуэль римского императора Франца II. Он вступил в дружбу с коварным Наполеоном Бонапарте и, забыв все свои донкихотства за Бурбонов, выгнал

Людовика XVIII с его семейством среди зимы из Митавы и признал Французскую республику. Мало этого: он согласился с Бонапартом завоевать у англичан Ост-Индию и уже двинул свои войска в степь. Английский флот, пробившись сквозь Зунд, шел на Кронштадт, тогда очень плохо укрепленный. Дела внутренние были в совершенном расстройстве. При кончине Павла, в Государственном казначействе было всего четырнадцать тысяч рублей деньгами. 1 мая ни один чиновник не получил бы жалованья. Торговля и промышленность остановились. О науках тогда и помину не было. Взлелеянная Екатериною литература замерзла. В народе господствовало какое-то немое оцепенение. Все предвещало какой-нибудь страшный перелом.

Россия страдала в безмолвии. Некоторые из вельмож стали помышлять о прекращении зла. В числе их был граф Никита Петрович Панин: он первый указал Александру на бедствия и опасности отечества и на необходимость прекратить их. Вдруг Павел за что-то на него разгневался и сослал его в деревню. В 1800 году возвратились в Петербург Платон и Валериан Зубовы, как слышно было, по ходатайству подкупленной ими мадам Шевалие, и поступили (курам на смех) директорами 1-го и 2-го Кадетских корпусов. Но первым зачинщиком и двигателем заговора был человек, которому император вверился совершенно: граф Петр Алексеевич фон дер Пален, тогдашний с.-петербургский военный губернатор. Он знал переменчивость нрава Павлова, чувствовал шаткость своего положения и решился предупредить удар, особенно узнав, что Павел вздумал воротить бывшего в изгнании Аракчеева. Доверенным лицом Палена был генерал Беннигсен, посланный Павлом командовать какою-то дивизиею вдали от Петербурга. Присоединив к себе еще несколько злоумышленников из генералов и офицеров армии (важнейшим из них был генерал Талызин), Пален составил заговор, возбуждал в то же время подозрения и опасения Павла и, успев даже обратить его недоверчивость на наследника престола, получил тайный приказ арестовать Александра. С этим приказом явился он к наследнику и убедил его спасти отечество низложением человека, помешавшегося в уме. Александр, после продолжительного колебания, дал свое согласие принудить императора к отречению от короны, но с непременным условием щадить отца и не нанести ему никакого зла, никакого оскорбления. Заговорщики обещали ему свято исполнить его волю и, конечно, сами не имели намерения лишить Павла жизни, но буйные из них (Николай Зубов, князь Яшвиль и т.п.), придавшие себе смелость шампанским,

увлеклись злым чувством и умертвили беззащитного своего царя, молившего о пощаде его жизни, совершили гнусное, ужасное злодеяние. На заре XIX века, люди, знатные породою, положением в свете и в государстве*, обладавшие всем, что дает человеку право на уважение ближних, что составляет достоинство человека и христианина, прокрались, как подлые разбойники, достойные клейма и кнута, в комнату безоружного, спящего человека, отца семейства, и, не внемля его мольбам, умертвили его с сатанинским хохотом.

Можно вообразить себе ужас и омерзение Александра, когда он узнал об этом деле. Сначала он не хотел было принимать короны, потом согласился исполнить долг свой, но ужасное сознание участия его в замыслах, имевших такой неожиданный для него, терзательный, исход, не изгладилось из его памяти и совести до конца его жизни, не могло быть заглушено ни громом славы, ни рукоплесканиями Европы своему освободителю. У него остались на прекрасном, приветливом лице тяжелые воспоминания этой пагубной ночи в морщинах между бровями, которые появлялись при малейшем душевном движении. Он мог снести все лишения, все страдания, все оскорбления. Только воспоминание о смерти отца, мысль о том, что его могут подозревать в соучастии с убийцами, приводила в исступление. Впоследствии увидим, что Наполеон Бонапарт обязан своим падением оскорблению в нем этого чувства.

Россия приветствовала юного царя, своего любимца, невыразимым восторгом. Первые поэты того времени славили его вступление на престол. Карамзин, Херасков, Державин, Дмитриев писали восторженные стихи на этот случай[4].

Александр воспользовался всеми зависящими от него средствами, чтоб прекратить злоупотребления и несправедливость предшествовавшего царствования и поправить что возможно. Тогдашние манифесты (2 апреля 1801 года) и указы останутся навеки памятниками его любви к правосудию и милосердия. Он возвратил народу права его; он расторг оковы, наложенные на торговлю и промышленность. Накануне бедственной смерти Павла состоялся указ Коммерц-коллегии вследствие именного указа о запрещении вывоза из русских портов каких бы то ни было товаров! Возвращены были права Сенату, обуздана тиранская и самовольная полиция, исключенным из службы даны были надлежащие аттестаты, позволен выезд за границу и въезд в Россию, допущен ввоз книг и нот из чужих краев

**В копии ПД далее зачеркнуто:* образованные.

и, наконец, уничтожена ужасная Тайная канцелярия, остаток варварской старины и инквизиции. Россия отдохнула и прославила его имя. Он нашел утешение горестному своему чувству во всеобщей к нему любви. Так продолжалось в первые годы его царствования: учреждены были министерства, образовалось Министерство народного просвещения, основались университеты и гимназии, издан был либеральный цензурный устав, преобразована Комиссия составления законов; прилагаемы были старания о течении дел гражданских и об искоренении злоупотреблений. Финансы, при старании первого в России министра финансов, графа Васильева, были приведены в порядок; все отрасли государственного управления и быта получили новую жизнь и силу. Нельзя сказать, чтоб все и тогда были довольны настоящим порядком дел. Простая и тихая жизнь государя, его бережливость, его снисхождение к людям, которые того не заслуживали, и главное — внушение зависти и злобы — возбуждали порицания его правления и действий. Эти порицания проявлялись в рукописных стихотворениях. Самое сильное из этих стихотворений было: Орлица, Турухтан и Тетерев, написанное, не помню кем. Орлица — это Екатерина. Турухтан — Павел, а Тетерев — Александр, который в самом деле был крепок на одно ухо. Изобразив мудрость и умное правление Орлицы, поэт описывает действия наследника ее, Турухтана, и насильственную смерть его; затем правление Тетерева:

Убили Турухтана,
Избавились тирана.

На место его выбран был — глухой тетерев.

Не царствует, корпит над скопленной добычей,
Любимцы ж царство разоряют,
Невинность гнут в дугу, срамцов обогащают,
Нет честности нигде, идет все на коварстве,
И сущий стал разврат во всем орлином царстве.
Ваш выбор безрассудный
Вам, птицы, дал урок таков:
Не выбирать ни злых, ни глупых петухов*.

Прекрасное это время, благотворное, кроткое, спокойное, продолжалось до 1805 года. Достойно замечания, что и заря царствования Екатерины II продолжалась лет шесть благотворно для России. Тогда увлекли ее замыслы властолюбия и честолюбия: война турецкая и раздел Польши. Благо и польза России стали на втором плане. Потом возник и у нее Аракчеев — образ-

---

* Здесь Греч снова повторяет место из первой части "Записок", см. выше.

цовый варвар Потемкин — и опутал ее, как злой паук: он много повредил и ее славе, и благу России.

В 1801 году революционные войны были прекращены заключением мира в Люневилле, между торжествующею Франциею и изнеможенною неудачными походами Австриею. В 1802 г. подписан был мирный трактат между Франциею и Англиею в Амиене, но ненадолго. В 1803 году Англия нарушила мир вследствие многих самовольных поступков Наполеона. Россия была в стороне, но в марте 1804 г. случилось происшествие, изумившее всю Европу. Бонапарт, вопреки всем правам и законам, велел схватить в Германии жившего там спокойно герцога Ангиенского, потомка Бурбонского дома, привести его в Париж, посадить в тюрьму и расстрелять вследствие беззаконного приговора. Этот поступок преисполнил меру терпения Европы, но Англия не имела средства выразить свое неудовольствие, находясь уже в войне с Франциею. Австрия не могла двинуться от нанесенных ей ран. Пруссия боялась поссориться с Франциею. Возвысил голос один Александр. В звании поруки в сохранении Люневильского мира, он подал протест Регенсбургскому сейму против нарушения нейтралитета Германии. Протест этот был написан в выражениях сильных, но умеренных и вежливых. Бонапарте отвечал дерзко и нагло. Тиер называет ноту Александра неблагоразумною. Нет! это наименование следует дать ответу Наполеона, ибо он стоил ему трона. На жалобу Александра, что принц Бурбонский захвачен был не во Франции, а за границею, на чужой земле, Наполеон отвечал, что вынужден был к тому интригами Бурбонов, участвовавших в замыслах Жоржа, Пишегрю и других на его жизнь. "На моем месте, — сказал он, — русский император поступил бы точно так. Если б он знал, что убийцы Павла I собирались для исполнения своего замысла на одном переходе от границ России, не поспешил ли бы он схватить их и сохранить жизнь, ему драгоценную?" Эта кровная обида запала в сердце Александра и поселила в нем неизгладимую ненависть к Наполеону, руководствовавшую всеми его помыслами и делами впоследствии. Принужденный заключить с ним мир в Тильзите, Александр принес в жертву своему долгу и России угрызавшее его чувство, но ни на минуту не терял его и, когда приспело время, отомстил дерзновенному совершенною его гибелью. Вообще Александр был злопамятен и никогда в душе своей не прощал обид, хотя часто, из видов благоразумия и политики, скрывал и подавлял в себе это чувство[5].

Разногласие с Франциею увлекло Александра на поприще

политики и войны. Дерзости и захваты Бонапарта вывели Европу из терпения. Все, и самые недальновидные люди, понимали, что при существовании этого человека мир в Европе невозможен. Новый император жил и дышал войною и, тревожа, оскорбляя, грабя всех, кого мог, утверждал, что все это делает для своей защиты от государств, возбуждаемых против него золотом Англии. Сделаем здесь одно замечание, выведенное нами из всей истории Франции XIX века. За исключением времени царствования Бурбонов обеих линий, особенно старшей, она возвышалась, устроивалась, распространялась, побеждала, торжествовала — обманом и ложью, что продолжается и поныне. Пишу эти строки 9 ноября 1857 года и утверждаю, что это стереотипное и исключительное орудие Наполеоновской династии сгубит и нынешнего Гришку Отрепьева, называемого Лудовиком-Наполеоном III. Владычество этого племени в Европе есть в ней то же, что преобладание золотушного начала в человеческом теле. Впрочем, французов нельзя угомонить ничем так, как ложью, хвастовством и блеском.

В 1805 году созрел этот нарыв и разразился австрийскою кампанией. Ульм и Аустерлиц решили судьбу Европы в пользу Наполеона. Оставалась нетронутою Пруссия, но и ее час пробил вскоре. Наполеон, уступив ей не принадлежавший ему Ганновер, поссорил ее тем с Англиею и в то же время своими дерзостями и козням принудил ее к вызову, уверяя, что хочет мира. Все одно: l'empire c'est la paix*, прусская кампания 1806 года не имела подобной себе в истории. Это Росбахская битва в пятнадцати местах. Русские не успели подойти вовремя, но, столкнувшись с Наполеоном, дали ему знать свою храбрость и стойкость при Эйлау. А он наконец взял свое. Победою под Фридландом он доказал, что нам еще рано с ним бороться. Англия помогала нам вяло. Австрия хитрила и мошенничала, как всегда. Александр увидел себя в необходимости склониться на мир, и он был заключен в Тильзите. Тиер и другие историки не решили еще, искренен ли был Александр в дружбе, которую при сем случае заключил с Наполеоном. Нет! истинным другом не был он с ним никогда и ни минуты ему не верил. Он, может быть, не хотел с ним войны, может быть, надеялся сначала, что и Наполеон будет с ним откровенен и прямодушен, но этого не было. Рана, нанесенная нотою о герцоге Ангиенском, не заживала. Да и кто мог ужиться с Наполеоном. Он бросался на друга и на недруга, как бешеная собака, и только совершенно рабское подчинение его

*Империя – мир (*фр.*).

власти могло, и то ненадолго, удержать его жадность и дерзость в некоторых пределах.

Говорят, что Парижский мир постыднее Тильзитского. Нет! нет! Мы в 1856 г. заключили мир, видя, что продолжение войны не может повести к успехам, уступили свое, не взяли чужого. Но тогда мы взяли из рук недавнего врага область (Белостоцкую), отнятую нами у нашего друга и союзника, и этим набросили тень на наше бескорыстие. В оправдание наше говорили, что, если б мы и не взяли ее, она все же осталась бы за герцогством Варшавским и не была бы оставлена во владении Пруссии. Я полагаю, что Александр взял эту полосу земли в угождение Наполеону и для уверения его в своей дружбе; взял ее с ведома и согласия короля прусского. При заключении Тильзитского мира Александр именно сказал королю и королеве прусским: "Потерпите; мы свое воротим. Он сломит себе шею. Несмотря на все мои демонстрации и наружные действия, в душе я ваш друг и надеюсь доказать вам это на деле".

Тильзитский мир огорчил Россию, но не ослабил ее: напротив того, дал ей средства и повод продолжать войну с Турциею и приобрести Финляндию, но для России имел он следствия пагубные тем, что произвел в Александре существенную перемену. С тех пор прекратились или чрезвычайно ослабли благородные его помышления о благе и просвещении России. Он сделался недоверчивее и н е л ю д и м е е прежнего. Достойные слуги его были удалены или удалились сами. Граф. П.А.Строганов, опасаясь, что его употребят по дипломатической части в сношениях со врагом Европы и России, перешел в военную службу. Чичагов сдал Министерство морское жалкому маркизу Траверсе. Новосильцев прозябал попечителем Петербургского учебного округа, доколе не был (1 января 1811 г.) сменен фанфароном Уваровым. Князь П.П.Долгорукий, М.Н.Муравьев умерли. Возвысились глупые и недобрые Куракины, неспособный говорун Румянцев, мнимо справедливый, бестолковый князь Д.И.Лобанов-Ростовский. По смерти графа Васильева (1807 г.) управлял Министерством финансов государственный казначей Федор Александрович Голубцев и, изобличенный неосторожностью секретаря во взятках, уступил место ничтожному графу Гурьеву. С другой стороны, возник Аракчеев во всей красе своей. Александр более и более пренебрегал ненавистными ему внутренними делами, ограничиваясь военными и дипломатическими. Честь, как говорили во время Французской революции, удалилась в армию. Войны с турками и со шведами были школою для наших генералов и офицеров.

По дипломатической части Александр наблюдал хитрую и умную политику Людовика XV. Послами и посланниками его в чужих краях были вельможи и знатные баре: князья Куракины, Долгорукие, гр. Головкин, но только для виду, по поверхности; истинными же исполнителями царской воли и поверенными его тайн были советники и секретари посольств: граф Нессельрод, Анштет, Каподистрия. И государственный канцлер граф Румянцев не знал тайных дум и намерений государя. Он и оба Куракина уверены были в искренней, непоколебимой дружбе Александра к Наполеону и, уверяя в этом последнего, давали ему в том неоспоримые доказательства. Один Талейран проник истинное свойство тогдашних дел[6], но, не любя Наполеона, предвидя неизбежное его падение, хотя Империя была тогда на высшей степени силы и славы, не выводил его из заблуждения. Политика тогдашняя была небесполезна России, но не оправдывалась законами нравственными. Всякое прикосновение к революции французской и ее гнусным исчадиям, наполеонидам, губит и срамит всякую державу, дотоле чистую и благородную. Мы безмолвно согласились на разбойничий набег Наполеона на Испанию и Португалию, не предвидя, что он там расшибет себе лоб; не принимали участия в войне Австрии, поднявшей оружие на притеснителя Европы (1809 г.), и в этом случае были правы, ибо можно было предвидеть, что мы успеха иметь не будем; но вот что нехорошо: Россия, в звании союзницы Франции, двинула, под начальством кн. С.Ф.Голицына, войска свои против Австрии, но действовала слабо и вяло. Французам она не помогла, а австрийцев обидела. Полумеры бессовестные и вредные. Общее мнение России порицало Александра. Наполеон осрамил его, дав ему из земель, отнятых у Австрии, не именно какую-нибудь область, а четыреста тысяч душ, как, бывало, у нас цари награждали своих клевретов.

На войну со Швециею надобно смотреть с иной стороны. Правительство наше имело к России обязанность обеспечить северо-западную ее границу. Владения Швеции начинались в небольшом отдалении от Петербурга. Крепости ее владычествовали северными берегами Финского залива. Финляндия, огромная гранитная стена, давила плоскую Ингерманландию. Северная наша столица, в случае войны со Швециею, которая пользовалась бы пособием одной из сильных держав Европы, очутилась бы на краю гибели[7]. В начале царствования Александра (1802), шведский король Густав IV, приказав выкрасить русскую половину моста на пограничной реке Кюмене

шведскими красками (синею и желтою), нарушил тем одну статью Версальского трактата и на жалобы России отвечал высокомерно. Наша армия двинулась к границе, и судьба Финляндии была бы решена тогда же, если б Англия не употребила всех своих средств для примирения враждующих. В 1807 году, по заключении Тильзитского мира, король шведский, не понимая ни положения своего, ни обязанностей к соседним державам, опять оскорбил Россию своими сумасбродными требованиями и дерзостями. Александр воспользовался этим случаем и исполнил то, что имели в виду его предшественники, взял Финляндию и обеспечил тем северо-запад России. Хотя это завоевание было очень полезно, но так как оно было сделано против союзника и родственника, то не одобрилось общим мнением в России. При молебствии по взятии Свеаборга в Исаакиевском соборе было в нем очень мало публики, и проходившие по улицам, слыша пушечные выстрелы в крепости, спрашивали, по какому случаю палят. Услышав, что это делается по случаю взятия важнейшей крепости в Финляндии, всяк из них, махнув с досады рукою, в раздумье шел далее. Русский народ чуял, что не там развяжется трагедия, которая готовилась в Европе.

Война на юге не имела таких же счастливых результатов потому, что верный наш союзник Наполеон подстрекал против нас Турцию, между тем как враги наши, англичане, ей помогали. К тому же эта война была ведена довольно бестолково. В 1808 году, когда положено было вести ее сериозно, назначили в главнокомандующие восьмидесятилетнего князя Прозоровского: все его старания клонились к тому, чтоб умереть на п р а в о м берегу Дуная. Бог услышал его молитву: он скончался 9 августа 1809 года. Команду после его принял князь Багратион и молодецки начал кампанию. Александр, в видах западной политики, хотел, чтоб армия осталась зимовать на правом берегу Дуная. Это было невозможно по недостатку там продовольствия. Багратион отказал в том решительно и впал в немилость. В течение зимы он сформировал армию в сто шестьдесят тысяч человек и готовился открыть кампанию. Вдруг на его место был назначен граф Каменский. Кампания 1810 года началась блистательно и кончилась бедственно, несчастным штурмом Рущука, одною из сильнейших неудач, какие претерпела Россия. Граф Каменский был человек храбрый, умный, светский, образованный и отличился в звании дивизионного генерала в шведскую войну, особенно переходом по льду чрез Ботнический залив, но чтоб командовать армиею, у него не стало сил. Он удалился из армии, занемог вскоре и умер (4 мая 1811, на

тридцать пятом году от роду). Кончина молодого блистательного полководца опечалила всю Россию, но нельзя не видеть в этом грустном обстоятельстве милосердия божия. Если б Каменский кончил удачно кампанию с турками, он непременно был бы назначен главнокомандующим армиею против французов (в 1812 году), никак не согласился бы на выжидательные и отступательные действия, пошел бы прямо на Наполеона, был бы разбит непременно – и вся новая история России и Европы приняла бы иной вид, а какой – легко можно сказать теперь, по исходе полувека. Темны и неисповедимы пути божии! От нетерпения молодого русского генерала на берегах Дуная в 1810 году зависела судьба царств и народов!

Не с чего, так с бубен! – говорят игроки. Так и при Александре. Некого послать на выручку, так Кутузова. Александр не любил его, по правилу старой русской пословицы: рыбак рыбака далеко в плесе видит, но в важнейших случаях принужден был прибегать к нему, и Кутузов его спасал. Удивительная кампания с турками в 1811 году и заключение Бухарестского мира в 1812-м, принадлежащие к редким подвигам стратегии и дипломатии, и без 1812 года предали бы имя Кутузова бессмертию и благодарному воспоминанию России.

Выше исчислил я перемену лиц при дворе и в управлении. С лицами переменился и дух правления. Прежняя любовь к законности и просвещению, к либеральным идеям исчезла. Место ее заступили недоверчивость, скрытность, неуважение к людям достойным, возвышение подлецов и негодяев. Цензура из благородной и снисходительной сделалась строгою, придирчивою. Не учреждалось новых училищ, кроме специальных, т.е. духовных и медицинских. Лицей был учрежден с особою целью, которая, однако, не знаю почему, была потом выпущена из виду[8]. Государственный совет преобразован был по образцу Наполеонову. В законодательстве служил руководством Code Napoléon. Учреждено было Министерство полиции, под ведением посредственного и слабохарактерного* Балашева, у которого правою рукою был фанфарон Санглен**. Война с Англиею ведена была вяло с обеих сторон: и Россия, и Англия чувствовали, что не им должно сражаться между собою, а предстояло соединиться для сопротивления общему врагу человечества. Между тем и эта война тяготила нас. Не было ни кофе, ни виноградного вина в общем употреблении

---

* *Первоначально было:* ограниченного умом и знаниями, бессердого.
** Примечание Греча о Балашеве (и Санглене) см. ниже.

публики: богатые и знатные, конечно, ели и пили, что хотели, но все прочие терпели недостаток в первых потребностях, жаловались, роптали. Больнее всего было унижение России. Бонапарте умышленно прислал послами двух участников в убийстве герцога Ангиенского, Савари и Коленкура. Первый оставался недолго, зато последний играл роль проконсула. Общее мнение, общее негодование обвиняло Александра, а он сам терпел более всех, принужден был скрывать свои мысли и чувства, видел страдание своего народа и не мог помочь ему. Тяжелое, грустное время![9] Сколько труда стоило Александру уклониться от брачного союза Наполеона с одною из наших великих княжон, а глупые, бессовестные невежды французские (а вслед за ними и некоторые немцы) утверждают, будто Александр раздражен был предпочтением эрцгерцогини австрийской. У народов есть чутье, или второе зрение. Когда Наполеон был в апогее славы, когда весь мир пред ним преклонялся и трепетал, честные и благородные люди в России и в чужих краях предвидели и предчувствовали его падение, как теперь предвидят неминуемое падение его достойного племянника: тот был дневной разбойник, а этот ночной воришка.

Разрыв с Наполеоном, или первые его примеры, начались года чрез два после Тильзитского мира. Я упомянул о негодовании Наполеона на вялость, с какою мы помогали ему в 1809 году против Австрии. Он напал бы на нас тогда же, если б не был запутан в Испании: для успешного боя с нами надлежало собраться с силами, что он и сделал. Первым выражением его злобы был отзыв его в Законодательном собрании в начале 1811 года по случаю издания у нас нового тарифа. Он сказал: "Мелочные (mesquines) меры России не повредят нашим фабрикам". При общем безмолвии, при могильной тишине, господствовавшей в тогдашней политической литературе Европы, эти слова были многозначительны.

Александр предвидел бурю: и все враждебные происшествия и обстоятельства закалили его по природе мягкое сердце, внушили ему твердость и настойчивость, каких мы от него не надеялись и не ожидали, особенно при его тогдашней обстановке. Брат его, Константин, был храбр только в манеже, в сражениях умел найти предлог, чтоб избежать опасности, а в политике был малодушен и недальновиден. К несчастию, он потерял единственного порядочного человека, бывшего при нем, графа Миниха. Жандр, Албрехт, Курута были люди ниже обыкновенных. Из особ женского пола царской фамилии, Мария Феодоровна была женщина добрая, благотворительная, недальновидная

и ограниченная, немка в душе, пропитанная всеми династическими и аристократическими предрассудками. Две женщины были на высоте своего звания, императрица Елисавета Алексеевна и великая княгиня Екатерина Павловна, бывшая, к счастию, замужем, и за благородным человеком. Из приближенных к государю два человека были достойны его доверенности – граф Кочубей и военный министр Барклай-де-Толли. Кочубей был человек умный, высокообразованный и благородный, но, кажется мне, не имел довольно твердости и энергии, не мог совладать с событиями необыкновенными, каковы были события того времени. Я слышал от людей, достойных веры, что Александр, в начале 1812 года, не совершенно вверился Кочубею по той причине, что считал его неоткровенным, хитрым, коварным. Странное дело! Кто же из придворных не притворяется, не скрывает своих затаенных мыслей? Александр, сам двуличный и фальшивый, напрасно ждал и требовал прямоты от других. Будь он чистосердечен с Кочубеем, он, конечно, нашел бы в нем отголосок. Барклай был человек возвышенный и чистый, но ограничивался тем, что знал в самом деле: военною частью. К тому он был холоден в обращении и не любим русскими, которые его не понимали и бессовестно порицали. Честь Пушкину, что он прекрасными своими стихами отдал должную справедливость неузнанному и непонятому другу правды и добра. А прочие! Румянцов, Аракчеев, Балашев, князь А.Н.Голицын, граф Гурьев, князь Алексей Ив. Горчаков, Армфельт – одно ничтожество за другим.

В марте 1812 года произошла история со Сперанским. В то время, как я сказал, занимались преобразованием Государственного совета. И Сенат положено было переделать. Сперанский, в звании государственного секретаря, которое он сочинил сам для себя, работал 17 марта с Александром до одиннадцати часов вечера. Когда ударил этот час, государь сказал: "Довольно поработали!" – встал (кажется, перекрестил Сперанского) и сказал: "Прощай, Михаил Михайлович! Доброй ночи! До свидания". Михаил Михайлович отправился. Выехав из Зимнего дворца, он увидел свет в квартире Магницкого (который жил на Дворцовой площади, в верхнем ярусе дома Кушелева, где ныне здание Главного штаба) и вздумал к нему заехать. Всходит и видит ужасное расстройство. Все двери настежь. Жена Магницкого (француженка) встречает его в исступлении и объявляет ему, что министр полиции лишь только арестовал ее мужа и отвез неизвестно куда. Сперанский изумился, но догадался в ту же минуту, что подобная участь ожидает и его, утешал

несчастную женщину, как мог, обещал ей постараться о ее муже и поехал домой. Он имел время подумать, потому что жил на краю города, на углу Сергиевской и Таврической улицы, насупротив Таврического сада. Въехав на двор, увидел экипаж – Балашева и кибитку тройкой и догадался, в чем дело. Какая причина (не говорю вина) побудила поступить со Сперанским так нечестно? Я думаю, что единственною тому причиною было его плебейское происхождение. Воспитанные французскими гувернерами, баричи не могли перенести мысли, что ими управляет попович, и обвиняли его в делах, которые, по его докладу, решали и утвердили сами. В биографии Штейна утверждается, что Сперанский учреждал тайные общества при помощи Феслера и Розенкампфа: это вздор. Магницкий – дело другое, но и он виновен был не в измене, а только в легкомыслии и болтливости. Различие характера и души обоих сосланных оказалось впоследствии во всем своем свете. Ссылка Сперанского принесла свою пользу, обратила на себя внимание и толки публики и отвлекла ее от других важнейших дел. Враги Сперанского торжествовали, но не дай Бог никому подобного торжества. Где они? Все умерли, не оставив ни сожаления, ни памяти о себе, а имя Сперанского будет блистать, доколе будут существовать законы в России. На место его государственным секретарем назначен был Шишков, человек неглупый и почтенный, но вовсе не способный ни к каким делам. Движимый теплым чувством любви к отечеству, он написал несколько манифестов, лучшим из них было известие о потере Москвы. Шутники говорили, что для возбуждения в нем красноречия должно было сгореть Москве. Это сказал Блудов. По законному возмездию судьбы, пишет он сам теперь манифесты, а они гораздо хуже сочиненных Шишковым. Ни рыба ни мясо. Средина между бедною "Лизою" и "Марьиною Рощею"; даже не смешно.

Александр, на безлюдье, воспользовался давнишним правилом, которое потом было выговорено и внесено в закон Грибоедовым: "нам без немцев нет спасенья". Первым приближенным к нему советником был генерал Пфуль, преподававший ему в течение двух лет теорию военного искусства. Может быть, что план кампании 1812 года, составленный Пфулем, был нехорош, но Александр, искусным ведением кампании в 1813 и 1814 годах, доказал, что воспользовался уроками умного и знающего тактика. Далее генерал Клаузевиц, Мюфлинг, Вольцоген; но самое благодетельное на него влияние имел бывший прусский министр барон Штейн, человек, какие родятся веками, служивший ему верно, усердно и бес-

корыстно. Последние четверо оставили по себе записки, могущие служить материалом к тогдашней истории. Не все в них изложено совершенно беспристрастно, но они много объясняют тогдашних обстоятельств. Слава Кутузова, Барклая, Багратиона, Витгенштейна, Платова, Воронцова, Ермолова, Кутайсова, Толя не померкнет от ошибок и недосмотров писателей иностранных, но еще возвысится их беспристрастием. Должно сказать по совести, что, если некоторые из сих лиц слишком резко отзываются о наших генералах и государственных людях, они извинительны. У нас господствует нелепое пристрастие к иностранным шарлатанам, актерам, поварам и т.п., но иностранец с умом, талантами и заслугами редко оценяется по достоинству: наши критики выставляют странные и смешные стороны пришельцев, а хорошее и достойное хвалы оставляют в тени. Разумеется, если русский и иностранец равного достоинства, я всегда предпочту русского, но, доколе не сошел с ума, не скажу, чтобы какой-нибудь Башуцкий, Арбузов, Мартынов были лучше Беннигсена, Ланжерона или Паулуччи. К тому должно отличать немцев (или германцев) от уроженцев наших Остзейских губерний: это русские подданные, русские дворяне, охотно жертвующие за Россию кровью и жизнью, и если иногда предпочитаются природным русским, то оттого, что домашнее их воспитание было лучше и нравственнее. Они не знают русского языка в совершенстве, и в этом виноваты не они одни: когда наша литература сравняется с немецкою, у них исчезнет преимущественное употребление немецкого языка. А теперь можно ли негодовать на них, что они предпочитают Гёте и Лессинга Гоголю и Щербине?

Я написал эти строки в оправдание Александра: помышляя о спасении России, он искал пособий и средств повсюду и предпочитал иностранцев, говоривших ему правду, своим подданным, которые ему льстили, лгали, интриговали и ссорились между собою. Да и чем лифляндец Барклай менее русский, нежели грузинец Багратион? Скажете: этот православный, но дело идет на войне не о происхождении святого духа! Всякому свое по делам и заслугам. Александр воздвиг памятник своему правосудию и беспристрастию, поставив рядом статуи Кутузова и Барклая. Дело против Наполеона было не русское, а общеевропейское*, общее, человеческое, следственно, все благородные люди становились в нем земляками и братьями. Италиянцы и немцы, французы (эмигранты) и голландцы, португальцы

**Первоначально было:* общественное.

и англичане, испанцы и шведы – все становились под одно знамя. Исключаю из общего состава турок и поляков: первые не христиане, последние и того хуже. Но я слишком заговорился о постороннем предмете. Мое дело было оправдать Александра в предпочтении иностранцев, и, что он не жаловал России и русских, это, к сожалению, правда. Когда только мог, вырывался из любезного отечества и колесил по Европе. Недаром воспел о нем Рылеев:

Царь наш немец прусский
Носит мундир узкий, –
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь.

Впрочем, отказаться в крайних случаях от совета и участия иностранцев было бы то же, что по внушению патриотизма не давать больному хины, потому что она растет не в России.

Наполеон вторгнулся в Россию. Обстоятельства и последствия этого вторжения известны. Не прошло шести месяцев, как великолепная армия его исчезла, и он в легких санках бежал с Коленкуром, приговаривая: Du sublime au ridicule il n'y a souvent qu'un pas*. Александр явил в течение этого года твердость, какой от него не ожидали, особенно зная его обстановку. После потери Москвы, возвысились голоса, требовавшие мира. И чьи? Императрицы Марии Феодоровны, Константина Павловича, Аракчеева, Румянцова и некоторых других. Разделяли его убеждение императрица Елисавета Алексеевна, великая княгиня Екатерина Павловна и принцесса Антония Виртембергская (урожденная принцесса Кобургская). Одним из главных его советников и поддержщиков был, как выше сказано, барон Штейн: он понял, что потеря Москвы есть уже освобождение Европы, и нашел сочувствие в государе и в некоторых его приближенных.

Если в 1812 году Александр Павлович явил благородную твердость духа в опытах и бедствиях, в 1813-м он снискал славу искусного и прозорливого дипломата. Ему удалось решить задачу, над которою трудились напрасно многие великие люди: он успел соединить, для достижения общей цели, все разрозненные государства Германии; он успел вдохнуть единочувствие и единомыслие в разнонародные войска, составлявшие армию, которая действовала против Наполеона. Должно было соединить в одном лице и кротость, и твердость, и уступчивость, и настойчивость, и ласку, и грозу – все вовремя, все кстати.

---

*От великого до смешного – один шаг (*фр.*).

И в этом он успел совершенно и удивительно. Соединенными силами всей Европы, за исключением Дании, низринута была власть Наполеона в Германии, и он принужден отступить за Рейн с потерею большей части вновь набранной им армии. Но упорный и надменный дух его не упал, не уныл: он все еще надеялся на звезду свою и выдержал тяжелую кампанию 1814 года, которая, дивными соображениями и частными успехами, равнялась с первым его мастерским походом, 1796 года, в Италии. И здесь окончательным, решительным и блистательным исходом войны обязана была союзная армия уму и твердости Александра. Без его непрерывных усилий и убеждений союзники не дерзнули бы пойти на Париж и, может быть, нашлись бы в необходимости очистить Францию, когда Наполеон стал на сообщениях их с Рейном. Слава благоразумия, доблести и великодушия Александра достигла вшествием его в Париж своего апогея. Едва ли какой-либо государь в мире имел такое торжество. Чрез осьмнадцать месяцев по занятии Наполеоном Москвы, по истреблении сильных и неистовых врагов, вступил он в Париж в челе всей армии, к которой присоединились войска остальной Европы, и подал руку Веллингтону, пришедшему из-за Пиреней, вступил в Париж не при проклятиях и оскорблениях, а при радостных восклицаниях жителей вражеской столицы. Впрочем, возгласы и восторги ветреных, легкомысленных французов менее, нежели ничего.

Счастие благоприятствовало Александру даже многими потерями. Первая – смерть Кутузова. Думали, что он не мог бы вести войны так успешно: он не ужился бы с немцами, например с Блюхером, и они не согласились бы его слушаться. Вторая – смерть Моро. Если бы он остался жив и сопровождал Александра, вся слава досталась бы ему. Таким образом, совершилось ровно чрез десять лет возмездие Наполеону за оскорбление Александра упреком в смерти его отца, но замечательно, что и среди побед и грома славы тень Павла преследовала Александра. Когда взят был в плен Вандамм и приведен к государю, Александр принял его очень ласково, но Вандамм отвечал на учтивость грубостью: тогда государь сказал ему несколько слов насчет злодейских его поступков в Ольденбурге. Дерзкий Вандамм отвечал: "Я казнил врагов моего отечества, но не убивал своего отца". Огорченный Александр сослал его в Москву и, узнав потом, что московские дуры за ним бегают, сослал в Вятку. Дерзкие слова произнесены были им, безоружным, среди русских: если б он сказал что-нибудь такое Наполеону, тот расстрелял бы его. Великодушие вообще не всегда

бывает у места. Почему не взять контрибуции с Парижа за Москву? Французы не кричали бы нам: "Vive l'Empereur!", посердились бы и заплатили. Добро, сделанное им, они тотчас забыли, а пеню чувствовали бы долго, и это было бы им очень здорово. И великодушие, оказанное Наполеону, было излишнее и вредное, что оказалось ровно чрез год.

За обаянием славы вскоре последовало разочарование. Александр посетил на время Петербург, где уклонялся от всяких торжеств и встреч, и отправился на Венский конгресс, но победитель и триумфатор на поле брани должен был бороться с гораздо большими препятствиями в стенах мнимо мирного кабинета. Люди и правительства, освобожденные и спасенные им, сделались его врагами; Англия, окончившая при его помощи продолжительную и изнурительную войну; Австрия, возвратившая при пособии России все потери свои с лихвою; Франция, обязанная ему тем, что не была стерта с карты Европы, — соединились и положили действовать против России. В то самое время, как владыки сих земель изливались в выражениях взаимной дружбы, уважения и благодарности, министры их подписали трактат о противодействии Александру. Этот секретный трактат прислан был Александру Наполеоном, который, воротясь с острова Эльбы, нашел его на столе в кабинете бежавшего Лудовика XVIII. Появление Наполеона прекратило эти дипломатические ковы и заставило Европу, забыв частные разногласия, возобновить свой союз против демона вражды и кровопролития. Венский конгресс возобновился после Ватерлооской битвы и был кончен к удовольствию некоторых царей и к неудовольствию многих народов. Произошло замечательное явление. Русский император домогался приобретения ненужного, тяжелого и вредного, как ему предсказывали и друзья, и враги и как доказали последствия и ему, и его преемнику. Александр впал в большую ошибку. Победа и слава растворили его мягкое сердце, зачерствевшее было в трудах, опасностях и особенно в союзе с Наполеоном: союза с Бонапартом и его исчадиями всегда были погубны для держав Европы. В Александре проснулись либеральные идеи, очаровавшие начало его царствования. В 1814 году он побудил Лудовика XVIII дать французам хартии, а на Венском конгрессе хлопотал он о даровании германским державам представительного образа правления. В Вене окружили его поляки, Чарторыжский, Костюшко, Огинский и другие, напомнили ему прежние его обещания и исторгли у него честное слово, что он употребит все свои силы, чтоб восстановить

Польшу и дать ей конституцию. Европа видела в этом требовании замыслы властолюбия и распространения пределов и увеличения сил России. Австрия и Пруссия опасались влияния этой конституции на свои польские области. Англия и Франция не хотели, чтоб Россия въехала клином в Европу. Все русские министры восстали против этого, даже бывшие в ее службе иностранцы Штейн, Каподистрия и Поццо ди Борго. Нессельрод впал было в немилость государеву; употреблен был дипломат-писарь Анштет, которому все было нипочем, лишь бы он мог есть страсбургские паштеты. Иностранцы, особенно австрийцы и пруссаки, соглашались и на присоединение Варшавского герцогства к России, только бы в нем не было представительного правления. Александр настоял на своем и, получив герцогство с небольшими уступками соседям, назвал его королевством в Европе и царством в России. Поляки негодовали на это наименование тем более, что полный титул "Царь Польский" поставлен был подле "Сибирского". Русские были огорчены дарованием исконным врагам нашим прав, которых мы сами не имели. Награждены были люди, лезшие на стены Смоленска и грабившие Москву, а защитники России, верные сыны ее, оставлены были без внимания, им заплатили варяго-русскими манифестами Шишкова. Александр упрямился в исполнении слова, данного врагам России, окружавшим его польским изменникам, а разве он других слов своих не нарушил? За последнее никто бы не винил его, если б оно было сделано в пользу России. Но как бы он был велик, когда бы, по окончании войны, не взял себе н и ч е г о. Как ничего? А слава бескорыстия, великодушия, а успокоение Европы насчет властолюбия и жадности России? Он выиграл бы этим во сто раз более, нежели приобрел занятием гнусной Польши. И к чему он это сделал? Честное слово было только предлогом. Ему хотелось блеснуть в роли конституционного короля, произнесть фанфаронскую речь, а потом играть на Сейме в шахматы, как в парламенте.

Супостаты наши боялись усилить Россию присоединением к ней Польши, а это ее ослабило. Финансы герцогства были расстроены. Россия давала в год несколько миллионов рублей серебром на содержание армии, которая потом сражалась против нее. А нравственное зло! Четыре миллиона изменников, закоренелых врагов наших, сделались русскими гражданами, дворянами: ядовитая жидкость влилась в жилы России. За одно должно благодарить поляков: они вскоре разочаровали Александра и заплатили России по-польски,

злом за добро, оправдали предсказания друзей и недрузей наших.

По учреждении царства надлежало избрать наместника. Выбор Александра пал на храброго генерала Зайончека, лишившегося ноги при Бородине. Думали, что поляки будут довольны признанием их храбрости, единственной их добродетели, которую они, впрочем, разделяют со всеми разбойниками. Не тут-то было! Каждый из магнатов считал одного себя способным и достойным занять первое место в государстве; все они разлетелись по Европе: в Париж, в Лондон, в Берлин, в Вену, везде стали поносить своего благодетеля и злоумышлять против него. В самой Польше свобода тиснения и речи употреблена была на хулы и насмешки над новым правительством (NB. состоявшим из поляков), на брань и клеветы, которых предметом был неблагоразумный их благодетель. И то сказать: посадили в Варшаву представителем государя и блюстителем законов цесаревича Константина Павловича, который сам не знал и не уважал никаких законов. В одной варшавской газете разругали актрису (m-lle Phillis), которая ему нравилась. Он послал жандармов – разорить типографию, где печаталась газета. Вот тебе и конституция! Александр успел произнесть знаменитую либеральную речь* при открытии Сейма и вскоре потом нашелся вынужденным прекратить публичность и гласность прений и ограничить свободу тиснения, которою новые его верноподданные не успели пользоваться. Новые жалобы, новые вопли! Забавнее всего было, что Константин Павлович был убежден в любви к нему поляков и верил им более, нежели русским, а между тем оскорблял их и колол булавками. Чашу, наполненную обоими братьями, должен был испить не повинный ни в чем император Николай.

Произнесение речи в Варшаве было высшею точкою восхождения либеральных идей Александра. Он забыл русскую пословицу: "Соловья баснями не кормят", полагая, что поляки удовольствуются его красноречивыми фразами. Увидев свою ошибку, он поворотил оглобли, да было поздно. Произошло смешение языков, смешение понятий, и в чужих краях и дома.

Каково было положение Александра в России? Он никогда не был прилежным работником, предоставляя дела другу своему Аракчееву, но с 1812-го до 1815-го не делал ровно ничего. Это извинялось военными делами и отсутствием. Вот, говорили, война кончилась. Он удосужится, вероятно, и зай-

---

* *Первоначально было:* одну шарлатанскую речь.

мется, а между тем накопились дел громады. В "Беседе Любителей Российского Слова" было торжественное собрание с музыкою и пением. Хор пел стихи, сочиненные на этот случай Державиным, в которых было сказано: "И хочет благом он заняться своих днесь чад, своих детей". Он и занялся: первым делом было приказание называть первую станцию по Московской дороге не три руки, а четыре руки; вторым – положение о ливреях офицерских лакеев, третьим – о ношении в какой-то артиллерийской бригаде зеленых брюк вместо белых и пр. Министров не принимал. Все поступавшие к нему жалобы воротил как ненужные. Аракчеев сделался сильнее, нежели когда-нибудь. Публика поворчала, привыкла и перестала, но злой гений России не дремал.

Для объяснения последовавших мыслей и дел Александра должно обратить внимание на религиозное его направление. Не знаем, каково было состояние его верований в молодых его годах, но с 1812 года они получили направление строгое, аскетическое. Говорят, что первым тому виновником был князь Александр Николаевич Голицын*: когда по занятии Москвы все бывшие при дворе впали в уныние, он один сохранял равнодушие и спокойствие. Это не укрылось от взора императора. Не зная, чему приписать такое расположение духа, при общем унынии, он спросил у князя, где он берет такую твердость. Князь вынул из кармана Библию и сказал, что в этой книге почерпнул он уверенность в непременном спасении России. Александр призадумался. В 1813 году, во время перемирия, посетил он гернгутские селения в Силезии (Гнаденберг, Гнаденфрей и пр.); там восхитился он порядком, опрятностью и смирением жителей (Моравских братьев), взял у них несколько книг духовного содержания и погрузился в мистику. Потом сблизился он с помешавшеюся на святости баронессою Криднер, старавшеюся лицемерием старости искупить грешки юных лет. Вот что значило воспитание Александра, основанное на сказочках и на порывах чувствительности. Он век свой прошатался между крайностями. В 1814 году знаменитый впоследствии писатель и министр Вильмен в присутствии Александра во Французской Академии получил приз за похвальное слово Монтескье, был обласкан императором и явился к нему на другой день. В бытность мою в Париже, в 1817 году, рассказывая мне о разговоре своем с императором, он сказал: "До сих пор не могу понять, что хотел мне сказать ваш царь. Речи

*Примечание Греча о Голицыне – см. ниже.

его были смесью либеральных идей с Библиею. Что в них общего?" В самом деле в голове его произошло странное смешение. Он никогда не любил света, его удовольствий и развлечений; никогда не бывал ни в театре, ни в концерте; из искусств любил одну архитектуру, удалялся от беседы с людьми учеными и умными, которых, по своему образованию и уму, мог бы постигать и ценить. По вечерам ездил пить чай к немецким купчихам, госпожам Бахерахт, Кремер и т.п. порядочным дурам. Читал одни французские романы и выписки из иностранных газет. Видно, он скучал, и после шумной и блистательной славы все казалось ему безмолвным и мрачным. При дворе составились две партии. С одной стороны, граф Аракчеев, окруженный подлыми рабами, в сравнении с которыми сам он был героем добродетели. С другой — князь А.Н.Голицын, к которому примыкали Гурьев и другие подобные. Аракчеев не участвовал в духовных помыслах и подвигах Александра, смотря на них издали со скотским благоговением злого пса, еще не уверенного в своих силах, чтоб напасть на врагов своих. Голицын же сделался поверенным души императора, двигателем и орудием его чувств и мыслей. Первым помощником его был служивший дотоле по почтовой части при Козодавлеве Василий Михайлович Попов, человек довольно образованный, знавший иностранные языки и писавший очень порядочно по-русски, но умом ограниченный, суеверный святоша, преданный мистикам. Сподвижником его был директор Почтового департамента Николай Дмитриевич Жулковский. Они были люди честные, искренние, убежденные в истине своих верований. К этим, впрочем, добрым и хорошим людям примкнула толпа изуверов и лицемеров, ища спасение на том свете и благ в нынешнем, шедших по кресту к крестам, чинам и деньгам. Главным орудием их действий и стремлений было издание и распространение Библии на всех возможных языках. Дело хорошее и действительно душеспасительное, но не единое на потребу, ибо зломыслие человеческое превращает и целебное питье в отраву, из слова божия извлекает своими ухищрениями вред и яд. Они вошли в сношение с Лондонским Библейским Обществом: в Россию приехали многие английские миссионеры, Паттерсон, Гендерсон, Пинкертон, и при их руководстве составилось Русское Библейское Общество, которое стало печатать Библии на употребительных в России языках и рассылать их. Князь Голицын (в 1817 г.), назначенный министром народного просвещения и духовных дел, поощрял и награждал ревнителей Библии, успел преклонить на свою сторону архиепископа Филарета и других важных ду-

ховных особ. Хорошее дело, перевод Библии на русский язык, к сожалению, не исполнилось, но это можно было сделать в тиши, без шума, без лицемерия и изуверства. Кто не принадлежал к Обществу Библейскому, тому не было хода ни по службе, ни при дворе. Люди благоразумные пробавлялись содействием косвенным или молчанием: таковы были Сперанский, Козодавлев и т.п. Тщеславные шуты, люди без убеждений и совести, старались подыграться под общий тон, но не всегда удачно. Таким образом, Уваров, произнесший в 1819 году, при открытии в СПб. университете кафедры восточных языков, ультралиберальную речь, за которую впоследствии сам себя посадил бы в крепость, потом стал охать, выворачивать глаза и твердить в своих всенародных речах о необходимости чтения слова божия, но никак не мог подделаться под господствующий тон и с отчаяния перешел из просвещения в Департамент мануфактуры и при сей верной оказии разорил несколько московских фабрик, мешавших его собственным фабрикам. Вся эта комедия была бы только смешна, если бы она не превратилась в трагедию. К ревнителям Библии, глупым и умным, присоединились злодеи и негодяи и употребили во зло слабости и заблуждение государя. Самый злой, коварный и вредный был из них Михаил Леонтьевич Магницкий. По возвращении из ссылки, был он назначен сначала вице-губернатором в Воронеже, потом гражданским губернатором в Симбирске. Заметив, откуда дул ветер, он вздумал им воспользоваться. Не только завел он в Симбирске Библейское Общество и принуждал всех чиновников и дворян вступать в оное членами, но и стал жечь на площади сочинения Вольтера и других подобных писателей XVIII века: он знал их очень хорошо, ибо до ссылки своей был безбожником и кощуном первого класса. Это аутодафе понравилось государю, и хотя для виду порицали в газетах излишнее усердие губернатора, но на деле увидели в нем сильного поборника и верного друга. Он был назначен членом Главного правления училищ и попечителем Казанского университета. Что он там делал, какими негодяями и бездельниками окружил себя, как жестоко, нагло и насмешливо гнал честных и полезных людей, не соглашавшихся быть его клевретами, шпионами и рабами, об этом можно написать несколько томов. Искренним другом и чтителем его был попечитель С.-Петербургского учебного округа Дмитрий Павлович Рунич, старавшийся превзойти даже Магницкого в его сатанинских подвигах. Третьим в этом милом совете был директор Педагогического института Дмитрий Александрович Кавелин, жалкий и глупый, но тихий

лицемер, отец достойного сына профессора Константина Дмитриевича, бывшего наставником наследника престола Николая Александровича. Рунич взялся за С.-Петербургский университет при помощи инспектора университетского пансиона, подлеца Якова Васильевича Толмачева, выкрал тетрадки нескольких студентов, выписал из них казавшиеся предосудительными места, которых сам не понимал, составил из них обвинительный акт и предал суду университетского совета профессоров Раупаха, Германа, Арсеньева и Галича. Едва ли найдется в летописях инквизиции что-либо подобное! Профессоры эти лишились мест, другие вышли из службы, негодуя и стыдясь служить в таком министерстве. Сообщаем в приложениях подробности этого трагикомического дела*. Действовавшие в нем лица сошли со сцены. Жив один Рунич, оставленный женою и детьми, больной, полоумный.

Самое неудачное из наших министерств есть именно Министерство просвещения. Впрочем, может быть, это так кажется мне, потому что я следил за ним с бóльшим вниманием, нежели за другими, и имел с ним более сношений. Оно учреждено благою мыслию Александра Павловича в 1802 году. Министром назначен был граф Петр Васильевич Завадовский, человек большого ума, обогащенного познаниями тогдашнего времени, но притом ленивец и пьяница. Он не успел бы ничего сделать, если б не придано было ему в помощь Главное правление училищ, в котором заседали М.Н.Муравьев (товарищ министра, попечитель Московского учебного округа), Н.Н.Новосильцев (попечитель С.-Петербургский), князь Чарторыжский (попечитель Виленский), граф П.А.Строганов, Клингер (попечитель Дерптский) и т.д. Они образовали это министерство; они учредили новые ученые и учебные заведения и возобновили старые, составили благородный ценсурный устав и т.п. Но это время было непродолжительно. Политические дела расстроили этот благородный союз и произвели в уме и сердце Александра остуду к предмету, за который он взялся было с жаром пламенного юноши. По смерти Муравьева, занял его место граф Алексей Кириллович Разумовский, человек умный и образованный, но большой барин и ленивец, любитель одной науки ботаники, при которой он допускал необходимость для оной латинского языка. Впоследствии, сделавшись министром просвещения, он поручил все дела директору своей канцелярии, Ивану Ивановичу Мартынову.

---

*В приложениях к тексту первого издания (Спб., 1886) дана "Историческая записка о деле СПб. Университета", написанная Плисовым. Об этой же записке речь идет на с. 225 настоящего издания.

Бывши попечителем, он ненавидел Мартынова и говорил, что желает быть министром единственно для того, чтоб выгнать этого негодного человека. На самом же деле Мартынов сделался у него сильнее, нежели был у Завадовского. Когда спросили графа, почему он не держит данного слова, он отвечал: "Вы не поверите, как мне приятно, когда этот бывший враг мой докладывает мне стоя и потом засыпает песком, когда я подписываю бумаги". А дела? а польза службы? а просвещение? а Россия? Кто же станет заботиться о таких пустяках.

Уваров, решившийся жениться на устарелой его дочери, сделан был попечителем СПб. учебного округа. О нем скажу впоследствии. В 1816 году граф Разумовский был сменен в Министерстве просвещения князем А.Н.Голицыным. Разумовского подсидел директор лицея, Егор Антонович Энгельгардт, шарлатан, лицемер, хвастун и порядочный скверназец. Он пользовался милостью Александра, к которому успел подольститься под видом прямодушия. В 1816 году, по прибытии Александра в Царское Село, он будто невзначай попал ему навстречу в саду и на вопрос государя, что он делает []*, отвечал, что огорчен выговором министра. Государь полюбопытствовал знать: за что. Энгельгардт отвечал: "В декабре прошлого года представлял я министру о необходимости сделать торги на постройку летних панталон воспитанникам и не получил никакого ответа. В январе повторил представление. И тут ответа не было. В марте третье представление и новый отказ. Вот наступил май, и я сшил панталоны без торгов. В октябре наконец получил я разрешение на торги, но тогда донес, что панталоны уже сшиты и изношены. Министр сделал мне строжайший выговор за ослушание пред начальством и за неисполнение приказаний".

Чрез неделю Разумовский был отставлен. И Энгельгардт просидел на месте не долго. Его уходили святоши. Потом он вкрался в милость к Канкрину, и сделан был председателем редакции "Земледельческой Газеты". Работу всю отправлял редактор Степан Михайлович Усов, а Энгельгардт, под предлогом изучения земледелеия, выписывал себе на казенный счет журналы о садоводстве. Когда интриган и паук Заблоцкий прибрал в руки "Земледельческую Газету", Усова уволили без всего, а Энгельгардту дали полный пенсион. Энгельгардт хвалился своим постоянством: оно состояло в том, что он во всю жизнь ходил в темно-голубом фраке с черным бархатным

*Здесь не разобрано три слова.

стоячим воротником и в черных чулках и башмаках. Он умел обморочить не одного умного и образованного человека.

Зная в князе Голицыне человека кроткого, доброго, благонамеренного, многие надеялись от него всяких благ –

Но на счастье прочно
Всяк надежду кинь:
К розе, как нарочно,
Привилась полынь.

Тогдашние происшествия в Европе, неудовольствия Германии на исход Венского конгресса, обманувший надежды немцев, пожертвовавших всем для свержения иноземного ига, в ожидании лучшей будущности; волнения в университетах, умерщвление Коцебу студентом Зандом – все это заставляло призадумываться и искать средств к успокоению умов и к прекращению беспорядков. Вздумали водворять религию распространением Библии и сочинений Эккартсгаузена и Юнг-Штиллинга. Вошел в моду Лабзин, Попов, Магницкий, Рунич, Кавелин, и тому подобные ханжи, лицемеры и плуты завладели Голицыным и его министерством. Главную роль играл при том Магницкий. Ему отдан был на съедение Казанский университет. Приехав туда и взглянув на профессоров, он тотчас отличил подлецов от порядочных людей: первых приближал к себе, возвышал, представлял к наградам; других преследовал, обижал и выгонял. И в этом поступал он, как кровожадные члены Комитета Общественного блага (du salut public) во Франции. Является к нему профессор, толкует с ним, сообщает свои мнения, может быть, приносит жалобы. Магницкий слушает его внимательно, благосклонно. По окончании речи, говорит: "Я имел до вас просьбу и надеюсь, что вы ее исполните". Профессор кланяется. "Вот лист гербовой бумаги, потрудитесь написать прошение об увольнении вас от службы и будьте уверены, что оно вскоре будет исполнено". Студентов заставлял он ходить в церковь как можно чаще; инспектору и профессорам предписано было присматривать, кто из них молится с большим усердием; по гримасам их, повышал и награждал. Ханжество, лицемерие, а с тем вместе разврат и нечестие дошли там до высшей степени. Особенно отличался подлостями всякого рода профессор Пальмин, поступивший туда из плохих учителей С.-Петербургской гимназии. Когда иезуитский устав Казанского университета был введен в Петербургский, казанский ректор Никольский поздравил петербургскую обитель благочестия и просвещения отношением, составленным трудами благочестивого Пальмина.

[...] Эта бумага сделалась известною и возбудила общий смех. Магницкий видел, что его дураки пошли слишком далеко, и обратил свой гнев на Пальмина. Это же обстоятельство подало Магницкому средство, или, лучше сказать, предлог, расторгнуть связь свою с Голицыным и передаться Аракчееву.

Рунич был ревнителем, поклонником, подражателем и карикатурою Магницкого. Тот был хитрый и расчетливый плут, насмехался над всем в свете, дурачил, кого мог, и пользовался слабостями и глупостью людей. Рунич был дурак, хвастун, пустомеля; фанатизм его был не естественный, а прививной: попадись он в руки Рылеева, он был бы повешен вместе с ним. Подражая во всем Магницкому, восхищаясь его робеспиеровскими подвигами в Казани, Рунич хотел повторить то же с большим блеском и громом в Петербурге. Помощником его был профессор русской словесности Яков Васильевич Толмачев, переведенный в университет из петербургской семинарии за то, что учил грамоте девиц Перовских, побочных дочерей графа Разумовского и пресловутой Марьи Михайловны, бывшей потом генеральшею Леонтьевою. Толмачев приобрел, то есть выкрал, тетрадки студентов. Это мне известно в точности. Брат Бориса Карловича Данзаса, Генрих, умерший в молодых летах, лежал больной неопасною болезнью в лазарете и слышал, как Толмачев подговаривал студентов выдать ему тетрадки их товарищей. На возражения их, он отвечал: "Что их щадить, этих проклятых немцев, всех их надо выгнать. Он них житья нет!" На жертву избраны были профессоры Герман, Раупах, Арсеньев и Галич. Герман, ученик знаменитого Шлёцера, в Геттингене, был человек умный и ученый, но тяжелый, ленивый и довольно легкомысленный. Он преподавал в университете всеобщую статистику умно и дельно, но поверхностно. Гораздо интереснее и важнее были частные лекции его в обществе молодых офицеров и других любителей наук. По миновании бури, он поступил инспектором классов в Смольном монастыре и Екатерининском институте и пользовался до конца жизни своей милостями императрицы Марии Федоровны. Он издал несколько книг о статистике на русском и на немецком языке, не отличающихся внутренним достоинством и написанных поверхностно, но был человек честный и добрый и никогда не замышлял ничего дурного: это требует напряжения и труда, а он любил негу и лень. Умер он в 1838 г.

Эрнст Раупах, впоследствии известный драматический писатель, был гувернером детей кн. П.М.Волконского и, по протекции Уварова, поступил в университет сперва профессором

немецкой литературы, а потом всеобщей истории. Он был протестант и поэт, следственно, преподавал свой предмет свободно и не стесняясь узкими взглядами суеверов. Может быть, он был и неосторожен, но никак не был ни революционером, ни безбожником. Лекции его были тем безвреднее, что он преподавал на немецком языке, которого девять десятых студентов не понимали, а остальные были протестанты. Полагаю, что он навлек на себя негодование начальства тем, что понимал и презирал тогдашних своих командиров.

Константин Иванович Арсеньев, ученик Германа, человек благородный, честный и кроткий, подпал гневу начальства за то, что не согласился жениться на племяннице ректора Зябловского. Какой изверг! Он должен был бы взять пример с известного литератора, переводчика *Истории* Гиллиса, Алексея Григорьевича Огинского, который, для приобретения протекции, женился на теще Толмачева! Арсеньев, служа в Инженерном училище, пользовался милостями великого князя Николая Павловича и впоследствии был учителем нынешнего государя Александра Николаевича. В 1848 году, будучи уже тайным советником и членом Совета Министерства внутренних дел, он подвергся немилости Николая, по доносу председателя секретной цензуры Д.П.Бутурлина, за одно выражение в письме, при котором он поднес свою книгу цесаревичу, но этот гнев не имел вредных для Арсеньева последствий.

Александр Иванович Галич, человек добрейший, основательно учившийся философии, но слабый и бесхарактерный, был игрушкою учеников Петровской школы, в которой он сменил меня, в 1813 году, в звании старшего учителя русского языка. Не умея, при всей своей учености, справиться с высшими классами, он просил перевести его в класс для преподавания чтения, что и было исполнено. Потом получил он место профессора философии в университете. Он написал "Историю Философских Систем", по немецким источникам, варварским и темным слогом. Из этой несчастной книги извлекли материалы к обвинению его. Ему самому приписали чужие мнения, которые он приводил в Истории.

Профессоры университета разделились на две стороны — белую и черную. На белой были: Балугиянский, Лодий, Бутырский, Плисов, Шармуа, Деманж, Грефе, Чижов, Соловьев, Вишневский, Ржевский, Радлов и директор училищ Тимковский. На черной: Дегуров, Зябловский, Толмачев, Рогов, Попов и Щеглов. Первые придерживались своего мнения и выражали оное по искреннему убеждению, по долгу правды и чести;

последние по зависти, подлости, трусости и желанию выслужиться у гнусного начальства. По составлении Руничем и его клевретами обвинительных пунктов, подсудимым сделаны были допросы в заседаниях университета, 3, 4 и 7 ноября 1821 г. Сообщаем... подробное и верное описание этих заседаний, составленное тогда же профессором Плисовым. Едва ли можно поверить, чтоб нечто подобное могло случиться в 19 веке, в царствование Александра I! Рукопись Плисова разошлась по рукам. Святоши, узнавши о том, стали его преследовать. Плисов преподавал естественное право в гимназии. Кавелин обещал Руничу сгубить его на тогдашнем экзамене. [...]

По рассмотрении Руничем учебных тетрадок, донес он о них министру: "Хотя в тетрадках Плисова не найдено ничего предосудительного, но это самое и доказывает, что он человек вредный, ибо, при устном преподавании, мог прибавлять, что ему вздумается". Плисов был уволен от должности. Впоследствии был он директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий по Министерству внутренних дел и отставлен Перовским за то, что не хотел скрепить противозаконной, по его мнению, бумаги. Он умер в звании члена консультации в Министерстве юстиции.

Дело профессоров кончилось ничем. Герман поступил на службу к императрице Марии Федоровне. Раупах вышел в отставку, уехал в Германию, посвятил себя драматической литературе и приобрел большую известность. [...]

Арсеньев был определен по Статистическому отделению в Министерстве внутренних дел. Когда Рунич, получив за свои подвиги орден св. Владимира 2-й степени, явился к великим князьям, Николай Павлович благодарил его за изгнание Арсеньева, который мог теперь посвятить все свое время Инженерному училищу, и просил выгнать из университета еще несколько человек подобных, чтоб с пользою употребить их на службу.

Сам Рунич сгубил себя. Надлежало перестроить здание, купленное для Петербургского университета в Семеновском полку, где ныне Синодальное подворье, на углу Кабинетской улицы. Рунич исходатайствовал согласие министра строить эти здания не с подрядов, а хозяйственным образом, получил миллион триста тысяч рублей асс. по смете, отделал себе квартиру, построил отхожие места и кончил — за недостатком сумм. Его и всех чиновников, прикосновенных к делу, предали следствию и суду и приговорили к взысканию с них недоимки. Но взять было нечего. Рунич детей своих роздал по казенным заведениям,

а сам шатался по улицам с владимирскою звездою, отпустив себе усы, горланил, хвастал и жаловался, обедал, где случалось, и так провел свой век. Наконец впал в болезнь и ребячество. Дм.В.Дашков над ним сжалился и помог ему. Равно ходатайствовал за него и кн. Варшавский.

Достойно замечания, что Магницкий, втянув Рунича в свой круг, потом представлялся, что удерживает его от необдуманных поступков, и предсказывал ему худой конец. Замечательно также, что, по падении Голицына, потухла в Руниче и ревность к вере, заставлявшая его делать всякие несправедливости и преследовать людей. В последний день масленицы 1824 года приходит ко мне от него человек и приглашает к обеду на вторник, уведомляя, что у него будет обедать Сергей Николаевич Глинка. Я изумился и спросил у посланного, не ошибается ли он. "Во вторник на первой неделе великого поста православные не кушают скоромного, а до постной пищи я не охотник и потому прошу извинить меня нездоровьем". — "Что вы, сударь, — возразил мне с язвительною улыбкой посланный. — Вы говорите о временах прошлых. Нынче у нас мясоед круглый год". Я отправился к Руничу в назначенный день и нашел, что он, видно для возбуждения аппетита, играет с каким-то молодым человеком на билиарде и в то же время толкует ему литургию Василия Великого. Приехал С.Н.Глинка. Обед был скоромный и беседа отнюдь не великопостная!

Рунич оставался попечителем округа и в министерстве Шишкова, до открытия беспорядков по хозяйственной части, и всячески старался к нему подбиться. На экзамене гимназии Шишков, утомясь испытанием учеников в каких-то скучных предметах, вздумал посмотреть книги, разложенные на столе перед ним, для раздачи в награду ученикам. Взял одну и развернул: "О старом и новом слоге русского языка"; другую: "Разговор о Словесности"; третью: "Детская Библиотека" — все его собственные сочинения! Он видимо смутился.

Шутники говорили, что потом, когда он, по приглашению попечителя, пришел к нему на завтрак, дети Рунича (а их была куча) запели хором из "Детской Библиотеки":

Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько и — пр.

И Магницкий не избежал своей участи. Ниже сказано, как он поехал на поклонение в Грузино. Там он всячески льстил и пресмыкался, но вряд ли умел надуть Змея Горыныча. Аракчеев, употребив его в свою пользу, бросил бы как выжатый

лимон. Магницкий, уезжая, поднес Аракчееву описание вещего сна, будто бы виденного им, когда он ночевал в Грузине: в этом сне видел он дивные вещи в будущем и предсказывал успехи и всякое счастие поборнику православия. Воротясь в Петербург, занялся он какими-то планами о преобразовании просвещения и духовной части в России.

27 ноября 1825 года Магницкий сидел в своем кабинете и сочинял – Бог знает что. Входит к нему ренегат, примкнувший к православию, но человек честный, сенатор Матвей Петрович Штер. Магницкий показывает ему с торжеством написанную им бумагу. "Открою глаза государю! – говорит он. – Увидит всю мерзость людей!"

– Вы пишете к государю? – спросил Штер.

– К государю, а что?

– Государь скончался.

Магницкий опустился на стул и преклонил голову, закрыв глаза руками. Между тем Штер сообщал ему подробности плачевного события. Чрез несколько минут Магницкий вскочил и закричал: "Пишу к императору Константину Павловичу". Единственным делом, которое дозволил себе Николай Павлович, до вступления своего на престол, была высылка Магницкого. Ему велено было ехать в место служения своего, Казань. Он барахтался несколько времени, но принужден был повиноваться. Вскоре он был уволен от службы, с приказанием жить в Ревеле. Впоследствии жил он в Одессе, где и умер. Все его старания выкарабкаться оттуда были напрасны.

У Магницкого был один сын, хорошенький собою, умный мальчик, служивший в гвардейских гусарах. За какую-то шалость он был выписан из гвардии. Я видел его потом у Ростислава (Феофила Матвеевича Толстого). Он был человек образованный и приятный. Женатый уже, он влюбился в другую замужнюю женщину, сошел с ума и умер. Дочь его незамужняя, дурно воспитанная, упала до степени публичной женщины: "аз есмь Господь Бог твой, Бог ревнитель, отдавый грехи отец на чада до третьяго и четвертаго рода ненавидящим меня!" (Исх. XX, 5).

Голицын, Попов и вся эта шутовская компания восхищалась плодами трудов своих. Но – on n'est jamais trahi que par les siens, что значит по-русски: "не выкормя, не выпоя, ворога не узнаешь". Аракчеев издавна, со всею злобою зависти, смотрел на успехи и распространение силы Голицына. Под влиянием его внушений составилась партия антиголицынская, ничем не лучше в нравственном отношении: ее составляли петербургский митро-

полит Серафим, отданный преосвященным митрополитом Московским Платоном из семинаристов в монахи, чтоб спасти его от позорного наказания за какое-то мерзкое преступление; петербургский обер-полицмейстер, пьяный Иван Васильевич Гладков; сестра его, игуменья Казанского женского монастыря Назарета, Прасковья Михайловна Нилова, урожденная Бакунина, и еще некоторые особы, собиравшиеся и вдовы Державина. Чрез кого действовать на Голицына не знали. Думали, думали и, наконец, догадались пощупать Магницкого, не согласится ли святой человек сыграть роль Иуды, изменить своему благодетелю. Между тем В.М.Попов не согласился на предложение Магницкого об исключении из службы казанского профессора Пальмина (величайшего скота), которого он сам недели за две представил к ордену за христианскую его душу, и положение Комитета министров было уже утверждено государем. К тому Магницкий получил все, чего мог ожидать: аренду, земли, пенсион, единовременное награждение: с чего было ему оставаться у Голицына? Он склонился на предложения благородного Аракчеева и поехал на поклонение в его Мекку (Грузино). Там Иуда Искариотский раскрыл пред Вельзевулом все подробности, все таинства библейского союза, всю нелепость, все ухищрения их: он мог сделать это легко и скоро, ибо сам был в этих проделках главным действующим лицом. Новые друзья условились, как погубить Голицына, и действительно в том успели. Подробности этого дела, известные мне потому, что я был в них если не действующим, то страдательным лицом, будут изложены в примечании*. Государя убедили, что Голицын и его приверженцы составили заговор против православной церкви, распространяли учение протестантизма и намерены водворить в России безбожие и нечестие. Выкрали для того подлым образом корректуру одной книги, печатавшейся с одобрения цензур князя Голицына, выписали из нее несколько мест и дали им кривой толк. Слабый Александр испугался, отнял у Голицына Министерство просвещения и духовных дел, оставив его только главноначальствующим над Почтовым департаментом, сменил Александра Ивановича Тургенева, бывшего директором Департамента духовных дел, и директора Департамента просвещения Попова, с предранием последнего уголовному суду. Министром на место Голицына поступил выживший в то время из ума бестолковый Шишков за сочинение нелепого разбора означенной заподозренной кни-

---

* См. "Дело Госнера" (в кн.: Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л.: "Academia", 1930).

ги. Не знаем, что сталось бы с лицами, прикосновенными к этому делу, если б не умер Александр.

В политическом отношении жизнь и царствование Александра с 1815 года были также беспокойны, неровны и никак не походили на первые лета его владычества, благие и кроткие. Не в одной России, во всех государствах Европы народ был разочарован и обманут. Тонули топор сулили; вытащили топорища жаль. Низвержение преобладания Наполеонова произошло при восклицаниях: да здравствует независимость, свобода, благоденствие народов, владычество законов! Все ждали наступления какого-то Астреина века. Венский конгресс показал, что о народах и правах их никто не заботится. Один Александр ратовал, назло всем и во вред себе, за безмозглых поляков. Между тем либеральные или, как называл их Александр, законосвободные, идеи разлетелись, укоренились, расцвели и принесли плоды во всей Европе. Началось ропотом, кончилось мятежом. В разных местах Германии, в Испании, в Португалии, и особенно в Италии, народ, подстрекаемый честолюбцами и поджигателями, восстал на правительство и принудил неограниченных дотоле владык своих надеть цепи конституционного правления, за которым скорыми шагами шли республика и анархия. Государи Европы испугались и стали советоваться, как бы усмирить эти волнения и утвердить свои престолы. Александр видел справедливость их опасения и разделял их испуг, но решительно начал действовать против либерализма только после Троппауского конгресса, в которое время вспыхнула вестница судеб, семеновская история.

Как в XVIII веке пребывание французских генералов и офицеров в Северной Америке подало случай занести семена возмущения во Францию, так в начале XIX века наши молодцы заразились либеральными идеями во Франции, поощряемые к тому правилами и мнениями своего законного государя. Общее мнение – не баталион: ему не скажешь: в е с ь – г о м. Не только офицеры, но и нижние чины гвардии набрались заморского духа: они чувствовали и видели свое превосходство пред иностранными войсками, видели, что те войска при большем образовании пользуются большими льготами, большим уважением, имеют голос в обществе. Это не могло не возбудить вначале просто их соревнования и желания стать наравне с побежденными. Я был свидетелем обеда, данного в 1816 году гвардейским фельдфебелям и унтер-офицерам одним обществом (масонскою ложею). Люди эти вели себя честно, благородно, с чувством своего достоинства; у многих были часы

и серебряные табакерки. Некоторые вклеивали в свою речь французские фразы. Одни из посторонних зрителей обеда восхищались этою переменою, другие пожимали плечами. Офицеры делились на две неравные половины. Первые, либералы, состояли из образованных аристократов; это было меньшинство; последние, большинство, были служаки, люди простые и прямые, исполнявшие свою обязанность без всяких требований. Аристократо-либеральные занимались тогдашними делами и кознями Европы, особенно политическими, читали новые книги, толковали о конституциях, мечтали о благе народа и в то же время смотрели с гордостью и презрением на плебейских своих товарищей; в числе последних было немало репетиловых, фанфаронов, которые, не имея ни твердого ума, ни основательного образования, повторяли фразы людей с высшими взглядами и восхищались надеждою, что со временем Пестель или Сергей Муравьев отдаст им справедливость и введет их в свой круг.

Наконец, высшее начальство заметило послабление дисциплины и фронта в войсках Гвардейского корпуса и сочло нужным попритянуть вожжи. Бригадными командирами 1-й Гвардейской дивизии назначены были: первой бригады (полки Преображенский, Семеновский и Егерский) великий князь Михаил Павлович, а второй (полки Лейб-Гренадерский, Павловский и Саперный баталион) Николай Павлович. В Преображенском полку назначили командиром (на место барона Розена) умного и благородного полковника Карла Карловича Пирха, в Семеновском (на место Потемкина) армейского служаку, строгого исполнителя своих обязанностей, Федора Ефимовича Шварца. Этот несчастный выбор был причиною всей беды. Шварца, человека чужого, не аристократа, приняли офицеры с явным презрением, которое вскоре выразилось эпиграммами и насмешками. Брат мой, служивший в Финляндском полку, предсказывал мне, что добра в Семеновском не будет. Он стоял однажды в карауле в семеновском гошпитале. Один баталион учился. Пошел сильный дождь. Офицеры укрылись в коридорах гошпиталя и, несмотря на присутствие солдат, издевались и ругались над полковыми командирами, и, как нарочно, по-русски. Я сам был свидетелем одной сцены. Потемкин не съезжал еще с квартиры полкового командира, в деревянном доме по Загородному проспекту, насупротив летних палат Обуховской больницы. В палатах загорелось. Солдаты в казармах, завидев дым, поднявшийся в той стороне, все, без приказания, опрометью бросились спасать дом бывшего любимого командира. "Отец

наш, Яков Алексеевич! — кричали они. — Он не то что этот подлец Шварц".

Офицеры дали прощальный обед Потемкину, произносили тосты, плакали, бранили Шварца (который приглашен не был), и после обеда некоторые из них, разгоряченные шампанским, подошли к квартире Шварца и громко его ругали.

По званию моему, директора полковых училищ, я познакомился со Шварцем и нашел в нем доброго, простого православного человека, в котором не было и тени немца. Он видел свое ложное положение, горевал о нем, предчувствовал беду и говорил о том, не зная, как вывернуться. Презрение к нему офицеров, неуважение и дерзость солдат доходили до высшей степени.

Он нашелся принужденным наказать одного унтер-офицера, и пламя, таившееся под пеплом, вспыхнуло. Одна рота, первая гренадерская, оказала ослушание; ее не могли успокоить добром и отправили в крепость. Весь полк пришел в волнение, требовал возвращения роты, и, когда в том было отказано, равномерно был арестован и отведен в крепость. Всему виновато было начальство. Корпусной командир Васильчиков, впрочем, человек благородный, был нездоров, приставил мушку к боку и поручил дело бестолковому царедворцу Бенкендорфу. Все делалось глупо и безрассудно.

На Александра это происшествие произвело сильное и бедственное впечатление по одному особенному обстоятельству. Он находился на конгрессе в Троппау. Лишь только история эта сделалась известною, австрийский посланник Лебцельтерн отправил о ней донесение с курьером к Меттерниху. Васильчиков с своей стороны послал своего адъютанта Чаадаева, но несколькими часами позже, потому что дежурный штаб-офицер, Александр Иванович Казначеев, племянник Шишкова, не успел так скоро написать красноречивое донесение. Случилось так, что именно в то самое время государь, толкуя с Меттернихом о волнениях Европы, сказал, что она может положиться на верную русскую армию. Меттерних возразил ему: "Государь! В сию минуту готовился я донести вам, что первый полк вашей гвардии взбунтовался. Вот депеша Лебцельтерна". Александр остолбенел как громом пораженный. Чрез несколько часов прибыл Чаадаев, и известие о происшествии подтвердилось. Александр стал доискиваться причин и находил их в заражении войска (а не офицеров) либеральными идеями, и тут, действительно, в числе подозрительных назвал и меня.

Так как неизвестный летописец русский (в "Полярной

Звезде") обнаружил, что имя мое произнесено было в этих важных событиях, то я считаю обязанностью изложить здесь в подробности все обстоятельства, по которым я сделался соприкосновенным к важным делам тогдашнего времени. В первое время пребывания моего в Париже (в 1817 году) прихожу я к состоявшему тогда при графе Воронцове Николаю Александровичу Старынкевичу (впоследствии сенатор в Варшаве), самому умному и любезному человеку, отъявленному либералу. Он сидел за какими-то огромными таблицами, на которых начертана русская азбука, и на вопрос мой: что это значит? – отвечал: "Это таблицы для обучения чтения, по недавно изобретенной удивительной методе ланкастерской. При пособии ее сотни человек могут без учителя выучиться грамоте в самое короткое время. Эти таблицы составлены для обучения солдат нашего корпуса в Мобеже". Я стал рассматривать таблицы и нашел, что они составлены с совершенным незнанием свойств русской азбуки, например, между прочим, буква *ж* поставлена была в числе гласных. На замечание мое о том, Старынкевич сказал:

– Да вы не знаете этой методы!

– Так, но знаю русскую азбуку.

– Посвятите меня в ее тайны, – сказал Старынкевич насмешливо, и я написал пред ним разделение русских букв, которое впоследствии изложил в моей грамматике. Он начал спорить. К нему в то время пришел профессор персидского языка Ланглес.

– Посмотрите, – сказал ему Старынкевич, – вот господин Греч сообщает неизвестную мне доселе систему русской азбуки.

Ланглес полюбопытствовал узнать ее состав и свойства. Я изложил ему истинную систему наших букв, отличительные свойства полугласных, деление гласных на твердые и мягкие; согласных на произносимые разными органами; показал сродство их, слияние и сочетание, изменения обеих букв от присоединения к другим. Ланглес пришел в восхищение, списал мою систему и тут же предложил мне место профессора русского языка в парижском училище живых восточных языков, которого я, к сожалению, принять не мог. Старынкевич убедился в истине и важности моей системы. По его просьбе составил я таблицы азбуки, складов и слов для обучения чтения и письму по ланкастерской методе, посещал училище взаимного обучения в Rue St. Jean de Beauvais, ездил с Сергеем Ивановичем Тургеневым, секретарем графа Воронцова, в королевскую типографию, чтоб заказать буквы для перепечатания таблиц.

Тем занятие мое и кончилось: я не думал, чтоб мне пришлось употребить эти опыты на деле. По приезде в Петербург, посетил я, по постороннему делу, инженер-генерала графа Егора Карловича Сиверса. Мы разговорились, между прочим, о методах обучения, и я упомянул о ланкастерской. Граф сказал мне, что ему хотелось бы выписать кого-либо из Франции, для введения этой методы обучения в кантонистских школах. Я объявил ему, что посвящен во все таинства этого учения и могу быть ему полезным. Он очень этому обрадовался и предложил мне вступить членом в Комиссию составления учебных пособий кантонистам поселенных войск, в которой он был председателем. Я был тогда на службе почетным библиотекарем в Императорской Публичной библиотеке, состоявшей в ведении Министерства просвещения. По требованию гр. Аракчеева меня откомандировали в Комиссию, в которой под председательством гр. Сиверса были членами генералы Перский (директор 1-го Кадетского корпуса) и Петров; флигель-адъютант полковник Клейнмихель, священник Герасим Петрович Павский, ст. сов. Иван Осипович Тимковский и я, коллежский асессор Греч. Я написал руководство к учреждению и действиям училищ, составил таблицы, книги и пр., но вскоре разошелся в мнениях с гр. Сиверсом, который был человек образованный и почтенный, но тяжелый педант и крохобор. Меня уволили с чином надворного советника.

Между тем я вошел в моду. В конце 1818 года начальник штаба Гвардейского корпуса Николай Мартьянович Сипягин поручил мне заведение центральной школы для обучения солдат Гвардейского корпуса. Не могу не сказать здесь несколько слов об этом добром, любезном, умном человеке в частной жизни, храбром на войне, прилежном и деловом в службе, но притом крайне честолюбивом и – придворном, то есть жертвовавшем всем удовлетворению своего тщеславия. Он служил в походах 1812–1815 гг. при графе Милорадовиче, был везде правою его рукою, в звании начальника штаба его отряда. По назначению Милорадовича командиром Гвардейского корпуса, Сипягин, сделавшись и здесь начальником штаба, умел оттеснить его и забрать в свои руки всю власть. На пути его стоял генерал Криднер, почему-то возбудивший неудовольствие императора, который, однако, изъявил желание с ним примириться. Сипягин мешал Криднеру сблизиться с государем, уверяя, что Александр все еще гневается на него. Начальник штаба был на деле корпусным командиром: делал что хотел, переводил офицеров в гвардию по своему усмотрению, раздавал баталионы, полки

и пр., но никому не делал зла; напротив, делал добра, сколько мог. Между прочим, я обязан ему вечною благодарностью за перевод брата моего в гвардию. Мне лично он не успел сделать ничего, но его дружеское, благородное, доверчивое со мною обращение останется на всю жизнь в благодарном моем воспоминании. Какая разница с преемником его, добрым, но пустым Бенкендорфом!

Школа устроена была в просторных залах новопостроенных казарм Павловского полка, на Царицыном Лугу. Ученики были набраны из всех полков Гвардейского и Гренадерского корпусов, числом до двухсот пятидесяти. В числе их было несколько грамотных унтер-офицеров, служивших учителями. Начальником школы определен был гвардейского Генерального штаба штабс-капитан Иван Григорьевич Бурцов, человек возвышенной души, благороднейшего сердца, большого ума и редкого образования. Он в начале 1819 г. (по падении Сипягина) перешел в Южную армию, к полковнику П.Д.Киселеву, назначенному начальником ее штаба; был дружен с некоторыми героями 14 декабря, но не участвовал в их замыслах и даже не знал о них; в 1824 г. был уже командиром Уфимского полка, но, по открытии заговора, обратил на себя неудовольствие государя и был переведен в другой полк (Мингрельский) младшим штаб-офицером. В 1828 и 1829 годах отличился он своими подвигами в Азиятской Турции, назначен был командиром Херсонского гренадерского полка, произведен был в генералы, но тем и прекратилось его блистательное поприще: он был убит при Байбурте (23 июня 1829 г.), на тридцать пятом году от рождения. Нет ни малейшего сомнения, что Бурцов, оставшись в живых, сделался бы великим полководцем. Память его дорога для всех, кто имел счастие знать его.

Сказав доброе слово о чужом человеке, позволяю себе написать несколько строк в память человека, мне близкого. Помощником ему назначен был брат мой Павел Иванович, бывший тогда прапорщиком в Финляндском полку. Он был человек не блистательный, не сообщительный, скромный, молчаливый (мой антипод!), ревностный служака и честный солдат. Вся жизнь его была цепью препятствий, и, лишь только он вышел на торную дорогу, смерть прекратила дни его. По примеру среднего нашего брата, Александра, убитого потом при Бородине, и Павел хотел служить в артиллерии и поступил во 2-й Кадетский корпус, но в конце 1812 года от дурного содержания в корпусе жестоко заболел: все его тело покрылось струпьями. Только неусыпным, нежным попечениям нашей доброй, несрав-

ненной матери обязан он был спасением от смерти и восстановлением здоровья. По болезни он был уволен из корпуса, и то с большим трудом, потому что в 1812 году нужны были офицеры и их выпускали совершенными еще детьми. Когда брат выздоровел, положили быть ему чиновником гражданским, но лишь только он увидел военный мундир на одном сверстнике, родственнике моей жены, то объявил, что никак не может быть статским. Между тем он учился в гимназии и все налегал на математику. Его определили юнкером в гвардейскую артиллерию и года чрез два выпустили в армию подпоручиком. Но и тут не обошлось без затруднения. Когда ему надлежало явиться на смотр к графу Аракчееву, начальнику артиллерии, он как-то натер себе ногу и не мог надеть сапога. Его исключили из списка производимых. К счастию, я знал графа, при посредстве Мишки Шумского, написал к нему о том письмо и требовал моему брату нового смотра. Граф был особенно в духе, осмотрел брата и аттестовал его.

Выше говорил я, что Сипягин перевел брата в гвардию. Он назначил его было в гвардейскую артиллерию, но так как не дали пятисот рублей правителю канцелярии инспектора артиллерии барона Меллер-Закомельского, Александру Яковлевичу Перрену, то объявлено было, что в артиллерии гвардейской нет вакансии. И так брат мой, оставив артиллерию, поступил в егеря, в Финляндский полк. Перед самым его прибытием в полк, когда уже отдано было в приказе о переводе его, полковой казначей Колокуцкий промотал казенные деньги. Офицеры сложились, чтобы внести их, и Павел лишился значительной части своего жалованья.

Во время наводнения, 7 ноября 1824 года, стоял он в карауле в Галерной гавани, в ветхой караульне, построенной на берегу на сваях. Вода поднялась доверху. И караульные, и арестанты взобрались на крышу: здание качалось во все стороны. Ежеминутно ждали падения его и неминуемой смерти. Солдаты, любившие своего офицера (он командовал их ротою), хотели спасти его, высадив на одно из судов, которых бурею гнало мимо караульни, сбирались даже спустить его насильно, но он, отбившись от них, объявил, что предоставляет каждому из них спасаться, как кто может; сам же сойдет с поста последним. Один солдат действительно спасся таким образом. Смерклось. Вода начала сбывать. Из морских казарм заметили бедствие караульни и отправили на помощь катер (причем с трудом добились у смотрителя весел; он боялся, что погибнет казенное добро). Тут опять началась борьба, чтоб офицер ехал первым

на катере, который, может быть, потом бы и не мог прийти вторично. Брат посадил на катер несколько солдат с арестантами и унтер-офицером и дождался их возвращения, на расшатанном здании караульни. Отправив таким образом всех (шестьдесят нижних чинов и двадцать двух арестантов), он с старшим унтер-офицером поехал последним. Спасены были и все бумаги; пропали только два кивера. Лишь только отвалил катер в последний раз, дом рухнул в воду. Ночевали они в морской казарме, поужинав черствым хлебом, которым поделились с ними добрые моряки. На другой день офицеры Финляндского полка, узнав от спасенного солдата о бедствии, в котором он оставил караул, пошли на то место, где стояла караульня, чтоб отыскать хотя следы несчастных. Им навстречу идет караул с барабанным боем.

За это дивное спасение караула командир полка, генерал Шеншин, получил второго Владимира, а поручик Греч не удостоился даже изъявления благодарности. Эти васильчиковы, бенкендорфы и тому подобные великие люди награждали только своих родных или аристократов, или же, по крайней мере, лифляндцев, да подлецов, которые у них пресмыкались в передних, а не людей истинно полезных и заслуженных. Так велось издавна; так ведется и доныне. Получали же в Севастополе Георгия на шею не те, которые шли грудью на врага, а спокойно прогуливавшиеся с сигарою по бульвару.

14 декабря 1825 г. рота моего брата стояла в карауле, в Зимнем дворце. Государь Николай Павлович отрекомендовал его принцу Евгению Виртембергскому как известного ему отличного офицера, на которого можно положиться, и тут брат мой узнал, что государь думает, будто он получил Аннинский крест за наводнение, а не за командование школою за пять лет до того! В то время великий князь не был еще их дивизионным командиром. Павел Иванович Греч простоял в карауле двое суток и занимался составлением бланков, при которых перепровождали арестантов в крепость.

В 1827 г., наскучив гарнизонною службою и не успев снискать благоволения Михаила Павловича, перешел он офицером в Пажеский корпус, но вскоре стосковался по военной службе и, когда, в 1828 г., сказан был поход в Турцию, перепросился на прежнее место. И эта кариера была ему невыгодна. При осаде Варны, стоя по колени в холодной воде, он лишился употребления ног от ревматизма; по взятии крепости, отправлен был с другими больными и ранеными на далматском судне в Одессу; их носило целый месяц по Черному морю, и они

едва не погибли. Между тем все товарищи брата, участвовавшие в походе, были награждены крестами, а он, командир роты его высочества, обойден был потому, что его считали утонувшим. К тому присоединилось еще одно обстоятельство. В продолжение турецкой войны наблюдалось правило давать в награду отличившимся офицерам двух действующих баталионов кресты, а не чины, чтоб не обидеть офицеров баталиона, остававшегося в Петербурге. В польскую кампанию, в продолжение которой баталион моего брата оставался в Петербурге, это правило было оставлено: штабс-капитаны и поручики, оставившие моего брата капитаном, вернулись полковниками. Он командовал ротою двенадцать лет и во все это время подвергался замечаниям, придиркам и выговорам великого князя Михаила Павловича, который и уважал его, но поступал так по какому-то странному предубеждению. Наконец он произведен был в полковники и вскоре получил баталион. И тут обошлось не без беды. На маневрах в Гатчине, осенью 1844 года, лошадь его, испугавшись нечаянных выстрелов, упала с ним навзничь на мостовую (на возвышении Коннетабля), и он так сильно ушиб затылок, что лишился памяти. Это было в виду императора Николая Павловича. Его внесли во дворец. Государь и государыня принимали самое жаркое участие в его положении и радовались его выздоровлению. В 1847 г. был он назначен с.-петербургским плац-майором и вскоре снискал полное внимание и доверенность государя, уважение начальства города и всех, кто имел с ним дело, был произведен в генерал-майоры и назначен вторым комендантом. В этой должности он мог удовлетворить влечениям доброго своего сердца, облегчением участи и страданий тех лиц, которые, находясь под военным судом, содержались в ордонансгаузе. 16 марта 1850 года скончался он скоропостижно. Государь, услышав о его смерти от коменданта, сказал: "Он был достойнейший человек". Эти слова были вырезаны на его надгробном камне на Волковом кладбище. За гробом шли, проливая слезы умиления и благодарности, люди, сидевшие у него под арестом!..

Кто станет укорять человека за многоречие, когда идет дело о его друге? А я говорю здесь о родном брате. Le frère est un ami donné par la nature*.

Возвратимся к солдатской школе. Учебною частию заведовал я только сначала: вскоре моя помощь сделалась ненужною. Учение продолжалось с удивительным успехом. В конце второго

---

*Брат – это друг, данный природою (*фр.*).

месяца солдаты, не знавшие дотоле ни аза, выучились читать с таблиц и по книгам; многие писали уже порядочно. Нельзя вообразить прилежания, рвения, удовольствия, с каким они учились: пред ними разверзался новый мир. Сипягин был в восторге. Васильчиков (Л.В.), Бистром (Карл Ив.), Потемкин, Храповицкий и многие другие приезжали смотреть училище и не могли надивиться. Ожидали, что пожалует сам государь. Однажды, вовсе неожиданно, приехал начальник Главного штаба князь Волконский, осмотрел школу с явным неудовольствием, сделал несколько замечаний Бурцову за несоблюдение солдатами формы и уехал. Вскоре за ним прибыл Сипягин и, узнав, что приезжал кн. Волконский (который за полчаса обещал ему поехать в школу на другой день с ним самим), изменился в лице. Это было первым признаком его падения. Второй признак заметили в том, что командир Павловского полка Адам Бистром (недостойный брат Карла Ивановича) велел выкинуть из сарая казарм разные вещи Сипягина, которые там дотоле хранились с благоговением. Падение Сипягина последовало оттого, что государь где-то встретился с Криднером и стал укорять его, что он упрямится и не хочет покориться, сколько ни убеждали его к тому чрез Сипягина. Криднер отвечал и доказал, что Сипягин именно отсоветовал ему обращаться к государю. К тому же Сипягин тяготил своим превосходством корпусного командира Васильчикова. Положили сбыть его с рук и сбыли: он был назначен командиром 6-й пехотной дивизии, стоявшей в Ярославле.

Перенес он эту невзгоду с величайшею твердостью и спокойствием. Я был у него на другое утро по напечатании приказа о его перемещении. Он говорил со мною равнодушно, изъявлял только сожаление, что не дождался плодов школы. Призвал к себе гвардейского капельмейстера Дерфельда, заказал ему новые инструменты для 6 полков своей дивизии и просил доставить ему учителей. Товарищи Сипягина, пресмыкавшиеся пред ним накануне, прислали к нему Николая Ивановича Демидова, чтоб посмотреть, как он в ы г л я д и т. Сипягин принял генерал-лейтенанта, стоя, в сертуке и ночных сапогах, не вынимая изо рта сигары, не прося его садиться, и преравнодушно говорил о новом своем назначении, как будто бы это было повышение. Демидов не знал куда деваться. Да и то сказать, порядочная скотина был покойник! Разграблением Вазы, в шведскую войну, он осрамил себя навеки, но, несмотря на это, был потом — главным начальником военно-учебных заведений! Сипягин уехал в тот же вечер, командовал усердно 6-ю

дивизиею, потом 20-ю в Пензе. Там, в 1824 г., смотрел ее Александр и восхитился ее совершенством. Между прочим, третья шеренга всех полков была выучена артиллерийской службе. Случись, что перебьют в деле прислугу у пушек, строевые солдаты заменят ее мгновенно. Государь возвратил Сипягину прежнюю милость. Он приезжал в Петербург, и я обрадован был его встречею и приемом. Потом он был военным губернатором в Тифлисе, действовал успешно против неприятелей (в Персидскую войну) и умер в 1827 г. от болезни.

Память его не исчезнет в сердцах людей, знавших его в частной жизни.

Училище шло своим чередом. Бурцов, оставив службу при Гвардейском корпусе, рекомендовал моего брата как совершенно способного заменить его. Я продолжал свой надзор, но училище утратило часть своего блеска. Новый начальник штаба, граф А.Х.Бенкендорф, был человек приятный, образованный, добрый, но равнодушный к делам, выходившим из обыкновенного круга. Между тем назначение школы было достигнуто. В полгода все солдаты в ней выучились грамоте, разумеется, лучше или хуже. 19 июля 1819 года происходил смотр ее Александром I. Государь приехал, в сопровождении Васильчикова, Бенкендорфа, графа Орлова и нескольких других генералов, был очень весел и доволен, любовался пестротою разнокалиберных мундиров, обласкал меня. Произведен был экзамен и кончился к общему удовольствию. При этом произошел неважный случай, могущий служить прибавлением к истине: большие действия от малых причин. Главным указателем, или монитором, в классе был кавалергардский унтер-офицер Горшков, красавец, миловидный собою, умный и проворный. Но и на старуху бывает проруха! Когда брат мой скомандовал к началу упражнений, Горшков сбился и не так повторил команду. Я взглянул на него и покачал головою. Горшков покраснел, улыбнулся и поправился. Эта безмолвная перемолвка не ускользнула от внимания Александра, как оказалось впоследствии. Между тем государь очень милостиво благодарил меня за старание о е г о солдатах (опричниках) и уехал совершенно довольный. Училище ему понравилось, и он приказал учредить по такому же училищу в каждом полку Гвардейского корпуса.

Я был назначен директором с 5 тысячами рублей жалованья, за экзамен получил перстень в 3 т.р., брату моему дан орден св. Анны 3-й ст., унтер-офицеры, бывшие мониторами, произведены в 14-й класс, словом, все шло как по маслу. Я составил

уставы, руководства и учебные таблицы, напечатал их и разослал по армии. Начали учреждаться школы: они были устроены в Преображенском полку[10], в Московском[11], в Егерском[12], в Кавалергардском. В других готовились. Здесь должен я опять сделать отступление.

Введение ланкастерской методы не ограничилось гвардейскими полковыми училищами. В начале 1820 года императрица Мария Федоровна поручила мне, чрез почетного опекуна, Карла Федоровича Модераха, ввести эту методу в классах воспитанников и воспитанниц Воспитательных Домов петербургского и гатчинского: это было исполнено вскоре и с успехом. Потом заведены были существующие поныне училища солдатских дочерей полков гвардии (первое в Семеновском полку, другое в Большой Конюшенной). И здесь успех совершенно оправдал и методу, и способ ее приложения. В то же время составил я преимущественно из членов масонской ложи избранного Михаила (графа Ф.П.Толстого, Ф.Н.Глинки, П.Я.фон Фока, В.И.Григоровича, Н.И.Кусова и н.др.) общество для заведения училища взаимного обучения, и мы открыли одну школу (на 360 человек) в доме Шабишева, на углу Вознесенской и Садовой ул. Во всех этих начинаниях был я действующим лицом. Кажется, по естественному порядку вещей, следовало бы Министерству просвещения воспользоваться моими знаниями и опытностью и употребить меня на пользу народных школ, которые находились тогда и находятся ныне в жалком положении. Вышло противное. Министерство просвещения (т.е. главный его двигатель Магницкий) возненавидело меня, осмелившегося действовать в пользу общую без его ведома, и положило стереть меня с лица земли. Может быть, я сам подал к тому повод явными и громкими своими суждениями об этих лицемерах и негодяях. Обстоятельства им благоприятствовали.

Семеновская история изменила и огорчила Александра. Он получил известие о ней в Троппау, как сказано выше. Вместо того, чтоб видеть в этом неповиновении вспышку нетерпения избалованных солдат, которых хотели обратить к прежнему порядку, он вообразил, что это есть проявление революционных замыслов, о существовании которых он давно догадывался. Случилось так еще, что король прусский сообщил ему догадку свою о существовании в Швейцарии центрального комитета для возмущения Европы. Александр спросил у Чаадаева, прибывшего из Петербурга с донесением о неприятном происшествии:

– Знаешь ли ты Греча?

– Знаю, ваше величество.

– Бывал ли он в Швейцарии?

– Был, сколько знаю, – отвечал Чаадаев, по всей справедливости.

– Ну так теперь я вижу, – продолжал государь и прибавил: – Боюсь согрешить, а думаю, что Греч имел участие в семеновском бунте.

Эта догадка пришла в Петербург и пала, как свежее зерно, на удобренную землю. Кто смел противоречить мнению государя о поводах к этим беспорядкам! Действительно должна быть тому причиною революционная мысль, да где она таится? Как где? В полковых школах. А кто занес ее? Разумеется, Греч. Началось с того, что число школ ограничилось существующими: новых не заводили, да и в прежних стеснили продолжение уроков, занимая солдат службою. Сколь глубоко вкоренилась в Александре мысль о революционном начале этого дела, явствует из того, что он прогневался на графа Павла Петровича Сухтелена, который сообщил отцу своему (посланнику в Стокгольме) верные сведения о существе этого дела. Отец напечатал их в газетах. Александр думал, что этим хотят прикрыть истину, и во всю жизнь не прощал этого гр. П.П.Сухтелену, одному из достойнейших своих слуг и подданных. К подавлению меня присоединились еще другие обстоятельства и случаи. Известный впоследствии болван и наглец подполковник Лейб-Гренадерского полка, Дмитрий Потапович Шелехов[13], написал глупые стихи на семеновский бунт, и особенно на Шварца. Стихи эти разошлись по городу в рукописях, без имени сочинителя. Автор был известен, но начальство гвардии хотело его скрыть, и стихи были приписаны мне. "Он не военный, – сказал Бенкендорф, – да и вообще о нем государь нехорошего мнения, так что его щадить!" Непременно хотели приписать мне участие в подговоре солдат к бунту, потому только, что я очень часто бывал в училище солдатских дочерей (состоявшем в Семеновском полку), а это ведь была моя служба. Казначеев, дежурный штаб-офицер в гвардейском штабе (ныне сенатор в Москве), не благоволил ко мне за критику на грамматику Российской Академии, которою обиделся дядя его, Шишков. Признаюсь, всех лучше обходился со мною Грибовский (библиотекарь и секретарь Комитета 18 августа). Говорят, он доносил на своего благодетеля Глинку, но Глинка был хотя и невинен, но в какой-нибудь связи с либералами*, а я был им чужд совершенно, и Грибовский знал это в точности. Но всего замечательнее было, что

**Первоначально было:* заговорщиками.

главные наветы на меня произошли от Воейкова, человека, мною призренного и облагодетельствованного, которому я посвящу в моих Записках особую статью. Он был моим половинщиком в "Сыне Отечества" и старался сжить меня с рук, чтоб завладеть всем журналом, клеветал и доносил на меня, и словесно и письменно, и, когда это не удалось, советовал мне бежать за границу для уклонения себя от гонений, принимая на себя издание в пользу моего семейства. Я был ошеломлен этим предложением, но Булгарин, бывший тогда еще человеком порядочным, открыл мне глаза. Впрочем, я переносил тогдашние бури, невзгоды и опасения равнодушно по той причине, что сердце мое страдало от существенных потерь и я ожесточился против других ударов судьбы. 12 декабря 1820 г. умерла любезная моя свояченица Сусанна Даниловна Мюссар, а 11 января 1821 г. скончался первый друг мой в мире Иван Карлович Борн. Так было и с госнеровскою историею: она разразилась у меня над головою в то самое время, когда скончалась дочь моя Ольга: я глядел на житейскую невзгоду равнодушно.

Однажды в январе 1821 года прислал ко мне граф В.П.Кочубей, тогдашний министр внутренних дел, своего камердинера и просил приехать к нему на другой день вечером. У меня бывали частные сношения с графом: я доставлял ему учителей. Приезжаю и нахожу в приемной зале М.Я.фон Фока, директора Особенной канцелярии Министерства внутренних дел (что ныне III Отделение государевой канцелярии). Нас позвали в гостиную. Граф, страдая подагрою, лежал на диване. Мы сели по сторонам. Граф заговорил со мною об учителе русского языка, которого я рекомендовал ему и который оказался пьяницею. Я обещал ему приискать другого и, думая, что дело кончилось, встал, чтоб откланяться и уйти, тем более, что фон Фок приехал с портфелем, следственно, по делам службы.

— Куда вы это спешите? — сказал граф. — Вот не хотите посидеть с больным человеком. Что вы поделываете? Как идут ваши солдатские школы?

— Очень плохо, ваше сиятельство: видно, полковые командиры боятся, чтоб солдаты не сделались ученее их, и потому нимало не радеют об успехах школ, уже существующих, и об учреждении новых.

— А как принимают солдаты это обучение? Как они учатся?

— Они принимают это как величайшее благодеяние и учатся с большим усердием.

— И семеновские хорошо учились?

— Семеновские еще вовсе не учились.

– Почему так? – спросил граф с удивлением.

– Потому что в Семеновском полку и школы не было.

При этом взглянул я на фон Фока и заметил, что он, переглянувшись с графом, улыбкою выражал подтверждение сказанного мною.

– Почему ж не было?

– Школы учреждаемы были по возможности и по благоусмотрению полковых командиров, особенно адъютантов. В Семеновском полку материальное устройство классов было кончено, люди назначены, но я в училище не бывал, да и не знал, где именно оно в полку находится. В субботу, 20 ноября, явился ко мне фельдфебель от полкового адъютанта флигель-адъютанта Бориса Петровича Бибикова с вопросом, нельзя ли сделать открытие школы в понедельник, 22-го. Я отвечал, что 22-го положено быть открытию школы в Лейб-Гренадерском полку, и потому должно отложить до вторника, 23-го. Между тем случилось в воскресенье, 21-го, известное происшествие, и школа не открывалась.

Граф, видимо, был доволен моим ответом, и после других ничтожных разговоров я откланялся. Впоследствии я узнал, что это был допрос, произведенный по высочайшему повелению, и что гр. Кочубей, в своем донесении, изложил это дело в истинном его свете и выставил совершенную мою невинность. Какое счастье, что я попался в руки честных и беспристрастных людей! Впрочем, мои похождения этим не кончились. Воспользовались выступлением гвардии в поход (в начале 1821 г.) для закрытия училища, с чем вместе прекращалось звание директора. На бумаге о том государь написал своеручно: "А надворного советника Греча не оставить без пропитания". Когда мне объявили о том, я отправился к Л.В.Васильчикову (корпусному командиру) и объявил ему, что считаю себя обиженным, что благодарю государя за внимание, в пропитании не нуждаюсь, но имею все право требовать гласного признания непорочности и безукоризненности моей службы.

– Чего же вы хотите? – спросил Л.В.

– Я дослуживаю последний год в настоящем чине: дайте мне чин коллежского советника, который следует мне и без того чрез четыре месяца за выслугу лет, но упомянув в указе, что это повышение есть награда за верную и усердную мою службу по званию директора полковых школ.

– Справедливо, – отвечал Васильчиков, в котором был один порок, что он был большой барин и придворный, – постараюсь об этом и надеюсь на успех.

Я сдал свою должность в штабе; гвардия вышла в поход; чин мне не выходил, и я вскоре утешился. Ну стоит ли этим тревожиться! Я и теперь легко переношу эти дрянные неудачи, а тогда! В молодости чего не вытерпишь, а мне был тридцать четвертый год от роду. Что ж вышло на деле? Васильчиков действительно представил государю и получил согласие дать мне чин, если не надстоит к тому препятствий по службе, а как я был почетным библиотекарем Императорской Публичной библиотеки, она же имела несчастие состоять в ведомстве Министерства народного просвещения, то запрос о неимении препятствий отправлен был из штаба в таковое. Там это отношение попалось в руки Магницкого. Этот гад натешился при сем случае: написал в ответ, что надворный советник Греч не только не достоин награды, но и не может быть терпим на службе, по вредным своим правилам и действиям, по явному сопротивлению воле начальства и дерзким к оному отзывам. А я отроду не имел сношения с этим начальством, и если писал к нему бумаги, то эти бумаги исходили от Управления Общества училищ взаимного обучения и подписывались не мною. В то же время предписано было этому управлению удалить меня от участия в делах его. Последнее было мне известно, но о первом отзыве я не знал. Начальство штаба, получив его на походе и видя гнусную несправедливость подлого Министерства, пожалело обо мне и не сообщало о том, а я думал, что меня забыли! Между тем я оставался на службе в Воспитательном Доме и в училищах солдатских дочерей, но золотые дни мои прошли. Со мною обходились внимательно и учтиво, но холодно. Государыня уже не приглашала меня к обедам в Гатчине, реже обращала ко мне речь и т.п. При открытии второго училища солдатских дочерей, в Большой Конюшенной, государыня жестоко сердилась на архитектора, который далеко пошел за смету. На внутреннее устройство классов мне отпустили тысячу рублей. Оно обошлось в семьсот рублей, и остаток представлен был мною по начальству. Для смягчения гнева на архитектора, Гр.И.Вилламов представил государыне мой отчет. Она обрадовалась, оборотилась ко мне ласково и сказала: "Я от вас иного и не ожидала". Что ж, когда меня представили к награде, она отозвалась: "Que voulez-vous que je lui donne? C'est un grand seigneur!"* В 1822 году представила она меня, однако, к Аннинскому ордену второго класса. Вместо того мне вышел чин, уже за год выслуженный мною. Я довел

---

* "Что мне ему дать? Это большой барин!" (*фр.*).

о том до сведения императрицы. Она поручила Вилламову спросить у государя, почему он, утвердив все награды в представлении, переменил одну, назначенную Гречу. "Доложите матушке, – отвечал Александр, – что Греч, как мне известно, именно желал награды чином. Я не мог исполнить этого прежде, а теперь воспользовался случаем". Достойная внимания черта характера Александра! Он возымел на меня подозрение, потом уверился в невинности моей и желал сделать мне добро, но боялся гадин, пресмыкавшихся вокруг его престола. Душевная моя признательность следует его памяти за могилу! Я служил еще года два по этим заведениям, но, видя, что не могу принести, в новых обстоятельствах, всей пользы, какой ожидали, вышел в отставку с прекрасными аттестатами. Частная школа взаимного обучения, принесшая в свое время много пользы, потом исчезла от недостатка внимания и соревнования.

При этом случае скажу несколько слов о службе моей при императрице Марии Федоровне. Она пригласила меня к учреждению в Воспитательном Доме классов взаимного обучения, чрез почетного опекуна, Карла Федоровича Модераха, и главного надзирателя, А.И.Нейдгардта (брат генерал-адъютанта, командовавшего на Кавказе). Недели чрез две, по начатии классов (в марте 1820 г.), государыня приехала посмотреть новую методу на девичьей половине. Когда меня представили ей, она заговорила со мною по-французски; я отвечал ей так же. Потом попросила меня начать упражнения и, когда я скомандовал: "С м и р н о", – изумилась и сказала: "Как вы хорошо говорите по-русски!" Модерах подошел к ней и сказал: "Как г.Гречу не говорить по-русски: его дед был моим профессором в Кадетском корпусе и сам он русский писатель и грамматик". Государыня спросила меня о моем происхождении и, узнав, что оно большею частию немецкое, изъявила свое удовольствие. И впоследствии, когда я представлялся ей, когда докладывал ей по делам службы, она изъявляла ко мне свое благоволение до того, что однажды сказала окружавшим ее: "Вот человек, которого можно было бы употребить при воспитании моего внука" (нынешнего государя). Впоследствии она ко мне охладела, и я приписывал это неудачам моей службы вообще, но чрез несколько времени узнал, что я сделался жертвою придворной интриги. Приближенные ее, узнав о ее отзыве, приведенном мною выше, решились воспрепятствовать исполнению этого предположения, находя, вероятно, что человек смелый, открытый, пылкий, независимый не будет хорошим наставником юного царевича. Однажды после обеда в Гатчине (это было

осенью 1820 г.), нянька-англичанка принесла маленького князя в так называемый арсенал, нижний этаж Гатчинского дворца, в котором были столовая государыни и залы вечерних ее собраний. Государыня удалилась. Остались несколько человек, в том числе адъютант великого князя Михаила Павловича (Илья Гаврилович Бибиков) и еще гусарские офицеры. Гр.И.Вилламов нянчил младенца, великую княжну Марию Николаевну. Потом они, и с ними я, окружили великого князька и начали играть с ним. Шевич сказал ему: "Ваше высочество, представьте дядюшку Константина Павловича". Ребенок поднял и сжал носик. Все расхохотались. "Смотрите, – сказал Бибиков няньке, – если он будет похож на этого дядюшку, мы вам свернем шею". Потом говорено было еще многое на этот счет, между прочим, смеялись, что ребенок называет снег белыми мухами. Я спросил у няни, каков у него нрав. "Предобрый, – отвечала она, – он очень жалостлив и, увидев недавно нищего мальчика, сказал с сожалением: poor boy*". У него в руке был кусок кренделя. Я протянул к нему руку и сказал: "Пожалуйте: мне!" Он тотчас отдал. "Так вы знаете, – прибавил я, – что значит и good boy (хороший мальчик)".

Из этих невинных слов сплели предлинную сказку, приписали мне все, сказанное офицерами, прибавили еще кое-что и донесли всеподданнейше. За сим последовало отчуждение мое, а я и не догадывался о причине. Чрез несколько лет (в 1830 году) на большом обеде у Василия Васильевича Энгельгардта очутился я за столом подле И.Г.Бибикова. Он рассказывал тут при всех мою придворную м е з а в а н т ю р у, говорил, что его спрашивали об этом случае, что он всячески старался оправдать меня, заверяя, что предосудительные речи произнесены были не мною, и пр., но все было напрасно. В Сангедрине у княгини Ливен положено было удалить опасного человека и исполнено в точности. Главным орудием в том был гофмаршал барон Албедиль, которого все работники и мастеровые называли "барон О б и д е л".

Мечта о том, что я, может быть, сделаю карьеру при дворе, ласкала меня слегка, но недолго, и я расстался с нею без сожаления, а потом, размыслив хорошенько, благословил судьбу, что мимолетная мысль Марии Федоровны не осуществилась. Я не ужился бы никак при дворе, и недели чрез две изгнали бы меня, как из шустер-клуба, mit Skandal (со скандалом). Человек законнорожденный, честный, откровенный, может быть, и

---

*Бедный мальчик (*англ.*).

слишком болтливый, враг подлости, глупости и невежества — не устоял бы на паркете. Довольно того, что я вблизи видел всю эту мишуру и в душе сетовал за царей, окруженных таким народом.

Недели за две до семеновской истории был я в Гатчине. В этот день являлся я к государыне, но вечером подошел с толпою народа к окнам арсенала[14], у императрицы было собрание. В большой зале двигались придворные и другие лица. Видно было их хорошо, но не слышно, что говорили. Вот ci-devant jeune homme*, франт Милорадович, вот вечно улыбающийся Бенкендорф и tutti quanty**. Как они вертелись, кланялись, ухмылялись, точно кукольная комедия. Грешен, а подумал: не дай Бог какого-нибудь непредвиденного случая, какой-либо беды! Далеко ли уйдут с этими фиглярами! Так и сбылось вскоре.

Между тем, назвав людей, которые мне вредили у Марии Федоровны, поименую и тех, которые благородно за меня вступались. Это были Гр.И.Вилламов, А.К.Шторх, Н.М.Карамзин и И.Ф.Саврасов. С такими заступниками и потеря дела не лишает отрады!

Полк был раскассирован; офицеры его были переведены в армию. Составлен был другой полк из гренадерских батальонов. Но Александру нанесена была глубокая рана. Он сделался задумчив, печален, подозрителен, еще менее стал верить людям откровенным и благородным, обратив все свое внимание и слух, с одной стороны, ко внушениям Аракчеева и ему подобных, а с другой — к советам мистиков и святош. В таком положении оставался он до конца своей жизни. Тщетно раздираемая дикими тиранами Греция поднимала к нему окровавленные свои руки. Он видел в несчастных жертвах мусульманского изуверства мятежников и якобинцев. Турция приписывала это долготерпение слабости России и действовала с ним дерзко и нагло. Примиритель Европы не хотел воевать.

Присоедините к этим политическим смятениям нравственное и духовное направление Александра, как мы его описали выше, и вы составите себе понятие о положении его души в последние годы его пребывания в здешнем свете. Разочарованный в верованиях своих глубокому библейскому христианству, он обратился не к православию, а к слабой и грязной его стороне, к монахам, глупым и изуверным. Внук Екатерины, ученик Ла-

---

* Когда-то молодой человек (*фр.*).
** И тому подобные (*фр.*).

гарпа сделался поклонником подлого и нелепого Фотия, принимал у себя глупых* безобразных монахов и целовал им руки. Канун отъезда своего в Таганрог провел он в беседе с каким-то полоумным схимником в Александро-Невской лавре. Окружавшие его гнусные люди, преимущественно Иуда Магницкий, пугали его и заставляли делать несправедливости: они всячески старались очернить в его глазах бывшего министра внутренних дел Кочубея и директора Особой канцелярии (что ныне III Отделение канцелярии государевой), благороднейшего Максима Яковлевича фон Фока, донесли, что состоящая в ведении его цензура иностранных книг позволила к продаже богопротивную книгу. Книга эта (впрочем, позволенная самим Кочубеем, находившимся во время доноса за границею) была известный Брокгаузенов "Conversations Lexicon", в котором учение о Богородице изложено было по догматам протестантской церкви. Читавших ее двух цензоров, Лерхе и Гуммеля, посадили в крепость. Это случилось 8 августа 1825 г., и в тот самый день сгорел Преображенский собор. Цензоров выпустили накануне отъезда государева; в тот же день призывали фон Фока в тайную комиссию, собиравшуюся у Аракчеева, и старались выведать, кто одобрил книгу. Фон Фок отвечал твердо: "Одобрил ее граф Кочубей, но не подписал о том бумаги; я сделал отметку на поле и один отвечаю". Его отпустили, чего он не ожидал, думая, что будет ночевать в Алексеевском равелине. Грустное воспоминание! И это происходило в царствование государя доброго, благородного, желавшего счастия своему народу, ревностного христианина!

К этому же времени принадлежит любопытный эпизод из жизни Аракчеева. Александр осматривал, летом 1825 года, новгородские военные поселения и был восхищен этим уродливым произведением его прихоти, которой исполнение мог принять на себя только один Аракчеев и воспитанник его Клейнмихель. Оставляя поселения, Александр сказал графу: "Любезный Алексей Андреевич! Требуй чего хочешь! Я ни в чем не откажу тебе". Аракчеев стал на колени и с сатанинским лицемерием сказал: "Прошу одного, государь, позвольте мне поцеловать вашу ручку". Дружеское обнятие было ответом. Оттуда государь приехал в лагерь под Красным Селом, где встретил его весь штаб Гвардейского корпуса. Подошли дежурный генерал-адъютант и флигель-адъютант. Последним был Шумский, воспитанник, т.е. побочный сын Аракчеева, прижитый

**Первоначально было:* гнусных.

им с подлою бабою Настасьею Федоровною. Шумский был совершенно пьян; он подошел к государю, споткнулся, упал и его вырвало. Александр, брезговавший всем, что походило на пьянство и его последствия, был выведен из себя этим последним явлением, обратился к Аракчееву и сказал: "Ваша рекомендация, граф, покорнейше благодарю!" – и пошел далее. Шумского подняли; он исчез и не появлялся более. Говорят, его увезли в Грузино и там спрятали. Негодование государя не имело следствий, ибо Аракчеев слишком глубоко гнездился в его сердце. Провидение приняло на себя поразить злодея.

Наложница его, как слышно было, беглая матросская жена, была женщина необразованная, грубая, злая, подлая, к тому безобразная, небольшого роста, с хамским лицом и грузным телом. Владычество ее над графом было так сильно, что в народе носился слух, будто она его околдовала каким-то питьем, и, когда Александр бывал в Грузине, варила волшебный суп и для его стола, чтоб внушить ему благоволение и дружбу к графу. Она обходилась со слугами и людьми графа очень дурно – наговаривала на них, подвергала жестоким наказаниям без всякой вины и особенно тиранила женщин и девок. Они вышли из терпения. В отсутствие графа, осматривавшего поселения, вошли ночью (в сентябре 1825) в ее спальню, убили ее, отсекли ей голову и потом сами объявили о том земскому начальнику. Аракчеев, узнав о том, оцепенел было, а потом впал в бешенство, похоронил ее с почестью подле могилы, которую заготовил себе в церкви села Грузино, и сам сочинил ей надгробную надпись. Он известил государя о постигшем его несчастии и в ответ получил письмо, в котором Александр выражал ему свое соболезнование, уговаривал его и поручал уроду Фотию принять на себя утешение царского друга в постигшем его несчастии. Едва веришь глазам, читая эти письма. Первым движением Аракчеева было отомстить несчастным, увлеченным в преступление невыносимым тиранством. Опасаясь, чтобы при ревизии этого дела в Сенате не открылось некоторых тайн его домашней жизни, он приказал новгородскому гражданскому губернатору Жеребцову повесть дело так, чтоб оно решено было Уголовною палатою без переноса в Сенат. Преступников было более девяти (двадцать шесть), и поэтому непременно следовало представить процесс Сенату. Что же сделал подлец губернатор? Разделил подсудимых на три категории, каждую не более девяти человек, составил из одного дела три и ускользнул от ревизии Сената.

Между тем воцарился Николай. Вышел милостивый мани-

фест, по которому смягчались казни, еще не исполненные. Полученного в новгородском губернском правлении манифеста не объявляли, и приговор, жестокий, варварский, исполнили. Николай Павлович ужаснулся, но дело было так искусно облечено во все законные формы, что не к чему было придраться. К тому и не хотели срамить памяти государя, лишь только умершего, но чрез полгода воспользовались беспорядками в Новгородской губернии, при проходе гвардии в Москву на коронацию, и выгнали Жеребцова. Аракчеев барахтался еще несколько времени как утопающий, но его солнце закатилось навеки. Между тем он оставил России наследство, которое она долго будет помнить, умолив Александра дать звание генерал-адъютанта другу и помощнику его Клейнмихелю. Достоин замечания отчет Аракчеева, напечатанный им в "Инвалиде" в январе 1826 года, в оправдание управления военными поселениями. Превосходнейшее произведение плутовства и наглости!

Вот каковы были последние дни жизни императора Александра, который, своим добрым сердцем, благородством души, умом, образованием, твердостью и упованием на Бога в несчастиях и глубоким смирением в дни успехов и славы, достоин был лучшей участи. В цвете лет мужества он скучал жизнию, не находил отрады ни в чем, искал чего-то и не находил, опасался верить честным и умным людям и доверял хитрому льстецу, не дорожил своим саном и между тем ревновал к совместникам. Я говорил выше, как он, быв наследником, внушил общую к себе любовь всей России, как она обрадовалась, когда он вступил на престол. Это воспоминание, отрадное для частного человека, тяготило царя. Он боялся иметь наследника, который заменил бы его в глазах и мыслях народа, как он, конечно, без всякого умысла, затмил своего отца. Соперничества Константина Павловича он не боялся: цесаревич не был ни любим, ни уважаем и давно уже говорил, что царствовать не хочет и не будет. Он опасался превосходства Николая и заставлял его играть жалкую и тяжелую роль пустого бригадного и дивизионного командира, начальника инженерной части, не важной в России. Вообразите, каков был бы Николай, с своим благородным, твердым характером, с трудолюбием и любовью к изящному, если б его приготовили к трону, хоть бы так, как приготовляли Александра. Но того воспитывала Екатерина Алексеевна, а этого Мария Феодоровна, женщина почтенная и добродетельная, но ограниченная в своих взглядах и суждениях, трудолюбивая и неусыпная нянька и хозяйка, но весьма недальновидная в политике и истории. Немка в душе, как сказано выше. Она

окружила великих князей людьми добрыми, но посредственными и бесхарактерными. Еще удивительно, что они не вышли хуже. Николай принужден был доучиваться, уже женатый, в Берлине. Михаил лишь только сдал последний экзамен, заколотил огромным гвоздем свой шкап с книгами, которого нельзя было назвать библиотекою. Зато великие княжны были образованны и воспитаны тщательно и успешно. Все они принесли честь России, своим родителям и фамилии. От всех отличалась четвертая дочь императора Павла, недаром нареченная Екатериною. Память о ней живет в сердцах виртембергцев, тех самых, которые при жизни на нее жаловались и клеветали. Теперь достойно заступила ее место Ольга Николаевна.

Отчего это превосходство женского пола над мужским? От ненавистного окаянного фрунта, который внесен был в Россию слабоумным Петром III, обожавшим Фридриха II не за его дарования и победы, а за штиблеты, краги, косы, пукли, за ефрейторскую палку. Павел был достойным его преемником и передал эту варварскую страсть своим детям. Александр Павлович искренно полюбил было зятя своего, нынешнего короля Виртембергского, благородного человека и доблестного воина, но эта любовь потухла от одного неосторожного отзыва тогдашнего кронпринца. Это было в начале 1816 года, когда он лишь только женился. За обедом в Зимнем дворце зашла речь о Фридрихе II. Все наперерыв хвалили его. Кронпринц сказал: "Действительно, он был великий полководец и мудрый государь. Вредно было только пристрастие его фронту. По его примеру все государи Европы сделались фельдфебелями". Александр не ответил ни слова, только изменился в лице. Можно вообразить себе смущение всех прочих. С тех пор Александр питал к королю Вильгельму недружелюбие, увеличившееся еще, когда король не согласился на требование деспотическими дворами нарушения законных прав его народа.

Часть вторая

Едва ли случалось в мире какое-либо великое бедствие, возникало какое-либо ложное и вредное учение, которое в начале своем не имело хорошего повода, благой мысли. Первое движение ума и совести человеческой почти всегда бывает чистое и доброе: потом прививаются к нему помыслы и страсти, порождаемые невежеством и злыми наклонностями, и из благотворного семени возрастает древо зла и пагубы. Так бывает со всеми революциями, и нравственными и политическими. Из христианского усердия возник кровожадный фанатизм католиков; от желания очистить религию от суеверия произошло вольнодумство протестантов; из светлых идей 1789 года – кровавые сцены 1793-го; из восстановления порядка единоначалием Наполеона I – порабощение Европы тяжкому и постыдному игу.

И у нас бедственная и обильная злыми последствиями вспышка 14 декабря 1825 года имела зерном мысли чистые, намерения добрые. Какой честный человек и истинно просвещенный патриот может равнодушно смотреть на нравственное унижение России, на владычество в ней дикой татарщины! Государство, обширностью своею не уступающее Древней Римской монархии, окруженное восемью морями, орошаемое великолепными реками, одаренное особою неизвестною в других местах силою плодородия, скрепленное единством и плотностью, обитаемое сильным, смышленым, добрым в основании своем народом, – представляет с духовной стороны зрелище грустное и даже отвратительное. Честь, правда, совесть у него почти неизвестны и составляют в душах людей исключение, как в иных странах к исключениям принадлежат пороки. Не крепостное состояние у нас ужасно и отвратительно: оно составляет только особую форму подчиненности и бедности, в которых томится более половины жителей всякого и самого просвещенного государства. У нас злоупотребления срослись с общественным нашим

бытом, сделались необходимыми его элементами. Может ли существовать порядок и благоденствие в стране, где из шестидесяти миллионов нельзя набрать осьми умных министров и пятидесяти честных губернаторов, где воровство, грабеж и взятки являются на каждом шагу, где нет правды в судах, порядка в управлении, где честные и добродетельные люди страждут и гибнут от корыстолюбия и бесчеловечия злодеев, где никто не стыдится сообщества и дружбы с негодяями и подлецами, только бы у них были деньги; где ложь, обман, взятки считались делом обыкновенным и нимало не предосудительным; где женщины не знают добродетелей домашних, не умеют и не хотят воспитывать детей своих и разоряют мужей щегольством и страстию к забавам; где духовенство не знает и не понимает своих обязанностей, ограничиваясь механическим исполнением обряда и поддерживанием суеверия в народе для обогащения своего; где народ коснеет в невежестве и разврате!

Такие печальные размышления возникают в душе особенно при сравнении нравственного и гражданского состояния России с нравственным и гражданским состоянием других стран, где существуют те же человеческие пороки и слабости, но умеряются благоустройством, воспитанием, правосудием и религией. Где бессовестный грабитель вдов и сирот, несправедливый судья, развратный священник наказываются позором общего мнения[15].

При таком сравнении России с другими государствами рождается в каждой благородной душе вопрос: отчего у нас это так? Нет ли средства искоренить зло и заменить его добром? Правительство не может желать и терпеть зла, но, видно, средства его недостаточны, честные люди должны помогать ему. Вот и соберутся ревнители добра, обыкновенно люди молодые, начнут судить и рядить. Давай, поправим это дело. А как? Составим общество для искоренения зла. – Да нам не позволят. – Разумеется, не позволят, потому что вся власть в руках самих виновников зла. Общество должно быть тайное. – Прекрасно! И вот благородные, пламенные, но неопытные и заносчивые ревнители добра сходятся, набирают членов, назначают президента, секретаря, спорят, толкуют, сделают, может быть, и добро, но обыкновенно на первых же порах расшибут себе лоб или, еще обыкновеннее, разойдутся в мнениях, рассорятся, и обществу конец. Обыкновенно тайные общества распадаются от поступления новых членов, принятых без дальнейшего выбора. Бывает и так, что характер общества совершенно

изменяется от влияния вновь поступивших членов, так что свои своих не познают.

Подобный случай произошел у нас. Война 1812 года возвысила мнение русских о самих себе и о своем отечестве. В 1813 году сроднились они мыслию и сердцем с немцами, искавшими независимости, прав и свободы, которых лишил их свирепый завоеватель, гонитель чести, правды, просвещения. Rettung von Tyranenketten!* – пели они с Шиллером. Во Франции русские были свидетелями свержения тяжкого ига с образованной нации, учреждения конституционного правления и торжества либеральных идей. Возвращаются в Россию и что видят? Татарщину XV века! Несправедливости, притеснения, рабство, низость и бесчестие, противоречие всему, что дорого образованному европейцу. У нас присовокупился к тому пример, поданный государем: мы говорили выше о либеральном направлении Александра, но в самодержавных царях эти благородные намерения не бывают продолжительными: деспотичная натура, кроющаяся во всяком царе, как и во всяком человеке не самого сильного характера, возьмет свое. Как бы то ни было, наши молодые, пламенные, благородные люди возымели ревностное желание доставить торжество либеральным идеям, под которыми разумеется владычество законов, водворение правды, бескорыстия и честности в судах и в управлении, искоренение вековых злоупотреблений, подтачивающих дерево русского величия и благоденствия народного. Составилось общество**, основанное на самых чистых и благородных началах, имевшее целию: распространение просвещения, поддержание правосудия и поощрение промышленности и усиление народного богатства. Это были благонравные дети, игравшие обоюдоострыми кинжалами, сжигавшие фейерверк под пороховыми бочками. Некоторые из них, встретив с самого начала препятствия, убедившись в неисполнимости их мечтательных замыслов, отказались от участия в делах общества; другие оставались в нем, надеясь что-нибудь сделать; иные еще, честолюбивые мечтатели, вздумали воспользоваться таким союзом для удовлетворения своим страстям, для низвержения правительства и для овладения верховною властью во благо народа, говорили они, но на деле для утоления собственной их жадности. К этим сумасбродам присоединилось несколько злодеев, под маскою патриотов, и, как зло на свете всегда сильнее добра, последние и одолели. В числе участников

---

*Освобождение от цепей тирана! (*нем.*).
** *Зачеркнуто:* благоденствия.

было несколько легкомысленных ветреников, которые не смели отстать от других, кричали и храбрились в надежде, что все кончится громкими фанфаронадами, не дойдет до дела. Всего грустнее было то, что заговорщики заманили в свою шайку несколько прекрасных молодых людей, едва вышедших из детского возраста и не понимавших, что заставляют их предпринять.

Таким образом составилось это разнокалиберное скопище. Таким образом подготовились и разыгрались элементы этой нелепой стачки, стоившей многих слез и страданий целым семействам и могшей навлечь на Россию неисчислимые бедствия.

При начале всякого драматического творения исчисляются действующие в нем лица с изложением их характера и с описанием костюмов. Так поступаю и я: исчислю и, сколько могу, опишу каждого из действовавших, то есть только тех, которых или я знал лично, или о ком имел достоверные сведения*.

1. Павел Иванович Пестель, полковник и командир Вятского пехотного полка. Достойно замечания, что первенствующим из заговорщиков был сын жестокосердого проконсула, врага всякой свободной идеи, всякого благородного порыва. Отец его, Иван Борисович Пестель, был человек очень умный, хорошо образованный, может быть, и честный, но суровый, жестокий, неумолимый. При императоре Павле был он почт-директором в Петербурге, а брат его в той же должности в Москве. Однажды призывают его к императору. Павел в гневе говорит ему: "Вы, судырь, должны брать пример с вашего брата. Он удержал одну иностранную газету, в которой было сказано, будто я велел отрезать уши мадам Шевалие, а вы ее выпустили в свет. На что это похоже?" Пестель отвечал, не смутившись: "Точно выпустил, государь, именно для того, чтоб обличить иностранных вралей. Каждый вечер публика видит в театре, что у ней уши целы, и, конечно, смеется над нелепою выдумкою". – "Правда! Я виноват. Вот, – сказал Павел (написав несколько слов на лоскутке бумаги об отпуске из Кабинета бриллиантовых серег в 6000 р.), – поезжай в Кабинет, возьми серьги, отвези к ней и скажи, чтобы она надела их непременно сегодня, когда выйдет на сцену".

Впоследствии Пестель был генерал-губернатором в Сибири и затмил собою подвиги всех проконсулов, Клейва, Гастингса и подобных. Сибирь стонала под жесточайшим игом. Пестель

**Дальше зачеркнуто:* Исчислю их по мере их виновности, доказанной решением суда.

окружил себя злодеями и мошенниками: первым из них был Николай Иванович Трескин, гражданский губернатор иркутский. До сих пор живо в Сибири воспоминание о тех временах. Пестель долго управлял Сибирью из Петербурга, для того чтоб ему не подсидели у двора. Жил он на Фонтанке насупротив Михайловского замка, на одном крыльце с Пукаловою, любовницею Аракчеева, и чрез нее держался у него в милости. Притом он считал себя самым честным и справедливым человеком, гонителем неправды и притеснения. Однажды, рассказывал мне сын его, Борис Иванович, не спал он целую ночь от негодования на неправосудие людей, видав накануне на немецком театре драму, в которой был выставлен бессовестный судья. Я должен заметить здесь, почему знал Пестеля. У меня был в пансионе (когда я служил старшим учителем в Петровской школе) третий сын его, Борис Иванович, мальчик неглупый, но злой нравом: в детстве у него отняли ногу, после какой-то болезни, и это имело влияние на его характер. Отец привез его ко мне (1810 г.) вместе со старшими сыновьями, Павлом и Владимиром, только что возвратившимися из Дрездена, где они видели Наполеона. Я спросил у Павла Ивановича, каков теперь собою Наполеон. "Говорят-де, что потолстел". Павел Иванович сказал смеючись и указывая на отца, который стоял спиною к нам: "Вот точно, как батюшка", а старик Пестель был малорослый толстяк. Жена его, урожденная фон Крок (дочь сочинительницы писем об Италии и Швейцарии, урожденной фон Диц), была женщина умная и не только образованная, но и ученая. Не знаю, как она уживалась с своим тираном (хотя, впрочем, политические тираны бывают иногда самыми нежными мужьями), но детям своим, особенно старшему Павлу, внушала она высокомерие и непомерное честолюбие, соединявшиеся с хитростью и скрытностью. В нем было нечто иезуитское. Ума он был необыкновенного, поведения безукоризненного. Он и брат его Владимир воспитывались в Дрездене, под руководством умной и просвещенной бабки. Напрасно станут обвинять иностранное воспитание: отчего же один Павел заразился им, а Владимир остался верноподданным, в день казни брата пожалован был флигель-адъютантом, потом служил ревностно и, наконец, был губернатором в Крыму.

Возвращение Павла Пестеля в Россию и поступление его на службу сопровождалось замечательными обстоятельствами. Он был камер-пажом и, по прибытии в Петербург, явился в корпус на выпускной экзамен. Это было в марте 1812 года. До явки его кончен был общий экзамен, и камер-паж Владимир Адлер-

берг удостоен был первого нумера. Это было в то время очень важно. Первый по экзамену получал чин поручика гвардии и дорогую дорожную шкатулку; второй — чин подпоручика; прочие выпускались прапорщиками. Приказано было сделать экзамен Пестелю; оказалось, что он был по наукам и языкам несравненно выше Адлерберга; ему следовал первый приз. Пошли хлопоты и интриги. Мать Адлерберга (начальница Смольного монастыря) бросилась с просьбою к императрице Марии Феодоровне: "Мой-де сын учился с успехом всему, что преподается в корпусе, получил прилежанием и успехами первое место. Приехал Пестель, и моего Владимира ставят на второе. Да виноват ли он, что его не учили тому, чему учат в Дрездене? Теперь приедет еще какой-нибудь профессор, и ему должны будут уступить наши бедные дети. Где тут справедливость? Вступитесь за моего сына". С другой стороны, Пестель, чрез соседку свою Пукалову, искал помощи у верховного визиря. Аракчеев доложил государю, что Адлерберг награжден уже казенным содержанием и обучением, а Пестель не получил от казны ничего, образовался сам собою и на свой счет и потому заслуживает преимущества. Государь отвечал и матушке своей и другу, что поступит по всей справедливости, и, когда кандидаты в герои явились к нему на смотр, сказал им: "Господа, поздравляю вас всех прапорщиками нового гвардейского, Литовского полка" (ныне Московский). Замечательно, что один из состязателей — теперь генерал-адъютант, граф, андреевский кавалер, министр, — а другой повешен как преступник! Судьбы божии неисповедимы!

Пестель служил усердно и честно, был храбр в сражениях и человеколюбив после боя. В 1814 году он был адъютантом графа Витгенштейна. Его послали с немногими казаками с каким-то поручением в Бар-сюр-Об. Прискакав в городок, Пестель видит на улицах большое смятение. Баварцы вытеснили французов, недавних своих союзников, и грабят немилосердно. Из одного дома несутся раздирающие крики. Пестель входит туда с казаком и видит, что три баварца вытаскивают тюфяк из-под умирающей старухи. Она кричит и просит пощады. Пестель стал было уговаривать солдат, чтоб они сжалились над несчастною, и когда они отвечали ему ругательствами, то приказал казакам выгнать негодяев нагайками. Когда они выбежали на улицу, раздался голос баварского майора, курившего (в халате) трубку в окне второго этажа. "Что это значит? Бьют людей, как собак! Как вы смеете?" Пестель оглянулся и закричал казакам: "Стащить скотину!" Майора стащили и тут же

высекли. Грабеж кончился. Баварское начальство жаловалось, но Витгенштейн заметил, чтоб не доводили этого до сведения Александра: тогда было бы еще хуже. Впоследствии Пестель дослужился до полковника и был командиром Вятского полка, стоявшего в Подолии. При начале греческого восстания, его посылали в Молдавию и Валахию, чтоб узнать о причинах и свойстве этого восстания. В донесении своем он сказал, что это то же самое, что освобождение России от татарского ига. Александр принял донесение благосклонно, но грекам, как известно, не помогал. Лица, замыслившие заговор, не могли не принять к себе Пестеля, и он вскоре сделался главным действующим лицом его. Он приехал в Петербург. Я видал его в собраниях масонских лож. Он молчал и замечал случаи и лица. Роста был невысокого, имел умное, приятное, но сериозное лицо. Особенно отличался он высоким лбом и длинными передними зубами. Умен и зубаст! Участие его в замыслах революции явствует из официальных бумаг. Какая была его цель? Сколько я могу судить, личная, своекорыстная. Он хотел произвесть суматоху и, пользуясь ею, завладеть верховною властью в замышленной сумасбродами республике. Достойно замечания, что он составил себе роль, которую чрез четверть века разыграл с успехом другой бунтовщик, Лудовик-Наполеон, по тому непреложному закону, что плохая монархия производит республиканцев, а плохая республика тиранов. Достигнув верховной власти, Пестель дал бы, несомненно, волю своей отцовской крови, сделался бы жесточайшим деспотом. При следствии и суде он вел себя твердо и решительно, но не всегда говорил правду и старался оправдаться во многих уликах, иногда играл разные роли. Есть слух, что пред смертью не хотел исповедоваться и причащаться. Это неправда: его не было в списке особ, причащавшихся у православного священника, потому что он был лютеранин. Его приобщал тогдашний пастор (и суперинтендент Рейнбот), живший в то время подле меня, на Черной Речке. В первом часу ночи приехал к нему адъютант генерал-губернатора (чуть ли не нынешний обер-форшнейдер, заведывающий просвещением России), разбудил и просил приехать в крепость для напутствия приговоренных к смерти преступников. Рейнбот впоследствии рассказывал мне о последнем своем свидании с Пестелем. Он нашел его не упадшим в духе, но беспокойным и тревожным. После первых слов о поводе к этому свиданию, Пестель начал говорить о своем деле, стал оправдываться, жаловаться на несправедливость суда и приговор, причем беспрестанно хватался за галстух. Рейнбот, выслушав его внима-

тельно, сказал ему: "Теперь вам не до света и не до его мнений: вы должны помышлять о том, что вскоре явитесь пред Богом". В дальнейшей беседе Пестель еще порывался оправдываться, но Рейнбот наводил его на предмет своего посещения. Наконец Пестель покорился и исполнил обряд, с благоговением, и просил пастора передать последнее прости его родителям. Вообще он показался Рейнботу неоткровенным иезуитом даже в эту великую минуту.

2. Кондратий Федорович Рылеев – соучастник Пестеля, но самая резкая ему противоположность. Один был аристократ и метил в цари; другой – человек не важный и сам не знал, чего хотел. Рылеев, небогатый дворянин, был воспитан в 1-м Кадетском корпусе, показывал с детства большую любознательность, учился довольно хорошо, чему учили в корпусе, вел себя порядочно, но был непокорен и дерзок с начальниками и с намерением подвергался наказаниям: его секли нещадно; он старался выдержать характер, не произносил ни жалоб, ни малейшего стона и, став на ноги, опять начинал грубить офицеру. Он был выпущен в артиллерию, вскоре вышел в отставку и был по выборам дворянства заседателем в Петербургской Уголовной палате, служил усердно и честно, всячески старался о смягчении судьбы подсудимых, особенно простых, беззащитных людей. В то же время был он правителем дел Правления Российско-Американской компании. Как я слышал от директора компании Ивана Васильевича Прокофьева, он в начале своего служения трудился ревностно и с большою пользою, но потом, одурев от либеральных мечтаний, охладел к службе и валил чрез пень колоду. Поэтического дарования он не имел и писал стихи не гладкие, но замечательные своею силою и дерзостью. В послании к Вяземскому, написанном будто бы в подражание Персиевой сатире к Рубеллию, напечатанном в "Невском Вестнике", он говорил очень явно об Аракчееве:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в высший сан пронырствами злодей,
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь,
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец!

В одном отношении Рылеев стоит выше своих соучастников. Почти все они, замышляя зло против правительства и лично против государя, находились в его службе, получали чины, ордена, жалованье, денежные и другие награды. Рылеев, за-

мыслив действовать против правительства, перестал пользоваться его пособием и милостями.

В этом отношении могу сообщить любопытный анекдот, характеризующий либералов всех времен и стран. Николай Иванович Тургенев, будучи статс-секретарем Государственного совета, пользуясь разными окладами и т.п., толковал громогласно об всех министрах, и особенно истощал все свое красноречие на обличение Аракчеева. В начале 1824 года изъявил он желание ехать за границу: ему дали чин действительного статского советника, орден Владимира 3-й степени и, кажется, тысячу червонцев на проезд. Тургенев обедывал обыкновенно в Английском клубе и после обеда возвращался домой пешком, но, вскоре уставая от хромоты, отдыхал на скамье аллеи Невского проспекта. Вечером в апреле (1824) мы шли с Булгариным по проспекту, увидели отдыхающего Тургенева и присели к нему. Булгарин стал рассказывать, как я накануне в большой компании уличал гравера Уткина в лености и говорил: "Ты выгравировал картофельный нос Аракчеева, получил за то пенсию и перестал работать". Булгарин думал, что рассмешит Тургенева, вышло иное; он сказал с некоторою досадою: "С чего взяли, будто у Аракчеева картофельный нос: у него умное русское лицо!" Нас так и обдало кипятком. "Вот наши либералы! – сказали мы в один голос. – Дай им на водку, все простят!"

Воротимся к Рылееву. Откуда залезли в его хамскую голову либеральные идеи? Прочие заговорщики воспитаны были за границею, читали иностранные книги и газеты, а этот неуч, которого мы обыкновенно звали ц в и б е л е м, откуда набрался этого вздору? Из книги "С о к р а щ е н н а я б и б л и о т е к а", составленной для чтения кадет учителем корпуса, даровитым, но пьяным Железниковым, который помещал в ней целиком разные республиканские рассказы, описания, речи из тогдашних журналов. Утверждают, что мятежники 14 декабря были большею частью лицеисты. Неправда: были два лицеиста, Пущин и Кюхельбекер, да и последний был полоумным. Большею частью были в числе их воспитанники 1-го Кадетского корпуса, читатели Библиотеки Железникова. Заманчивые идеи либерализма, свободы, равенства, республиканских доблестей ослепили молодого недообразованного человека! Читай он по-французски и по-немецки, не говорю уже по-английски, он с ядом нашел бы и противоядие. За улыбающимися обещаниями и светлыми мечтами 1789 года разверзла бы пред ним пасти свои гидра 1793 года! Революции 1830 и

1848 годов имели благие последствия для направления умов в Европе, показав, что за свободою для народов, не понимающих ее и к ней не привыкших, следует своеволие; за своеволием жесточайший деспотизм. Мечтания и обаяния пылкого оптимизма исчезают пред светом истории. Кажется, опыт научил нас, что известный образ правления, как пища человеческая, равно несвойствен всем народам. Нации холодные, рассудительные, притом нравственные и преимущественно прозаически-протестантские, могут жить под правлением рассудка и права, выражающимся формою представительною. Англичане, шведы, датчане, северные германцы (а не глупые австрийцы), североамериканцы под этою формою живут счастливо и успешно. Народы племени романского и славянского к ней неспособны: у них должна царствовать палка, да и палка. Упаси, бывало, боже в двадцатых годах возгласить эти пресные математические истины: поднимут тебя на смешки, выставят дураком и, что еще хуже, подлецом, рабом и шпионом! Большинство либеральных умов было так велико, что его решения считались мнением общим, за немногими исключениями; к нему привыкли, как к закону всесильной моды, никто не смел ему противоречить, в нем сомневаться. И в этой толпе олухов и пустомелей вращались лица, замыслившие мятеж и перемену правительства, но, так как они говорили так же, как все, никто не замечал их, и потому неудивительно, что бедный генерал-губернатор гр. Милорадович, в эпоху общего жужжания, не мог отличить мух ядовитых от просто жужжавших и только грязных. К тому же запевалами в этом хоре были аристократы, подававшие тон в высшем обществе. Вот полезли за ними мошки и букашки.

Рылеев был не злоумышленник, не формальный революционер*, а фанатик, слабоумный человек, помешавшийся на пункте конституции. Бывало, сядет у меня в кабинете и возьмет "Гамбургскую газету", читает, ничего не понимая, строчку за строчкою; дойдет до слова Constitution, вскочит и обратится ко мне: "Сделайте одолжение, Николай Иванович, переведите мне, что тут такое. Должно быть очень хорошо!"

Фанатизм силен и заразителен, и потому неудивительно, что пошлый, необразованный Рылеев успел увлечь за собою людей, которые были несравненно выше его во всех отношениях, например Александра Бестужева. Однажды шли они вдвоем из заседания Общества соревнователей просвещения и благотво-

---

**Первоначально было:* бунтовщик.

рительности и толковали, каким образом может быть направлено это общество к какой-либо высшей, практической цели. Тогда Рылеев открыл Бестужеву о замысле некоторых, по его словам, благородных людей, имеющих целью преобразование России, и взял с него слово приступить к этому скопищу. С Николаем Тургеневым Рылеев познакомился у меня, 4 октября 1822 года, на праздновании десятилетия "Сына Отечества". Меня и многих изумило, что надутый аристократ и геттингенский бурш долго беседовал с плебеем и кадетом, который даже не говорил по-французски. Могли ли мы воображать, о чем они толкуют и до чего дойдет бедный цвибель! Рылеев сделался двигателем и душою этого дела, искал, набирал соумышленников, внушал им свои революционные мечтания, писал сатирические и возмутительные стихи.

Сообщу средства, какими эти господа вербовали рекрут, в которых предполагали законный по ним рост. Однажды Рылеев сидел у меня вечером в кабинете один со мною и толковал о разных неинтересных предметах. Вдруг сказал он:

– Удивительно, как иногда можно очутиться в неприятном положении.

– Точно, – отвечал я, – мало ли что бывает.

– А что, по-вашему, – спросил он, – было бы вам неприятнее всего?

– Всего неприятнее было бы, – отвечал я, – если бы мне следовало завтра заплатить три тысячи рублей, которые я должен на честное слово, и у меня не было бы ни копейки.

– Это пустое, – сказал Рылеев, – есть случаи гораздо неприятнее.

– А какие, например?

– Вот, – сказал он, вперив в меня свои вечнодвижущиеся маленькие глаза. – Если бы вам открыли, что существует заговор против правительства, и пригласили бы в него вступить? А? что бы вы сделали?

– Это решить нетрудно, – отвечал я хладнокровно, и вовсе того не подозревая, что он говорит это с каким-либо намерением, – я поступил бы с приятелем, как советовал граф Ростопчин поступать с французским шпионом: за хохол да и на съезжую.

– Возможно ли, – сказал он, – так думать! Подумайте, если бы заговор был составлен для блага и спасения государства, как, например, против Павла Первого.

– Нет, Кондратий Федорович, – отвечал я, – заговоры составляются не для блага государства, а для удовлетворения тще-

славия или корыстолюбия частных лиц. Пользы они не принесут никакой, кроме горького урока. Что же касается до заговора, какой был против Павла, во-первых, участники его — князья, графы, адъютанты — не оказали бы нам, прочим смертным, великой чести участвовать в их подвиге, а во-вторых, я гораздо скорее желал бы быть на месте камер-гусара Саблина, которому заговорщики изрубили голову, когда он закричал Павлу: "Государь! Спасайся!" Неужели, как Платон Зубов, шататься по свету, подобно Каину, с клеймом на лбу: цареубийца!

— Да что же вас так привязывает к царям? — спросил он с какою-то досадою.

— Положим, — отвечал я, — что вы ни во что ставите присягу, но между царем и мною есть взаимное условие: он оберегает меня от внешних врагов и от внутренних разбойников, от пожара, от наводнения, велит мостить и чистить улицы, зажигать фонари, а с меня требует только: сиди тихо! — вот я и сижу.

Рылеев не продолжал разговора, обратил речь к чему-то другому и, напившись чаю, уехал. Потом он никогда не проронил о том ни слова.

Другое искушение. Никита Михайлович Муравьев повадился приезжать ко мне по утрам, едучи на службу в Главный штаб. Приедет, поболтает, и только. Разумеется, разговоры были тогдашние, либеральные. Однажды, приехав ко мне, нашел он меня в большой досаде и расстройстве. На вопрос о том, что меня сердит, я отвечал: "Да вот, посмотрите, как этот дурак ценсор Бируков вымарал из "Сына Отечества" самые невинные вещи, в которых он видит черт знает что! Да и хорошо наше умное правительство! Ценсуру поручает набитым дуракам и подлецам. Ну может ли такой глупый семинарист судить о литературе, о политике? Может ли он быть хорошим, верным подданным? А ему верят, а не верят мне, известному писателю, дворянину, отцу семейства; стану ли я изменять правительству, действовать вопреки его видам?" При этих словах, сказанных без умысла, от глубины души, Муравьев, видимо, смутился, тотчас уехал и уже не являлся более.

Третья вербовка была еще оригинальнее. В ноябре 1825 г., за месяц до вспышки, я обедал у Булгарина с Батеньковым и Погодиным. Батеньков пил досуха и в конце обеда спросил еще шампанского. Эти господа в последнее время пили непомерно, как бы стараясь тем придать себе духу или выбить что-то из ума и памяти. Булгарин, не желая оскорбить чувство бережливости своей танты, сказал ему: "Пойдем ко мне в кабинет и выпьем там на просторе". Встали и пошли. На стол поставили

бутылку, наполнили стаканы. Батеньков, развалившийся с трубкой в зубах на диване, духом выпил стакан, крякнул и сказал:

– Ах, как все гадко в России! Житья скоро не будет. Неправда ли, Николай Иванович?

Я отвечал:

– Кому и знать это, если не вам, мизинцу правой руки государевой!

– Нет, – продолжал он, – невтерпеж приходит.

Булгарин испугался этих слов из уст Батенькова.

– Ну, полно, – сказал он, – что ты людей морочишь, аракчеевский шпион.

– Молчи, – возразил Батеньков, – я не с тобою говорю. Ты поляк, и чем для нас хуже, тем для вас лучше. Я говорю с Николаем Ивановичем: он сын отечества и согласится со мною, что все это надо переделать и переменить.

– Да нашли ли вы на то средство? – сказал я, чтоб сказать что-нибудь.

– Нашел! Надобно составить тайное общество, набрать в него сколько найдется честных людей в России, прибрать в руки власть и рассадить этих людей по всем местам. Тогда Россия переродится.

Булгарин трусил и показывал мне знаками, чтоб я не соглашался. Батеньков продолжал:

– Конечно, вы, Николай Иванович, не откажетесь вступить в такое общество?

– Разумеется, не откажусь.

Булгарин побледнел. Батеньков поднялся, выпустил трубку изо рта.

– В самом деле? – спросил он.

– В самом деле, – отвечал я, – только у меня есть одно маленькое условие.

– Какое?

– Чтоб председателем этого общества был обер-полицмейстер Иван Васильевич Гладкий.

Булгарин восхитился, расхохотался и закричал:

– Ай, да Греч! браво, браво! Председатель Гладкий!

Батеньков возразил с досадою:

– Да вы шутите, Николай Иванович?

– И вы, конечно, шутите, Гаврило Степанович, – отвечал я. Разговор принял другое направление. Я приписывал эти отзывы Батенькова внушениям паров шампанского, не воображая, чтобы член Совета военных поселений мог в здравом уме

говорить такие вещи. Чрез несколько дней после 14 декабря узнал я, что и он был в этом заговоре. Не приписываю себе никакой заслуги, что не попал сам в эту кутерьму. Меня предохранила от того, во-первых, семеновская история: в ней видел я, как легко было запутаться одним словом, одним каким-либо необдуманным шагом. Во-вторых, берегла меня милость божия! Сколько запутано было в это дело людей, виновных столько же, как и я; слышавших дерзкие речи и не донесших о них, потому что считали их пустыми и ничтожными. Так, например, в донесении Следственной комиссии отзыв Якубовича ("вы хотите быть головами, господа! Пусть так, но оставьте нам руки") сказан был в моем присутствии. Это было в субботу 26 ноября, на обеде у директора Американской компании, Ивана Васильевича Прокофьева. Обедали у него, сколько помню, Ф.Н.Глинка, Батеньков, Якубович, Рылеев, Михаил Кюхельбекер, Александр Бестужев, Штейнгель, Муханов, я и еще несколько человек. Булгарина, помнится, не было. Беседа была шумная, веселая и преприятная. Добрый хлебосол ходил вокруг стола и подливал вина, добываемого за шкуры сивучей и котиков, не догадываясь, кого потчевает. Вдруг Батеньков спросил:

– А где Николай Иванович? (Кусов, тогдашний городской голова). Отвечали: он остался за Невою (которая только что стала).

– Голова! – сказал Батеньков, – какое славное звание: голова! Ну что значит против этого какой-нибудь майор! Ах, если бы быть головою!

Якубович сказал на это:

– Будьте головами, только нам развяжите руки.

Все мы, непричастные к удольфским таинствам, приняли эти слова раненного на Кавказе офицера, с повязанною головою, за желание его подраться с горцами. И сколько таких порывов и намеков промелькнуло у нас мимо ушей!

Какая была цель Рылеева? Он сам ее не знал. Учреждение ли конституционного правления, водворение ли республики; только бы пошуметь, подраться, пролить крови и заслужить статью в газетах, а потом и в истории. Нечего сказать! Завидная слава!

12 декабря в бывшем у него в квартире предуготовительном собрании заговорщиков он вынудил у них согласие взбунтовать войска и народ 14 числа и потом, при следствии, откровенно признался, что был главным деятелем, и если бы хотел, то мог бы все остановить.

14 декабря Рылеев сам на площади не сражался, но бегал

повсюду, как угорелая кошка, поощрял своих соумышленников, приглашал людей из народу к участию в бунте, причем происходили иногда сцены пресмешные и оригинальные. Когда начала напирать гвардия и впереди ее корпусный командир, генерал Воинов, Рылеев закричал мужикам:

– Что вы стоите, братцы! Бейте их: они ваши злодеи!

– Да чем прикажете?

– Хоть вот этими поленьями, – сказал он, указав на дрова, складенные у забора Исаакиевской церкви.

– Помилуйте, ваше благородие, – отвечали ему, – как можно! Дрова-то казенные!

Когда кончилась драка, Рылеев скитался, не знаю где, но к вечеру пришел домой. У него собралось несколько героев того дня, между прочим, барон Штейнгель: они сели за стол и закурили сигары.

Булгарин, жестоко ошеломленный взрывом, о котором он имел темное предчувствие, пришел к нему часов в восемь и нашел честную компанию, преспокойно сидящую за чаем. Рылеев встал, преспокойно отвел его в переднюю и сказал: "Тебе здесь не место. Ты будешь жив, ступай домой. Я погиб! Прости! Не оставляй жены моей и ребенка". Поцеловал он его и выпроводил из дому.

Он не только не устрашался смерти, но и встречал ее с какою-то гордою радостью. Выслушав смертный приговор, он написал к жене своей письмо следующего содержания:

13 июля 1826.

Бог и государь решили участь мою: я должен умереть и умереть смертию позорною. Да будет его святая воля! Мой милый друг, предайся и ты воле всемогущего, и он утешит тебя. За душу мою молись Богу: Он услышит твои молитвы. Не ропщи ни на него, ни на государя: это будет безрассудно и грешно. Нам ли постигнуть неисповедимые суды Непостижимого? Я ни разу не возроптал во все время моего заключения, и за то дух святый дивно утешал меня. Подивись, мой друг, и в сию самую минуту, когда я занят только тобою и нашею малюткою, я нахожусь в таком утешительном спокойствии, что не могу выразить тебе. О милый друг, как спасительно быть христианином! Благодарю моего создателя, что он меня просветил и что я умираю во Христе. Ето дивное спокойствие порукою, что творец не оставит ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога, не предавайся отчаянию: ищи утешения в религии. Я просил нашего Священника посещать тебя. Слушай

советов его и поручи ему молиться о душе моей. Отдай ему одну из золотых табакерок в знак признательности моей или, лучше сказать, на память, потому что возблагодарить его может только один Бог за то благодеяние, которое он оказал мне своими беседами. Ты не оставайся здесь долго, а старайся кончить скорее дела свои и отправься к почтеннейшей матушке. Проси ее, чтобы она простила меня; равно всех родных своих проси о том же. Катерине Ивановне и детям ее кланяйся и скажи, чтобы они не роптали на меня за М.П.*; не я его вовлек в общую беду: Он сам это засвидетельствует. Я хотел было просить свидания с тобою; но раздумал, чтоб не расстроить себя. Молю за тебя и Настиньку и за бедную сестру Бога, и буду всю ночь молиться. С рассветом будет у меня Священник, мой друг и благодетель, и опять причастит. Настиньку благословляю мысленно нерукотворенным образом Спасителя и поручаю всех вас святому покровительству живого Бога. Прошу тебя: более всего заботься о воспитании ее. Я желал бы, чтобы она была воспитана при тебе. Старайся перелить в нее христианские чувства – и она будет щастлива не смотря ни на какие превратности в жизни, и когда будет иметь мужа, то ощастливит и его, как ты, мой милый, мой добрый и неоцененный друг, щастливила меня в продолжение восьми лет. Могу ли, мой друг, благодарить тебя словами: они не могут выразить чувств моих. Бог тебя наградит за все. Почтеннейшей Прасковье Васильевне моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность. Прощай! велят одеваться. Да будет Его Святая воля.

Твой истинный друг К.Рылеев.

Нетрудно понять, что он разумел под словами Духа Святого и Христа!

Он сделал к письму коротенькую приписку, в которой распорядился какою-то неважною суммою, будто ехал на дачу**. Он был из числа тех трех несчастных, которые сорвались с петли и были повешены вторично. Говорят, он сказал при том: "И в этом неудача!" Можно сказать, что он погиб от несварения в желудке неразжеванной*** пищи.

---

* Мих.Петр.Малютин, сын Катерины Ив., замешанный в восстании декабристов.

** Приписка Рылеева была следующего содержания: "У меня осталось здесь 530 р. Может быть, отдадут тебе".

*** Не разобрано одно слово; в издании 1886 г. напечатано: либеральной пищи.

3. Сергей Иванович Муравьев-Апостол, сын бывшего в Мадриде русским посланником Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола (человека необыкновенного ума, познаний, учености и талантов), воспитан был в Париже, в Политехническом училище, служил в Семеновском полку и был во время бунта (в 1820 г.) командиром роты его величества, оказавшей непослушание. Он был любим и уважаем своими солдатами, употреблял все средства, чтоб удержать их, но не успел в том. Его перевели в армию подполковником в Черниговский пехотный полк. Вероятно, что эти неудачи по службе распалили дремавшие в нем страсти. Я видал Сергея Ивановича в доме Алексея Николаевича Оленина: он был не очень сообщителен, но учтив, приветлив и приятен в обращении, разумеется, с душком аристократическим. В тесном кругу был он весел и остер. Однажды Оленин жаловался на необразованность нашей публики. В одном публичном чтении в Императорской библиотеке слетело с верхней галереи яблоко. "Cela doit vous faire plaisir, – сказал Муравьев, – on a ecouté avec fruit"*. Нравом он казался очень кроток, и в нем никак нельзя было подозревать того исступленного революционера, того безумного предводителя шайки мятежников (и еще обманутых), каким он явился впоследствии. Общество людей в обыкновенное время похоже на озеро, гладкое в безветрие. Когда буря всколышет его, поднимутся на поверхность такие уродливые гадины, о существовании которых нельзя было бы и подумать. Конечно, Сергей Муравьев получил идеи и направление от воспитания своего во Франции, но сколько молодых русских, воспитанных там, остались чистыми и верными! По всему видно, что Сергей Муравьев действовал решительно, твердо, по внутренним убеждениям и остался им верен до конца. Он привезен был в петербургскую крепость в конце января. Когда его посадили в каземат, он написал на обороте оловянных тарелок, на которых подавалось кушанье арестантское: "Сергей Муравьев здесь". С тех пор стали давать им посуду глиняную. Отцу позволили посетить его в тюрьме. Старый дипломат огорчился, увидев сына своего в изодранном мундирном сертуке, обрызганном кровью (Сергей Муравьев был ранен, когда его взяли), и сказал, что пришлет ему другое платье. "Не нужно, – отвечал сын, – я умру с пятнами крови, пролитой за благо отечества!" Такое ослепление непостижимо! Несчастные слепцы не видели, что ведут свое отечество на край гибели. Удайся хоть часть их

---

*"Это должно быть вам приятно. Слушали не без плода" (*фр.*).

безрассудного, нелепого и глупого замысла, пропала бы Россия, стоявшая при Александре на высокой степени славы и могущества.

Я полагаю, что виною действий Сергея Муравьева была семеновская история. Не случись ее, он преспокойно прослужил бы в гвардии, получил бы полк или поступил бы в флигель-адъютанты, женился бы на богатой барышне и был бы теперь где-нибудь хорошим военным губернатором. Нет сомнения, что начала либерализма были питаемы в нем воспитанием и обучением во Франции, но они заглохли бы в шуме света, высохли бы от лучей царской милости: остался б человек благородный, умный, полезный отечеству. Он командовал в Семеновском полку ротою его величества, которая любила его, как отца. Прибыв благовременно в казармы, он успел было усмирить волнение, но какая-то нелепая весть вновь воспалила солдат. "Ваше высокоблагородие! – кричали они. – Не троньте нас, мы идем за своих".

Перевод его в армию, заградив ему путь службы, возбудил ненависть к престолу в высшей степени, беседа с Пестелем и другими поддерживала этот огонь, и Муравьев ринулся в бездну.

Достойно замечания, что одним из первых крикунов-либералов в Южной армии был знаменитый впоследствии начальник Штаба жандармов Леонтий Васильевич Дубельт. Когда арестовали участников мятежа, все спрашивали: "Что же не берут Дубельта?"

Впрочем, долг справедливости требует сказать, что Дубельт, в последней своей старости, вел себя как честный и благородный человек, если не сделал много добра, то отвратил много зла и старался помочь и пособить всякому. Он был очень полезен при бестактном Бенкендорфе и при добром, умном, но беспечном Орлове. Главным недостатком его было, что он обещал многое, чего не мог исполнить. Еще имели на него большое влияние женские глазки.

Брат Сергея Ивановича, Ипполит, убит был при усмирении мятежа при Белой Церкви. Матвей Иванович, другой брат, человек слабого телосложения, малорослый, тщедушный (тяжело раненный в 1813 г.), как видно, увлекся Сергеем: увидев всю важность своего преступления, он впал в отчаяние и искренно раскаялся. По прощении осужденных за мятеж, он поселился в Москве.

4. Подпоручика Бестужева-Рюмина я не знал, слышал только, что он был нечестивый, бестолковый фанатик, не знавший сам, что говорит и делает.

5. П е т р К а х о в с к и й, уроженец Смоленской губернии, сделавшийся мне известным летом в 1825 году, когда он приходил в гости к Кюхельбекеру, жившему у меня во время пребывания семейства моего на даче. Он был человек с виду невзрачный, с ничтожным лицом и оттопырившеюся губою, которая придавала ему вид какой-то дерзости. Образование его было недальнее. Известно, что он был убийцею Милорадовича, полковника Стюрлера и еще ранил одного офицера. Однажды вечером, когда я пил чай с Кюхельбекером, пришел к нему Каховский и, между прочим, рассказывал о приключениях своего детства. Он был в каком-то пансионе в Москве, в 1812 году, когда вступили туда французы. Пансион разбежался, и Каховский остался где-то на квартире. В этом доме поселились французские офицеры и с мальчиком ходили на добычу. Однажды приобрели они несколько склянок разного варенья. Должно было откупорить. За это взялся Каховский, но как-то неосторожно засунул палец в горлышко склянки и не мог его вытащить. Французы смеялись и спрашивали, как он освободит свой палец. "А вот как!" – сказал мальчик и, размахнувшись, разбил склянку об голову одного француза. Его приколотили за эту дерзость и выгнали. Это начало обещало многое, и он сдержал обещанное.

6. Князь С е р г е й Т р у б е ц к о й, самая жалкая фигура (chevalier de la triste figure) в этом кровавом игрище. Длинный, сухопарый, носастый, женатый на дочери графа Лаваля, образованный по-французски, как все ему подобные, умом ограниченный, сердцем трус и подлец, не знаю, почему он вошел в славу и почет у наших либералов. Как мужики боялись в бунте бросать казенными дровами, так и либералы, проповедовавшие равенство, охотно забирали под свои знамена князей и князьков всякого рода: и Трубецких, и Оболенских, и Щениных, и Шаховских, и Голицыных, и Одоевских, и графов, и баронов. Cela sonne bien!* Князя Трубецкого все знали за добряка и самого ничтожного человека и потому именно не могли бы подозревать не только в начальстве над заговорщиками, но и участии с ними. Он и повел себя удивительно. 12 числа был у Рылеева на сходбище, условился в действиях, но, проснувшись наутро 14 числа, опомнился, струсил, пошел в штаб, присягнул новому государю и спрятался у свояка своего графа Лебцельтерна, австрийского посланника. Когда его схватили и привели к государю, он бросился на колени и завопил: "La vie, Sire!"** Государь отвечал

* Это звучит хорошо! (*фр.*).
** "Жизни, государь!" (*фр.*).

с презрением: "Даю тебе жизнь, чтоб она служила тебе стыдом и наказанием". Он пережил время заточения и живет ныне в полуденной России.

7. Вильгельм Карлович Кюхельбекер, комическое лицо мелодрамы. Он воспитывался в лицее с Пушкиным, Дельвигом, Корфом и др., успел хорошо в науках и отличался необыкновенным добродушием, безмерным тщеславием, необузданным воображением, которое он называл поэзией, раздражительностью, которую можно было употреблять в хорошую и в дурную сторону. Он был худощав, долговяз, неуклюж, говорил протяжно с немецким акцентом. По выходе из лицея, был он учителем в одной из петербургских гимназий; потом поехал в чужие края секретарем при Александре Львовиче Нарышкине, который было полюбил его, но вскоре принужден был с ним расстаться. В Париже Кюхельбекер свел знакомство с какими-то либеральными литераторами и вздумал читать на французском языке лекцию в Атенее о литературе и политическом состоянии России, наполненную вздорными идеями, которые тогда (1820 г.) были в моде. Часть публики смеялась над ним; другая рукоплескала его выходкам. В конце речи он сделал какое-то размашистое движение рукою, сшиб свечу, стакан с водою, хотел удержать и сам слетел с кафедры. Один седой якобинец слушал его внимательно и поддержал его словами: "Ménagez-vous, jeune homme! Votre patrie a besoin de vous"*. Нарышкин, узнав об этом, взбесился и выгнал от себя Кюхельбекера, который пропал бы в Париже без помощи благородного Василья Ивановича Туманского (писателя с замечательным талантом, неизвестно почему оставившего службу и свет); он же помог Кюхельбекеру пробраться в Россию. Здесь он жил то в Москве, то в Петербурге, издавал в Москве с князем Одоевским журнал "Мнемозину", потом участвовал в разных изданиях петербургских. Пушкин любил Кюхельбекера, но жестоко над ним издевался. Жуковский был зван куда-то на вечер и не явился. Когда его спросили, зачем он не был, он отвечал: "Мне что-то нездоровилось уж накануне, к тому пришел Кюхельбекер, и я остался дома". Пушкин написал:

За ужином объелся я,
Да Яков запер дверь оплошно,
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно и тошно.

---

* "Берегите себя, молодой человек! Ваше отечество нуждается в вас" (*фр.*).

Кюхельбекер взбесился и вызвал его на дуэль. Пушкин принял вызов. Оба выстрелили, но пистолеты заряжены были клюквою, и дело кончилось ничем. Жаль, что заряд Геккерна был не клюквенный! Кюхельбекер служил в 1824 г. и на Кавказе, где приятелем его был Грибоедов, встретивший его у меня и с первого взгляда принявший его за сумасшедшего. На Кавказе он тотчас наделал глупостей, и Ермолов, называвший его "хлебопекарем", выпроводил чудака. В Петербурге он занимался литературою, и в последнее лето (1825 г.) жил у меня, когда семейство мое было на даче, как я сказал, говоря о Каховском. В сентябре он от меня выехал и поселился в доме Булатова, что ныне Китнера, на углу Почтамтской улицы и Исаакиевской площади. В обвинительном акте сказано, что он приступил к обществу вместе со многими другими; потом, что его приняли после получения известия о смерти Александра или даже накануне происшествия. В воскресенье 29 ноября он обедал у меня, был тих, скромен, изъявлял сожаления о смерти государя и прибавлял, улыбаясь: "Добрый был человек Александр Павлович; другой царь не так поступил бы со мною".

14 декабря, когда я, в собрании моего семейства (из посторонних были при том Булгарин, племянник его, Генерального штаба подпоручик, Демьян Александрович Искрицкий, и маклер Толченов), читал манифест, раздался громкий звон колокольчика в передней, и вошел Кюхельбекер, расстроенный, со взглядом театрального бандита, и, не здороваясь ни с кем, подошел и спросил у меня:

– Qu'est ce que vous lisez là? Je crois que c'est le manifeste?*

– Oui, c'est le manifeste. Ecoutez!** – отвечал я и продолжал чтение.

Когда остановился на одном каком-то пункте, он спросил по-русски:

– А позвольте узнать, от которого числа отречение Константина Павловича?

Я отвечал:

– Я и не видал. Посмотрим: от 26 ноября.

– От 26-го, – возразил он, – хорошо! прощайте!

Булгарин, с которым он в то время был на ножах, сказал ему, подавая руку:

– Здравствуйте, Вильгельм Карлович!

Он отвечал: "Здравствуйте и прощайте!" С этими словами

---

* – Что вы читаете? кажется, манифест? (*фр.*).

** – Да, манифест. Слушайте! (*фр.*).

он ринулся из комнаты. Матушка спросила у меня, что с ним сделалось.

— Ничего, — отвечал я, — вероятно, пишет оду на восшествие на престол.

Это было часу в двенадцатом утра. Вскоре потом актер Каратыгин и еще кто-то встретили его идущего в исступлении к Исаакиевской площади.

— Слышали ль вы, — спросил один из них, — на Исаакиевской площади бунт.

— Знаю, — отвечал Кюхельбекер, — это наше дело.

Подвиг его на площади описан в книге барона Корфа, который, однако, щадя школьного своего товарища, не называет его по имени. Он метил пистолетом в великого князя Михаила Павловича, которому был обязан своим воспитанием. Он был его пансионером, до вступления в лицей. Достойно замечания, что люди сметливые и проворные не успели бежать, а взбалмошный и бестолковый "хлебопекарь" утек из Петербурга и ушел бы за границу, если бы сам не сделал колоссальной глупости.

Когда сделалось известным, что Кюхельбекер бежал, приняты были все средства, чтоб узнать, где он, и схватить его. И меня при этом тревожили. В самый день 14 декабря часу в первом ночи, когда все в доме у меня улеглись спать, раздался громкий звон колокольчика у дверей. Я вскочил с постели, накинул на себя халат и вышел в гостиную. Двери отворились, и вошел полицмейстер Чихачев, сопровождаемый отрядом Санта-Германдада*, квартальными, жандармами, драгунами и т.п. Не извиняясь в том, что потревожил меня, он сказал мне: "Извольте отвечать на эти вопросы" — и подал мне бумагу, на которой было написано: "Где живет Кюхельбекер? Где живет Каховский?" При этом имени написано было в скобках: "(У Вознесенского моста, в гостинице "Неаполь", в доме Мюссара)". Было еще несколько имен, которых не упомню. Я отвечал:

— Кюхельбекер живет, сколько я знаю, неподалеку отсюда, в доме Булатова. У Каховского адрес показан, но верно ли, мне неизвестно. О прочих не знаю.

— Точно ли так? — спросил Чихачев.

— Точно!

— Знаете ли вы, кто написал это? Сам государь.

— Хорошо пишет! — сказал я.

---

* "Священная Германдада" — жандармерия испанских королей в XV–XVI вв.

Полицмейстер откланялся.

В четверток (17 декабря) пришел ко мне брат мой, стоявший в карауле в Зимнем дворце двое суток. Мы пошли с ним пройтись по улицам и около четырех часов подошли обратно к моей квартире (в доме Бремме) на углу Новоисаакиевской улицы и Исаакиевской площади. Я спросил, будет ли он у меня обедать. Брат извинялся тем, что не хочет в нынешнее смутное время оставлять свою роту. Вдруг увидели мы жандарма, который усиливался разобрать прозвание домохозяина на бляхе дома.

– Кого тебе надобно? – спросил я.

– В доме Бремме ищу коллежского советника Греча.

– На что тебе?

– Обер-полицмейстер просит его прийти тотчас к нему.

– Я этот Греч, – отвечал я, – ступай и скажи, что я сейчас буду.

С тем вместе сказал я брату: "Ты знаешь, куда я иду. Если не ворочусь, отыщи меня и приходи ко мне".

Нанял извозчика, заехал к Булгарину (жившему в Офицерской, в доме Струговщикова, ныне Сольского) и объявил, куда еду. Когда я вошел в гостиную обер-полицмейстера, Александра Сергеевича Шульгина, он, хватив полный стаканчик рому, и, вероятно, с утра не первый, сказал мне довольно учтиво:

– Я должен попросить у вас объяснения по одному делу и прошу вас сказать сущую правду, по долгу чести и присяги.

– И без этого предисловия, во всяком случае, скажу вам сущую правду. Что вам угодно знать?

– Знаете ли вы Кюхельбекера?

– Знаю, и очень коротко: он жил у меня все нынешнее лето.

– И вы его узнаете, когда его вам покажут?

– Непременно.

– Итак, пожалуйте.

Он ввел меня в другую комнату. Там поднялся с софы высокий, худощавый, молодой человек.

– Кюхельбекер ли это?

– Нет!

– А кто он?

– Не знаю.

Тогда молодой человек возопил жалким голосом:

– Как это, Николай Иванович, вы не хотите узнать меня. Сколько раз видали меня у Александра Федоровича Воейкова. Я Протасов, племянник Александры Андреевны.

Я вгляделся и вспомнил, что действительно его там видал.

– Довольно, – сказал Шульгин, – нам нет нужды знать, кто он; довольно того, что он не Кюхельбекер.

– В этом я могу вас уверить, – сказал я, – да как вы напали на этого господина?

– Мы ищем Кюхельбекера по сообщенным нам приметам. Вот полиция нашла этого долговязого господина, как он кутил в загородных трактирах, и наложила на него руку. Извините, что я вас обеспокоил.

– Очень рад, что не больше, – отвечал я и попросил скорее отпустить невинного.

Полиция искала Кюхельбекера по его приметам, которые описал Булгарин очень умно и метко. Но в Петербурге Кюхельбекера не было. Он, не знаю как, пробрался до Варшавы и оттуда легко успел бы уйти за границу: если б он говорил и имел дело только с поляками и жидами, то, вероятно, ускользнул бы от поисков, но судьба навела его на русских. Он вошел в одну харчевню или пивную лавочку в Праге (предместье Варшавы) и, увидев пирующих там солдат, подсел с ними, начал беседовать и вздумал ни с чего потчевать их пивом. В этой беседе открылся он весь, как был и как описан в приметах. Один из присутствующих, унтер-офицер гвардии Волынского полка Григорьев, догадался, кто должен быть этот взбалмошный угоститель, и закричал: "Братцы, возьмите его: это Кюхельбекер!" Раба божия схватили, заковали и отправили в Петербург.

Так как главною его виною было, что он метил пистолето в Михаила Павловича, великий князь просил о пощаде его. Кюхельбекер не был сослан в Сибирь, а сидел несколько лет на гауптвахтах в Финляндии и в западных губерниях. Между прочим, содержался он в Динабургской крепости, но ходил на свободе и занимался обучением детей коменданта. Наконец был освобожден, жил у сестры своей (Глинки) в Смоленской губернии и там умер. Великий князь, конечно, поступил великодушно, испросив облегчение судьбы несчастного, но Кюхельбекер был взбалмошный и полупомешанный человек и не мог подлежать суду уголовному (unzurechnungsfähig)*. Гораздо справедливее и человеколюбивее было бы отправить его на жительство в деревню к сестре в самом начале. Виноваты были те, которые взбаламутили слабую голову.

8. Михаил Карлович Кюхельбекер, брат

---

*Невменяем (*нем.*).

Вильгельма, но мало на него похожий, твердый характером, скромный, хороший морской офицер, правдивый и неуступчивый. Он видел все сумасбродство своего брата и старался его удерживать. "Вообразите, – говорил Вильгельм, – брат Михайло считает меня дураком". Михаил Кюхельбекер увлечен был в заговор, вероятно, дружбою с Николаем Бестужевым и Торсоном и безропотно подвергался постигшему его жребию. Братья не видались во все продолжение процесса. Когда их вывели из каземата (13 июля 1826 г.) на гласис Петропавловской крепости для выслушания приговора, а может, для отправления в Кронштадт, восторженный Вильгельм, еще размягченный в тюрьме, кинулся к Михаилу со слезами и с высокопарными фразами о покаянии, раскаянии, покорности судьбе и т.п. Михаил отвечал твердо и спокойно: "Я знал, что делал, знал, что произойдет из этого, и безропотно подвергаюсь заслуженному". Когда сосланным в Сибирь предложено было, в напутствие, исполнить долг христианский покаянием и причащением святых тайн, Вильгельм, приобщившись с глубоким чувством и горькими слезами, просил пастора смягчить затверделое сердце его брата. Михаил встретил пастора учтиво, почтительно, но спокойно и сказал: "Не чувствую теперь необходимости приобщаться. Еду в Сибирь по решению правительства, как, бывало, отправлялся в поход. Не зная за собою никакого греха, думаю, что могу ехать и так". Он отправился в Сибирь и безмолвно исполнял все, чего от него требовалось. По миновании годов каторги, он перешел на поселение и там познакомился с одною молодою девицею (кажется, дочерью священника), женился на ней и был совершенно счастлив! Что ж? Чрез несколько лет узнали, что он когда-то крестил с нею ребенка, и брак был расторгнут, на основании богопротивного закона о духовном родстве. Что было с ним потом, не знаю. Думаю только: "Должно же непременно быть возмездие на том свете за бедствия, претерпеваемые людьми в нынешнем от варварских законов, вымышленных невежеством, злобою и фанатизмом".

9. Александр Иванович Якубович, капитан знаменитого Нижегородского драгунского полка, был человек умный и образованный, но самый коварный, бессовестный, подлый и зверский из всех участников заговора и мятежа. В молодости служил в гвардии и был сослан на Кавказ за участие в поединке графа А.В.Завадовского с Шереметевым (который в нем был убит). Грибоедов, бывший секундантом Завадовского, отправился туда на службу и, поступив в канце-

лярию Ермолова, приобрел его уважение и дружбу. Якубович, недовольный Грибоедовым по случаю этой дуэли, вызвал его в Тифлисе и имел зверство умышленно ранить его в правую руку, чтоб лишить Грибоедова удовольствия играть на фортепиане. К счастию, рана была неопасна, и Грибоедов, излечившись, мог играть по-прежнему. Якубович храбро сражался с горцами, был ранен в голову и приехал в Петербург летом 1825 года. Он ходил с повязкою на голове, говорил громко, свободно, довольно умно и красноречиво и вошел в сношения с шайкою Рылеева. В нем заговорщики видели нечто идеальное, возвышенное: это был Дантон новой революции. 23 ноября был я на именинах Александра Бестужева (в квартире Сомова, в доме Американской компании). Беседа была приятельская, веселая, живая, но довольно скромная. В одиннадцатом часу приехал из театра Якубович и начал говорить очень дельно о обязанности офицера, отряженного на отдельный пост: он утверждал, что такой офицер не должен связываться словами данной ему инструкции, а обязан действовать по своим соображениям. Собственно, либерального и предосудительного не было сказано ни слова: в то время не знали еще о кончине государя. Из донесения Следственной комиссии видно, что Якубович, собственно, не вступал в заговор, но обещал заговорщикам свои услуги. Видно, что он поступал двулично. На площади он подходил к государю и предлагал ему свои услуги, чтоб убедить мятежников сдаться. Государь поручил ему сказать им, что дарует прощение всем, кроме главных зачинщиков. Якубович пошел к ним и, воротясь, донес, что они не соглашаются. Он заговорил еще что-то вполголоса. Государь наклонился, чтоб его выслушать. Вероятно, Якубович имел намерение убить государя, но у него не стало духу к исполнению. Вечером приехал он в дом генерал-губернатора, чтоб узнать, что делает граф Милорадович. В это время ехал к графу, лежавшему в конногвардейских казармах, адъютант его, Александр Павлович Башуцкий. Якубович предложил свезти его в своей карете четверкою. Башуцкий согласился и, войдя в карету, почувствовал, что сел на пистолеты.

— Это что?

— Они заряжены, — сказал Якубович. — Бунтовщики хотели меня убить за то, что я не соглашался войти в заговор с ними.

Якубович является самым гнусным лицом в этом деле. Другие разбойники и убийцы, Каховский, Щепин и т.п., действовали бесчестно, зверски, но с каким-то убеждением, а он играл и словом, и делом. Имей он силу, не знаю, что бы вышло. Я

слыхал, что и в Сибири оказывал он ту же бессовестность, то же коварство и был наказан, как наказывают каторжников. И такой человек жил и действовал между нами! И мы разделяли с ним трапезу, мы подавали ему руку!

10. Александр Александрович Бестужев, характер совершенно противоположный предыдущему; добрый, откровенный, благородный, преисполненный ума и талантов, красавец собою. Вступление его в эту сатанинскую шайку и содействие его могу приписать только заразительности фанатизма, неудовлетворенному тщеславию и еще фанфаронству благородства. Отец Бестужева, Александр Федосеевич, умерший рано, как я слышал, был человек умный и почтенный: он издал две книги о воспитании военного юношества. Мать была женщина простого звания. Александр Бестужев учился в Горном Кадетском корпусе и, вступив в военную службу, был адъютантом главноуправляющего Путями сообщения, генерала Бетанкура, а потом поступившего в ту же должность герцога Александра Виртембергского, брата императрицы Марии Федоровны. Он влюбился было в прелестную дочь Бетанкура, успел снискать и ее благоволение, но отец не соглашался на брак его. Бестужев впал в уныние и искал развлечений при скучной и безотрадной должности адъютанта докладывать о приходящих и отказывать докучливым. Познакомившись с Рылеевым, который был несравненно ниже его и умом, и дарованиями, и образованием, заразился его нелепыми идеями, вдался в омут и потом не мог или совестился выпутаться, руководствуясь правилами худо понимаемого благородства; находил, вероятно, удовольствие в хвастовстве и разглагольствиях и погиб! Вероятно, мучило его и желание стать выше, подняться до степени аристократов, игравших роль в обществе. Мало ему было славы и чести в русской литературе, в которой он явился с блистательным успехом и с некоторыми особенностями в мыслях и оборотах, которые один приятель назвал Бестужевскими каплями. Повесть его "Аммалат-бек" и некоторые другие, написанные им под гнетом тяжких обстоятельств, среди тундр якутских или под солдатскою шинелью в ущелиях Кавказа, свидетельствуют о его неотъемлемых, своеобразных талантах, которые, созрев в жизни благоприятной, дали бы ему почетное место в первом ряду русских писателей. Он просил меня из Якутска о присылке ему книг. Дело было щекотливое. Благонамеренные книги глупы или, по крайней мере, скучны. Других нельзя было отправить. Что же я сделал? Послал ему несколько латинских классиков с переводом en regard и пособия к изучению

латинского языка. Он этим воспользовался и чрез несколько времени стал понимать и читать римлян, которым прежде того вздумал было подражать.

В мятеж действовал он в Московском полку, но не он, а капитан князь Щепин-Ростовский зверски ранил несколько человек из начальников, старавшихся образумить ошеломленных солдат. Потом отправился он на площадь, впереди увлеченного баталиона, размахивая саблею и крича: "Ура, Константин! Долой Николая! Извести картофельницу!" (разумея Александру Федоровну). Народ думал, что не офицеры ведут солдат, а солдаты их гонят. Одна дама, увидев его на Исаакиевской площади в окно впереди неистовой толпы, открыла форточку и закричала: "Александр Александрович! ступайте сюда. Здесь вас не тронут!" Он был главным действующим лицом на площади и, когда мятежники разбежались, успел уйти и где-то скрыться. На другой день, услышав, что забирают людей невинных, что главные зачинщики стараются слагать вину на других, он явился вечером на гауптвахту Зимнего дворца и сказал дежурному по караульням полковнику:

– Я Александр Бестужев. Узнав, что меня ищут, явился сам.

Это было произнесено спокойно, просто. Увидев моего брата, бывшего в карауле, он сделал вид, будто его не знает.

– Вяжите его, – сказал солдатам один унтер-офицер.

– Не троньте его, – возразил Василий Алексеевич Перовский, только что назначенный в флигель-адъютанты, – он не взят, а сам явился, – и повел его к государю. Бестужев просто, откровенно и правдиво изложил пред государем все, как было, и умел заслужить внимание прямодушного Николая. Слова Бестужева принимаемы были без малейшего сомнения. Государь спросил у него:

– Скажи правду, участвовали ли в вашем деле журналисты?

– Нет, ваше величество, они не имели о нем ни малейшего понятия.

– Как же это? вы были с ними в беспрестанных сношениях.

– Булгарину мы не могли ввериться. Он поляк, и дело России ему чуждо. Греча мы не хотели запутать: он не одного с нами мнения, притом он отец семейства, да еще слишком доверчив и откровенен: тотчас разболтал бы нашу тайну.

Когда допрос кончился и Бестужева повели в крепость, великий князь Михаил Павлович нагнал его на крыльце и спросил убедительно:

– Скажи правду, Бестужев, знали ли Греч и Булгарин о вашем замысле?

— Ваше высочество! — сказал Бестужев. — Клянусь всем, если еще могу клясться: они были чужды всему этому делу и понятия о нем не имели.

Вследствие этого все наветы и доносы были отвергаемы государем и нас не тронули. Долгом считаю объявить об этом в честь Бестужева и для выражения ему чувств искренней благодарности за могилою. Он видит и слышит меня.

Таков он был и во все продолжение производства дела: говорил прямо и просто сущую правду и, сколько совместно с нею, щадил других. Государь, довольный его откровенностью и правдивостью, обещал ему прощение и сдержал свое слово, но по-своему. Его не отсылали на так называемую каторгу, но отправили на жительство в русский Сорренто — Якутск, а оттуда перевели в кавказский корпус солдатом. Бестужев нес службу безропотно и усердно, получил чин унтер-офицера, Георгиевский крест, был произведен в прапорщики и погиб в деле с горцами в лесу. Тело его не было найдено. Повышению его по службе и смягчению его судьбы повредила одна история. Он имел любовницу, унтер-офицерскую дочь. Она застрелилась у него в квартире. Обстоятельства этого самоубийства были неясны. Подозревали и обвиняли в умерщвлении ее ревность Бестужева. Дело это известно Богу. Нам остается только жалеть от глубины сердца о потере человека, который, при другой обстановке, сделался бы полезным своему отечеству, знаменитым писателем, великим полководцем: может быть, граф Бестужев отстоял бы Севастополь. Бог суди тех сумасбродов и злодеев, которые сгубили достойных иной участи молодых людей и лишили Россию благороднейших сынов! Остался урок потомству, да пользуются ли уроками? Послушайте, что говорят и толкуют ныне! (1859 г.)

11. Николай Александрович Бестужев, капитан-лейтенант, старший брат Александра, человек редких качеств ума, рассудка и сердца, искренний мне друг, уступал Александру в блистательных талантах и в пылкости характера, но заменял эти качества другими, менее великолепными, но тем не менее достойными обратить на него внимание и уважение людей. Он был воспитан в Морском корпусе и уже гардемарином был в действительном сражении при взятии англичанами 14 августа 1808 года линейного корабля "Всеволод", бывшего под командою капитана Руднева. Корабль "Всеволод", отрезанный от эскадры впадшего в ребячество престарелого адмирала Ханыкова, был атакован двумя английскими кораблями: один бил его с носу, другой сбоку. Он не сдавался и тогда, когда из

тысячи человек экипажа оставалось еще только восемьдесят. Флаг его был не спущен, а сбит неприятельским ядром. Бестужев был на одном из катеров, которые завозили канат.

Я познакомился с ним в 1817 году, отправляясь во Францию на корабле "Не тронь меня", на котором он был лейтенантом. Мы с ним подружились и оставались в неразрывных сношениях до несчастной эпохи 14 декабря. Бестужев занимался и литературою, писал умно и приятно. В "Сыне Отечества" напечатано любопытное его описание гибели брига "Фальк", взятое Головниным в собрание статей важнейших кораблекрушений. В последнее время находился он при начальнике маяков в Балтийском море вице-адмирале Леонтии Васильевиче Спафарьеве и лично содействовал улучшению этой части морского управления, но скучал и искал развлечения. Главною его слабостью была страсть к женскому полу, особенно к порядочным замужним женщинам. И в Кронштадте, и в Петербурге было у него несколько нежных связей, особенно занимала его одна любовь кронштадтская. И женщины привязывались к нему легко и страстно.

Но как мог человек умный, рассудительный принять участие в этом сумасбродном, нелепом предприятии? Я могу растолковать его тем только, что Николай Бестужев поступил в заговор позже своих братьев, которых он любил глубоко: он решился разделить с ними ожидавшую их участь и бросился стремглав в бездну. Направлению его ума содействовало еще другое обстоятельство. В 1821 году ходил он, как говорят моряки, на эскадре в Средиземное море и несколько дней пробыл в Гибралтаре. Там видел он, с высоты утеса, как испанцы королевские расстреливали на перешейке взятых ими безоружных либералов, сообщников Риего, расстреливали, как татей и разбойников, сзади. Это зрелище заронило в душу его ненависть к деспотическому испанскому правительству, да русское-то чем было виновато? У нас только что кололи аракчеевскими и голицынскими булавками, а кнуты еще были окунуты в святую воду! Но кто проникнет в душу человека, кто постигнет ее движения и порывы?

Сердце наше кладезь мрачный,
Тих, спокоен сверху вид,
А спустись на дно – ужасный
Крокодил на нем лежит.

Николай Бестужев обедал у меня на именинах 6 декабря с братьями своими, Александром и Павлом. Николай пришел позже, и я сказал ему:

— Пришел, спасибо. А я думал, что ты изменишь!

— Никогда не изменю! — сказал он твердым голосом, взглянув на Александра. А я, олух, еще пожал ему руку.

14 числа он вывел на площадь Гвардейский экипаж. В нем было несколько матросов, служивших под командою Бестужева на походе в Средиземное море. "Ребята! знаете ли вы меня? Пойдемте же!" И они пошли. Я видел, как экипаж, мимо конногвардейских казарм, шел бегом на площадь. Впереди бежали в расстегнутых сертуках офицеры и что-то кричали, размахивая саблями. Я не узнал в числе их Бестужева, да и до такой степени был уверен в неучастии его, что, услыхав о делах Александра, сказал с сердечным унынием: "Бедный Николай Александрович! Как ему будет жаль брата!"

По прекращении волнения Николай Бестужев уехал на извозчичьих санях в Кронштадт; переночевав у одной знакомой старушки, он на другой день сбрил себе бакенбарды, подстриг волосы, подрисовал лицо, оделся матросом и пошел на Толбухин маяк, лежащий на западной оконечности Котлина острова. Там предъявил он командующему унтер-офицеру предписание вице-адмирала Спафарьева о принятии такого-то матроса в команду на маяк.

— Ну, а что ты умеешь делать? — спросил грозный командир.

— А что прикажете, — отвечал Бестужев, прикинувшись совершенным олухом.

— Вот картофель, очисти его.

— Слушаю, сударь, — отвечал он, взял нож и принялся за работу.

Полиция, не находя Бестужева в Петербурге, догадалась, что он в Кронштадте, и туда послано было предписание искать его. Это было поручено одному полицейскому офицеру, который, лично зная Бестужева, заключил, что он, конечно, отправился на маяк, чтоб оттуда пробраться за границу. Прискакал туда, вошел в казарму и перекликал всех людей. "Вот этот явился сегодня", — сказал унтер-офицер. Полицейский посмотрел на Бестужева и увидел самое дурацкое лицо в мире. Все сомнения исчезли: здесь нет Бестужева: должно искать его в другом месте. Когда полицейский вышел из казарм, провожавший его денщик (бывший прежде того денщиком у Бестужева) сказал ему:

— Ведь новый-то матрос господин Бестужев, я узнал его по следам золотого кольца, которое он всегда носит на мизинце.

Полицейский воротился, подошел к мнимому матросу, который опять принялся за свою работу, ударил его слегка по плечу и сказал:

— Перестаньте притворяться, Николай Александрович, я вас узнал.

— Узнали? — сказал Бестужев. — Так поедем.

Военный губернатор отправил его в Петербург под арестом в санях на тройке. Когда приостановились перед гауптвахтою при выезде, он сказал случившимся там офицерам:

— Прощайте, братцы! Еду в Петербург: там ждут меня двенадцать пуль.

Дорогою по заливу, поравнявшись с полыньею, он хотел было выскочить из саней, чтоб броситься в воду, но был удержан. В Петербурге привезли его к морскому министру фон Моллеру, который, как все дураки, ненавидел в Бестужеве умного человека; он велел скрутить ему на спине руки и отправить днем по Английской набережной и по Адмиралтейскому бульвару в Зимний дворец. Один из адъютантов накинул на него шинель. Во дворце развязали ему руки и привели к императору.

— Вы бледны, вы дрожите, — сказал ему государь.

— Ваше величество! — отвечал Бестужев. — Я двое суток не спал и ничего не ел.

— Дать ему обедать! — сказал государь.

Бестужева привели в маленькую комнату Эрмитажа (в котором помещался тогда государь по случаю переделки комнат Зимнего дворца), посадили на диване за стол и подали придворный обед.

— Я не пью красного вина, — сказал он официанту, — подайте белого.

Он преспокойно пообедал, потом приклонился к подушке дивана и крепко заснул. Пробудясь часа через два, встал и сказал:

— Теперь я готов отвечать.

Его привели в прежнюю залу. Там поклонился он Василию Алексеевичу Перовскому как короткому знакомому и, увидев нового флигель-адъютанта Алексея Петровича Лазарева, сказал ему:

— Ну, Алешка! теперь перестанешь шалить!

Его ввели в кабинет государя. Он не только отвечал смело и решительно на все вопросы, но и сам начинал говорить: изобразил государю положение России, исчислил неисполненные обещания, несбывшиеся надежды и объяснил поводы и ход замыслов. Государь выслушал его внимательно, и нет сомнения, что не одна истина, дотоле неизвестная, упала в его душу.

Обряд лишения чинов и дворянства был исполнен над флот-

скими офицерами в Кронштадте, на военном корабле. Их отвезли туда из петербургской крепости ночью (на 13 июля) на арестантском катере. Бестужев спокойно беседовал дорогою с командующим и караульными офицерами, не жаловался, не сетовал на судьбу.

– Я заслужил смерть, – говорил он, – и ожидал ее. Теперь все время, что проживу, будет для меня барышом и подарком. Но вот кого мне жаль – этих бедных юношей (указывая на приговоренных мичманов, спавших крепким сном молодости): они дети и не знали, что делали.

Так, Николай Александрович, они дети, но зачем те, которые знали, что делают, увлекали детей? Тяжкая ответственность за гибель этих юношей легла на вас, старших, умных, пред их родителями и пред Богом! Правительство в этом винить нельзя: оно еще смягчило наказание, по собственному вашему признанию!

В Кронштадте он взошел по трапу на корабль, бодро и свободно, учтиво поклонился собравшейся там комиссии адмиралов и спокойно выслушал чтение приговора.

– Сорвать с него мундир! – закричал один из адмиралов, вероятно, породнившийся с Бестужевым посредством своей супруги.

Два матроса подбежали, чтоб исполнить приказание благонамеренного начальства. Бестужев взглянул на них так, что они остолбенели, снял с себя мундир, сложил его чиннехонько, положил на скамью и стал на колени, по уставу, для переломления над ним шпаги. Когда его привезли назад в Петропавловскую крепость для отправления в ссылку, я пошел к военному генерал-губернатору, добрейшему Павлу Васильевичу Голенищеву-Кутузову, и просил его дать мне свидание с Николаем Бестужевым.

– Родственник ли вы ему? – спросил Кутузов.

– Нет, ваше высокопревосходительство.

– Так нельзя.

– Никак нельзя?

– Никак!

– Но позвольте мне проститься с ним хоть письменно: он друг мне.

– Извольте.

Я сел за стол и написал несколько строк, продиктованных мне сердцем. Кутузов сам отдал их Бестужеву и рассказал мне, с каким восторгом несчастный принял этот привет дружбы.

И л ю б о в ь его не оставляла. Одна дама прислала ему из

Кронштадта свой портрет и колоду карт для препровождения времени гранд-пасиансом. Бестужев, мастер на все руки, сберег рыбные кости от своего обеда, повытаскал нитей из наволочки и из этих припасов, без всякого инструмента, смастерил красивенький гребешок: не знаю, дошел ли он по адресу. Чрез несколько лет, на танцовальном вечере у Петра Ивановича Рикорда, где было несколько дам из Кронштадта, две молоденькие, хорошенькие девицы, дочери одного адмирала, посматривали на меня с большим вниманием и как бы хотели заговорить со мною, а я этого и не заметил. Им интересен был во мне друг друга их матери... Бестужев скоро нашелся в ссылке, занимаясь чтением, живописью. В первые годы нарисовал он несколько акварельных портретов, в том числе и свой — очень похожий, только по лбу шла глубокая морщина, проведенная страданиями. Потом занялся он механическими работами: придумал какую-то повозку, удобную для того края, и вообще старался быть сколько возможно полезным в своем кругу. Он скончался в 1854 году, не дождавшись своего освобождения. Император Николай Павлович лишал себя большого наслаждения — заключающегося в праве миловать. Карает закон, но закон постановлен людьми и людьми же исполняется, а люди ошибаются на каждом шагу. Благость же и милосердие исходят от божества и не ошибутся никогда.

12. Михаил Александрович Бестужев, третий брат, человек простой и недальний, был лейтенантом во флоте и перешел потом в Московский полк (полагают, чтоб успешнее содействовать в мятеже); он участвовал в бунте без сознания, что поступает дурно. То же можно сказать и о четвертом, Петре Бестужеве: он был лейтенантом. Наказание сильно подействовало на душу последнего: он помешался в уме и был отдан матери с тем, чтоб жить у ней в Новгородской губернии, и там умер. Пятый брат, Павел, мальчик живой и умный; воспитанный в Артиллерийском училище, был во время мятежа в верхнем, офицерском, классе. Его не удостоили чести принятия в этот гибельный круг*, но он пострадал за родство с несчастными. В августе 1826 года во время иллюминации по случаю коронации Павел Бестужев проталкивался в толпе народа на Невском проспекте, у Казанского моста, и за что-то поспорил с одним из прохожих, но без всяких последствий. Воейков, смотревший иллюминацию из окна книжного магазина Сленина, бывшего в доме Энгельгардта, где теперь магазин

**Первоначально было:* дьявольский.

русских изделий, донес полиции, что Бестужев буянил на улице и произносил дерзкие речи: его отправили на Кавказ, где он несколько лет боролся в горах с черкесами, а в Сухум-Кале с убийственною лихорадкою. Он прилежно занимался артиллериею и придумал новые превосходные диоптры для прицела орудий; на отливку их он пожертвовал своим медным чайником. Изобретение его было найдено полезным, и он переведен был в бригаду, стоявшую в Москве. Он выслужился и, как я слышал, женился на любезной и богатой девице. Итак, уцелел хотя один Бестужев! Что сталось с Михаилом, не знаю.

13. Артамон Захарьевич Муравьев, полковник, командир Ахтырского гусарского полка, брат графини Канкриной, надутое, не весьма умное существо. Я бывал с ним на обедах у Чебышева и коротко его не знаю; только он отнюдь не походил на заговорщика.

14. Никита Михайлович Муравьев, сын Михаила Никитича, молодой, благородный, образованный, добрый человек, несколько сериозный и дикий, был офицером Генерального штаба и находился среди самого омута заговора. Он был мечтателем, фанатиком либерализма. Увидев слишком поздно бездну, в которую ринулся с своими сообщниками, он ужаснулся и искренно раскаялся в своем непростительном заблуждении, которому началом была благородная любовь к отечеству. Достойно замечания, каким образом зародились в нем идеи Запада. Он произведен был в офицеры в 1815 году и находился в штабе князя Волконского при вторичном занятии Парижа. Ему дали квартирный билет в такой-то улице, под нумером таким-то. Муравьев отыскивает дом – огромный, великолепный и, не желая беспокоить жильцов бельэтажа, идет в верхний ярус и предъявляет билет. Его встречают досадою и жалобами:

– Мы люди бедные, живем в тесноте, делиться с вами не можем: подите в бельэтаж к г. Ледюку*, он живет на просторе, один и поместит вас гораздо лучше.

Муравьев спускается по крыльцу, звонит у дверей. Отворяют.

– Monsieur Le Duc?

– C'est içi, monsieur, entrez**, – отвечает лакей и вводит его в комнаты.

Его встречает учтиво человек средних лет, благородной наружности и, увидев билет, говорит:

* Le Duc, т.е. герцог.
** – Господин Ледюк?
– Здесь, сударь, войдите (*фр.*).

— Радуюсь, что ко мне на постой назначен русский. Извольте выбрать себе комнату.

Скромный офицер отвечает, что будет доволен всякою.

— Не угодно ли вот эту? — спрашивает господин, отворяя дверь в уютный кабинет с алковом, в котором стояла кровать.

— Очень охотно, — отвечает Муравьев, — благодарю вас всепокорнейше.

— Да вы с дороги устали, вероятно, проголодались. Позвольте предложить вам завтрак.

— Принимаю с удовольствием.

В ту же минуту накрыли на стол и принесли великолепный завтрак с шампанским и пр. Хозяин радовался аппетиту молодого человека, потчевал его, стараясь угодить ему.

Насытившись, Муравьев встал, поблагодарил и сказал, что должен идти по службе. В передней спросил он у слуги: кто этот господин Ледюк?

— C'est le Duc de Vicence.

— C'est donc monsieur de Caulincourt, ancien ambassadeur en Russie?

— Oui, monsieur!*

Муравьев поспешил воротиться в гостиную и извинялся пред хозяином, что поступил с ним так cavalièrement.

— Нимало! — отвечал Коленкур. — Хорошо было бы, если б все поступали в земле неприятельской, как вы. Я искренно предан вашему государю, в нем одном вижу надежду на спасение Франции; о России сохраняю самое приятное воспоминание и считаю обязанностью служить русским, чем могу. Вы одолжите меня, если будете ежедневным моим гостем. Вы найдете у меня общество, в котором не соскучитесь.

Действительно, общество было очень интересное: оно состояло из бонапартистов и революционеров, между прочими приходил очень часто Бенжамен Констан. Замечательно во Франции постоянное сродство бонапартизма с революциею: синий мундир подбит красным сукном. И нынешний Гришка Отрепьев, принизив Францию самым постыдным и оскорбительным игом, твердит о правилах 1789 года, низвергших династию Бурбонов. В этой интересной компании неопытный молодой человек напитался правилами революции, полюбил республику, возненавидел русское правление. Удивительно ли, что он вступил в союз,

---

* — Это герцог Виченский.
— Следовательно, это г. де Коленкур, бывший послом в России?
— Да, сударь (*фр.*).

составившийся для ниспровержения трона: в слепоте своей он воображал, что идет к блистательной цели.

Поэт Батюшков, двоюродный его брат, будучи всем обязан отцу, нежно любил сыновей. Батюшков состоял в двадцатых годах при посольстве в Неаполе, видел всю ничтожность, всю гнусность революции и потом содрогался, видя казни, которым подвергаемы были не одни преступники, но также восторженные мечтатели и легкомысленные говоруны. Воротясь в Россию, он, вероятно, узнал от Никиты Муравьева о существовании тайных замыслов; может быть, ему и предложено было вступить в союз... Он ужаснулся и сошел с ума. Вот, по моему мнению, истинная причина расстройства его рассудка. Он возненавидел род Муравьевых, гнушался Никитою, проклинал его мать, называя ее по фамилии отца Колокольцовою... В то время (1822) вышла моя "История русской литературы". В ней помещено суждение П.А.Плетнева о творениях Батюшкова, о его поэтическом даровании, суждение самое справедливое и благоприятное. Батюшков нашел в нем не только оскорбление, но и донос, жаловался на Плетнева, называя его, будто по ошибке, Плетаевым. Напрасно все мы (особенно честный, благородный Гнедич), не подозревая, чтоб болезнь его могла усилиться до такой степени, старались его образумить. В последний раз виделся я с ним, встретившись в Большой Морской. Я стал убеждать его, просил, чтоб он пораздумал о мнении Плетнева. Куда! – и слышать не хотел. Мы расстались на углу Исаакиевской площади. Он пошел далее на площадь, а я остановился и смотрел вслед за ним с чувством глубокого уныния. И теперь вижу его с у б т и л ь н у ю фигурку, как он шел, потупив глаза в землю. Ветер поднимал фалды его фрака... Всех лучше ладил с ним кроткий, терпеливый Жуковский, но и тот, наконец, с грустью в душе, отказался от надежды образумить несчастного друга. И вот Россия лишилась гениального поэта, благородного человека, полезного гражданина! И сколько еще потеряла она от последствий этого бедственного стечения людей и обстоятельств.

Брат Никиты Муравьева, А л е к с а н д р, корнет Кавалергардского полка, молодой, тихий и недальний человек, удостоен был участия в заговоре и погиб ни за что.

15. И в а н И в а н о в и ч П у щ и н, один из воспитанников Царскосельского лицея, первого блистательного выпуска, благородный, милый, добрый молодой человек, истинный филантроп, покровитель бедных, гонитель неправды. В добродетельных порывах, для благотворения человечеству вступил

он на службу, безвозмездно по выборам, в Уголовную палату, познакомился на беду свою с Рылеевым, увлекся его сумасбродством и фанатизмом и сгубил себя. Он выстрадал с лишком тридцать лет в Сибири; был освобожден с прочими, женился и в нынешнем (1859) году умер от болезни в Петербурге. Я не имел случая видеть его по возвращении. Память о его уме, сердце и характере и глубокое сожаление о его несчастии останется навеки в глубине души моей. Брат его, капитан Гвардейского саперного баталиона, человек тоже хороший и благородный, пострадал также.

16. Николай Иванович Тургенев. Достойна замечания судьба этого семейства. Отец их, Иван Петрович Тургенев, бывший куратором Московского университета, друг и товарищ Новикова, поплатился и пострадал за эту дружбу при гонении, воздвигнутом на мартинистов в конце царствования Екатерины II. Сколько можно догадываться, она преследовала в них не вольнодумцев, не якобинцев, а приверженцев наследника своего Павла Петровича. Это явствует и из того, что Павел, человек, конечно, не либеральный, освободил и возвысил всех их, лишь только вступил на престол. У Ивана Петровича были четыре сына: Андрей, Александр, Николай и Сергей. Все они получили основательное и блистательное воспитание, сначала в Московском университете, потом в Геттингенском университете, и обещали принести своему отечеству большую пользу своими дарованиями, умом, познаниями и характером. Надежды эти не сбылись. Андрей, товарищ Жуковского, умер в молодых летах: память его осталась в прекрасной элегии, написанной его другом. Прочие трое были в государственной службе и шли вперед очень быстро и счастливо. Каждый из них имел по нескольку мест и, разумеется, с хорошим жалованьем: Александр был и директором Департамента духовных дел, и статс-секретарем в Государственном совете, и в Комиссии составления законов: немногое делал сам, прочее заставлял делать других, разъезжал с визитами, по обедам и балам, был человек умный, приятный и очень добродушный, особенно, если дело или лицо не касались мнений и интересов партии. А к какой партии он принадлежал? По службе к голицынской, антиаракчеевской, а по литературе — к карамзинской. Свет литературный делился тогда на две, резко обозначенные, партии — Шишкова и Карамзина. К первой принадлежали все Кутузовы, Кикин, И.С.Захаров, Хвостов (Александр Семенович), князь Шаховской и вообще большая часть членов "Беседы Любителей Русского Слова". К последней —

Дмитриев, Блудов, Дашков, Тургенев, Жуковский, Батюшков, В.Л.Пушкин, Вяземский и т.д. Державин, Крылов, Гнедич держались средины, более склоняясь к последней.

Карамзинолатрия достигла у его чтителей высшей степени: кто только осмеливался сомневаться в непогрешимости их идола, того предавали проклятию и преследовали не только литературно. Гораздо легче было ладить с самим Карамзиным, человеком кротким и благодушным, нежели с его исступленными сеидами. Дух партии их был так силен, что они предавали остракизму достойнейших людей, дерзавших не обожать Карамзина, но и приближали к себе гнусных уродов, подделывавшихся под их тон, как, например, вора Жихарева, воришку Боголюбова*, мужеложника Вигеля, величайшего в мире подлеца Воейкова. Второю с о б е н к о ю** этого круга был Ж у к о в с к и й. Его любили, честили, боготворили. Малейшее сомнение в совершенстве его стихов считалось преступлением. Выгоды Жуковского были выше всего. Павел Александрович Никольский, издавая "Пантеон русской поэзии", не думал, что может повредить Жуковскому, помещая в "Пантеоне" его стихотворения. Александр Тургенев увидел в этом денежный ущерб для Жуковского, которого сочинения тогда еще не были напечатаны полным собранием, и, однажды заговорив о них с Гнедичем на обеде у графини Строгановой, назвал Никольского вором. Гнедич вступился за Никольского. Вышла побранка, едва не кончившаяся дуэлью. Никольский, узнав о том, перестал печатать в "Пантеоне" сочинения Жуковского; об этом предмете, вероятно, придется мне говорить со временем. Эти исступленные фанатики требовали не только признания таланта в Карамзине, уважения к нему, но и самого слепого языческого обожания. Кто только осмеливался судить о Карамзине, видеть в его творениях малейшее пятнышко, тот в их глазах становился злодеем, извергом, каким-то безбожником. В.Л.Пушкин сказал о приверженцах Шишкова:

И аще смеет кто Карамзина хвалить,
Наш долг, о людие, злодея истребить.

То же можно было сказать о противной партии, переложив только первый стих:

И аще смеет кто Карамзина с у д и т ь.

Приверженцы Карамзина составили особое закрытое литературное общество под названием "Арзамас", в которое прини-

---

* О Боголюбове см. ниже отдельный очерк Греча.

** По Далю: "собинка – милый, дорогой, баженый, моленый".

мали людей, поклявшихся в обожании Карамзина и в ненависти к Шишкову. Каждый при вступлении должен был прочитать похвальное слово, сатиру или что-нибудь подобное в восхваление идола и в унижение противника. Я был всегда ревностным чтителем Карамзина, не по связям и не по духу партии, а по искреннему убеждению; ненавидел Шишкова и его нелепых хвалителей и подражателей, но не налагал на себя обязанности кадить Карамзину безусловно и беспрестанно, и потому не только не был принят в "Арзамас", но и сделался предметом негодования и насмешек его членов. Приверженцы же Шишкова злились на меня и преследовали меня за действительную мою оппозицию. Впоследствии роли переменились. Например Блудов, самый исступленный карамзинист, веровавший в "Бедную Лизу" как в Варвару-великомученицу, сделался по Министерству просвещения товарищем Шишкова. Один Дашков остался верен своему призванию. Лет чрез пятнадцать после того, бывши товарищем министра внутренних дел, он, при встрече, спросил у меня:

– И вы не обратились к Шишкову?

– Нет, – отвечал я, – остался при прежнем мнении. А вы, Дмитрий Васильевич?

– И я т-т-то-же. У меня два в-в-ра-га: Ш-и-ш-шков и т-т-урки, – отвечал он, заикаясь.

Воротимся к Александру Тургеневу. Он был любимцем князя Голицына и служил очень счастливо. Этот добрый, но ветреный и мечтательный человек был в звании директора Департамента духовных дел, одним из секретарей Библейского Общества и наружным приверженцем английского мистицизма. (Подробно говорю об этом в статье о деле Госнера.) Жил он в верхнем этаже казенного дома, занимаемого А.И.Голицыным (на Фонтанке, насупротив Михайловского замка, где ныне живет гр. Адлерберг). Братья Тургеневы были связаны между собою самою нежною любовью и жили вместе: все они были холостые. Сергей Иванович учился, как и прочие, в Московском, а потом в Геттингенском университете и, по фамильному праву Тургеневых, имел места и получал жалованье по разным ведомствам: он был секретарем при графе М.С.Воронцове, командовавшем корпусом, стоявшим во Франции, а потом, между прочим, состоял при Комиссии составления законов. После падения Сперанского (1812) дела в ней шли вяло и безотчетливо. Чиновники – синекюристы, не уважавшие пустого и подлого своего начальника барона Розенкампфа, разделили дела между собою полюбовно, пописывая каждый про

себя, что ему вздумается. Сергей Тургенев писал проект Уголовного устава. Однажды, летом 1823 г. на Черной Речке, я застал его за работою и полюбопытствовал посмотреть. Составляя лестницу преступлений и полагаемых за каждое наказаний, он написал: "№ 2. За умысел государственной измены, посягательство на особу государя и т.п. – смертная казнь. № 3. За раскаяние в том ссылка в Сибирь и т.д.", вместо того, чтоб сказать: "В случае раскаяния казнь смягчается". Прочитав эти строки, я сказал ему мое мнение. Он сам рассмеялся и сказал: "Да я это только так набросал". А посмотревши на этих господ, бывало, подумаешь: вот великие, государственные люди, поднимают нос, презирают всех, весь род человеческий, кроме Карамзина, Орденского Капитула и Государственного казначейства.

Самым умным и солидным и к тому наиболее знающим был младший, Николай, хромой на левую ногу от следствий золотухи. И он учился в Геттингене, и он шел по службе счастливо и быстро, но он заслуживал это добросовестным исполнением своей обязанности, примерною деятельностью и благородным бескорыстием. Он был правителем дел у знаменитого барона Штейна и пользовался его искреннею дружбою и доверенностью, впоследствии помощником статс-секретаря в Государственном совете. Он имел глубокие познания в финансовой науке (чему доказательством служит его "Опыт теории налогов") и писал по-русски, как ныне, конечно, никто не пишет. Живя и служа долго в чужих краях, он увлекся очень легко понятиями о законности, о свободе и равенстве людей и точно помешался на мысли, впрочем, справедливой, о необходимости истребления рабства в России[16] и о введении в ней благоустроенного правления. В Совете он был верным последователем благородного, но пылкого мечтателя, графа Николая Семеновича Мордвинова, одного из достойнейших людей, родившихся на небогатой ими русской почве. Неудивительно, что его пригласили ко вступлению в Союз Благоденствия, что он участвовал в его собраниях, трудах и планах, но этот союз прекратился в 1821 году и с тех пор не возобновлялся. Тургенев участвовал в последовавших событиях и делах только сочувствием своим, только выражением своих мнений и желаний, но ни словом, ни делом: обвинение его произошло от легкомыслия, бестолковости и – tranchons le mot – глупости Блудова, который, может быть, увлекся и желанием явить свое беспристрастие беспощадностью к брату бывшего его друга и сопоклонника в храме святого Карамзина. Николай Тургенев был в отсутствии из России с весны 1824 года, следственно, не мог участвовать

в делах, происходивших в 1825 году, и вообще не мог быть уличен ни в каком преступлении. Брат его, Александр, употреблял все средства к его спасению, и напрасно.

Летом 1826 года (отличавшимся необыкновенною засухою) шел я в светлую полночь по Невскому проспекту. Вижу: идут по другую сторону Александр Тургенев и Блудов, взявшись под руки. Александр смотрит Блудову в лицо с выражением недоумения, боязни и печали. Блудов, в глубоком трауре и в плерезах, размахивает правою рукою и говорит что-то с жаром. Дело кончилось осуждением Николая Тургенева к позорной смертной казни за преступление, которого он не мог сделать. Его обвиняли в словах, произнесенных будто бы им в 1825 г., когда он был в чужих краях. Винили Тургенева за то, что он не явился к суду, когда его приглашали. Я никак не виню его в том. Если бы суд был правильный, благоразумный, справедливый, беспристрастный, гласный, он непременно бы ему подвергся. А кто явится добровольно на шемякин суд? Я порицаю его за издание книги: "La Russie et les Russes". Он имел все право оправдаться пред своими соотечественниками и Европою, но должен был сделать это с простотою и благородством, тоном благородным и приличным. Ему поверили бы вполне. Но он избрал тон дерзкий, бранчливый, отзывавшийся желчью и злобою. Человек правый так оправдываться не должен. Во всем этом plaidoyer* не видать ни искры чувства, любви к отечеству, к его страданиям. В нем господствует строгая логика предубеждения, которую другою логикою опровергнуть можно. И притом какая односторонность! Тургенев полагает все спасение России от прекращения крепостного права. Мне кажется, что это одно нам не поможет и что, при совершенном расстройстве нравственности и недостатке истинной душевной религии, при безнравственности мелких чиновников наших, освобождение диких рабов принесет России полное разорение и неисчислимые бедствия. Пишу эти строки 2 июля 1859 года. Дай Бог, чтобы мое предчувствие не сбылось.

Еще одно обстоятельство говорит против Тургенева. Доколе жив был брат его Александр, доколе еще Николай не получил всего своего наследства из России, он молчал, но, получив деньгами все свое фамильное достояние, он заговорил смело. Прощу это всякому, только не либералу. Это я говорю по искренней совести, а не по чему иному. В 1853 году встретился

---

* Защитительной речи (*англ.*).

я с Тургеневым в Париже, в Rue de la Paix, подошел к нему, поздоровался с ним. Он изумился.

— Я думал, — сказал он, — что вы не захотите узнать меня.

— А почему же нет? Я вижу в вас старого знакомца, которого всегда уважал, и бесчестно было бы, если бы я от вас отрекся.

— А вот Жуковский, — сказал он, — не хотел видеться со мною в Женеве без высочайшего позволения.

— Жуковский — иное дело, — сказал я, — он служил при дворе, при обучении царских детей, следственно, обязан был наблюдать отношения, которые меня не связывают.

На другой день пригласил он меня к себе. Я обедал у него два раза в кругу милой семьи и всячески старался образумить насчет императора Николая Павловича. Когда он воротился в Петербург в 1856 году, первый его визит был у меня. И нынче в 1859 году посетил он меня и упрекал, что я ничего не пишу об освобождении крестьян. Я сказал ему, что считаю это дело важным и необходимым, желаю и надеюсь ему успеха, но писать не стану, потому что не имею об этом предмете достаточных понятий. Кажется, он не был этим очень доволен. Он приехал в Россию, чтоб вступить во владение тремястами душ, доставшимися ему по наследству. Любопытно знать, откажется ли он от них на основании своих теорий. Жаль, что Россия не пользовалась умом, дарованиями и познаниями этого необыкновенного человека. Он сделался бы превосходным министром финансов или юстиции. А там Вронченко, Брок, Панин! Брат его Сергей находился в 1825 году в Дрездене, любезном ему потому, что он был секретарем саксонского генерал-губернатора князя Репнина. Узнав об участи, постигшей брата его, Николая, он сошел с ума и вскоре умер.

Должно отдать полную справедливость благородству брата его Александра. После несчастия, которому подвергся Николай, он вышел в отставку, несмотря ни на какие убеждения и обещания. Александр Иванович отправился в чужие края и занимался там отыскиванием, в архивах и библиотеках, материалов и документов касательно Русской Истории. Он несколько раз приезжал в Россию и умер в Москве, в 1845 г.

Не так поступили другие родственники погибших в этом водовороте, например графиня Лаваль, теща кн. Трубецкого, давала пиры и балы, между тем как дочь ее изнывала с благородным самоотвержением в Сибири. Эта женщина и жалкий муж ее были в общем презрении у двора и в публике, доколе племянник ее, князь Белосельский, не женился на падчерице графа Бенкендорфа: тогда и они пошли в гору.

Замечательно, каким образом Тургеневы пострадали от закадычных друзей своих. Во-первых, засудил Николая Блудов; во-вторых, разорил их Жихарев, которому они поручили домы свои. Он заложил их имения, а деньги взял себе. Теперь он, до первого гласного мошенничества, председатель театрального комитета и с пособием друзей своих, подобных негодяев, Краевского и др. сочиняет Театральный устав. Может ли быть благоустройство в Империи, где не способности, не ум, не заслуги, не честность дают места, а располагают ими случай, подлость и деньги, где явный мошенник и вор терпимы в обществе и получают награды, а достоинство и заслуга в тени и презрении, потому что гнушаются дышать тлетворным воздухом в передних знатных бар и будуарах развратных женщин. Все государство сгнило в своих основаниях и, если Бог не сотворит чуда, не пошлет ему истинно великого государя, каковы были Петр и Екатерина II, разрушится на мелкие части, оставив потомству урок верный, но бесплодный, как и все уроки истории!

17. Гавриил Степанович Батеньков, сын бедного офицера, служившего в Сибири, воспитывался в I Кадетском корпусе, учился с большим прилежанием и был выпущен в артиллерию. В 1814 году, на походе во Францию, командовал он в одном сражении двумя орудиями и, окруженный многочисленным французским отрядом, защищался отчаянно, не хотел сдаваться и пал со всею своею командою. В донесении сказано было: "Потеряны две пушки, со всею прислугою, от чрезмерной храбрости командовавшего ими офицера Батенькова". Французы, убирая мертвые тела, заметили в одном из них признаки жизни, привели израненного в чувство и отправили в лазарет. Это был Батеньков. Его вылечили и вскоре разменяли. По возвращении в Россию, не чувствуя охоты к гарнизонной службе, ограничивающейся караулами и парадами, Батеньков перешел в ведомство Путей сообщения; там охотно приняли хорошего математика. Он принялся за дело усердно и внимательно и вскоре приобрел славу умного, знающего, полезного, но беспокойного человека, – титул, даваемый всякому, кто не терпит дураков и мошенников. Его не выгнали, а командировали в Иркутск, где он не мог мешать никому, потому что там по части путей сообщений ровно ничего не делают. В 1816 году происходила знаменитая ревизия Сибири. Сперанский был послан туда для исследования злоупотреблений, притеснений и тиранств Пестеля, Трескина и других коршунов, терзавших несколько лет эту несчастную страну; Сперанский очутился там, как в лесу,

среди диких зверей и подлых скотов, не знал, на кого положиться, кого избрать себе в сотрудники. В числе представлявшихся ему лиц заметил он инженер-майора путей сообщения, явившегося к нему с прочими чиновниками Иркутской губернии. Молодой человек говорил умно, свободно, без раболепства и показывал совершенное знание тамошнего края и лиц. Сперанский взял его в свою канцелярию и вскоре убедился, что не ошибся. Батеньков понял дело в совершенстве и вскоре сделался правою рукою Сперанского. Он владел пером в высокой степени и написал много проектов, и в том числе (замечательно!) устав о ссыльных.

По возвращении Сперанского в Петербург и по представлении им донесений и отчетов своих в Государственный совет все знающие люди изумились скорой и тщательной их обработке. Граф Аракчеев, искавший (как я сказал где-то выше, примеч.) людей способных, спрашивал у Сперанского, кто помогал ему. Сперанский назвал Батенькова и, по просьбе Аракчеева, предложил ему вступить в службу по военным поселениям. Батеньков принял предложение с тем, чтоб ему не давали ни чинов, ни крестов, а только положили хорошее содержание. Его назначили членом Совета военных поселений с десятью тысячами рублей (ассигн.) жалованья. Он работал усердно и неутомимо, Аракчеев был им доволен, называл его: мой математик, но мало-помалу охладел к нему, стал им пренебрегать, обременял работою, не давая никакого поощрения. Батеньков жил в Петербурге у Сперанского (в доме Армянской церкви), занимался науками, например, изъяснением египетских иероглифов и исследованием разных отраслей государственного управления. Однажды прочитал он мне прекрасный проект устройства гражданской и уголовной части, в котором было много ума, начитанности, наблюдательности и ни малейшей собственно политической идеи, которая заставила бы подозревать его в либерализме. Все знали, что он приближен к Аракчееву и пользуется его доверенностью, и потому многие боялись и остерегались его. Видя в нем человека умного, интересного и прямодушного, я обращался с ним просто и находил большое удовольствие в его беседе. Выше описал я сцену, бывшую у меня с ним на обеде у Булгарина. Я принял его слова за шутку или, по крайней мере, за простое предположение без всякого умысла. Но, видно, он в то уже время сошелся с заговорщиками, но не считал их дела сериозным, потому говорил о их планах откровенно и свободно, не подозревая их противозаконности и опасности.

26 ноября 1825 г. обедал я с ним у И.В.Прокофьева и до обеда беседовал. Он сообщил мне, что ему надоело служить у гадины Аракчеева, что он выходит в отставку и хочет посвятить себя наукам, заняв где-нибудь место профессора математики. Все это было сказано просто, равнодушно, без злобы или огорчения. С тех пор до декабрьских дней мы с ним не видались. Я простудился на похоронах графа Милорадовича и слег в постель. Ко мне пришел, не помню, кто-то из канцелярии Батенькова. Это меня изумило до крайности. "Таким образом, – сказал я, – доберутся и до графа Аракчеева". Оказалось потом, что Батеньков завербован был в эту пагубную компанию Рылеевым и увлекся своим воображением, нелепою мечтою преобразований в государственном составе*. Он думал, что это одни предположения, одна голословная утопия. Он не бывал на сходбищах и суждениях у Рылеева[17] и весь день 12 декабря, когда герои бунта рассуждали об исполнении своих замыслов, просидел в гостях у Александры Ивановны Ростовцовой, матери Якова Ивановича. Его обвинили в законопротивных замыслах и в знании умысла на цареубийство и в приготовлении товарищей к мятежу планами и советами. Судом был он приговорен к вечной каторжной работе, но на деле наказан гораздо строже, могу сказать, с бесчеловечием. Его продержали два года в крепости Швартгольме и потом осьмнадцать лет в каземате Петропавловской. До вступления в должность шефа жандармов графа Орлова не давали ему ни бумаги, ни книг. Он видел только тюремщиков, приносивших кушанье, всегда по двое, чтоб кто-нибудь с ним не заговорил. В первые четыре года он несказанно мучился, а потом попривык и в немногие часы, которые проводил на воздухе в маленьком садике, разведенном по распоряжению человеколюбивого М.Я.фон Фока среди Алексеевского равелина, копался в земле, как-то добыл росток яблони, посадил его в землю и жил до того, что ел с него яблоки.

В 1844 году дали ему газеты. Он бросился на них с жадностью и вдруг прочел в них: граф Клейнмихель! Изумление его возросло еще более, когда он на следующей странице увидал министра финансов Вронченко! И в самом деле, каково должны идти дела в государстве, где Николай Тургенев в изгнании, Батеньков в ужасной темнице, другие опытные, умные и даровитые люди в Сибири, а Клейнмихель и Вронченко – министры! Диво ли, что у нас дела идут наперекор уму и совести!

---

* *Первоначально было:* нелепою мечтою стать во главе правления. Подумаешь, к чему самолюбие может увлечь умного человека.

Кто помог Батенькову в его ужасном положении? Комендант Иван Никитич Скобелев, простой русский человек, выслужившийся из солдат, даже не говоривший по-французски. Он при одном случае напомнил государю о бедном Батенькове и, наконец, добился, что его освободили из крепости и отослали на поселение в Томскую губернию. В заключении своем он разучился было говорить, хотя и привык мыслить вслух. Он забыл некоторые обыкновенные слова, например таракан! В 1856 году был он прощен вместе с прочими и поселился в Калуге. В нынешнем (1859) году приехал в Петербург, и я имел несказанное удовольствие с ним свидеться. Он сохранил свой ум, прямой и твердый, но сделался тише и молчаливее; о несчастии своем говорит скромно и великодушно и не жалуется, видя во всем неисповедимую волю божию. Не понимаю, как могли поступить с ним так несправедливо и жестоко! Николай Павлович не был жестокосерд. Бенкендорф и Дубельт люди добрые: за что же бедный Батеньков (невинный во всякой земле, кроме Персии, Турции и России) пострадал более других? Недоумеваю, но не могу не сказать: "Цари и мощные люди мира сего! Помыслите, что вы смертны и должны со временем отдать отчет Богу!"

Не внемлют! видят и не знают,
Покрыты мраком очеса!

18. Барон Владимир Петрович Штейнгель, воспитанный, сколько мне известно, в Морском корпусе, был человек умный, образованный, любезный и несколько лет служил правителем Канцелярии московского военного генерал-губернатора графа Тормасова, пользовался его доверенностью и, как слышно было, употреблял ее во зло. По смерти графа был уволен от службы и потом никак не мог добиться определения куда-либо. Он попал в разряд тех, при имени которых в тайном государевом реестре помечено было: "не давать ходу". Напрасны были все его старания и просьбы, напрасны все ходатайства и представительства. Негодование и беспокойства довели Штейнгеля до отчаяния. Тогда познакомился он с Рылеевым и, узнав о замыслах либералов, пристал к ним; последствием была ссылка в Сибирь. Он выжил время своего заточения и теперь живет в Петербурге, у сына своего, полковника Генерального штаба, человека, сколько я слышал, хорошего и достойного.

19. Князь Иван Александрович Одоевский, корнет Конной гвардии, молодой мальчик, миловидный, любезный, но, видно, бесхарактерный и начитавшийся вздорных

книг, был вовлечен в рылеевскую шайку, вероятно, сам не зная как, присутствовал 12 и 13 декабря на совещаниях у Рылеева и играл там донкихотскую роль. 14 декабря, сменившись с внутреннего караула во дворце, отправился с командою в казармы, присягнул новому государю в полковой церкви, потом переоделся и пошел на площадь. Он ездил в конце ноября в Москву и, возвращаясь оттуда, встретился на одной станции с Магницким, ехавшим поневоле в Казань[18], беседовал с ним и потом рассказывал мне очень забавно об этой встрече. Я не замечал в Одоевском ни малейшей наклонности к тому, что вскоре потом случилось. Дальнейших судеб его не знаю.

20. Князь Евгений Петрович Оболенский, бывший адъютантом почтенного генерала Карла Ивановича Бистрома, молодой человек, благородный, умный, образованный, любезный, пылкого характера и добрейшего сердца, увлечен был в омут Рылеевым и погиб. Он выжил срок заточения в Сибири, получил прощение и живет теперь в Калуге. Я не знал его коротко, но встречался с ним в обществах и не мог им налюбоваться. По словам лиц, знающих его, и именно Я.И.Ростовцева, Россия много в нем потеряла.

21. Петр Александрович Муханов, гвардии офицер, образованный и неглупый добряк, любезный в обществе, забавник и шутник, известный в своем кругу под кличкою ротмистра Галла, запутался в тенетах, вероятно, и сам того не зная. Доболтался до беды! Он двоюродный брат знаменитого форшнейдера просвещения. Жаль, что не сослали этого: тогда не было бы на каторге русское просвещение.

22. Александр Осипович Корнилович, штабс-капитан Генерального штаба, добрый, образованный, любезный человек, занимался с успехом литературою и особенно русскою военною историею, участвовал в переводе на русский язык "Истории войны 1812 года" Бутурлина. Издал он также очень хороший альманах под заглавием "Русская Старина" и пр. Он попался в эту историю как кур во щи. У него была страсть знакомиться и бывать в знатных домах, в кругу блистательной аристократии, у графини Лаваль, у Лебцельтерна (австрийского посланника) и пр. В конце 1825 г. отправился он в полуденную Россию, кажется, для свидания с матерью, и привез во 2-ю армию поклоны от разных лиц в Петербурге и письма Муравьевым, Пестелям и прочим. Там приняли его за участника в либеральных замыслах и дали ему поручения в Петербург. Самолюбие не позволило ему признаться, что он не состоит в сообществе с сиятельными либералами. Он при-

ехал в Петербург утром 12 декабря и явился прежде всего к Булгарину, который принял "отца Корнилу", как звал его, с радушием и предложил остаться обедать и жить у него в доме. Корнилович отказался необходимостию развезть разные поручения Муравьева и других по знатным домам, обещал приехать вечером, но не сдержал слова и остановился у приятеля своего, Генерального штаба полковника Галямина. На третий день (14), отправляясь утром со двора, он отдал Галямину письмо на имя своей матери и просил переслать к ней. Поднялась история. Галямин, догадываясь, что Корнилович в толпе, бросил письмо в камин. За это он был переведен в гарнизон, а Корнилович подпал общей участи: в пятом разряде он был приговорен к пятнадцатилетней каторжной работе, но года через три переведен солдатом в кавказский корпус: там успел он службою на деле доказать свои познания и хорошие качества, был отличен начальниками и представлен к производству в офицеры, но умер, не дождавшись того, в Царских Колодцах.

12 декабря Булгарин пришел ко мне и, с большою пощадою моему авторскому самолюбию, сказал, что я жаркою статьею о смерти Александра I повредил "Пчеле" (тогда шла подписка на 1826 год) и что, по словам Корниловича, "toute la seconde armée en est indignée"*. Я отвечал, что Корнилович судит так по словам какого-либо взбалмошного фанфарона и аристократа, что статья моя понравилась всей русской публике, которую я знаю вполне, а мнениями этих либеральных шутов не дорожу нимало.

Корнилович был искренним другом Петра Муханова; они жили вместе и вместе погибли!

23. Константин Петрович Торсон, капитан-лейтенант, сериозный, умный и достойный человек, искусный и ученый моряк. Он сделал много полезных перемен и приспособлений в устройстве такелажа военных кораблей, заслуживших одобрение морского начальства. В 1821 году он был лейтенантом корабля, на котором великий князь Николай Павлович с супругою отправился в Пруссию. Он успел обратить на себя внимание великого князя и пошел бы далеко, если б не оступился. Вероятно, Николай Бестужев пригласил** его в ненавистную шайку. Где была у вас совесть, Николай Александрович? Впрочем, эти несчастные слепцы считали свое дело справедливым и святым и, заманивая легкомысленного добряка

---

*Вся Вторая армия в негодовании на нее (*фр.*).
** *Первоначально было:* заманил.

в свои губительные тенета, думали и говорили, что посвящением в свои тайны делают ему честь. У Торсона была престарелая мать и предостойная сестра. Государь назначил им в пенсию жалованье, которое получал Торсон. По смерти матери сестра (Катерина Петровна, высокая, статная девица, умная и миловидная) отправилась в Сибирь, к брату. Не знаю, что сталось с ними. Многие думали, что она там выйдет за Николая Бестужева.

24. Николай Романович Цебриков, поручик гвардии Финляндского полка, жертва случая. Он стоял с баталионом своего полка за городом, кажется, в Гостилицах, и, ничего не зная, приехал 14 декабря в Петербург, чтоб погулять на праздниках с товарищами полка, стоявшего на Васильевском Острове. Подъехав от Синего моста к Конногвардейскому манежу и видя толпу народа, он выскочил из саней и спрашивал, что случилось. Вдруг видит: бежит мимо манежа на Сенатскую площадь Гвардейский экипаж; впереди офицеры с обнаженными саблями. Цебриков знал многих из них, потому что родной его брат служил в экипаже. Он закричал им: "Куда вас черт несет, карбонары!" Это подслушал какой-то квартальный и донес, что Цебриков кричал: "В каре против кавалерии!" Обвинение было так ложно и так нелепо, что Цебриков оправдывался в нем пред Следственною комиссиею с негодованием. Оправдание назвали упрямством и дерзостию: он был причислен к двадцатому (самому легкому) разряду и приговорен к разжалованию в солдаты с выслугою. По внушению взбалмошного Дибича, государь усилил наказание разжалованием без выслуги и с лишением дворянства. Это было жестоко и противно законам, ненаписанным правда, но существующим повсюду. Верховная власть или утверждает наказание или смягчает его, но никогда не усиливает. Только враг государя мог подать ему сей совет. К тому же Цебриков не был виноват, не подавал дурного примера, не бунтовал, только в негодовании на глупый донос не смирился перед бестолковыми судьями. Цебриков был сослан на Кавказ, служил там тридцать лет, получил солдатский Георгиевский крест, теперь прощен и доживает грустный век в Петербурге.

25. Николай Петрович Репин, штабс-капитан гвардии Финляндского полка. Был человек умный, образованный, кроткий нравом, пользовался уважением своих товарищей, а больше о нем я не знаю, видел его только однажды, у моего брата, в лагере под Красным Селом.

26. Михаил Лунин, подполковник. Вздорный человек, который громогласно проповедовал революции и мятежи.

Я видел его часто в доме Екатерины Федоровны Муравьевой. Однажды, за большим обедом, он с младшими гостями (в том числе был и я) сидел за отдельным столом и громко врал напропалую. После обеда подошел к нему Карамзин и с усмешкою просил продолжать. Лунин отвечал новыми вздорами, к забаве и потехе гостей. Думаю, что либералы не удерживали его от неблагоразумных и дерзких речей, чтоб обратить на него внимание правительства и прикрыть тех, которые меньше говорили, а больше действовали. Вряд ли этот пустомеля был в заговоре.

27. Иван Александрович Анненков, кавалергардский поручик, интересен по одному романическому эпизоду в его жизни. Он был в связи с какою-то молодою француженкою, Жюстиною, помнится, швеею из модного магазина. За месяц до 14 декабря, накануне отъезда по каким-то делам в Москву, сидел он у ней вечером в глубоком раздумье. Она спросила у него о причине такого уныния.

— Скучно мне, — сказал он, — у меня нет ни одного друга. Случись со мной какое-либо несчастие, меня все покинут. А теперь ухаживают за мною только потому, что я богат.

— Ошибаешься, друг мой! — сказала Жюстина с жаром. — У тебя есть верный друг — это я!

— Да, — возразил он, — пока я в счастии, а случись со мною что-либо...

— А что такое?

— Если, например, меня лишат всего и сошлют в Сибирь?

— Я тебя не оставлю, поеду с тобой, буду все делить, буду работать за тебя, докажу, что люблю тебя искренно и бескорыстно.

Эти слова тронули Анненкова: он дал ей на другой день запись на 50 т.р., облеченную в законную форму. Разразилась буря. Анненков привезен был из Москвы в Петропавловскую крепость, осужден на вечную каторгу (по второму разряду), смягченную на двадцать лет. Лишь только голодные французские авантюристы в Петербурге проведали, что у мамзель Жюстины пятьдесят тысяч рублей приданого, они, по закону: elle gagne à être connue, бросились к ней с жаркими изъявлениями пылкой страсти. Она отринула все предложения, отправилась в Москву, встретила государя на улице, бросилась пред ним на колени и молила о дозволении ехать в Сибирь за Анненковым, чтоб там выйти за него замуж. Просьба ее была принята. Она поехала в Сибирь, обвенчалась с Анненковым и жила с ним в мире и согласии. Сколько времени продолжалась эта связь,

живы ли они еще — не знаю, но подвиг французской работницы заслуживает воспоминания и уважения.

28. Другой подвиг самоотвержения женского, но выше, благороднее, святее прежнего, усладил последние годы одного достойного человека, сгубленного сумасбродами и негодяями. Ротмистр Василий Петрович Ивашев, адъютант графа Витгенштейна, сын богатого симбирского помещика, пользовался во Второй армии репутациею самого благородного человека. Он был в дружбе с Пестелем, Муравьевым и другими героями заговора, — знал многое, но не решался донести. И при следствии он постоянно удерживался от всяких показаний на бывших своих товарищей. Жестокая судьба постигла его: он был приговорен (по второму разряду) к вечной каторге и безмолвно подвергся своей участи. До того времени бывал он в отпуску в деревне у замужней сестры своей, Елисаветы Петровны Языковой, которая имела при детях француженку Ледантю, женщину пожилую, с дочерью. Молодая девица почувствовала весьма понятное влечение к блистательному аристократу, молодцу и любезному, но, чувствуя, какое пространство их разделяет, затаила рождающуюся страсть в глубине своего сердца. Вдруг этот гвардейский офицер, будущий генерал, превратился в бедного каторжника, отверженного обществом. Не размышляя долго, она объявила и матери своей, и госпоже Языковой, что намерена разделить участь любимого ею человека, ехать в Сибирь, выйти за него замуж и стараться нежною, благородною любовью смягчить его страдания. Написали к Ивашеву. Он принял предложение с восторгом, потому что и сам питал к этой девице глубокое уважение и сердечную склонность. По испрошении соизволения государя, девица отправилась в Сибирь и обвенчалась с избранным другом. Брак был самый счастливый, но, как всякое счастие в жизни, недолгий. Они имели троих детей. Мать скончалась в родах с последним. Ровно через год и Ивашев последовал за нею.

У нас, говорят, нет благородных и трогательных предметов для составления романа. А этот случай! Но кстати ли описание таких чувств и дел благости и великодушия в нынешнем омуте литературы нашей, среди картин разврата, нечестия и разгара подлых страстей!

29. Александр Федорович фон дер Бриген, полковник Измайловского полка, человек самый благородный, добрый, умный, воспитанный — сделался невинною жертвою дружеских связей. Он был обвинен в том единственно, что сообщил князю Трубецкому в Киеве о дерзких фанфаро-

надах Якубовича, который хвастался, что хочет убить Александра I. Кто ж не знал об этих донкихотских выходках отъявленного негодяя! В то время жалобы на правительство возглашались громко. Все желали перемены, но, не надеясь на великого князя Константина Павловича и не понимая характера Николая, предавались всяким предположениям и мечтаниям. Если бы сослать всех тех, которые слышали о сумасбродных замыслах и планах того времени, не нашлось бы места в Сибири. Меня первого следовало бы сослать в Нерчинск, а Булгарина, конечно, и далее. Эти вольные разговоры, пение не революционных, а сатирических песен и т.п. было дело очень обыкновенное, и никто не обращал на то внимания. Однажды Булгарин (тогда еще холостой) давал нам ужин. Собралось человек пятнадцать. После шампанского давай читать стихи, а там и петь рылеевские песни. Не все были либералы, а все слушали с удовольствием и искренно смеялись. Помню антилиберала Василия Николаевича Берха, как он заливался смехом. Только Булгарин выбегал иногда в другую комнату. На следующий день прихожу к Булгарину и вижу его расстроенным, больным, в большом смущении. Он струсил этой оргии и выбегал, чтоб посмотреть, не взобрался ли на балкон (это было в первом этаже дома) квартальный, чтоб подслушать, что читают и поют. У него всегда чесалось за ухом при таких случаях: он не столько либеральничал, как принимал сторону поляков. Сверх того, предостерегал его Сенковский.

Фон дер Бриген дожил до прощения и прошедшею зимою (1858–1859) приехал в Петербург. Я увидел его у Ф.Н.Глинки и душевно ему обрадовался. Он, разумеется, устарел, но сохранил прежнюю миловидность, кротость и любезность.

Фон дер Бриген умер скоропостижно от холеры 27 июня 1859 г. Он жил у дочери своей, Любови Александровны Гербель. Последние дни жизни были услаждены свиданием с другом его, Николаем Ивановичем Тургеневым.

30. Краснокутский, обер-прокурор Сената, человек добрый и благородный, был знаком с некоторыми из заговорщиков и, вероятно, слышал вздорные их речи. 13 декабря искал он партии в вист; приехал к князю Трубецкому и, узнав, что он у Рылеева, отправился туда, нашел большую компанию в исступлении, догадался, что они замышляют недоброе, хотел было донести правительству, но одумался, счел предприятия их несбыточными, уехал домой и лег спать. Он попался в осьмой разряд, лишен был дворянства с ссылкою на поселение и умер, сколько я слышал, в Якутске. В последние годы жизни он лишился употребления ног.

31. Оржицкий, отставной штабс-ротмистр, побочный сын Петра Кирилловича Разумовского, весельчак и большой хлебосол, кормил и поил приятелей своих, не обращая внимания на их пустые речи, и поплатился за то разжалованием в солдаты, с лишением дворянского достоинства. Он давно возвращен в Петербург.

Повторяю, что в этом списке, в этом очерке лиц, участвовавших в происшествиях декабря 1825 года, ограничился я только теми, которых знал лично или по достоверным сведениям. Прочие из преданных суду были офицеры гвардии и армии, моряки и немногие гражданские чиновники, всего сто двадцать пять человек. Пострадали еще некоторые другие, не виновные, но прикосновенные к делу, в том числе Михаил Федорович Орлов, Федор Николаевич Глинка, Демьян Александрович Искрицкий: эти были выписаны из гвардии в армию, или отставлены от службы, или же удалены из столицы, некоторые на службу в губерниях. Сколько именно в числе подсудимых и пострадавших было действительно виновных, известно одному Богу: мы же, свидетели этих происшествий, приятели и знакомые многих из сих лиц, знаем, что в числе их много было людей совершенно невинных, погибших от злобных наветов, от гордости и упрямства, с каким они отвечали на несправедливые обвинения, от неосторожности, от случайности. Удивительно еще, как не погибло большее число жертв, как уцелел пишущий эти строки: спасением своим обязаны они не беспристрастию и справедливости следователей, а праводушию и благородству некоторых подсудимых, которые отстояли их. Эта смесь противоборствующих стихий: добра и зла, ума и глупости, дерзости и трусости, утонченного образования с грубым невежеством, истины с ложью, правды с обманом, сопровождаемая фанфаронством и худо понимаемым благородством, увлекла в бездну гибели значительное число прекрасных, добрых юношей, подававших самые светлые надежды. Ослепление и самонадеянная спесь коноводов этого бестолково-преступного дела были таковы, что они думали сделать большую честь, оказать истинное участие, даже благодеяние людям, которых допускали в свой круг, в преддверии Сибири, если не на ступени эшафота. Еще замечательно, что бо́льшая часть ревнителей свободы и равенства, прав угнетенного народа сами были гордые аристократы, надутые чувством своей породы, знатности и богатства, смотрели с оскорбительным презрением на людей незнатных и небогатых, которых не видели у себя в передней (с фразой: qu'est ce que c'est que cet homme? On ne le voit nulle

part)*, и в то же время удостоивали своим вниманием, благосклонностью и покровительством отребие человечества. Впрочем, мы видим это сплошь и рядом. Всякий сановник, особливо происходящий от побочной линии знатного дома, смотрит свысока на скромных и достойных тружеников, едва удостоивает их словом и обращает свое нежное и сочувственное внимание на гаеров и шутов. В числе заговорщиков и их сообщников не было ни одного недворянина, ни одного купца, артиста, ремесленника или выслужившегося офицера и чиновника. Все потомки Рюрика, Гедимина, Чингисхана, по крайней мере бояр и сановников, древних и новых. Это обстоятельство очень важно: оно свидетельствует, что в то время восставали против злоупотреблений и притеснений именно те, которые менее всех от них терпели, что в этом мятеже не было на грош народности, что внушения к этим глупо-кровавым затеям произошли от книг немецких и французских, отчасти плохо и бестолково переводимых, что эти замыслы были чужды русскому уму и сердцу и, в случае успеха, не только не составили бы счастия народа, но подвергли бы его игу, несравненно тягчайшему прежнего, и предали бы всю Россию бедствиям, о каких нельзя составить себе понятия.

Свежо предание, а верится с трудом!**

---

* "Что это за человек? Его не встречаешь нигде" (*фр.*).

** В это издание по сравнению с предыдущим (М.; Л., 1930) не вошли такие мемуарные статьи Н.И.Греча, как "Дело Госнера", "История первого Энциклопедического Лексикона в России", "Юбилей Крылова", "А.Ф.Воейков", "Фаддей Булгарин".

ПРИМЕЧАНИЯ Н.И.ГРЕЧА

к "Воспоминаниям старика"

[1] Действительно в императоре Павле чувство долга и чести нередко одерживало верх над вспыльчивостью и гневом. Вот тому несколько примеров. В 1820 г. Григорий Иванович Вилламов, водя меня по Гатчинскому дворцу, обратил мое внимание на один удивительный бюст Каракаллы и прибавил: "Но еще замечательнее здесь вот эта дверь. У ней, в царствование императора Павла, всегда стоял придворный лакей, чтоб отпирать ее при проходе государя на половину императрицы: это происходило регулярно в шесть часов утра. Раз как-то Павел пришел несколькими минутами ранее; видит: нет лакея, и вспыхнул гневом. Несчастный ушел было в другую комнату, но, услышав шаги, поспешил на свое место. Павел поднял на него палку. Лакей поспешно вынул из кармана часы, поднес императору и сказал:

– Государь! я не виноват. Теперь шесть часов без пяти минут.

– Виноват! – отвечал император, опустил палку и пошел в дверь.

Однажды проезжал он мимо какой-то гауптвахты. Караульный офицер в чем-то ошибся.

– Под арест! – закричал император.

– Прикажите сперва сменить, а потом арестуйте, – сказал офицер.

– Кто ты? – спросил Павел.

– Подпоручик такой-то.

– Здравствуй, поручик!

При одном докладе Федора Максимовича Брискорна Павел сказал решительно:

– Хочу, чтобы было так.

– Нельзя, государь!

– Как нельзя! мне нельзя!

– Сперва перемените закон, а потом делайте, как угодно.

– Ты прав, братец, – отвечал император, успокоившись.

В 1800 году, несколько исключенных из службы офицеров, сосланных на жительство в Смоленск, напившись пьяны, вынесли свои мундиры на двор и при толпе народа сожгли их. Генерал-губернатором был там Михаил Михайлович Философов, человек необыкновенного ума и характера, отличившийся в должности посланника при копенгагенском дворе в странную* эпоху владычества Струэнзе**. Узнав о безрассудном поступке офицеров, он приказал арестовать их и ждал прибытия Павла,

который в то время объезжал западные губернии. Государь, узнав об этом дорогою, прибыл в Смоленск в величайшем раздражении и отправился прямо в собор. При входе во храм Философов стал в дверях и, протянув руки в обе стороны, не пускал государя.

– Это что? – воскликнул император.

– В Священном Писании, – возразил Философов твердо и спокойно, – сказано: "Гневный да не входит в дом божий". Павел остановился, подумал и сказал: "Я не гневен, я равнодушен: прощаю всех!"

– Итак, гряди во имя Господне! – отвечал Философов, отступил в сторону и низко поклонился. Государь в тот же день пожаловал ему андреевскую ленту.

Бывший при воспитании Павла профессор Эпинус говаривал: "Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке. Порвется эта ниточка; машинка завернется, и тут конец и уму и рассудку". И то сказать: воспитание его было странное. Из записок Порошина видим, что у него смолоду старались развить страсть к женщинам, и со сведения его матери.

**Первоначально было:* страшную.

** Говорят, что партия Струэнзе отравила Философова одним питием с Христианом VII. Несчастный король выпил весь стакан и лишился рассудка. Философов, прихлебнув, не допил: у него осталось временное расстройство, не вредившее ни уму, ни чувству его.

[2] Доказательство тому, до какой степени Александр не доверял своим приближенным и презирал их, служит следующее происшествие, рассказанное мне очевидцем. По вторичном взятии Парижа, в 1815 году, Александр жил там несколько времени, и именно во дворце Элизе, и в свободное время охотно беседовал с герцогом Веллингтоном, раскрывая перед ним все тайны своего сердца. Однажды Веллингтон пригласил к себе на вечер несколько лиц из свиты государевой: Воронцова, Л.В.Васильчикова, гр. Строганова и н.др. Когда они к нему приехали, адъютант герцога объявил им, что император Александр прислал за ним и что герцог, надеясь вскоре воротиться, просил подождать его. Действительно, он приехал домой вскоре, извинился пред своими гостями, но в этот вечер был скучен и молчалив более обыкновенного. Видно, что-то тяготило ему душу. Гости, заметив это, стали допытываться о причине. Он долго не хотел отвечать; наконец уступил настояниям любимого им Воронцова и объявил, что Александр изумил и огорчил его при нынешнем свидании: жаловался на свое одиночество, на неимение верного искреннего друга.

– Мне кажется, государь, – сказал ему Веллингтон, – что окружающие вас лица подали вам самые несомненные доказательства своего усердия и верности к вашей особе, особенно в течение последних трех лет.

– Нет! – возразил император. – Они мне не друзья; они служили России, своему честолюбию и корысти.

Фельдмаршал умолк. Генерал-адъютанты Александра, в досаде и негодовании, залились слезами. Александр жаловался, что не имел друзей, но сам он был ли кому-нибудь искренним другом? Более всего

любил он князя Петра Петровича Долгорукого, но он умер рано, и Бог знает, что было бы впоследствии. Вот плоды уроков Лагарпа!

Dissimuler c'est regner (Скрытничать – значит царствовать). Так, но тогда и не требуйте любви от других. – В одном английском журнале читал я, что в начале 1812 года в парламенте шла речь о поступлении маркиза Веллеслея, брата Веллингтонова, в русскую службу первым министром, за неимением в ней способных и достойных людей. Интересно было бы отыскать эту статью; она действительно существует.

[3]Есть предание, что Екатерина составила завещание, которым, на основании закона, предоставляющего русскому императору избрать и назначить себе преемника, устраняла Павла от царствования и передавала корону старшему его сыну. Говорят, что в секрете был один Безбородко. Он переписывал завещание в двух экземплярах и, по подписанию его Екатериною, скрепил и запечатал: один экземпляр надлежало отправить в Москву, для хранения в Успенском соборе; другой – отдать в 1-й департамент Сената. Безбородко отправил пакеты по принадлежности, но в них, вместо завещания, была белая бумага, и, по воцарении Павла, представил ему подлинник. Вероятно, но правда ли это – не знаю. Достойны замечания следующие стихи Державина в оде на вступление на престол Александра:

Стоит (Екатерина) в порфире и вещает,
Сквозь дверь небесну долу зря:
Се небо ныне посылает
Вам внука моего в царя.
Внимать вы прежде не хотели
И презрели мою любовь;
Вы сами от себя терпели, –
Я ныне вас спасаю вновь.

Эти стихи в печати изменены. В подлиннике четвертый стих был:

Назначив внука вам в царя.

Услуга Безбородко Павлу кажется тем вероятнее, что Павел возвел его в княжеское достоинство и подарил ему четырнадцать тысяч душ. Иван Саввич Горголи рассказывал мне еще более, будто бы Екатерина II умерла от отравы, которую поднесли ей стараниями Безбородко. Но это невероятно. Горголи, именно, хотел этим анекдотом оправдаться в роли, которую сам играл 12 марта 1801 г.

[4]Ода Карамзина была выражением искренних чувств всей России, отличаясь не парением, не восторженностью, а умными мыслями и благородными чувствованиями. Ода Державина показывает, до какой степени может закалиться поэзия в душе человека. При вступлении на престол Александра, он лишился места государственного казначея и написал похвальную оду новому государю громкими, звучными, вдохновенными стихами, в которых немилосердно карал его предшественника. В негодовании на новых министров, он подписал под портретом Александра:

Се вид величия и ангельской души!
Ах, если б вкруг него все были хороши!

Платон Зубов возразил:

Конечно, нам Державина не надо:
Паршивая овца и все испортит стадо.

Из записок Державина можно видеть, какие причины Зубов имел не уважать его.

В этом примечании Греч повторил место из своих "Записок"; см. выше.

[5] Разительный пример памятозлобия Александра видим в поступках его с бароном Корфом. Генерал-адъютант Федор Карлович Корф, умный, прекрасный, воспитанный, благородный, был одною из блистательнейших звезд плеяды, окружавшей Александра в 1812 году в Вильне. На двадцатом году от роду получил он Георгиевский крест из рук Суворова на штурме Праги: командовал в войне 1806–1807 гг. Псковским драгунским полком и в начале 1812-го назначен командиром 2-го резервного кавалерийского корпуса. В звании генерал-адъютанта провожал он императора в дрисский лагерь. Александр, увлеченный рассказами шарлатана Пфуля, воображал найти там нечто вроде Кенигштейна и Гибралтара, изумился, увидев невыгодное положение и ничтожность укреплений места, избранного для удержания напора Наполеона. Он отошел в сторону и залился слезами. Корф, не догадываясь об этом излиянии чувств, подошел к Александру. Император опомнился, отер слезы, но с того времени вознегодовал на свидетеля его слабости. Бывший дотоле любимец отодвинут был в ряды дюжинных людей. Напрасны были подвиги его храбрости, свидетельства его самоотвержения. Все прочие генералы были ему предпочитаемы. С трудом получил он, по окончании войны 1815 года, александровскую ленту, но не был призываем к лицу государя. Он пережил Александра: скончался в 1826 году.

[6] В молодости моей, в 1808 и 1809 годах, давал я уроки русского языка саксонскому посланнику графу Эйнзиделю, прекратившиеся с переводом его в Париж. По заключении мира он опять прислан был к нашему двору. На одном публичном спектакле, в 1816 году, на котором присутствовали императорская фамилия и весь двор, очутился я в креслах подле моего бывшего ученика и разговорился с ним.

– Не дивитесь ли вы переменам, которые произошли в ваше отсутствие? – спросил я. – Кто бы подумал, что эти господа так скоро выскочат? Вот Волконский, вот Чернышев, бывший тогда поручиком, вот Нессельрод.

– Об этом не говорите, – возразил граф, – я имел о нем верное предсказание. Однажды, обедая в Париже у вашего посла, князя Куракина, я очутился подле Талейрана. Куракин врал без милосердия. "Не трудно, князь, – сказал я Талейрану, – сладить с такими дипломатами, как эти русские". – "Правда ваша, – сказал он, – Куракин ужасный осел, но вот этот маленький немец (указывая на сидевшего против него Нессельрода) пойдет далеко".

Нессельрод был особенно указан государю бароном Штейном в начале 1812 г., когда бестолковость и недальновидность графа Румянцева всех приводила в отчаяние, – и предсказание Талейрана сбылось вполне.

[7] Сообщаю любопытную черту о расположении Александра к его свояку, королю шведскому Густаву IV. В 1801 году генерал-квартир-

мейстром при государе был почтенный и достойный генерал (впоследствии граф) Петр Корнилович Сухтелен, человек весьма умный, учтивый, кроткий в обращении, но тем не менее настойчивый в своих убеждениях. Не знаю, кто из приближенных к государю, Ливен, Волконский что ли, сделал ему неприятность, и, вероятно, немаловажную, потому что Сухтелен пожаловался государю. Александр старался успокоить его, просил забыть оскорбление, может быть, неумышленно нанесенное, и прибавил: "Il faut avoir un peu de philosophie"*. Сухтелен не был доволен ответом, но замолчал. Дня чрез два после того было у государя собрание генералов для обсуждения разных стратегических вопросов, впрочем, в одной теории, ибо о войне тогда не помышляли. Стали говорить, какие границы были бы всего выгоднее для России.

– Что вы думаете об этом, Сухтелен? – спросил император.

Сухтелен встал, не говоря ни слова, взял со стола линейку и на карте России, висевшей пред собранием, провел черту по реке Торнео.

– Полно, полно, – сказал государь, – эта граница нам недоступна. Что скажет свояк мой, король шведский?

– Sire, – отвечал Сухтелен, – il faut avoir un peu de philosophie.

Присутствующие не поняли всего значения этих слов. Александр закусил губы, но так как колкость этого возражения известна была ему одному, не сердился на Сухтелена.

* Надобно быть отчасти и философом (*фр.*).

[8] Говорят, что Александр хотел воспитать в лицее братьев своих, Николая и Михаила, наравне с будущими подданными, и что политические обстоятельства помешали ему исполнить это. Невероятно: Николаю в 1811 г., при открытии лицея, был уже шестнадцатый год. А мысль, если она была, заслуживает всякого уважения. Лицею (то есть первым выпускам) обязана Россия многими достойными и блистательными людьми*.

* *Первоначально было:* обязана Россия Пушкиным, бароном Корфом и – увы! – князем А.М.Горчаковым.

[9] Расскажу при сем случае анекдот, слышанный мною от очевидца (Ф.И.Ласковского). В начале 1809 года, в пребывание здесь прусского короля и королевы, все знатнейшие государственные и придворные особы давали великолепные балы в честь знаменитых гостей. А.Л.Нарышкин сказал притом о своем бале: "J'ai fait ce que je dois, mais je dois aussi tout ce que j'ai fait"*. В числе первых лиц двора был граф А.С.Строганов, враг Наполеона, тогдашнего нашего союзника, удалявшийся от всякого соприкосновения с Коленкуром. На бале у Нарышкина Александр сказал старику: "Ты дашь бал и не будешь дурачиться. Понимаешь!" Граф безмолвно поклонился. Это значило: пригласить и Коленкура. Граф исполнил приказание. Но вот что случилось. Накануне бала приезжает к нему чиновник Министерства иностранных дел и привозит записку Коленкура к графу Румянцову с жалобою, что он не приглашен на завтрашний вечер к Строганову. Посылают за секретарем графским, Ласковским. "Как не приглашен! – сказал Ласковский чиновнику. – Его имя стоит первое в списке. Ваши же (мини-

стерские) куриеры развозили билеты". Призвать куриеров. Они явились.

– Развезли ли билеты по адресам?

– Развезли, только одного не нашли.

– А кого?

– Дюка де Висанса.

Тут недоразумение объяснилось. Новый титул посла не дошел еще до сведения экзекутора в министерстве. Ласковский отправился с чиновником к Коленкуру и объяснил причину ошибки. Великолепный бал кончился ужином. В одном конце залы был накрыт круглый стол на десять кувертов, по числу царственных особ, удостоивших бал своим посещением. От этого круглого стола тянулись два длинные стола для верноподданных и прочих. Пред самым окончанием танцев Коленкур вошел в столовую, увидел распоряжение, по которому он исключался из общества царских особ, и решился захватить свое место наглостью. Он стал у круглого стола и взялся за стул. Входят гости. Александр в первой паре вел королеву, взглянул, увидел Коленкура, догадался и сказал королеве: "Сегодня позвольте мне не садиться подле вас. Уж и так мне нет покою от моей жены. Буду ходить вокруг стола и ухаживать за всеми". Королева стала, смеючись, возражать. Елисавета Алексеевна, поняв мысль государя, начала играть роль ревнивой жены. Государь не садился и был до крайности любезен со всеми, и особенно с Коленкуром, который согнал его с места и потом жестоко поплатился за свою наглость. Вспомнил ли он об этом вечере, когда он, утром 19 марта 1814 года, с поручением Наполеона, подъехал верхом к воротам замка Пантен, из которого Александр готовился вступить в Париж? У ворот русский часовой закричал: "Слезай с лошади, с.сын!" И он сошел с коня и, сняв шляпу, потупив голову, прошел с выражением битого французского парикмахера между рядами наших офицеров, которых, бывало, возмущал своим высокомерием и наглостью. Таким образом вскоре пройдут и Морни, и Валевский, и все эти подлые рабы корсиканских зверей. (Написано 16 июля 1858 г.).

* "Я сделал, что должен был сделать, но зато и должен за все, что сделал" (*фр.*).

[10]Начальником этой школы был подпоручик Игнатьев, ныне генерал от инфантерии, с.-петербургский военный губернатор.

[11]Начальник поручик барон Б.А.Фредерикс, ныне генерал-лейтенант.

[12]Поручик Алексей Васильевич Семенов, ныне сенатор.

[13]Шелехов, проживший родовое свое имение разными сельскохозяйственными спекуляциями, брался за разные средства к поддержанию своего существования и к приобретению известности. Между прочим, он читал в Экономическом обществе лекции о сельском хозяйстве. Около 1850 года он описал царствование императора Павла, выставляя его величайшим царем и человеком, сделавшимся жертвою своей любви к чести и правосудию, и представил его в рукописи Николаю Павловичу. Государь прочитал ее со вниманием, пожертвовав для этого целую ночь, восхищался ее содержанием, произвел Шелехова из подполковников в полковники и определил к своей особе, предоставив ему вход к себе

во всякое время. К счастию России, Шелехов вскоре умер. Николай в состоянии был сделать его министром внутренних дел, и даже просвещения. И в самом деле был не хуже Врончелка и Шихматова.

[14] Так назывался нижний ярус Гатчинского дворца по прежнему его назначению.

[15] Один остроумный человек сказал: "Европа населена тремя коренными племенами [нрзбр] между собою: племя германское (немцы, шведы, датчане, англичане, голландцы) – б л а г о р а з у м н о е; племя романское (французы, италиянцы, испанцы, португальцы) б е ш е н о е и племя славянское (русские, поляки и пр.) б е с т о л к о в о е".

[16] Он был у меня третьего дня (27 мая 1859 г.) и говорил точно то, что в 1816 г., когда я видел его впервые.

[17] Показание о том в донесении Следственной комиссии (изд. в Спб.), но тоже ложное.

[18] Высылка Магницкого в Казань к его посту попечителя тамошнего университета была единственным делом, которое позволил себе Николай Павлович во время междуцарствия.

ПРИМЕЧАНИЯ Н.И.ГРЕЧА

[Краткие биографии]

Вилламов знаменит в немецкой литературе как поэт и эллинист. Он восстановил из разных обрывков древние дифирамбы, не дошедшие до нас в целости. В Германии идет поверье, что он умер с голоду. Это неправда: он умер в бедности, в нечистоте, среди ученого и поэтического беспорядка, но не с голоду. Оставшиеся после него дети, сын, Григорий, и дочь, Елисавета, взяты были на попечение пасторами Петровской церкви. Не знаю, по какому случаю Елисавета Ивановна Вилламова получила самое блистательное воспитание. Она была воспитательницею великой княжны Александры Павловны. Екатерина II ее жаловала, а Мария Федоровна ненавидела. Она была замужем за тайн. сов. Сергием Сергиевичем Ланским; овдовев, она вдалась в разные спекуляции и разорилась. Потом занималась она литературою и издавала детские книги на французском языке. Я узнал ее в старости и не мог надивиться ее уму, образованию и любезности.

Григорий Иванович Вилламов был человек необыкновенного ума и дарований. Он был определен в Иностранную коллегию и вскоре отправлен секретарем посольства в Стокгольм. Там женился он на дочери жившего издавна в Швеции русского купца Артемия Семенова [Свербихина]. Жена его была воспитанием и образованием шведка, а по религии православная; он совершенно русский человек и лютеранин. Государыня Мария Федоровна искала себе в 1801 году секретаря. Вилламов в то время случился в Петербурге, был рекомендован государыне, понравился ей, поступил к ней на службу, остался при ее особе до ее кончины, да и после, до своей смерти, заведовал ее учреждениями. Я не знал человека умнее, сметливее, любезнее его. Дарования он имел удивительные, особенно по секретарской должности: он писал правильно и красноречиво по-русски, по-немецки и по-французски, без приготовления, все прямо набело; потом снимали с писаний его отпуски в канцелярии. Почерк у него был прекрасный, и работал он с удивительною

легкостью. Однажды приятели побились с ним об заклад: заставив его в одно и то же время писать деловую бумагу по-русски, разговаривать по-немецки и петь французский водевиль. В бытность мою в Гатчине (в 1820–21 гг.) видал я образ его жизни. Он помещался в тесной квартире из двух комнат во флигеле дворца: одна комната завалена была бумагами, в другой он спал. Поутру едва могли его добудиться. Государыня каждые четверть часа присылала за ним то камердинера, то скорохода. Слуга его отсылал их словами: "Григорий Иванович почивает", а между тем пытался разбудить его. Наконец, часу в десятом, он вставал, умывался и одевался наскоро, посыпал голову пудрою (к императрице иначе нельзя было являться) и выпивал чашку простывшего скверного придворного кофе, закусывая длинным сухарем, забирал бумаги и уходил к государыне. Проработав у ней часу до первого, возвращался домой, бросал бумаги, надевал сертук (осенью и зимою) и длинные сапоги и уходил бродить по саду и по лесу. Возвращался часу в третьем и садился за работу: в это время он обыкновенно отправлял пустую корреспонденцию государыни с немецкими королевами и принцессами на немецком и на французском языках. Потом отправлялся к обеду императрицы, за которым был душою беседы. После обеда играл с внуком государыни, нынешним цесаревичем Александром Николаевичем*, нянчил Марию Николаевну и уходил домой; до семи часов работал, а в это время, явясь в гостиной, наслаждался и наслаждал беседою. Ужинал весело и, воротившись домой, работал до трех и до четырех часов утра. Во время пребывания государыни (в 1812–15 гг.) в Гатчине и зимою, он писал еще, в заключение ночных трудов, на французском языке "Гатчинскую Газету", наполняя ее всякими умными вздорами и городскими сплетнями, и читал ее государыне после доклада; потом повторял чтение на вечерней беседе. Память у него была удивительная, и вообще преисполнен он был редкими дарованиями. В начале 1847 года сделался с ним паралич, и он лишился употребления языка. Знаками выразил он желание приобщиться по обряду греческой церкви, что и было исполнено. На другой день он умер и был погребен как православный болярин Григорий. Он всегда изъявлял желание перейти, пред кончиною, в русскую веру, чтоб быть погребенным подле любимой его дочери, Анны Григорьевны Гец. Все дети его люди почтенные и достойные. Один из них был

---

*Нынешним императором. Пишу о 1820 годе *(Н.Г.)*.

поэт и переводил на русский язык стихотворения деда. Он утонул в Дерпте, где учился.

Яков Александрович Дружинин оставался секретарем при императорской комнате не только до кончины императрицы, но и во все царствование императора Павла, который весьма благоволил к нему. Падали вельможи, сменялись министры, начинались войны, заключались мирные трактаты, весь мир переменял несколько раз свое положение – Дружинин оставался на своем месте. Любопытно было сказание его о последнем дне царствования Павла. Окончив дела свои по комнате царской, Дружинин весь день 11 марта 1801 г. хлопотал по делу какой-то вдовы и приехал домой поздно вечером, утомленный дневною работою. Он уже готовился раздеваться, как ему объявили, что пришел один отставной истопник, служивший при отце его, и, заливаясь слезами, объявил, что непременно хочет его видеть. "Верно, пьян?" – спросил Я.А.Дружинин. – "Да, кажется, что так, но никак не отстает, а утверждает, что должен вам объявить что-то важное", – отвечал слуга. Я.А. вышел в кухню, где сидел истопник, и с досадою спросил его: "Что тебе надо, Васильич? Поди домой да выспись". – "Нет, батюшка Яков Александрович, – сказал тот, рыдая, – не пьян я, а беда большая случилась. Они, судырь, его уходили". – "Кого?" – "Да его, батюшку, императора Павла Петровича". – "Что ты, глупый пьяница, врешь! Еще доберешься до беды". – "Нет, батюшка, отнюдь не вру. Точно сердечного уходили". – "Перестань!" – сказал Я.А., дал человеку своему полтинник и велел нанять извозчика, чтоб отвез Васильича домой, а тот все твердил свое.

Дружинин лег спать, встал по обыкновению в пять часов утра, причесался, оделся и поехал в карете во дворец. Подъехав к Михайловскому замку, видит большое стечение войска, слышит шум и беготню и думает, что это какие-нибудь маневры. Внизу у крыльца видит знакомца своего, караульного офицера Семеновского полка, Николева, здоровается с ним и идет вверх. Лишь только он хочет войти в двери, двое семеновских часовых ставят перед ним ружья накрест. "Не велено пускать!" Дружинин, вообразив, что это шутка Николева, закричал ему сверху: "Вели же пропустить меня!" – "Пропустить!" – сказал Николев, и Дружинин вошел в длинную анфиладу комнат; видит: из четвертой комнаты идет к нему навстречу камердинер государев в глубоком трауре. Тут вспомнил он слова истопника, движение на улице, строгость часовых и догадался, в чем дело. – "Что, Яков Александрович, – сказал камердинер, подошедши к

нему, — конечно, вы пришли проститься с телом?" — "Точно так", — отвечал Дружинин. "Так пойдемте, — сказал камердинер, — царство ему небесное". Дружинин поступил в канцелярию статс-секретаря Ник.Ник.Новосильцова и был употребляем при многих тогдашних преобразованиях, потом перешел в Министерство финансов, был директором канцелярии министра, а потом Мануфактурного департамента. Он был человек очень способный к делам, мастер писать и отписываться, притом до чрезвычайности добр, снисходителен и услужлив. По утрам передняя его была наполнена нищими и — заимодавцами. Его срезала любовь к женскому полу и плоды ее. Граф Канкрин сказал мне о нем однажды: "Яков Александрович добрый и способный человек; шаль только, что у него мноко тетей". Для поддержания и содержания всего своего исчадия, законного и беззаконного, издерживал он все свои доходы, достаточные для иного; кроме того, принужден был не отказываться от благодарности и занимал деньги, где мог. Когда он умер, в той самой комнате, где родился, едва было чем его похоронить. Ко мне он всегда был очень добр, и я никогда его не забуду. Таких людей нынче немного.

Илья Карлович Вестман служил весь век в Иностранной коллегии и был наконец обер-секретарем ее в чине тайного советника; был человек умный и деловой. Теперь сын его, Владимир Ильич, занимает место отца с честью и уважением.

Христиан Иванович Миллер служил при нем и дослужился до чина д. ст. сов. (ум. 1823). Он был человек честный и добрый, но занимался только чиненьем перьев для государя Александра Павловича*.

Фридрих Цесарь Лагарп (La Harpe) родился от благородной швейцарской фамилии, в Ролле, в 1754 г. Он учился правам в Тюбингенском университете и несколько времени был адвокатом в Берне. В 1782 году был приглашен в Петербург и сделался воспитателем великих князей Александра и Константина Павловичей.

Окончив порученное ему дело в 1795 году, он воротился в отечество свое, осыпанный милостями Екатерины II. Потом он жил в Берне и в Париже и деятельно занимался политикою. В Швейцарии был он, в 1798 году, избран в члены Гельветической директории, за что император Павел лишил его чинов и пен-

---

* Эта характеристика Миллера заканчивается фразой: "Без его пособия, следовательно, не обошлось ни одного манифеста, ни одного указа, ни одной записочки к графу Аракчееву или к Марии Антоновне Нарышкиной". См. на с.87 "Записок" (Спб., 1886).

сиона. В 1802 году приезжал он в С.-Петербург, чтобы поздравить своего воспитанника со вступлением на престол, и впоследствии жил близ Парижа, в Плесси-Пике, занимаясь земледелием и естественными науками. По взятии Парижа, Александр посетил его, пожаловал в чин тайного советника и надел на него андреевскую ленту. На Венском конгрессе он убедил Александра вступиться за кантоны Ваадский и Аргаусский, притесненные бернскою аристократиею. Последние годы свои провел он в Ролле, пользуясь общим вниманием и уважением. Скончался Лагарп 26 марта 1838 года. Года за два до его смерти разгласили в газетах, что какой-то книгопродавец купил у него всю корреспонденцию его с Александром и намерен обнародовать ее после его смерти. Это было неприятно императору Николаю Павловичу. Было поручено нашему посланнику в Швейцарии, Дмитрию Петровичу Северину, узнать, в чем состояла эта переписка, и, если можно, получить копии с писем Александра I. Северин поехал, под предлогом прогулки, в Ролль, посетил Лагарпа, умел заслужить его уважение и доверенность, но не говорил, зачем приехал. Однажды Лагарп сказал ему:

— Неудивительно, что Александр любил меня, но чем заслужил я внимание императора Николая, который ко мне так милостив? Скажите, сделайте милость, каким образом мог бы я возблагодарить государя или принести ему удовольствие.

— Трудненько, — сказал тонкий дипломат, — порадовать или удивить чем-либо владыку полусвета, но, дайте мне срок, подумаю.

Чрез несколько дней говорит он Лагарпу:

— Кажется, я нашел вам средство угодить государю. Он воспитывает своего сына совершенно в духе покойного Александра; для этого отыскивает все материалы и акты царствования покойного императора. Я уверен, что ему очень приятно будет иметь копии с писем, которые, как известно, писал к вам Александр.

— Копии! — вскричал Лагарп. — Как смею я послать копии! Пошлю подлинные. Я сам их знаю наизусть, а после моей смерти они могут попасть в нескромные руки.

Собрав рачительно все письма, с копиями своих ответов, Лагарп присовокупил к переписке хронологический и азбучный реестр, переплел ее великолепно и вручил Северину. Государь, обрадовавшись этому подарку, благодарил Лагарпа письменно, а Северину дал орден св. Анны I степени. Письма эти, вероятно, находятся в библиотеке нынешнего государя.

Виктор Павлович Кочубей (впоследствии граф и князь, род. в 1768 г., ум. 3 июля 1834 г.) принадлежит к числу самых замечательных и блистательных людей России в первой половине XIX века. Родной племянник и воспитанник знаменитого князя Безбородко, прекрасный наружностью, умный, высокообразованный, несказанно приятный в обращении, в делах трудолюбивый, сметливый и (сколько можно) справедливый, он вышел в люди очень рано: на двадцать четвертом году от рождения был тайным советником, послом в Константинополе, при императоре Павле был вице-канцлером, получил, в числе многих наград, и графское достоинство, но впоследствии был отставлен. Александр, сблизившийся с ним еще при жизни Екатерины (свидетельством тому служит письмо к нему Александра, напечатанное в книге барона Корфа), советовался с ним при учреждении министерств и дал ему новоучрежденное тогда на самых либеральных основаниях Министерство внутренних дел. Кочубей образовал эту часть, имея директором своей канцелярии Сперанского; вице-директором был Магницкий, секретарем министра Лубяновский. Между прочими заслугами этого министерства должно считать не последнею исправление и обогащение русского делового слога. Между тем любовь Александра к Кочубею охладела. Нельзя было оставаться и другом Аракчеева, и другом Кочубея. Кочубей оставил Министерство внутренних дел в 1809 году. Когда надлежало в 1812 году поручить дельному человеку управление всеми внутренними делами империи, в звании председателя Комитета министров предложили Кочубея. Александр не согласился, говорят, под тем предлогом, что Кочубей человек коварный, и назначил на это место дряхлого графа Н.И.Солтыкова, своего воспитателя.

В 1819 году Кочубей вновь занял место министра внутренних дел, но это уже было не то: он не делал зла, старался делать добро, но вообще пень через колоду валил. В 1827 году Николай Павлович назначил его председателем Государственного совета. Кочубей оставил по себе хорошую память, хотя и не был тем, чем мог бы быть при другой обстановке – и сверху и снизу, а особенно сбоку: подле графа Аракчеева не мог существовать с честью и с пользою никакой министр. С ним ладил только иезуит Сперанский. Кочубей был так высок во всех отношениях, что пресмыкавшийся скаред не мог его достигнуть и ужалить: итак, взялись за исполнителей его дел, именно за самого благородного из них – Максима Яковлевича фон Фока, и сгубили бы его непременно, если б не умер Алек-

сандр. Трудно держать в руках перо, при изображении этой слепоты царей, этой гнусности подлецов, этого бессилия честных людей. Бедная Россия! Бедное человечество!

Павел Васильевич Чичагов, сын знаменитого адмирала Василья Яковлевича, победителя шведов при Ревеле и Выборге в 1790 году, родился в 1762 г., воспитан был в Морском корпусе и находился при отце своем в походе против шведов. В мирное время он служил в английском флоте, долго жил в Англии, женился на дочери моряка Проба и освоился с языком, нравами и обычаями его отечества, сделался совершенным английским аристократом и при всем том пламенно любил Россию и служил ей усердно и бескорыстно. Характером он был тверд, смел, отважен, честен и правдолюбив, но притом своенравен, горд, имел честолюбие необузданное и высокое мнение о самом себе. Навлекши на себя чем-то немилость императора Павла, он был разжалован из контр-адмиралов в матросы и посажен в крепость, но, чувствуя себя чистым и правым, перенес эту невзгоду бесстрашно и хладнокровно. Павел приказал, в своем присутствии, сорвать с него мундир. Он повиновался беспрекословно, но, до снятия мундира, вынул из кармана его бумажник, сказав: "Мундир ваш, а деньги мои". Александр назначил его товарищем морского министра, умного и почтенного Н.С.Мордвинова, но Чичагов не мог переносить подчиненности; пользуясь кротостью начальника, он прибрал всю власть в свои руки и вскоре потом сам назначен был министром. Чичагов ревностно занялся преобразованием морской части, старался прекратить злоупотребления, изгонял людей неспособных и вредных, отыскивал и возвышал достойных, старался не об умножении числа кораблей, а о хорошей постройке и исправном вооружении их, старался о снабжении их всеми орудиями и учеными средствами, прилагал попечение о распространении между офицерами познаний и опытности. Разумеется, что его понимали немногие. Большинство, т.е. невежды, завистники, лентяи и мошенники, поносили и клеветали его, утверждая, что он истребит флот, когда он, вместо шестидесяти неповоротливых и гнилых кораблей, предложил ограничиться двадцатью четырьмя исправными во всех отношениях.

Он выдержал эту пытку не долее 1809 года, вышел в отставку и поехал путешествовать по Европе. На его место поступил слабый и недальновидный маркиз де Траверсе, окружил себя неспособными людьми и вора-

ми* и довел флот до самого жалкого состояния. Тайная летопись говорит притом, что он обязан был милостью Александра глазам хорошенькой гувернантки-француженки. Император, проезжая на запад России или за границу, будто невзначай, всегда останавливался в поместье маркиза, Романшине, и проводил у него несколько дней в рыцарских подвигах. Маркиз хлопотал только о построении большого числа кораблей и, спустив на воду, не заботился о них. Линейный корабль "Лейпциг", спущенный на воду в Неве, почему-то опоздал быть отправленным в Кронштадт до наступления зимы, простоял года два пред самым домом министра и сгнил совершенно. В 1821 году Александр продал испанскому королю, для обратного завоевания американских колоний, несколько линейных кораблей. Их привели в Кадикс и, когда должно было освятить их по католическому обряду, прорубили в них пол, и что же? Они оказались совершенно гнилыми. Александр подарил королю, взамен их, несколько новых фрегатов. При сем случае упомяну о любопытном обстоятельстве. Король испанский, не имея денег на покупку кораблей, предложил Александру уступить ему за несколько линейных кораблей Калифорнию, предвидя, что она вскоре ускользнет у него из рук. Александр отказался, объявив, что не следует пользоваться стесненным положением другого монарха. Подумаешь: как обогатилась бы Россия, если б это нелепое бескорыстие не было внушено Александру личным тщеславием. А стесненным положением свояка своего, короля шведского, охотно воспользовался.

Воротимся к Чичагову. Он жил за границею большею частью в Париже, и не без занятий: наблюдал за действиями Наполеона и извещал государя обо всем замечательном, что укрывалось от пустого и слабоумного Куракина (кн. Александра Борисовича), бывшего послом в Париже. Есть даже предание, что Чичагов воспрепятствовал одному жестокому оскорблению, которое Бонапарт хотел, пред явным разрывом с Россиею, нанести Александру. Дерзкий выскочка вздумал назначить в придворные дамы к императрице Марии-Луизе несколько природных принцесс Германии, и в том числе наследную принцессу Веймарскую, великую княгиню Марию Павловну. Чичагов, узнав, что декрет изготовлен для помещения в "Монитере", отправился к князю Куракину и убеждал его воспротивиться этому унижению Российского императорского дома. Князь потерялся и не знал, что делать: он смертельно боялся Наполеона. Чичагов

* Правитель канцелярии его, Папков, женатый на прачке из крепостных девок, был главным из его грабителей *(Н.Г.)*.

решился действовать сам. Не знаю, чрез кого, вероятно, чрез Талейрана, дал он знать Наполеону, что немедленным следствием этой дерзости будет разрыв России с Франциею и заключение союза с Англиею. Наполеон призадумался. Приготовления к истребительной войне с Россиею еще не были кончены, и декрет не состоялся.

Чичагов опять вошел в милость и доверенность у государя, приехал в Петербург и был назначен главнокомандующим Дунайскою армиею, с повелением заключить во что бы то ни стало мир с турками и потом действовать против Франции, чрез Сербию и Боснию, на Италию. Хитрый Кутузов предупредил его, успев подписать Бухарестский мир (16 мая 1812 г.) до приезда Чичагова. План действия на юг был отменен. Чичагов двинулся с армиею в западные области России. Действия его в 1812 году известны, но не вполне и не со всех сторон. Говорят, что он упустил Наполеона из России. Да полно, так ли? Защитники его говорят, что этому виною Кутузов, обманувший Чичагова ложными известиями, чтоб лишить его славы пленения первого полководца в мире. Другие обвиняют Витгенштейна, не хотевшего перейти чрез Дунай на соединение с Чичаговым, которому он тогда как старшему по службе должен был бы подчиниться. Дело темное. Между тем все к лучшему. Если бы схватили Наполеона, мы не вошли бы в Париж. Чичагов недолго оставался в действительной службе: он оставил армию 3 февраля 1813 г., отправился за границу и прожил там, в Англии и Франции, до кончины своей, последовавшей в Париже 10 сентября 1849 г. В Англии издал он, в свое оправдание, книгу под заглавием "Отступление Наполеона" (Retreat of Napoleon, 1817). В 1834 г. последовал указ о сокращении пятью годами пребывания русских подданных за границею. Чичагов объявил, что не намерен повиноваться этому распоряжению, нарушающему права русского дворянства. Его исключили из службы (по званию члена Государственного совета) и секвестровали все его имущество. Он остался непреклонен и жил в Париже, в улице Анжу, в уединении, не знаю чем.

Человек благородный, умный, способный — своим строптивым нравом лишил себя счастия быть полезным отечеству, а отечество — достойного сына. Впрочем, это приурочка к сказанному мною, что истинному честному и прямодушному человеку ни при каком дворе ужиться не можно.

Михаил Никитич Муравьев (1757–1807), человек добрый, кроткий, благородный, умный, но слабый и бесхарактерный, получил в молодости классическое образование,

занимался литературою и преподавал русский язык, правила словесности и русскую историю великим князьям Александру Павловичу и Константину Павловичу. Ученики не принесли большой чести своему учителю: они не умели писать по-русски. По вступлении на престол Александра, Муравьев был сделан статс-секретарем, товарищем министра просвещения (пьяного, но умного, графа Завадовского) и попечителем Московского университета. Он много сделал для университета, обновил, оживил его. Он был другом и ходатаем Карамзина и вообще сделал много доброго и хорошего по этой части. Но статс-секретарство его по принятию прошений было плохое. Чиновники его делали что хотели. Швейцар и слуги Муравьева славились классическою грубостью и дерзостью. Он писал по-русски хорошо, но сочинитель, творец был слабый. Изданные по смерти его сочинения были выправлены и прославлены племянником его Батюшковым.

Оба сына его, Никита и Александр, погибли в истории 14 декабря. Многому была виновата их мать, Катерина Федоровна, рожденная Колокольцова, женщина добрая, но недальновидная, бестолковая и тщеславная.

Граф Павел Александрович Строганов принадлежал к одной из благороднейших фамилий в России. Известно, что Строгановы происходят от знаменитого соляного промышленника Аники Строганова, участвовавшего в XVI веке в покорении Сибири. Дети его пользовались несметным достоянием своего отца и передали оное потомству, которое, поступив в дворянство, было в большой чести у двора. Сначала Строгановы получили баронское, а потом и графское достоинство; одна отрасль их оставалась в баронстве до 1826 года. Граф Александр Сергеевич Строганов, в царствование императрицы Елисаветы Петровны, был камергером и обратил на себя (до какой степени, не знаю) внимание великой княгини Екатерины Алексеевны. Петр III его прогнал от двора, но, при вступлении на престол Екатерины, он вновь был принят и пользовался милостями государыни до ее кончины. Он был человек образованный, умный, добрый, благородный и благодетельный, но небрег своими финансами и обременил потомство свое долгами. В царствование Екатерины, в осьмидесятых годах, был он посланником при Версальском дворе и пользовался милостями Лудовика XVI и Марии-Антуанетты. В это время принял он в гувернеры к единственному сыну своему, гр. Павлу Александровичу, якобинца Ромма (Romme), который впоследствии погиб, пытаясь восстановить робеспиеровское правление. Молодой граф пропитан

был революционными правилами, но честная, добрая душа его со временем все переработала: он был самым усердным и ревностным русским патриотом. Супруга его была София Владимировна, урожденная княжна Голицына, женщина необыкновенных качеств ума и сердца. Граф Павел Александрович, по желанию отца, вступил в статскую службу, находился, как я говорил, в числе искренних друзей наследника престола, Александра Павловича, и, по вступлении его на престол, назначен был товарищем министра внутренних дел, гр. В.П.Кочубея, и употребляем был в делах дипломатических.

В 1806 году был он с особым поручением в Лондоне и там узнал о постыдном мире, заключенном в Париже несчастным дипломатом Убри. В 1807 году находился он при императоре Александре Павловиче, в звании статс-секретаря, в прусской кампании. Не утерпело ретивое русское сердце: надоело графу проливать чернила там, где земляки его проливали кровь; он выпросил позволение с небольшим отрядом сделать поиск против неприятеля и исполнил дело это с успехом. Государь перевел его в военную службу генерал-майором и назначил к себе генерал-адъютантом. Граф Павел Александрович Строганов, как и отец его, был врагом Наполеона и никак не согласился бы служить по дипломатической части в мирное с ним время. Он с честью прослужил кампании 1812, 1813 и 1814 гг. При Краоне он имел несчастие лишиться своего единственного сына. Это его убило. Он впал в чахотку, в 1817 году отправился на фрегате в Италию и на пути скончался. Из дочерей его старшая вышла за флигель-адъютанта барона Сергия Григорьевича Строганова (ныне генерал-адъютант, попечитель наследника Николая Александровича), получившего при этом случае графское достоинство; вторая за князя Салтыкова; другая за князя Василия Сергеевича Голицына; третью увез граф Ферзен.

Упомяну об одном странном происшествии, случившемся со мною в отношении к фамилии Строгановых. 8 февраля 1814 года, в пятницу, на масленице, Алексей Николаевич Оленин пригласил меня на блины. Поутру я имел какое-то дело у генерал-губернатора С.К.Вязьмитинова, и, когда выходил из его кабинета в приемную, тогдашний обер-полицмейстер И.С.Горголи сказал мне: "Вот пожива "Сыну Отечества"! Сию минуту приехал курьер из Главной Квартиры с известием о знаменитой победе". Я подошел к покрытому грязью фельдъегерю; он рассказал мне, что сражение происходило при Бриенне, месте воспитания Наполеона, и что наши и пруссаки порядочно поколотили французов. С этою радостною вестию поспешил я к Оле-

нину. Гостиная его была полна: там были С.С.Уваров, И.М.Муравьев-Апостол, А.И.Тургенев и все служившие при Публичной библиотеке: Крылов, Лобанов, Ермолаев, Гнедич и т.д. При входе моем раздались восклицания: "Вот и журналист. Он расскажет нам, что есть нового". — "Точно, — отвечал я, — вот последние известия" — и стал рассказывать, что слышал от куриера. Вдруг замечаю, А.Н.Оленин делает мне знаки, чтоб я замолчал. Я кончил мой рассказ как-нибудь и принялся за блины, но, по окончании завтрака, когда разъехались гости, спросил у А.Н.Оленина, зачем он остановил меня. Он отвечал с прискорбием: "Носится слух, что в этом сражении в авангарде графа Воронцова убит молодой Строганов; что еще ужаснее, отцу сказали о том без всякого приготовления, и это его сразило. Вы видели в числе гостей Александра Ивановича Красовского. Этот гнусный вестовщик вхож в доме Строгановых; если б он услышал эту новость, он немедленно побежал бы туда, чтоб первому сообщить ее бедной матери". Я сказал, что не слыхал этого от фельдъегеря, и Оленин просил меня не говорить о том, что я теперь слышал.

Чрез неделю прихожу к А.Н.Оленину и осведомляюсь, правда ли это. "Нет!" — отвечает А.Н. "К счастию, это был пустой слух: о молодом графе получено известие неделею позже сражения". И что ж, слух, носившийся в Петербурге осьмого февраля, осуществился двадцать третьего, чрез шестнадцать дней! Шла жестокая битва под Краоном. Авангардом командовал гр. Воронцов, главным корпусом граф Строганов. Вдруг летит мимо Строганова адъютант из авангарда.

— Что! — спрашивает граф. — Каково там идет?

— Очень хорошо, ваше превосходительство, — отвечает адъютант, не узнавший графа, — дело идет прекрасно. Жаль одного: ядром убило молодого Строганова.

Отец обмер, но чувство долга победило страдание сердца. Он встрепенулся, поскакал и командовал до вечера, но тут силы его оставили: он сдал команду графу Воронцову, а сам удалился с поля сражения. Каким образом знали или толковали в Петербурге о том, что последует во Франции через шестнадцать дней? Недоумеваю. Конечно, случай, но весьма замечательный. Скажу еще о старике графе Александре Сергеевиче Строганове. В звании президента Академии Художеств, он отыскивал и поощрял отечественные таланты: при нем образовались Егоров, Шебуев, Варнек, Малиновский-Демут и др. Любимцем его был архитектор Воронихин, из собствен-

ных его крепостных людей, учившийся в академии, а потом, на счет графа, в Италии. Воронихин построил Казанский собор, в котором все изваяния, образа и пр. были исполнены русскими. Граф Строганов не мог дождаться окончания. Наконец собор освятили 8 сентября 1811 года, а чрез неделю он скончался и был отпет в новом храме. При сем случае произнесено было надгробное ему слово иеромонахом Филаретом, что ныне митрополит Московский: оно возбудило общее внимание к таланту юного оратора. Напечатано оно в 1-й книжке "Вестника Европы" на 1812 год. Граф Хвостов довольно хорошо воспел новый собор и удостоился следующей эпиграммы:

Хвостов скропал стихи и, говорят, не худо!
Вот храма нового неслыханное чудо!

Не могу кончить статьи об Александре Сергеевиче Строганове, не упомянув с искреннею благодарностью к его памяти, что он был покровителем и благодетелем моего отца. Он крестил сестру Елисавету и брата Павла и, когда батюшка лишился места, не оставлял его своими милостями.

Князь Адам Адамович Чарторыжский так известен, что о нем говорить нечего. Скажу только, что он служил в России, в первые годы царствования Александра, честно, усердно и благородно и много трудился по Министерству просвещения. Кто станет укорять его, что он взял с Александра I слово восстановить Польшу при первой возможности. Только жаль, что он сделал это для подлых поляков, не достойных ни свободы, ни уважения.

Николай Николаевич Новосильцов, одно из замечательнейших лиц России в первой половине XIX века, родился в 1762 году и получил хорошее образование под руководством и в доме родственника своего, графа Александра Сергеевича Строганова; в молодости служил в гвардии, потом в армии, отличился храбростью в шведской и польской войне и сделался известен великому князю Александру Павловичу. В 1796 году вышел в отставку и отправился в Англию, где провел почти все время царствования Павла; возвратился в Россию в 1801 году, был принят с радостью императором Александром Павловичем и сделался доверенным у него лицом; занимался разными поручениями по администрации, юстиции, по делам, относившимся к наукам и художествам; был товарищем министра юстиции и в то же время президентом Академии Наук и попечителем С.-Петербургского учебного округа; принимал самое важное и деятельное участие в благородных подвигах и преобразованиях того времени, особенно по части просвеще-

ния. Он впоследствии называл это время счастливейшим в своей жизни. Оно было счастливейшим и для всей России: подобного тогдашнему я вспомнить и вообразить не умею. Не думайте, чтоб это суждение происходило от каких-либо счастливых или благоприятных случаев в моей тогдашней жизни. Нет! я был тогда не на розах: лишился отца, жил без матери и семейства, не имел и порядочного сертука, часто терпел голод в полном смысле этого слова; но, вспоминая отрадное время, наступившее по кончине Павла, не могу не чувствовать истинного услаждения. Разумеется, не все было хорошо и тогда, но было лучше, нежели когда-либо, и разве только первые годы царствования Екатерины (1762–1768 гг.) могли сравниться с этим периодом. Всего радостнее и отраднее были надежды, но, увы, они не сбылись или сбылись не в том виде, как ожидали истинные сыны отечества.

В одном Новосильцов сделал тогда вредный для России промах: он взял к себе на службу (по рекомендации Я.А.Дружинина) из студентов Московского университета Вронченку, этого гнусного и подлого хама, способствовавшего много ко вреду России в царствование императора Николая. Помню, какой шум негодования и смеха поднялся в Петербурге в 1806 г., тогда Вронченку дали 4-го Владимира; все вопили: можно ли награждать этого подлеца, дубину, развратника? А когда он впоследствии получил Александра, Андрея и, наконец, графское достоинство, никто не дивился. Новосильцов и тогдашние товарищи его выказывали примерную скромность при всей власти, которою обладали. У Новосильцова был только Владимирский крест, с бантом, полученный им за храбрость, оказанную в войне со шведами; у Чарторыжского только Аннинский крест 2-й степени, а они раздавали звезды и ленты. Новосильцов употребляем был и по дипломатической части, ездил в Пруссию и в Англию для приготовления союза против Наполеона в 1804 и 1805 годах и был одним из главнейших деятелей тогдашней благородной коалиции против преобладания Наполеонова*. Но блистательные надежды тогдаш-

* Достойно замечания поручение, данное ему Александром в конце 1806 года. Приведенный в отчаяние ошибками своими в выборе генералов, он отправил Новосильцова в Главную Квартиру армии и поручил ему узнать под рукою, кто из генералов и полковников пользуется в армии, между офицерами и нижними чинами, большею славою ума, распорядительности, храбрости. Новосильцов исполнил это и привез императору небольшой список, в котором были имена Барклая, Дохтурова, Сабанеева, Багговута, Коновницына. Это послужило впоследствии мерилом при выборе полководцев *(Н.Г.)*.

него времени не сбылись: прусский поход 1807 года кончился несчастливо и заключен был постыдный мир в Тильзите; признано владычество и преобладание Наполеона; Европа впала в совершенное рабство. Благородные люди государственные, окружавшие Александра, известные враждою к Наполеону и приверженностью к Англии, должны были сойти со сцены: их места заняли нелепые Лобановы (кн. Дмитрий Иванович), Куракины (оба) и преимущественно образованный болван и пустомеля Румянцов (Николай Петрович). Новосильцов прозябал года два попечителем С.-Петербургского учебного округа, потом вышел в отставку и до 1812 года жил в Вене. Достойно замечания, что пребывание в Лондоне сделало его умным, благородным человеком, другом людей и отечества. В Вене он упал и опошлился до невозможности и, странное дело, в его положении и звании – начал пить. В 1812 году призван он был опять на службу и употреблен по делам польским и, при образовании Польского царства, оставался при цесаревиче Константине Павловиче и много содействовал к огорчению поляков и восстановлению их против России, особенно несправедливостью и жестокостью к молодым людям, студентам и другим, которых можно б было образумить мерами кроткими и снисходительными. Куда девались прежняя скромность, прежнее увлечение благородными и либеральными идеями: когда напоминали об этом Новосильцову, он смеялся и говорил, что это были глупости и шалости молодых лет. Зато осыпан он был всеми орденами, чинами, пожалован в графы и т.п. После революции польской, он служил в Петербурге и умер в 1836 году в звании председателя Государственного совета, пользуясь общим и заслуженным презрением. Занимая уже первую степень в государстве, он на годовом празднике Английского клуба плясал пьяный трепака пред многочисленным собранием. Зрелище грустное и оскорбительное для друга чести и добродетели! Подлец Старчевский, в своем "Справочном лексиконе", поместил хвалебную о нем статью, заключив ее забавным примечанием, что отличительною чертою характера Новосильцова была неустрашимость, то есть он не страшился ни голоса совести и чести, ни суда потомства!

Князь Петр Петрович Долгорукий (род. 19 дек. 1777 г., ум. 12 дек. 1806 г.), первый любимец Александра, человек большого ума, высокого образования, необыкновенных способностей, был употребляем в делах дипломатических и в битвах кровавых и везде отличался с самой блистательной стороны. Перед Аустерлицким сражением он был

послан к Наполеону для переговоров и раздражил его своею твердостью и благородством. За участие в этой битве он получил золотую шпагу за храбрость и орден Георгия 4 класса. Недолга была жизнь его: он скончался, в С.-Петербурге, от болезни, причиненной простудою на поездке по должности. Александр искренно его оплакивал. Но не в пору ли для себя князь умер? Брат его, князь Михаил Петрович, также достойный человек и храбрый воин, убит в сражении со шведами при Индесальми, 17 октября 1809 года, на двадцать осьмом году от рождения. 15 октября пожалован ему был в чине генерал-майора Александровский орден.

Александр Александрович Витовтов обратил на себя внимание государя своими филантропическими идеями, был назначен начальником некоторых богоугодных заведений, но потом сбился с толку, провел жизнь в каких-то мечтаниях и грезах и исчез в неизвестности.

Михаил Александрович Салтыков, человек умный и хорошо образованный (в Сухопутном Кадетском корпусе), был в числе друзей Александра, наследника престола. По воцарении, государь предлагал ему какое-то место, но Салтыков отказался, объявив, что намерен жениться и жить в уединении. Александр пожаловал ему звание камергера. Салтыков женился, по страсти, на Елисавете Францовне Ришар, родной тетке гр. Клейнмихеля, но жил с нею не очень счастливо. Дочь его вышла замуж за барона Дельвига. Впоследствии Салтыков был попечителем Казанского университета и умер сенатором в Москве в глубокой старости. Причудливостью своею и дурным нравом он заставлял забывать многие свои добрые качества и умер, никем не оплаканный.

Иван Петрович Пнин (род. в 1773 г., ум. 1805 г.), побочный сын князя Н.В.Репнина, получил в детстве отличное воспитание, потом обучался в Артиллерийском и Инженерном корпусе, что ныне 2-й Кадетский корпус, служил сперва в артиллерии, потом при новоучрежденном Министерстве народного просвещения, издавал "С.-Петербургский Вестник", сочинил несколько статей о воспитании и просвещении, написал драму "Велисарий". Из стихотворений его славилась в свое время "Ода на Правосудие". Он надеялся, что князь Репнин признает его своим сыном, но, узнав по кончине его (в 1801 г.), что он забыл о нем в своем завещании, впал в уныние и зачах. Движимый чувством оказанной ему несправедливости, он написал сочинение: "Вопль невинности, отвергаемый законом", но оно, как и другие его произведения, не напечатано. Пнин

пользовался уважением и любовью всех тогдашних русских писателей. Смерть его глубоко их огорчила.

Граф Алексей Андреевич Аракчеев (род. 1769 г., ум. 1834 г.) происходил от старинной, но бедной фамилии Новгородской губернии. Один из предков его был генералом в армии Миниха, действовавшей в Крыму. Алексей Аракчеев молодым мальчиком пришел пешком в Петербург с рекомендательным письмом к митрополиту Гавриилу. Преосвященный, приняв его ласково, подарил ему рублевик и определил в тогдашний Артиллерийский и Инженерный (что ныне 2-й Кадетский) корпус. Образование тогда было скудное: лучше всего преподавалась математика, и Аракчеев оказал в ней большие успехи, но уж в детстве оказывал коварство, низость и подлость, доносил на товарищей и кланялся начальникам. За то ненавидели его товарищи, и самый сильный из них, великан Костенецкий, больно колотил его. Видно, в благодарность за его уроки, Аракчеев потом перевел его в гвардию. Непосредственным начальником его был корпусной офицер Андрей Андреевич Клейнмихель, женившийся на красавице Анне Францовне Ришар, которую очень жаловал генерал Мелиссино, директор корпуса. По выпуске в офицеры, Аракчеев оставлен был в корпусе для преподавания кадетам артиллерии, дослужился в 1790 г. до капитанского чина и был взят генералом Мелиссино в адъютанты. В то же время преподавал он математические науки и в частных домах, между прочим, сыновьям гр. Н.И.Солтыкова. В 1792 году великий князь Павел Петрович просил Мелиссино найти ему хорошего офицера для командования батареею при его гатчинских баталионах, и Мелиссино рекомендовал Аракчеева. Капитан вскоре заслужил внимание великого князя деятельностью по службе, точностью и строгим исполнением всех приказаний, как бы они нелепы и бестолковы ни были; особенно нравилось строгое наблюдение им воинской дисциплины. По вступлении Павла на престол, Аракчеев произведен был в полковники и в генерал-майоры, получил орден св. Анны I степени, титул барона и две тысячи душ (село Грузино) в Новгородской губернии. Замечательно, что он служил в то время не по артиллерии, а командовал Преображенским полком и был с.-петербургским комендантом. В командовании полком обязанность его была истребить в офицерах и нижних чинах дух свободы и уважение к самим себе; он оскорблял офицеров, а у солдат срывал усы с частью губы. Не знаю, излишество или недостаток усердия не понравились Павлу; только Аракчеев в 1798 году был отставлен от службы,

но с чином генерал-лейтенанта. В том же году он опять вошел в милость, был назначен командиром гвардейского артиллерийского баталиона и инспектором всей артиллерии, возведен в графское достоинство, получил александровскую ленту и Мальтийский командорский крест. В 1799 году, за какие-то беспорядки в артиллерийских гарнизонах и арсеналах, был вновь отставлен. Говорят, что Павел, недели за две до кончины своей, пригласил его приехать в Петербург и вновь вступить в службу. Пален, узнав о том, ускорил исполнение своего замысла и притом запретил пускать в город кого бы то ни было. Аракчеев прибыл уже по совершении катастрофы, явился к Александру Павловичу и в слезах повалился к ногам его. Потом очень умно и хитро, будто бы с откровенностью и самоотвержением, дал знать Александру, что если б он (Аракчеев) был в то время в Петербурге, Павел сидел бы на престоле. Все это было исполнено с успехом.

Замечательно, что в первые годы царствования Александра Аракчеев стоял в тени, давая другим любимцам износиться, чтоб потом захватить государя вполне. Он особенно стал усиливаться с 1807 года, когда угасли в Александре порывы молодых мечтаний, когда он совершенно разочаровался в людях. В то время Аракчеев принес России существенную пользу преобразованием нашей артиллерии и исполнением многих важных поручений государя. Например, в финляндской войне, когда наши генералы не решались пройти по льду на Аландский остров и на шведский берег, ездил к ним Аракчеев и убедил их исполнить волю государеву.

В Аракчееве была действительно ложка меду и бочка дегтю.

Он придрался к главнокомандующему, графу Буксгевдену, за недочет нескольких пудов пороха и написал ему грубое отношение. На это Буксгевден отвечал сильным письмом, в котором представил разницу между главнокомандующим армиею, которому государь поручает судьбу государства, и ничтожным царедворцем, хотя бы он и назывался военным министром. Этот ответ стоил дорого Буксгевдену, но разошелся в публике, к радости большинства ее. Аракчеев не знал или не думал, чтоб это письмо было известно. Однажды, у себя за столом, говоря со мной о каком-то историке, неучтиво отзывавшемся о Румянцове, он сказал: "Да знаете ли вы, что такое главнокомандующий?" – и повторил слова врага своего. Я не знал, куда деваться, и боялся смотреть на бывших при том. Еще достойно внимания, что Аракчеев и Балашов видели необходимость удалить Александра из армии в начале 1812 года и достигли

цели, заставив Шишкова написать о том государю. Что хорошо, то хорошо.

Аракчеев не был взяточником, но был подлец и пользовался всяким случаем для охранения своего кармана. Он жил в доме 2-й артиллерийской бригады, которой он был шефом, на углу Литейного и Кирочной (деревянный дом этот существует доныне). Государь сказал ему однажды: "Возьми этот дом себе". – "Благодарю, государь, – отвечал он, – на что мне он? Пусть остается вашим; на мой век станет". Бескорыстно, не правда ли? Но истинною причиною этого бескорыстия было то, что дом чинили, перекрашивали, топили, освещали на счет бригады, а если б была на нем доска с надписью: "Дом графа Аракчеева", эти расходы пали бы на хозяина.

По окончании войны, Александр возымел странную и несчастную мысль: завести военные поселения, для пехоты на севере, для конницы на юге России. Он полагал получать из этих округов и рекрут, с детства уже готовившихся в военную службу, и продовольствие, и обмундирование, и вооружение их в устроенных в поселениях фабриках и заводах, а остальную часть России освободить от рекрутства и податей на военное министерство. Здесь не место излагать невозможность и неисполнимость миллионом людей производить то, что отбывали дотоле с трудом и истощением пятьдесят миллионов. Скажу только об исполнении. Оно возложено было на Аракчеева, и он взялся осуществить бестолковую мечту, грезу. Несколько тысяч душ крестьян превращены были в военные поселяне. Старики названы инвалидами, дети кантонистами, взрослые рядовыми. Вся жизнь их, все занятия, все обычаи поставлены были на военную ногу. Женили их по жеребью, как кому выпадет, учили ружью, одевали, кормили, клали спать по форме. Вместо привольных, хотя и невзрачных, крестьянских изб, возникли красивенькие домики, вовсе неудобные, холодные, в которых жильцы должны были ходить, сидеть, лежать по установленной форме. Например: "На окошке № 4 полагается занавесь, задергиваемая на то время, когда дети женского пола будут одеваться". Эти учреждения возбудили общий ропот, общие проклятия. Но железная рука Аракчеева, Клейнмихеля сдерживала осчастливенных, по мнению Александра, крестьян в страхе и повиновении. В южных колониях казацкая кровь не вытерпела. Вспыхнуло восстание: оно было потушено кровью и жизнью людей, выведенных из пределов человеческого терпения генерал-майором Саловым, поступавшим притом с величайшим бесчелове-

чием. Аракчеев бессовестно обманывал императора, потворствуя его прихоти, уверял его в благоденствии и довольстве солдат, а вспышку приписывал влиянию людей злонамеренных и иностранных эмиссаров. До какой степени простиралось в этом его бесстыдство, он доказал отчетом, поданным им Николаю Павловичу по вступлении его на престол и обнародованным в газетах.

Мы описали в тексте историю посрамления Аракчеева Шумским, смерть Настасьи и последовавшие за тем события. Сообщим здесь некоторые подробности. Аракчеев взял к себе Настасью осенью 1796 года, но вскоре потом вступил в законный брак с девицею Хомутовою, благовоспитанною и нежною. Чрез несколько недель брака, жена увидела, к какому гнусному уроду ее приковали, он не понимал благородства и нежности чувств, не любил, не уважал ее, и они вскоре разошлись. Настасья осталась его хозяйкою и тайною советницею. Между тем имел он и фаворитку из высшего класса, жену бывшего обер-секретаря Синода Варвару Петровну Пукалову, миловидную, умную и образованную женщину, которая, пользуясь своею властью над дикобразом, была посредницею между им и просителями. В одной из тогдашних сатир, в исчислении блаженств, сказано было: "Блажен... через Пукалову кто протекции не искал". Тиран Сибири Пестель жил в одном доме с Пукаловою и чрез нее действовал на друга ее сердца.

В начале связи Аракчеева с Настасьею родился у ней сын Михаил. В детстве был он хорошенький и умный мальчик. Аракчеев воображал, что из него выйдет великий человек, и старался дать ему хорошее воспитание. Он отдал его (в 1809 г.) в Петровскую школу, и именно пансионером ко мне. По этому случаю познакомился я с Аракчеевым и бывал у него. Медленное, методическое преподавание наук в немецкой школе не понравилось нежному родителю. Не принимая в уважение того, что Мишка его плохо знал первые правила арифметики, он требовал, чтоб его учили геометрии, и, когда это оказалось невозможным, он взял его из училища, отдал в какой-то пансион, а потом поместил в Пажеский корпус. Отдавая в школу, он назвал его: Михайла Иванов Лукин, купеческий сын; потом дал ему фамилию Шумский. Мальчик этот был выпущен в гвардию и поступил в флигель-адъютанты, которых число тогда было очень ограниченно. Между тем он сделался совершенным негодяем и горьким пьяницею. После катастрофы, сгубившей почтенных родителей, достойный их сын переведен был в армию

и там спился совершенно. Потом пошел он в монахи и умер в Соловецком монастыре.

Аракчеев похоронил Настасью подле того места, где приготовил могилу для себя, и вырезал на гробе ее следующую надпись, сочиненную им самим:

Здесь погребен двадцатисемилетний друг
Анастасия.
Убиенная села Грузина дворовыми людьми.
Убиенна
За нелицемерную и христианскую ее
К Графу любовь.

По смерти Настасьи, Аракчеев рассмотрел ее переписку с разными особами и нашел верные свидетельства ее плутней и взяточничества. Он отправил найденные в наличности подарки к тем особам, от которых они были получены, и, как я слышал, велел перенести труп Настасьи на обыкновенное кладбище.

По увольнении от службы, Аракчеев вздумал отправиться в чужие краи, где незадолго до того был принимаем с уважением как доверенный человек Александра. Времена переменились: его принимали менее, нежели равнодушно. Желая напомнить о своем прежнем величии, он напечатал в Берлине перевод (французский) писем к нему императора Александра. Этот поступок усилил справедливое к нему негодование императора Николая и окончательно прекратил его поприще. Когда он въезжал во Францию, таможня отобрала у него серебряные вещи, предлагая возвратить ему при обратном выезде его из Франции или изломать их и отдать ему. Он избрал последнее, но, когда таможенный служитель стал разбивать серебряный чайник, пришел в бешенство, бросился на него и схватил за ворот. Сопровождавшие его с трудом уладили дело.

Не находя отрады и развлечения за границею, воротился он в Россию и прожил до конца своей жизни в Грузине. Он все еще считался на службе, но не подавал никакого знака жизни. Все его оставили. Тварь его, Клейнмихель, сделался первым его врагом и не называл его иначе, как злодеем. Когда в 1831 году вспыхнул бунт в поселенных войсках, он испугался и приехал из Грузина в Новгород. Не знаю, какая скотина был тогда новгородским губернатором (помнится, осел Демпфер). Он приказал объявить графу, что он, присутствием своим в Новегороде, мутит народ, и велел ему ехать обратно в Грузино. В это время приехал в Новгород, по повелению государя, граф А.Ф.Орлов. Узнав о поступке губернатора, он призвал его к себе,

спросил, по какому праву он выгоняет председателя Государственного совета, когда не смеет без причины выслать из города и отставного солдата, надел александровскую ленту и поехал к падшему вельможе. Аракчеев был приведен в восхищение этим вниманием. "Ваше посещение, граф, – сказал он Орлову, – было для меня тем приятнее, что я никогда не видал вас у себя в передней... Нынешние происшествия огорчительны. Жалею только, что нет здесь Петра Андреевича (Клейнмихеля): он мог бы насладиться зрелищем плодов своих усердных трудов!" Так негодяи сваливали друг на друга вину в этих подвигах!

Аракчеев, в уединении своем, принимал посещение соседних помещиц и каждую уверял, что сделает ее своею наследницею. И в этом отчуждении, в этом унижении против прежней высоты ему умереть не хотелось. Последние слова его были: "проклятая смерть". Он умер 13 апреля 1834 года, и известие о том пришло в Петербург накануне присяги наследника Александра Николаевича, по наступлении его совершеннолетия. Для распоряжения о погребении его и прочем послан был в Грузино Клейнмихель.

Я был в придворной церкви у обедни и при присяге цесаревича. Любопытно было видеть и слышать чистосердечные отзывы об Аракчееве людей, знавших его коротко. Всех откровеннее и умнее говорил бывший при нем долго Василий Романович Марченко, ненавидевший и презиравший его всеми силами своей души. Некоторые из бывших его клевретов обрадовались его смерти: она их уверила, что он не воротится. Борис Яковлевич Княжнин, бывший командир полка графа Аракчеева, узнав в церкви о кончине его, сказал, перекрестясь: "Царство ему небесное! Себя успокоил и всех успокоил".

Произнося такой строгий суд над Аракчеевым, мы виним не столько его, сколько Александра, который, наскучив угодливостью и царедворством людей образованных и умных, бросился в объятия этого нравственного урода. Аракчеев был тем, чем создала его природа. Должно отдать ему справедливость: он, как сказано выше, преобразовал (в 1809 г.) нашу артиллерию и прилежно работал в должности военного министра, до назначения в это звание благородного и добродетельного Барклая. Еще спасибо ему за то, что он обратил внимание Александра на Канкрина, но он сделал это не потому, чтобы постигал достоинства этого необыкновенного человека, а только в пику врагу своему, Гурьеву. Не случись под рукою Канкрина, он рекомендовал бы Андрея Ивановича Абакумова. Ничто так не характеризует подлости духа графа Аракчеева, как отметка в положении, которым прибавлялось жалованье артиллерийским

офицерам: "Ротным командирам прибавки не полагается, потому что они пользуются доходами от рот". Конфирмуя это положение, государь не видал, что этим официально признают и допускают воровство.

Александр Дмитриевич Балашев, не знаю каким образом, сделался доверенным лицом Александра. Он был обер-полицмейстером сперва в Москве, потом в Петербурге и назначен был министром полиции, при учреждении этого министерства в 1809 году, в подражание Наполеону. Он окружил себя людьми не великого достоинства. В числе их был Лавров, человек неглупый, в делах опытный, но грубый и суровый: он ввел сечение в число полицейских средств над людьми, изъятыми от телесного наказания. Балашев спросил его однажды, каков экзекутор в исполнительном департаменте. "Золотой человек! – отвечал Лавров. – Приведут арестанта; он разом закричит: штаны долой и ложись на скамью". Лавров был впоследствии сенатором, и не из худых. Начальником Особенной канцелярии, что ныне III Отделение Собственной канцелярии е. и. в., был хвастун, негодяй Санглен, побочный сын какого-то Голицына, рожденный в Ревеле, носивший французское имя, и притом – православный! Нахватавшись разных поверхностных знаний, не умея порядочно писать ни на каком языке, он имел искусство ошеломить, озадачить кого угодно своею смелостью и самонадеянностью. Он взялся устроить высшую тайную полицию, набрал шпионов, завел доносы, морочил Балашева разными наветами и выдумками и некоторое время умел пускать пыль в глаза до того, что иногда ездил с докладами прямо к государю. Александр не доверял никому, даже своему министру полиции, и Санглен служил ему соглядатаем. Вечером и ночью посылал за ним по секрету и спрашивал, что делается в министерстве. Triste sort des rois!* Санглен, разумеется, выдавал своего начальника головою. Но такая служба не может быть продолжительною. Александр вскоре разгадал Санглена и удалил его с кровною обидою. Балашев, узнав о проделках Санглена в Вильне (в мае 1812-го), открыл глаза царю. Александр притворился, что полюбил Санглена как друга, и особенно на одном бале преследовал его своими любезностями, приглашал танцовать, потчевал мороженым и т.п. Санглен, увидев, что наступил его последний час, просил увольнения от должности. Его определили в Главную Квартиру Барклая, по особым поручениям, но не употребляли. Кутузов, прибыв к

* Грустная участь царей! (*фр.*).

армии, выгнал его. Получив в 1816 г. пенсион в 4000 р. асс., он поселился в подмосковной деревне и прожил долго. У него было много детей: сколько я знаю, они сделались негодяями. Балашев сам, сдав управление Министерством полиции Вязмитинову, оставался в свите государя и был употребляем по дипломатической части. В 1812 году вел он последние переговоры с Наполеоном. Известен ответ его на вопрос: какой путь ведет на Москву? – "Есть и через Полтаву". По окончании войны был он несколько лет в бездействии, потом плохим генерал-губернатором орловским, тамбовским и рязанским. Умер в безвестности. Как частный человек, может быть, он имел и достоинства. Он был, например, приятелем Карамзина, но в отношении государственном он был более вреден, нежели полезен. Непростительная ссылка Сперанского была отчасти его делом.

Князь Александр Николаевич Голицын (род. 8 дек. 1773 г., ум. 22 ноября 1844 г.) был человек доброго сердца, одаренный большим придворным тактом и знанием, чего не должно ему говорить, но ум и рассудок его были весьма тесные. Есть предание, что камер-юнкер Дм.А.Гурьев (впоследствии министр финансов) и он были высланы императором Павлом из города за глупость. Голицын набрался незрелых духовных идей, вероятно, в то время, когда был обер-прокурором в Синоде. Со временем они перешли в мистицизм и в учение английских методистов. И этот человек был министром просвещения и духовных дел! Его обстали невежды, фанатики и негодяи, и этот добрый, почтенный человек сделался орудием гонений, преследований, почти злодеяний. Люди ученые, умные, благородные (например, Александр Павлович Куницын) сделались жертвами козней адского союза, который окружал его. Главным противником его был Аракчеев. Князь оказывал к нему презрение и даже никогда не кланялся. Александру это, видно, нравилось по правилу: divide et impera!*

Князь Голицын делал много добра бедным и страждущим и щедро награждал своих подчиненных, к сожалению, очень часто негодяев. На почте принимали гривенные письма чиновники с звездою Станислава. Любопытное зрелище представляет человек слабохарактерный, управляемый обстоятельствами. С одной стороны, в Министерстве просвещения и по почтовому ведомству окружали его ханжи и плуты; с другой стороны, директором Департамента духовных дел был Александр Ивано-

---

*Разделяй и властвуй! (*лат.*).

вич Тургенев, добрый же человек, но пустой, надутый ветреник, конечно, ничему не веривший. Он жил в верхнем этаже министерского дома и над кабинетом гонителя наук и просвещения, сочинял либеральную конституцию и беседовал с единомышленным Николаем Тургеневым! Хороша была работа! И в то время, когда составлялись ковы против царя, участники в них, великодушные либералы, позволяли преследовать людей, подозреваемых в свободомыслии, и, скажем более, еще указывали на них, чтобы отвести от себя взоры тайной полиции. Впрочем, о придворных можно сказать то же, что Крылов говорил об иностранных воспитателях: "И лучшая змея по мне ни к черту не годится".

Сообщаю для характеристики кн. Голицына истинное происшествие, которое касалось меня очень близко. В 1820 году Жуковский принес ко мне русский перевод одной сказочки Перро, переведенной с французского ученицею его, великою княгинею Александрою Федоровною, и просил, чтоб я напечатал ее в своей типографии в числе десяти экземпляров, но с тем, чтоб эта книжка не была в обыкновенной цензуре, что он говорил об этом князю Голицыну и князь, изъявив свое согласие, обещал известить меня официально о напечатании ее без обыкновенных формальностей. Великая княгиня хотела по этой книжечке учить читать своего сына. Я напечатал книжечку. Нет извещения от Голицына. Жуковский пишет из Павловска, что великая княгиня ждет оттисков. Что тут делать? Я повез рукопись к цензору Тимковскому, и он подписал ее. Вслед за этим послал экземпляры Жуковскому. Вдруг поднялась буря. Голицын, з а б ы в (?) об обещании, данном Жуковскому, написал к военному генерал-губернатору графу Милорадовичу, что в типографии Греча напечатана книга, не дозволенная цензурою, и просил поступить с содержателем типографии на основании законов. Граф потребовал у меня объяснения. Я представил рукопись, одобренную Тимковским за две недели пред тем, и сказал, что одобрение не выставлено на заглавном листке по ошибке фактора типографии. Дело тем и кончилось. Хорошо было, что я не положился на словесное позволение министра: было бы мне много хлопот. Добрый Жуковский очень сожалел о неприятности, сделанной мне, и говорил мне, что выговаривал князю Голицыну, а тот извинился, что запрос (им подписанный) был составлен, без его ведома, в его канцелярии.

По доносам и наговорам Магницкого, я был предметом гонения Министерства просвещения, а потом предан был суду с его же чиновниками! (См. дело о Госнере.)

[В.Ф. Боголюбов]

В числе замечательных лиц, с которыми случай свел меня в жизни, должен я упомянуть о Варфоломее Филипповиче Боголюбове. Он представляет любопытное зрелище — человека, всеми презираемого, всем известного своими гнусными делами и везде находящего вход, прием и наружное уважение! Таковы милые светские связи. Человек честный, благородный, откровенный, но простой, не умеющий хорошо говорить по-французски, не знакомый с приемами и хитростями большого света, при всех дарованиях и заслугах своих, не добьется и десятой доли того, чем пользуется смелый, бесстыдный и бессовестный негодяй, известный своими порочными наклонностями и делами.

Отец Боголюбова, в последние годы царствования императрицы Екатерины, служил экономом в Смольном монастыре и исполнял свою должность с большим попечением о своем кармане. Когда, по вступлении на престол императора Павла, все воспитательные и богоугодные заведения отданы были в ведомство императрицы Марии Федоровны и главное над ними начальство было поручено умному, деятельному и строгому графу Якову Ефимовичу Сиверсу, последовала ревизия хозяйственной их части за прежние годы. Боголюбов, видя себе неминуемую беду, решился предать себя смертной казни и вонзил себе в живот кухонный нож. На вопль его домашних сбежались соседи, пригласили медика и исследовали состояние больного, который терзался в ужасных мучениях. На вопрос одного наследника, есть ли надежда на спасение его жизни, врачи отвечали единогласно:

— Нет никакой.

— Долго ли проживет он в этих мучениях?

— Он умрет, лишь только вынут нож из раны.

— Да кто на это решится?

Тогда девяти- или десятилетний сын его, Варфоломей, смело подошел к кровати больного и, бестрепетно вынув нож, прекратил тем и страдания и жизнь своего отца. Дивный пример сыновней любви и самоотвержения!

Мария Федоровна изъявила глубокое сожаление об этом несчастном случае, призрела осиротевшее семейство и поручила юного Варфоломея попечению князя Алексея Борисовича Куракина. Князь исполнил желание государыни, взял юного героя и дал ему воспитание, наравне с своим родным сыном, воспитание светское, блистательное, и потом определил Боголюбова в коллегию Иностранных дел. Он был командирован в Корфу,

к генералу Анрепу, познакомился там с Бенкендорфом и другими молодыми людьми первых фамилий; потом был при посольстве в Мадриде и Вене под начальством Дм.П.Татищева. В последнее время числился он при министерстве и жил в Петербурге, имея вход в лучшие дома, и находился в дружеских связях с Тургеневым, Блудовым и другими светскими людьми. Я знал его только потому, что видел иногда у Тургенева и у Воейкова, но в 1831 году, когда открылась холера, он был назначен попечителем квартала I Адмиралтейской части, в которой частным попечителем был С.С.Уваров, с которым он вошел с тесные связи по родству Уварова с кн. Куракиным. Боголюбов, посещая дома разных обывателей, зашел и ко мне. Мы разговорились с ним и познакомились, не говорю, подружились.

Когда я переехал в свой дом (в июле 1831 г.), он продолжал посещать меня, иногда у нас обедал и забавлял всех своими анекдотами и остротами; только нельзя было остеречься от его пальца. "Плохо лежит, брюхо болит". Он воровал все, что ни попадалось ему под руки. Спальня моя была внизу; кабинет на антресолях. Одеваясь поутру, я оставлял в спальне бумажник.

Однажды пришел ко мне Боголюбов, заглянул в спальню и, видя, что меня там нет, взобрался в кабинет и, посидев около часу, ушел. Я отправился со двора и, переходя через мостик на Мойке, встретился с наборщиком, которому за что-то обещал дать на водку, остановил его, вынул из кармана бумажник, чтоб из бывших в нем пятнадцати рублей вынуть синенькую. Не тут-то было: бумажник оказался пустым! В другой раз, воротясь домой перед обедом, нахожу, что Боголюбов сидит у меня в зале перед столом, покрытым газетами, и читает одну. Разговорившись с ним, я увидел у него за пазухою в боковом кармане картинку модного журнала и без всякого умысла сказал ему шутя:

– К какой это даме несете вы моды, услужливый кавалер?

Он побледнел и застегнул фрак, сказав:

– Да, к одной почтенной барыне.

Я поглядел на пачку новых газет: действительно, в ней недоставало модного журнала. До обеда зашел я к матушке, сестре и дочерям и рассказал им штуку Боголюбова. Он остался у нас обедать; сверх того, обедал у нас один француз Бонне, разодетый куколкою. Между разговорами я сказал ему: "Как вы можете в нашем климате (это было в глубокую осень) одеваться так легко: и фрак, и жилет у вас нараспашку. Долго ли простудиться! Вот посмотрите на этого застегнутого

дипломата: как он сохраняется. Подумаешь, что он прячет краденое". Домашние мои были в страхе, что Боголюбов обидится. Но все прошло благополучно.

Однажды, во вторник на первой неделе великого поста (mardi gras), приехал ко мне звать меня к обеду Булгарин и при этом случае взял у меня двести рублей; потом он отправился в Большой театр и купил там пять билетов по пяти рублей, на вечерний маскарад. Обедали у него свитский генерал граф Нессельрод (двоюродный брат министра), один польский полковник, Боголюбов и я. Беседа за столом была преприятная. После обеда гости, кроме Боголюбова, тотчас отправились по домам. Булгарин проводил их, в том числе и меня. Боголюбов оставался и, когда воротился Булгарин, простился с ним и ушел также. В комнате, где мы сидели после обеда, было бюро, на которое Булгарин положил свой бумажник. Хвать, все оставшиеся в нем сто семьдесят пять рублей исчезли. Таких случаев знал я, знали все, до тысячи, но никто не успел застать и уличить Боголюбова с поличным. А сколько он утащил у меня книжек! Добро бы украл полные сочинения, а то почти все разрознил. Я говорил выше, что он был знаком и короток с Бенкендорфом. Говорили, что он был его шпионом. Не знаю этого в точности, но эту славу раздавали многим и мне самому, потому и не дерзаю говорить о том положительно. Вспомню только один случай. Однажды, когда Уваров был в Москве, Боголюбов пришел ко мне и прочитал письмо, в котором тогдашний товарищ министра просвещения уведомлял его, старого друга, о разных встречах, о блюдах в Английском клубе, о речах и суждениях некоторых именитых особ.

– Не правда ли, интересно? – спросил у меня Боголюбов.

– И очень, – отвечал я.

– Я читал это письмо генералу (тогда Бенкендорф не был еще графом), и ему оно понравилось.

Оставляю читателя догадываться, кто играл здесь какую роль. Дружба Боголюбова с Бенкендорфом пресеклась трагическою сценою. Однажды Боголюбов приходит к нему, ни о чем не догадываясь, и видит, что его появление произвело на графа сильное впечатление.

– Qu'avez-vous, cher comte?* – спрашивает Боголюбов.

Бенкендорф подает ему какую-то бумагу и спрашивает:

– Кто писал это?

Это была перлюстрация письма, посланного Боголюбовым

---

*Что с вами, дорогой граф? (*фр.*).

к кому-то в Москву: он насмехался в нем над действиями правительства и называл самого Бенкендорфа жалким олухом. Это письмо доставил графу почт-директор Булгаков, ненавидевший автора. Боголюбов побледнел, задрожал и упал на колени.

— Простите минуту огорчения и заблуждения старому другу!

— Какой ты мне друг? — закричал Бенкендорф. — Ордынский! велите написать в канцелярии отношение к военному генерал-губернатору о высылке этого мерзавца за город.

Боголюбов плакал, рыдал, валялся в ногах и смягчил приговор.

— Убирайся, подлец! — сказал Бенкендорф. — Чтоб твоя нога никогда не была у меня!

Боголюбов удалился. Этот случай рассказан был Булгарину Ордынским, секретарем Бенкендорфа.

С Уваровым сохранил он связь до конца своей жизни: видно, между ними были какие-то секреты, но Уваров стыдился этой связи. Однажды Боголюбов застал меня за сочинением одной статьи, помещенной потом в "Пчеле", — о начале "Сына Отечества".

— Что же вы ее не печатаете?

— Должно прежде цензуры показать Сергию Семеновичу, — сказал я, — потому что в ней идет речь о нем, а я не сберусь идти к нему.

— Сделайте мне одолжение, Николай Иванович, поручите это дело мне: я очень часто бываю у Сергия Семеновича и непременно исполню ваше желание.

Я, враг всех министерских передних, согласился и отдал ему статью. Чрез неделю добрый и любезный Василий Дмитриевич Комовский, директор канцелярии министра, привез ко мне эту статью, одобренную к напечатанию, и, отдавая ее мне, просил именем Уварова не относиться к нему чрез Боголюбова, а являться лично или передавать чрез канцелярию.

Боголюбов умер в марте 1842 года, после кратковременной болезни, оставив двух сестер, престарелых девиц, без всякого пропитания. Вероятно, Уваров не оставил их. Я спрашивал у домашних Боголюбова, не остались ли после него книги, в числе которых находились многие, взятые им у меня. Мне отвечали: не осталось ничего.

И все это примерло: и Боголюбов, и Бенкендорф, и Уваров! К чему послужило воровство одному, царедворничество другому, тщеславие и властолюбие третьему?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Имя автора "Записок о моей жизни" Н.И.Греча не нуждается в особом представлении. Его "почти всеобщая... не только литературная, но и просто личная... известность"*, разнообразная общественная и научная деятельность, роковая дружба с Ф.В.Булгариным, наконец, не совсем ясная связь с III Отделением обеспечили ему довольно громкую и долгую "славу". На седьмом десятке лет, начав последовательную работу над своими мемуарами, он назвал будущий труд "Записки о моей жизни", однако о собственной своей, богатой событиями, жизни успел сказать слишком мало, доведя более или менее связный рассказ о ней до 1812 г., до издания им журнала "Сын отечества". Между тем именно с этого времени началась настоящая творческая и общественная деятельность Греча, выдвинувшая его в число самых заметных лиц русской культуры 20–30-х гг. XIX в. Следует, хотя бы в общих чертах, вспомнить о фактах его биографии, не отразившихся в "Записках", но определивших общественное лицо их автора.

Родившийся 3 августа 1787 г. в Петербурге в обрусевшей немецкой семье, будущий русский писатель, журналист и ученый с юных лет столкнулся с житейскими невзгодами, научившими его во всем полагаться в жизни на себя. Образование его как дворянина (3 класса Юнкерской школы) по тем временам было недостаточным, и Греч усиленно занялся самообразованием, используя возможности вольного слушателя лекций. В возрасте 17 лет он проявил себя самостоятельным человеком, способным выбрать жизненный путь по собственным интересам и стремлениям. Вопреки желанию родственников, считавших педагогическую работу унизительной для дворянина, он стал преподавателем русского языка и литературы в пансионе, отказавшись от карьеры чиновника. Это было не просто упрямство или поиск теплого места человеком, не способным на другое занятие: Греч доказал право на независимость своего выбора, а заодно и показал способности к наукам,

---

* Лонгинов М.Н. Воспоминания о Грече (рукопись). Цит. по: Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1930. С. 11.

сдав вступительные экзамены в одно из высших учебных заведений того времени – Училище правоведения.

Важной вехой в жизни Н.И.Греча стал 1807 г., когда он впервые вышел на поприще профессионального журналиста, взяв на себя заведование историко-политическим журналом "Гений времен" (1807–1809 гг.), продолжая при этом педагогическую работу.

К 1812 г., когда Н.И.Греч стал единственным ответственным редактором (до 1825 г.) самого популярного в тот период журнала "Сын отечества", у него за плечами уже был немалый литературный опыт переводчика, редактора "Журнала новейших путешествий" и сотрудника "Санкт-Петербургского вестника". "Сын отечества", основанный Гречем и превращенный им в яркий и разносторонний, либеральный по своей направленности, журнал, где печатались все выдающиеся научные и литературные силы, принес своему редактору широкую известность и заслуженную славу. "В течение десяти лет, – писал в 1830 г. Кс.А.Полевой, – Греч почти один оживлял журнальную и критическую часть нашей литературы... вокруг него образовалась семья петербургских литераторов, дотоле незаметная, ибо для нее не было органа прежде появления Греча"*.

"Записки" Н.И.Греча достаточно подробно раскрывают тот период его педагогической деятельности, когда он занимался распространением в России методики ланкастерского обучения, запрещенной в связи с восстанием Семеновского полка в 1820 г. Можно только отметить, что эта благородная по целям просветительская деятельность лично для него имела неблагоприятные последствия. Через три года после семеновской истории Н.И.Гречу пришлось пережить другую – процесс по делу Госнера. Это было время всеобщего в Петербурге увлечения мистицизмом, связанного с деятельностью министра народного просвещения А.Н.Голицына. Заезжий протестантский пастор Госнер написал на немецком языке свои толкования на Новый завет. Рукопись печаталась в типографии Греча, который к тому же правил ее перевод на русский язык. Враги Голицына, во главе которых стоял Аракчеев, объявив книгу Госнера вредной, сумели возбудить судебный процесс против всех причастных к ее изданию, который закончился только в 1828 г. И хотя в результате Н.И.Греч был оправдан, в процессе разбирательства за ним закрепилась репутация неблагонадежного человека, он был устранен от службы по Министерству народного просвеще-

---

*Моск. телеграф. 1830. № 2. С. 210.

ния и не получил обещанного места по Министерству финансов. Между тем нужно было думать о заработках, так как журнал "Сын отечества" в начале 20-х гг. начал терять популярность и не давал прежних доходов. В это время Ф.В.Булгарин предложил Гречу объединить усилия в издании журналов "Сын отечества", "Северный архив" и затем – газеты "Северная пчела". Греч согласился, связав более чем на четверть века свое имя журналиста с именем Булгарина. Последний, правда, в те годы не был еще столь печально известен, как позже, но все же это сотрудничество и дружба, отрицаемая, впрочем, Гречем, произвели самое невыгодное впечатление на современников.

Несмотря на перипетии судьбы, Н.И.Греч в 20-е гг. не оставлял своих педагогических занятий, которые выражались в основном в написании учебников для средних учебных заведений в двух направлениях – истории русской литературы и русской грамматики. Так, им были написаны: "Учебная книга российской словесности" с прибавлением к ней "Опыта краткой истории русской литературы" – первого, по сути, учебника по теории словесности, и "Краткая история русской литературы" – незаменимая учебная книга не только для учащихся, но и для историков литературы, отмеченная вниманием многих критиков и, в частности, В.Белинским, который писал, что "как справочная книга она очень полезна для современников и будет полезна даже для отдаленнейшего потомства"*. Большую услугу делу русского просвещения оказали в свое время и грамматические труды Греча – "Пространная русская грамматика", "Практическая грамматика" и другие; они выдержали несколько изданий и переводов на иностранные языки.

В первой половине 1830-х гг. Н.И.Греч, по словам Белинского, "делается романистом". Он написал два имевших успех романа – "Поездка в Германию" и "Черная женщина", обработал путевые письма путешествий за границу в 1817 и 1835 гг. и издал все это в собрании своих Сочинений в 5-ти частях (Спб., 1833–1838).

Однако литературное творчество не притупило в Грече прежнего интереса к журнально-издательской и педагогической работе. В 1829 г., поступив на службу в Министерство внутренних дел чиновником особых поручений по Хозяйственному департаменту, он основал журнал этого учреждения и два года заведовал его изданием. Во второй половине 30-х гг. Н.И.Греч был

---

* Белинский В.Г. Полн. собр. соч./Под ред. С.А.Венгерова: В 13 т. Спб., 1910. Т. 9. С. 406.

выбран на пост ответственного редактора "Энциклопедического лексикона" Плюшара – большого справочного издания, затеянного учеными и литераторами (вышло только 17 томов); совместно с генералом Зедделером он основал и пять лет редактировал "Военно-энциклопедический словарь". В 1839–1840 гг. Н.И.Греч готовил для издания венец всей своей учебно-литературной и педагогической деятельности – популярные публичные чтения о русском языке, где были интересные исторические наблюдения из русской литературы и журналистики.

В 1840-х гг. жизнь Греча была не менее напряженной. Он пытался оживить журналы "Русский вестник" и "Русский архив", продолжал совместно с Булгариным издание "Северной пчелы". С 1843 г. начал издавать как переводчик "Всемирную историю" Беккера (вышло три тома "Древней истории"). Некоторое время он преподавал русский язык в Пажеском корпусе и при всем этом успел дважды совершить путешествие за границу, несколько лет проведя в Париже. В 50-е гг. его бурная и неутомимая деятельность понемногу начинает затихать – давали себя знать возраст и болезни. Впрочем, он продолжал еще издавать свои грамматические труды, рецензии, писал "Записки", помогал В.Далю в его работе над "Толковым словарем".

Умер Н.И.Греч в Петербурге 12 января 1867 г.

Мемуарное наследие Н.И.Греча весьма обширно, так как на протяжении почти всей своей творческой жизни он писал статьи, очерки, заметки "воспоминательного" характера. К ним относятся многочисленные путевые письма его нескольких поездок за границу, описания впечатлений от знакомств с иностранными знаменитостями, заметки-воспоминания о лицах и эпизодах русской истории и культуры первой половины XIX в. и т.д. Многие очерки были напечатаны самим Гречем в "Сыне отечества", "Северной пчеле" и некоторых других изданиях, иные были опубликованы уже после его смерти.

К систематическому, большому изложению своих воспоминаний, озаглавленных им "Записки о моей жизни", Н.И.Греч приступил в 1849 г. и осенью 1851 г. закончил их первую часть. Предположительно в 1852 г. он начал писать вторую часть "Записок", но, отвлекаемый разными личными и общественными обстоятельствами, надолго отложил работу. Пережитые за это время важные события – Крымская война 1853–1856 гг., смерть Николая I, возвращение декабристов из ссылки в 1856 г. и новое общественное пробуждение – подтолкнули Греча к осмыслению еще недавней истории и связанной с нею соб-

ственной жизни, а может быть, к желанию в чем-то оправдать себя. В 1857–1858 гг. он, не продолжая прерванных "Записок", написал "Воспоминания старика" в 2-х частях. Обе части этих "Воспоминаний", содержащие характеристики царствования Александра I и личностей декабристов, видимо, мыслились автором в качестве расширения того общественного фона, на котором должны были разворачиваться дальше события его личной жизни, если бы он продолжил незаконченные "Записки о моей жизни", оборванные на эпохе Александра I. Поэтому первая часть "Воспоминаний старика" содержит целый ряд повторных эпизодов из "Записок", которые впоследствии были бы им убраны.

Дополнив "Воспоминания старика" отдельными экскурсами, материалами и характеристиками лиц александровского времени (Примечания Греча), он к 1859 г. закончил эту работу и в 1861 г. смог снова вернуться к продолжению "Записок". Однако физическое и душевное состояние семидесятипятилетнего старика не позволило ему существенно продвинуть вновь начатое, и "Записки" так и не были закончены, оставленные на рассказе о его первой женитьбе на В.Д.Мюссар в 1808 г.

Еще задолго до самих "Записок" в 30-е гг. Греч опубликовал в сборниках "Новоселье", "Новогодник" и газете "Северная пчела" несколько статей мемуарного характера, где описывались события первых 20-ти лет XIX в. Эти статьи ("Воспоминания юности", "Воспоминания" и "Начало "Сына отечества") представляли собой как бы логическое продолжение "Записок о моей жизни", что было учтено самим Гречем, когда в конце жизни он, видимо, готовил свои воспоминания к изданию, которому суждено было осуществиться лишь через 20 лет после его смерти, в 1886 г. Это первое издание мемуаров Н.И.Греча печаталось по копии рукописи, исправленной его рукой, и сохраняло намеченное им расположение текста. Правда, редактор издания П.С.Усов – сотрудник Греча и Булгарина по "Северной пчеле" – отказался от деления книги на разделы и части и произвольно разбил ее на главы с интригующими подзаголовками. Повторы были им устранены, но главное – по цензурным соображениям – в книге были заменены точками десятки самых интересных страниц "Записок" Греча со сведениями о личной жизни и характеристиками лиц дома Романовых, что очень обеднило текст.

Только в 1930 г. "Записки" Греча увидели свет в своем более полном виде – в академическом издании, подготовленном Р.В.Ивановым-Разумником и Д.М.Пинесом. Они сохранили

расположение отдельных разделов и их названия, как это было в рукописной копии, правленной Гречем. Издатели провели большую текстологическую и редакторскую работу с сохранившимися вариантами воспоминаний Греча, указывая в подстрочных примечаниях наиболее интересные их разночтения. Особую ценность этого издания "Записок" представляют его обширные и подробные комментарии, с многочисленными ссылками на публикации интересных исторических материалов и дореволюционную литературу по эпохе конца XVIII – первой четверти XIX в. Но сама книга, напечатанная более 50 лет назад, давно уже стала библиографической редкостью.

Учитывая это обстоятельство, а также уверенность издателей 1930 г. в том, что "когда-нибудь еще будут переизданы те в высшей степени интересные "воспоминательные" очерки Греча"*, разбросанные по периодическим изданиям прошлого века, нами было предпринято переиздание текста самих "Записок о моей жизни". Данная публикация, рассчитанная на широкий круг читателей, основана на академическом издании воспоминаний Греча с частичным использованием комментариев этого издания. Нашу книгу дополняют пропущенные в издании 1930 г. тексты, восстановленные по изданию 1886 г.**

Содержание "Записок" Н.И.Греча разнообразно. Он прожил долгую жизнь, много видел и многих знал, отличался наблюдательностью и интересом к крупным и еще больше к мелким событиям своего времени. Поскольку "Записки" предназначались детям и внукам автора, он любовно и обстоятельно, с присущим ему педантизмом, описал известные ему семейные истории и лица многочисленной своей немецкой родни и знакомых. Скучноватые на первый взгляд мелкими подробностями, они тем не менее любопытны отдельными яркими деталями образа жизни, быта и нравов того времени.

В мемуарах упоминается огромное количество более или менее исторически знаменитых имен, и здесь критический взгляд очевидца с его склонностью к подробностям, к толкам и анекдотам придает их фигурам несколько непривычный колорит. Греч как писатель был художником преимущественно малых картинок, ему было трудно нарисовать портрет кого-либо из своих выдающихся современников в крупном масшта-

---

* Иванов-Разумник Р.В. Н.И.Греч и его "Записки"//Греч Н.И. Записки о моей жизни. С. 26.

** Существенные искажения их нами устранены по подлиннику ПБ и копии ПД "Записок".

бе. Вообще же пристрастие к анекдотам, сплетням и "закулисным" теневым историям придает нередко сомнительный оттенок высказываниям Греча, а некоторые из них, например характеристики Е.А.Энгельгардта, К.Ф.Рылеева, – пристрастны и несправедливы.

При оценке любых мемуаров обязательно встает вопрос о том, насколько был близок к исторической истине их автор, насколько можно полагаться на его добросовестность и память. Чтобы придать своим мемуарам больший вес достоверности, Греч вводил в повествование документы (как, например, напечатанные в первом издании "Записок" материалы дела профессоров Петербургского университета, затеянного Д.П.Руничем, и Семеновского восстания), ссылки на широко известные в то время отечественные и иностранные мемуары А.В.Храповицкого, С.А.Порошина, А.Коцебу и других, а также на исторические сочинения К.Массона, М.А.Корфа и даже А.И.Герцена. Однако Н.И.Греч по своей натуре не был ни беспристрастным, ни даже снисходительным мемуаристом, недаром в жизни он слыл едким насмешником. Память ему тоже нередко изменяла, о чем свидетельствуют многие фактические ошибки и неточности в его "Записках".

"Хотя Греч был писатель и журналист, – говорилось в одной из рецензий на первое издание книги его воспоминаний, – его записки меньше всего дают сведения о ходе и судьбах литературы"*. Действительно, остается лишь пожалеть, что, лично зная Державина, Карамзина, Жуковского, Пушкина, Полевого, Загоскина и многих других, находясь в 20–30-е гг. в центре художественной жизни Петербурга, Греч, который по праву мог бы стать ее летописцем, именно об этом почти ничего не успел рассказать. В своих "Записках", помимо истории семьи, он успел относительно подробно раскрыть две темы: правление Романовых от Екатерины II до Николая I и характеристики декабристов.

Первая интересна уже тем, что Греч тщательно собрал для потомков весьма любопытные предания и толки о Екатерине, Павле, Александре и Константине Павловичах, которые, как уже говорилось, не могли быть напечатаны ни при жизни Греча, ни даже спустя много лет. Являясь во вторую половину своей жизни ярым сторонником монархизма, Греч, как оказалось, далеко не ко всем царствующим лицам относился панегирически. Особую нелюбовь и осуждение вызывала у него фигура

---

*Вестн. Европы. 1886. Т. 120. С. 410.

Павла I – деспота и самодура, порождавшая соответствующее окружение "гатчинских уродов", как, например, А.А.Аракчеев. Россия потом долго была обязана этими фигурами не только Александру I, но и Павлу. В личности Александра I, во всем характере его царствования Греч верно уловил признаки двуличия и противоречивости, что также проявилось в подборе окружения: весьма либерального вначале – В.П.Кочубей, П.А.Строганов, М.М.Сперанский и другие – и крайне реакционного впоследствии – А.Н.Голицын и тот же Аракчеев. Рассуждения автора "Записок" о причинах этой двойственности Александра – воспитание бабкой Екатериной II в неприязни к отцу, ранняя женитьба в 1793 г. с целью возведения на престол в обход Павла I, косвенное участие в его убийстве, – вполне обоснованны. Внутренняя политика Александра I, отразившая в себе противоречия его натуры, оценивалась Гречем положительно, когда он вспоминал многие реформаторские преобразования начала царствования, и отрицательно, при упоминании о направлении той политики, исполнителями которой стали единомышленники Аракчеева. Вообще же Греч позволял себе в мемуарах критиковать многие решения и действия прежних правителей. И только Николай I в качестве "истинно российского самодержца" заслужил признание и одобрение Греча своим правлением, хотя он и не успел дать его обстоятельного описания в "Записках". Сейчас трудно судить, насколько искренними были политические симпатии и идеалы Н.И.Греча, и не заслуживало ли третье из пережитых им четырех царствований бессомнительного восхваления только потому, что при нем Гречу не пришлось пережить тех личных потрясений в связи с семеновской историей, делом Госнера и восстанием декабристов, как это было при предыдущем. И если в оценках ушедших правителей и их сподвижников возникает ощущение поздней корректировки, "задней мысли" автора во время создания своих мемуаров, то это становится очевидным при чтении второй части "Воспоминаний старика" – о деятелях декабристского движения.

Эта часть интересна, прежде всего, углом зрения Греча – человека иного лагеря – на описываемое, притом, что в те далекие 20-е гг., о которых идет речь, его взгляды были несколько другими, нежели теперь, в конце 50-х гг. И в то же время из всей книги эта часть самая уязвимая для автора. Дело, конечно, не только в многочисленных неточностях и ошибках, которые вызвали большое количество откликов, поправок и опровержений в периодике, а в том, что в оскорбительных

зачастую характеристиках декабристов слишком явно просматриваются цели повествователя. Слишком заметно его желание как бы оправдаться теперь, в 50-е гг., когда вернувшиеся декабристы пользуются общим вниманием и уважением, и изобразить себя всегда благонамеренным, но смелым и независимым в суждениях человеком. Греч не пытается серьезно объяснить явление декабризма в России, он видит причины восстания в безрассудстве, буйстве натур его вождей, в их властолюбивых замыслах. За редкими исключениями, как, например, портрет А.А.Бестужева-Марлинского, он изображает некогда хорошо знакомых ему людей так, что становится совершенно непонятным его приятельство с ними в описываемые годы, а также и его прежний либерализм. Впрочем, эти стороны своего прошлого Греч, вероятно, хотел стереть в своей памяти и памяти потомков, так как среди современников ходили слухи о его причастности к делу декабристов и о последующем предательстве. Как ни маловероятны эти слухи, все же близость Греча к литературному кругу декабристов была общеизвестна.

Стоит сказать несколько слов еще об одной, вольно или невольно раскрываемой Гречем в "Записках", теме. Эта тема – он сам как личность. Понимая, что его мемуары, его автобиография будут служить потомкам основным источником суждений об их авторе и его месте в истории, Греч тщательно вырисовывал свой образ таким, каким он видел или хотел видеть себя – трудолюбивым, честным, справедливым, благонамеренным, уважающим законы гражданином своего отечества. Тем не менее мемуары Греча, независимо от его стремлений, дают о нем гораздо более полное и объективное представление. На страницах "Записок" проступают такие его черты и свойства, как педантизм, несколько поверхностный склад ума, склонный часто видеть лишь внешние стороны явлений, пристрастие в оценках современников в зависимости от отношений с автором и т.д.

Испытанные в юности бедность и унижение выработали в нем терпение, трудолюбие, самостоятельность, но и – обидчивую гордость, обостренное самолюбие и при этом умение ладить с теми, в ком он был заинтересован, не считая для себя зазорным прибегать к небольшим хитростям.

Греч был дворянином, но обстоятельства жизни во многом выработали у него взгляды и позицию человека третьего сословия. Он явно не жаловал знатность рода, происхождения, дающую право на высокое общественное положение, и явно

симпатизировал тем своим современникам, которые добились его исключительно умом, талантом и трудолюбием. Вообще аристократизм являлся в представлении Н.И.Греча той пагубной силой, которая, всегда стремясь к власти, разрушает монархию и государственные устои. Активное проявление этой силы "потомков Рюрика, Гедимина, Чингисхана" он своеобразно видел в декабристском движении, в котором не находил ни "на грош народности". В противоположность этому Н.И.Греч свою жизнь и деятельность изображал как истинное служение народу и отечеству. Суд, как известно, вершит история.

Е.Капустина

КОММЕНТАРИИ

"ЗАПИСКИ О МОЕЙ ЖИЗНИ"

Часть первая

Впервые напечатана в неполном варианте в журнале "Русский архив" под заглавием "Записки Н.И.Греча" (1873. № 3, 5).

С. 5. *...прочитал их Булгарину...* – Ф.В.Булгарин (1789–1859) – журналист и писатель, издавал совместно с Гречем журналы "Северный архив", "Сын отечества", официозную реакционную газету "Северная пчела". Автор "Воспоминаний" (Спб., 1846–1849. Ч. 1–6), романов "Иван Выжигин", "Петр Выжигин", "Дмитрий Самозванец" и др. Известны факты сотрудничества Ф.В.Булгарина с III Отделением.

С. 5. *...враждебных мне журналов...* – В 30-е гг. это были журналы: "Телескоп" Н.И.Надеждина, "Современник" А.С.Пушкина и П.А.Плетнева, "Отечественные записки" А.А.Краевского и др.

С. 7. *...стихи графа Хвостова...* – Д.И.Хвостов (1756–1835), сенатор, стихотворец, издатель, член шишковской "Беседы любителей русского слова" (1811–1816 гг.).

С. 7. *...четверостишие Рубана...* – В.Г.Рубан (1739–1795) – поэт и журналист, прославившийся восьмистишием, посвященным памятнику Петра I скульптора Фальконе.

С. 7. *...бенедиктинец...* – член католического монашеского ордена, основанного в VI в.

С. 8. *...курляндская герцогиня Анна Ивановна...* – Анна Иоанновна (1693–1740) – жена курляндского герцога Фридриха-Вильгельма, с 1730 г. – русская императрица.

С. 8. *...Сухопутный Кадетский корпус...* – Среднее дворянское военное учебно-воспитательное учреждение; образован в 1730 г.; после основания Морского корпуса в 1752 г. стал называться Сухопутным, с 1800 г. – 1-й С.-Петербургский Кадетский корпус.

С. 8. *...Высокий Кабинет ее императорского величества...* – Личная императорская канцелярия по вопросам законодательства и управления; впервые создан Петром I. При Александре I утратил свое общегосударственное значение и стал канцелярией личного императорского имущества.

С. 9. *...Российских и Польского Белого Орла орденов...* – Польский орден, с 1815 г. стал российским, окончательно соединен с русскими орденами в 1831 г.

С. 10. *...великая княгиня Екатерина Алексеевна...* – Екатерина II Алексеевна (1729–1796) – императрица с 1762 г.

С. 10. *...великий князь Петр Федорович...* – Петр III Федорович (1728–1762) – император с 1761 г.

С. 11. *...актера Дмитревского...* – Дмитревский – театральный псевдоним И.А.Дьяконова (1734–1821) – известного актера и писателя.

С. 11. *...ланкастерские классы...* – Метод взаимного обучения, разработанный английскими педагогами А.Беллом и Дж.Ланкастером. Широко использовался в начале XIX в. как быстрый и дешевый способ распространения грамоты.

С. 12. *...Ганзейских городов...* – Торговый и политический союз северных немецких городов во главе с г. Любеком (XIV–XVII вв.).

С. 15. *...Вигель...* – Ф.Ф.Вигель (1786–1856) – писатель, мемуарист, автор "Записок" (М., 1891–1893. Ч. 1–7), член литературного кружка "Арзамас" (1815–1818 гг.), объединявшего сторонников нового, "карамзинского" направления в литературе.

С. 15–16. *...в сражениях при Ларге и Кагуле...* – Имеется в виду турецкая война 1768–1774 гг. Сражения при р. Ларге (7 июля) и р. Кагул (21 июля) 1770 г. закончились победой русской армии.

С. 17. *...кавалер ордена св. Владимира...* – Русский орден, введен в 1782 г., им награждали в основном за гражданские заслуги, имел 4 степени.

С. 18. *...Комиссия о составлении проекта нового Уложения...* – Временно действующее (1767–1769) сословное учреждение, основной целью которого была выработка проекта нового Свода законов взамен устаревшего Уложения 1649 г.

С. 18. *...канцелярия генерал-прокурора князя Вяземского...* – В подчинении генерал-прокурора – главного лица в Сенате с 1722 г. (Сенат учрежден в 1711 г. как высшее центральное правительственное учреждение) – находилась Сенатская канцелярия. А.А.Вяземский был на посту генерал-прокурора в 1764–1792 гг.

С. 18. *...из канцеляристов... произведен прямо в титулярные советники...* – Согласно "Табели о рангах" (1722) каждый из 14 предусматриваемых чинов государственной службы требовал определенной выслуги лет; в данном случае – производство из мелкого служащего канцелярии сразу в чин 9 класса.

С. 18. *...3-й департамент Сената...* – В 1763 г. Сенат был разделен на 6 департаментов (4 – в Петербурге и 2 – в Москве). Главным был 1-й департамент, возглавляемый генерал-прокурором, где были сосредоточены основные государственные и политические дела. В ведении 3-го департамента были пути сообщения, медицина, попечение наук, образование, искусство, литература.

С. 20. *...Черный Орел...* – старейший прусский орден.

С. 20. *...генерал-суперинтендент...* – В евангелическо-лютеранской церкви в России – титул духовного лица, управляющего соответствующим церковным (консисториальным) округом Империи.

С. 20. *...графом Петром Александровичем Румянцовым...* – П.А.Румянцев-Задунайский (1725–1796) – фельдмаршал, знаменитый полководец XVIII в., прославившийся в русско-турецкую войну 1768–1774 гг.; генерал-губернатор Малороссии.

С. 20. *...Семилетняя война...* – Семилетняя война (1756–1763) – крупнейший международный конфликт, вызванный обострением борьбы за колонии между Пруссией и Англией, с одной стороны, а с другой – Австрией, Саксонией, Францией, Швецией и Россией, последняя вступила в войну в 1757 г. на территории Пруссии.

С. 23. *...в трагедиях Сумарокова... тирады из "Синава и Трувора"...* –

А.П.Сумароков (1717/18–1777) – поэт и драматург, один из родоначальников русской классической литературы; трагедия "Синав и Трувор" поставлена на сцене в 1750 г.

С. 24. *...при учреждении наместничества переведен в Киев...* – Старое административное деление Украины на полки и сотни (а также ее автономия) было упразднено в 1781 г. и заменено делением на наместничества, губернии и уезды.

С. 24. *...Инженерный Кадетский (ныне 2-й) корпус...* – В 1762 г. инженерные школы преобразованы в Артиллерийский и Инженерный Кадетские корпуса, в 1800 г. Инженерный переименован во 2-й Кадетский, а в 1805 г. окончательно слит с 1-м Кадетским корпусом.

С. 26. *...как отвислая губа у австрийской династии...* – Имеется в виду германо-австрийская династия Габсбургов.

С. 32. *...в "Гюи-Меннеринге" В.Скотта...* – Роман английского писателя В.Скотта (1771–1832) "Гай Мэннеринг" ("Guy Mannering") переведен на русский язык в 1824 г.

С. 34. *...Теперь обычай этот может казаться странным, но в то время был понятным и справедливым.* – Практика записи дворян при рождении в полки имела широкое распространение при Анне Иоанновне, потеряла силу в 1797 г. при Павле I, потребовавшем явиться на смотр всем, "заочно" с младенчества туда записанным, недорослям.

С. 34. *...Калиостро...* – Калиостро (1743–1794) – мистик и чародей-шарлатан. Истинное имя Иосиф Бальзамо. В 1780 г. посетил Петербург.

С. 38. *...оспа, – натуральная, другой тогда не было...* – В XIX в. утвердился метод предохранительной прививки коровьей оспы, что в итоге победило болезнь.

С 38. *...надворная советница Греч капитанше Фок ...* – В тот период капитан – военный чин 9 класса по "Табели о рангах", надворный советник – гражданский чин 7 класса, т.е. на 2 чина выше.

С. 40. *Шел процесс несчастного Людовика XVI.* – Суд над французским королем в Конвенте начался 11 января 1793 г.; в том же месяце король был казнен.

С. 44. *...остзейского воспитания ...* – т.е. немецко-прибалтийского.

С. 45. *...участь Элоизы; но его сделали не Абеларом...* – Имеется в виду трагическая история любви средневекового французского поэта П.Абеляра (1079–1142) к Элоизе, переписка которых была использована позже многими писателями в своих произведениях; самым известным таким произведением в XVIII в. был роман Ж.-Ж.Руссо "Юлия, или Новая Элоиза".

С. 45. *...определили в Инженерную Кондукторскую школу...* – Школа, готовящая кондукторов – сверхсрочно служащих унтер-офицеров. Эта школа была впервые основана Петром I в Москве, затем ликвидирована и в 1804 г. учреждена вновь, с 1810 г. – преобразована в училище.

С. 45. *...отправился в поход, в Финляндию, в 1808 г.* – Речь идет о русско-шведской войне 1808–1809 гг. на территории Финляндии, закончившейся Фридрихсгамским договором, по которому Финляндия вошла в состав России.

С. 48. *...Квартира армии, назначенной в Турцию.* – Правительство Александра I поддерживало освободительное движение балканских народов против турецкого владычества; в 1806 г. Россия начала с Турцией войну.

С. 48. *Второй сын его, Петр, ... сделался первым в мире скульптором*

лошадей... – П.К.Клодт (1805–1867) – русский скульптор, профессор, с 1833 г. – академик Академии художеств. Лучшие его работы – квадрига на Нарвских Триумфальных воротах, скульптуры на Аничковом мосту в Петербурге и др.

С. 50. *Та же история, что и с Чичаговым на Березине.* – П.В.Чичагову было поручено преследование отступавшего из России Наполеона, но вследствие медлительности первого французы успели переправиться через р. Березину, что послужило поводом для обвинения Чичагова современниками в измене.

С. 51. *...Сперанский...* – М.М.Сперанский (1772–1839) – сын священника, знаменитый государственный деятель. При Павле I служил в канцелярии генерал-прокурора А.Б.Куракина; с 1802 г. – в Министерстве внутренних дел. Автор проектов государственных преобразований при Александре I. С 1812 по 1816 г. – в опале и ссылке в Нижнем Новгороде и Перми. В 1816 г. возвращен к службе, назначен пензенским генерал-губернатором. В 1819 г. – сибирский генерал-губернатор; с 1821 – член Государственного совета. Одной из главных заслуг Сперанского было составление "Полного собрания законов" и "Свода Законов" Российской Империи при Николае I.

С. 51. *...Клементий Гаврилович Голиков, преданный бессмертию Ильиным...* – Речь идет о драме Н.И.Ильина (1777– 1823), с большим успехом поставленной в С.-Петербурге в 1803 г., в которой герой, подьячий К.Г.Поборин, – взяточник и проныра.

С. 51. *...генерал-прокурор (Петр Хрисанфович Обольянинов)...* – П.Х.Обольянинов (1752–1841) – генерал-прокурор Сената; возглавлял Тайную канцелярию, поэтому позже Греч называл его палачом Павла I.

С. 53. *...новый титул императора, с прибавлением: Царь Грузинский...* – Решение о включении Восточной Грузии в состав Российской Империи было принято Павлом I по просьбе посольства грузинского царя Георгия XII, однако Павел был убит до реализации этого решения. Манифест о присоединении был подписан в сентябре 1801 г. Александром I.

С. 54. *...Безак надел красный мальтийский мундир...* – Мундир мальтийского рыцарского христианского ордена (основан в XII в. как орден госпитальеров). В XVI в. орден стал называться Мальтийским. Резиденция ордена и его реликвии были перенесены в Петербург при Павле I, а сам он стал с 1798 г. Великим магистром ордена.

С. 55. *...Оленин, обер-прокурор 3-го департамента...* – А.Н.Оленин (1763–1843) – известен как меценат, директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств. В 1-й четверти XIX в. дом Оленина был средоточием литературных и художественных сил.

С. 55. *В сентябре 1802 года последовало учреждение министерств...* – Указ о замене петровских коллегий министерствами вышел 8.9.1802 г. (первоначально было создано 8 министерств).

С. 55. *...объявлено было учреждение милиции...* – Александром I подписан манифест (30.11.1806 г.) о создании временного ополчения – милиции в помощь регулярной армии в связи с угрозой вторжения наполеоновской армии в Россию.

С. 56. *...раздавал александровские ленты, а сам получил два раза бриллиантовые знаки к Анне 2-й степени...* – Ордена имели отличительные знаки разной степени – звезды, ленты, кресты. Орден св. Александра Невского учрежден Петром I, введен в 1725 г. Орден св. Анны

(имел 4 степени) включен в число российских в 1797 г. Иностранным подданным иногда жаловались разные ордена с бриллиантовыми украшениями, для русских такие украшения давались с орденами Андрея Первозванного и Александра Невского.

С. 56. *...Бенкендорф...* – А.Х.Бенкендорф (1784–1844) – государственный деятель, флигель-адъютант Павла I; участник войн с Наполеоном; с 1819 г. – генерал; с 1826 г. – начальник III Отделения Императорской канцелярии и глава Отдельного корпуса жандармов.

С. 57. *"Янтарь в устах его дымился"...* – строка из поэмы А.С.Пушкина "Бахчисарайский фонтан".

С. 57. *...майор с Георгиевским крестом...* – Орден св. Георгия Победоносца (имел 4 степени), учрежден в России в 1769 г. для награждения за воинские заслуги.

С. 57–58. *...Блудов прибыл... из карамзинского теплого гнезда, напутствуемый томными стихами Жуковского...* – Д.Н.Блудов (1785–1864) – государственный деятель, писатель, племянник Г.Р.Державина. Речь идет о литературном кружке "Арзамас", куда также входил поэт В.А.Жуковский.

С. 58. *...по приглашению сына моего...* А.Н.Греч (1814–1850) сотрудничал вместе с отцом и Булгариным в газете "Северная пчела".

С. 58. *В то время занимались преобразованием Сената.* – Подготовленная М.М.Сперанским реформа по разделению Сената в 1811–1812 гг. на Правительствующий и Судебный была осуществлена при Николае I в 1826 г.

С. 58. *...Магницкий...* – М.Л.Магницкий (1778–1855) – государственный деятель эпохи Александра I, сподвижник Сперанского. Сослан в 1812–1816 гг. в Вологду. Затем снискал расположение А.А.Аракчеева и возвращен на государственную службу. В 1819–1826 гг. попечитель Казанского учебного округа; в 1819 г. – член Главного управления училищ; прославился как крайний обскурант.

С. 61. *...примкнул... к сильной тогда партии богомолов и гернгутеров...* – Речь идет о распространении в России мистицизма западнопротестантского характера, связанного с деятельностью А.Н.Голицына, в 1816–1823 гг. – министра народного просвещения.

С. 63. *...управляющий Тайною канцеляриею...* – Тайная Канцелярия – орган политического следствия и суда; создана при Петре I в 1718 г. в связи с делом царевича Алексея; отменена указом Петра III в 1762 г., но тогда же была создана Тайная Экспедиция Сената (до 1801 г.), превратившаяся в центральное государственное учреждение.

С. 64. *...В последние годы царствования Александрова опять было зашевелилась старая застеночная политика...* – Имеется в виду создание Особой канцелярии Министерства полиции (с 1810 г.), которая в 1819 г. при объединении Министерства полиции и Министерства внутренних дел была закрыта.

С. 64. *...граф Бенкендорф, граф Орлов, Максим Яковлевич фон Фок, Леонтий Васильевич Дубельт...* – Главные управляющие III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии (создано в 1826 г. как орган политического сыска и следствия) – А.Х.Бенкендорф (1826–1844 гг.), А.Ф.Орлов (1844–1856 гг.); управляющие – М.Я. фон Фок (1826–1831гг.), Л.В.Дубельт (1839–1856 гг.).

С. 65. *...прозвали Семеном Ивановичем Великим...* – Семен Великий (ум. в 1794) – сын Павла I и С.С.Чарторыжской, умер во время службы в английском флоте.

С. 65. *...В Записках Храповицкого...* – А.В.Храповицкий (1749–1801) – сенатор, статс-секретарь Екатерины II, автор "Дневника. 1782–1793".

С. 66. *..."Обидаг, восточная повесть..."* – "Обидаг, восточная повесть, с немецкого на российский язык переведенная Семеном Великим, прилежным к наукам юношею" была издана вместе с переводом в 1786 г. Автором ее считается Екатерина II.

С. 69. *...Жиль Блаз...* – герой романа французского писателя А.-Р.Лесажа (1668–1747) "История Жиль Блаза из Сантильяны".

С. 69. *...Кабинетскую церковь (в нынешнем Аничковском дворце)...* – Аничковский дворец в С.-Петербурге – собственность императоров, построен при Елизавете Петровне, с 1794 до 1809 г. в нем находился императорский Кабинет.

С. 70. *..."Детскую Библиотеку" Кампе, переведенную Шишковым...* – А.С.Шишков (1754–1841) – русский писатель и государственный деятель. В 1824–1828 гг. – министр просвещения. Книга Шишкова "Собрание детских повестей" (в 2-х ч.) переведена им с немецкого и выдержала несколько изданий.

С. 70. *..."Иосифа" Битобе, пер. Фонвизина...* – "Иосиф" – поэма в прозе французского поэта П.-И.Битобе (1732–1808).

С. 70. *..."Бианку Капелло" и повести Мейснера, пер. Подшивалова...* – "Бианка Капелло" – исторический роман немецкого беллетриста А.-Г.Мейснера (1753–1807). В.С.Подшивалов (1765–1813) – поэт, цензор, журналист.

С. 71. *Не кончив еще польского похода, в 1794 г. ...* – После второго раздела Польши (январь 1793 г.) весной 1794 г. в ней вспыхнуло национально-освободительное восстание под предводительством Т.Костюшко, которое осенью было подавлено.

С. 79. *...не имели бы мы второй войны турецкой, войны шведской, ...окончательного раздела Польши...* – Турецкая война (вторая) 1787–1791 гг.; шведская война 1788–1790 гг.; третий раздел Польши между Австрией, Пруссией и Россией – 1795 г.

С. 79. *...Иван Иванович Бецкий...* – И.И.Бецкий (1704–1795) – внебрачный сын кн. И.Ю.Трубецкого, русский общественный деятель. По его предложению были открыты воспитательные дома в Москве (1764), в Петербурге (1770) и другие учебные заведения, в том числе Институт благородных девиц при Воскресенском (Смольном) монастыре. Анекдот о Бецком как отце Екатерины II впервые был рассказан неизвестным автором примечаний книги К.Массона (см. далее).

С. 81. *Дело пересмотрели в Совете...* – В 1810 г. по проекту Сперанского был создан Государственный совет как законосовещательный орган при императоре, состоявший из назначаемых им лиц.

С. 83. *...Масон ("Memoires secrets sur la Russie")...* – Карл Массон (1762–1807) – род. в Женеве, писатель, в 1786–1796 гг. жил в России. Самое известное его произведение – "Memoires secrets sur la Russie... pendant les regnes de Catherine II et de Paul I" (Секретные мемуары о России во время правления Екатерины и Павла I. Париж, 1803).

С. 83. *...записку... сочиненную графом Ф.В.Ростопчиным...* – Записка была напечатана в "Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете" в 1864 г. (Кн. 2. С. 171–184).

С. 85. *...пушки... на берегах Кагула и Рымника...* – Речь идет о блестящих победах русской армии в русско-турецких войнах в 1770 и 1789 гг.

С. 85. *...граф Бобринский...* – А.Г.Бобринский (1763–1813) – незаконнорожденный сын Екатерины II и временщика Григория Орлова.

С. 86. *...видим из любопытных Записок Порошина...* – С.А.Порошин (1741–1769) – писатель, один из просвещеннейших людей своего времени, воспитатель Павла I. С 1764 по 1765 г. вел дневник, который впервые был напечатан в 1847 г. "Записки, служащие к истории его императорского высочества ... Павла Петровича наследника престолу Российского" изданы в С.-Петербурге в 1844 г.

С. 88. *...нынешний король Виртембергский, бывший тогда кронпринцем...* – Вильгельм I (1781–1864) – король Вюртембергский с 1816, супруг великой княгини Екатерины Павловны.

С. 89. *Имя его будет жить в списке извергов, вредящих государям..., лишая их любви и доверенности народной, – Бирона, Аракчеева, Клейнмихеля.* – В списке всевластных временщиков – П.А.Клейнмихель (1793–1869) – государственный деятель, был связан по службе с Аракчеевым (вначале его адъютант, затем начальник штаба военных поселений). Пользовался особым доверием Николая I, назначен главноуправляющим путями сообщения; уволен Александром II.

С. 90. *...Андрей Александрович Краевский поставил ему монумент на 248 стр. III тома "Энциклопедического лексикона"...* – А.А.Краевский (1810–1889) – с 1839 года начал издавать журнал "Отечественные записки". С 1835 года в типографии А.Плюшара началось издание "Энциклопедического лексикона" – популярного словаря для широкого круга читателей (вышло 17 томов); в III томе (Спб., 1835. С. 248–249) – хвалебная заметка Краевского о братьях Н.П. и И.П.Архаровых.

С. 91. *...какова была ценсура! Нынешняя шихматовская глупа...* – Со времени первого цензурного устава 1804 г. цензура большей частью находилась в ведении Министерства народного просвещения. П.А.Ширинский-Шихматов (1790–1853) – князь, поэт и писатель, последователь А.С.Шишкова, с 1850 г. был министром просвещения.

С. 92. *...фанфарон Уваров...* – С.С.Уваров (1786–1855) – государственный деятель, в 1810 г. – попечитель Петербургского учебного округа, с 1818 г. – президент Академии наук, с 1833 г. – министр народного просвещения.

С. 95. *...пародию Марина... оды Ломоносова...* – Памфлет офицера Сергея Марина не был полностью приведен Гречем, он напечатан в журнале "Русская старина" (1882. Т. 36. С. 501–502).

С. 95. *...он умер некоронованный...* – Коронация, венчание на царство – торжественная церковная церемония возложения короны и миропомазания – у русских монархов совершалась в московском Успенском соборе Кремля. Церемония сопровождалась многомесячными празднествами и, следовательно, требовала длительной подготовки. Петр III вступил на престол после смерти Елизаветы в конце декабря 1761 г., свергнут Екатериной в конце июня 1862 г. Таким образом, он умер некоронованный.

С. 102. *...Федор Осипович Туманский, автор "Истории Петра Великого" и издатель "Российского Магазина"...* – Ф.Вас.Туманский (ум. в 1805) – писатель, переводчик, издатель журналов "Зеркало света", "Российский магазин" и др. Автор книги "Жизнь и деяния Петра Великого" (1788).

С. 103. *...Я взял "Треязычную книгу"...* – "Треязычная книга..." – из-

вестная в то время хрестоматия на русском, немецком и французском языках, издавалась в Спб. в 1779 г. и в Риге – в 1786 г.

С. 104. *...Суворов... может бить турок и поляков...* – А.В.Суворов (1730–1800) – полководец русской армии, одерживал блестящие победы во время 1-й и 2-й турецких войн. Штурм Измаила состоялся в 1790 г. За взятие в 1794 г. Праги – предместья Варшавы – был награжден чином генерал-фельдмаршала.

С. 107. *...Озерецковский...* – Н.Я.Озерецковский (1750–1827) – русский естествоиспытатель, академик.

С. 108. *...По мне так лучше пей, да дело разумей...* – цитата из басни И.А.Крылова "Музыканты".

С. 111. *...попечительство Уварова и директорство Тимковского...* – Попечитель – чиновник, стоящий во главе учебного округа (учебные округа учреждены в 1803 г.). И.О.Тимковский (1768–1837) – директор гимназии Петербургской губернии; в 1804–1821 гг. – цензор, прославившийся своими придирками к писателям.

С. 114. *Иван Никитич Скобелев...* – И.Н.Скобелев (1778–1849) – генерал и военный писатель, участник войны с Бонапартом 1812–1815 гг.; с 1839 г. – комендант Петропавловской крепости. Печатался в "Северной пчеле" и других журналах. Друг Греча.

С. 116. *...Справедливо сказал Карамзин в своей записке о состоянии России...* – Гречем приведена не совсем точная цитата из сочинения Н.М.Карамзина "О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях", написанного по просьбе великой княгини Екатерины Павловны в 1810–1811 гг. В нем Карамзин критически оценивал преобразовательную деятельность Александра I в свете истории русской государственности и отстаивал идею сохранения сильного самодержавия. В XIX в. это сочинение печаталось лишь в отрывках и с искажениями текста.

С. 116. *...Карамзин, в оде своей на восшествие Александра* I ... – Ода Н.М.Карамзина "Его императорскому величеству Александру I, Самодержцу Всероссийскому на восшествие Его на престол".

С. 116. *...Державин выражается еще яснее...* – Имеется в виду "Ода на восшествие на престол императора Александра I" Г.Р.Державина.

С. 116. *...Державин подписал... под портретом Александра... Князь Платон Зубов отвечал на это...* – Это двустишие приписывается Державину, а также ответ на него – П.А.Зубову, дружески относившемуся к Державину. В 1801 г. Державин был уволен из Государственного совета, что он связывал с происками врагов-вельмож.

С. 117. *Вступление на престол императора Александра было самое благодатное: он... уничтожил Тайную канцелярию, восстановил права Сената, дворянства и – человечества, отменил строгую... цензуру...* – Преобразовательная деятельность Александра I в начале царствования была направлена на уничтожение распоряжений Павла I и восстановление многих общественных порядков Екатерины II; указами 1801–1802 гг. были уничтожены Тайная экспедиция Сената, пытки, создана комиссия для пересмотра прежних уголовных дел; восстановлены "жалованные грамоты" дворянству, городам; отменены указы Павла I о закрытии частных типографий (1797) и запрещении ввоза иностранной литературы (1800).

С. 117. *...восчувствовал нежнейшую дружбу к Бонапарту и готовил свою гвардию... для завоевания Индии...* – После разрыва России с Англией началось сближение первой с наполеоновской Францией; весной

1801 г. Павел I намеревался предпринять поход в Индию через Среднюю Азию и Казахстан.

С. 117. *...от неистовства пьяного гр. Николая Александровича Зубова...* – Имеется в виду попойка офицеров-заговорщиков за ужином перед убийством Павла I (в ночь с 11 на 12 марта 1801 г.) и то, что, по одной из версий, Павел был задушен шарфом Н.Зубова.

С. 121. *...друг танты Булгарина...* – от фр. la tante – тетка жены Булгарина.

С. 121. *...преданное бессмертию в русской литературе речью митрополита Платона.* – Платон (Левшин, 1737–1812) – с 1775 г. – московский митрополит, известный проповедник, педагог, автор первого в русской литературе курса церковной истории. Его речь на коронование Александра I прогремела в то время, была напечатана Н.И.Гречем в его «Учебной книге российской словесности...» (Спб., 1819–1822).

С. 125. *Величайшею заслугою его было отречение от престола...* – Константин Павлович (1779–1831) – великий князь, был вторым сыном Павла I и формально после Александра I – наследником престола, однако в 1823 г. еще до смерти Александра I он отрекся от престола, о чем знали лишь немногие государственные лица.

Часть вторая

Впервые напечатана в журнале "Древняя и новая Россия" (1879. № 3) под заголовком "Отрывок из записок Н.И.Греча. 1800–1806 гг."

С. 129. *...ратгаузы, предполагавшиеся по губернским городам...* – Новые городские правления (ратгаузы), которые начал вводить Павел I, стремясь соединить сословное городское Управление с органами полиции, были открыты до его смерти далеко не везде.

С. 131. *...Егор Антонович Энгельгардт...* – Е.А.Энгельгардт (1775–1862) – директор Царскосельского лицея в 1816–1823 гг.; Греч неоднократно высказывает в своих мемуарах несправедливое и пристрастное отношение к нему.

С. 133. *...гроссмейстеру этого ордена Ивану Перфильевичу Елагину.* – И.П.Елагин (1725–1794) – историк, писатель, известный деятель русского масонства. В 1772 году получил звание провинциального Великого мастера всей России, способствовал введению в России шведской масонской системы "строгого наблюдения", затем основал "елагинскую" систему.

С. 135. *Коцебу, в известной своей книге "Достопамятнейший год моей жизни"...* – А.-Ф.-Ф.Коцебу (1761–1819) – немецкий писатель, драматург и адвокат. В течение ряда лет жил в России. Автор романов, рассказов, исторических сочинений в духе сентиментализма и мелодраматизма. Был убит студентом К.Зандом как противник просветительства и либеральных идей, распространявшихся в Германии. Сочинение "Достопамятный год моей жизни" было опубликовано в приложениях к историческому журналу "Древняя и новая Россия" (1879. № 1–2).

С. 137. *...при всенародной конфирмации...* – Обряд приема в церковную общину подростков, достигших определенного возраста у католиков и протестантов (в разных формах).

С. 152. *...по словам "Biographie universelle de Michaud", supplement, tome 75, p. 47...* – Многотомную "Biographie universelle (Michaud) ancienne et modern..." (Всемирная древняя и современная биография) издавал и редактировал Л.-Г.Мишо (1772–1858), брат французского историка Ж.-Ф.Мишо (1767–1839); на протяжении XIX в. издавалась несколько раз.

С. 153. *...конхилиология* – раздел зоологии по изучению моллюсков.

С. 153. *...подобно своему дяде Ж.-Ж.Руссо...* – Ж.-Ж.Руссо (1712–1778) – французский философ и писатель; был сыном часовщика.

"Воспоминания юности"

Впервые статья напечатана в альманахе "Новогодник" (Спб., 1839), предпринятом писателем Н.В.Кукольником.

С. 156. *Карамзин издавал "Вестник Европы"...* – Н.М.Карамзин (1766–1826) – писатель, историк, был основателем и первым издателем в 1802–1803 гг. этого московского журнала. В числе сотрудников его были В.А.Жуковский, Г.Р.Державин, И.И.Дмитриев и др. В публике журнал имел успех; выходил в 1802–1830 гг.

С. 156. *В "Северном Вестнике"...* – Ежемесячный петербургский журнал, в 1804–1805 гг. издаваемый И.И.Мартыновым. В 1806 г. переименован в "Лицей".

С. 156. *...Министерство народного просвещения... благодетельный устав о цензуре...* – Министерство создано в 1802 г.; 1-й цензурный устав – 1804 г.; смысл цензуры согласно этому уставу заключался не только в запрещении книг, "противных нравственности", но и в доставлении обществу сочинений, «способствующих к истинному просвещению ума". Новый Устав 1826 г., выработанный и проведенный А.С.Шишковым, был значительно строже, и в обществе был прозван "чугунным".

С. 156. *...книга Шишкова ("О старом и новом слоге русского языка") разделила армию Русской Словесности на два враждебные стана...* – В книге А.С.Шишкова "Рассуждение о старом и новом слоге российского языка" (1803) утверждалась идея о сродстве русского и церковнославянского языков, осуждалась тяга к французскому языку русского общества, который никак не мог, по Шишкову, служить основою для отечественной словесности; была направлена против сентиментальной прозы и ориентировала литературу на старославянский язык.

С. 157. *"И, бабушка, затеяла пустое: / Окончи лучше нам Илью-богатыря"...* – Не совсем точная цитата из эпиграммы А.С.Пушкина на Н.М.Карамзина; "Илья-богатырь" – неоконченная сказка Карамзина.

С. 158. *...Ролленову древнюю и римскую историю по переводу Тредиаковского.* – В.К.Тредиаковский (1703–1768) – поэт и филолог; был переводчиком "Всемирной истории" (в 13 т.) французского историка Ш.Роллена.

С. 160. *...II Отделение Собственной канцелярии...* – II Отделение (как и I) было создано в январе 1826 г. в составе Собственной его императорского величества канцелярии и занималось составлением и публикацией различных сборников законов России и разного рода документов; главой его фактически был М.М.Сперанский.

С. 160. *...новоустроенною Комиссиею составления законов...* – Комис-

сия входила в состав Государственного совета, созданного в январе 1810 г.

С. 162. *...Александр Иванович Л. ...* – А.И.Леванда (ум. 1812) – статский советник, перевел с французского роман Э.-Ф.Лантье "Антеноровы, по Греции и Азии путешествия..." (в 5 ч. Спб., 1803).

"Воспоминания"

Статья впервые напечатана в альманахе А.Ф.Смирдина "Новоселье" (Спб., 1833).

С. 167. *Графу Федору Петровичу Толстому...* – Ф.П.Толстой (1783–1873) – скульптор, живописец, медальер, гравер, в 1828–1859 гг. – вице-президент Академии художеств.

С. 172. *...Филемона и Бавкиду...* – Благочестивая верная чета старых супругов во фригийском сказании, использованном римским поэтом Овидием в "Метаморфозах", Гёте – в "Фаусте".

С. 172. *...пренебрегавших правилами трех единств.* – Правило "трех единств" (единство действия, времени и места в трагедии) было догматом классицизма – литературного направления XVII–XVIII вв. Восходит к сочинению Аристотеля "Поэтика".

С. 174. *"Димитрий Донской" Озерова...* – В.А.Озеров (1769–1816) – драматург; его трагедия "Дмитрий Донской" (поставлена в 1807 г.) как бы предвосхитила намерение Александра I стать защитником европейских народов от Наполеона.

С. 177. *...Павел Александрович Никольский...* – П.А.Никольский (1790–1816) – писатель и критик; в последние годы жизни стал издавать многотомный "Пантеон русской поэзии".

"Начало "Сына Отечества"

Статья впервые напечатана в 1839 г. (№ 28–29) в газете "Северная пчела" под заголовком "Отрывок из литературных записок Н.Греча".

С. 179. *...Мы усердно занимались изданием "Санкт-Петербургского Вестника".* – "Санкт-Петербургский вестник" – ежемесячный журнал (1812 г.) Общества любителей словесности, наук и художеств; самым основательным разделом журнала был критический, где писали рецензии Н.Греч, А.Востоков, Д.Дашков, Д.Княжевич, П.Никольский.

С. 179. *...историю политических сношений того времени, написанную Биньоном...* – Л.-П.-Э.Биньон (1771–1841) – французский дипломат, публицист и историк; вероятно, имеется в виду написанная им, по желанию Наполеона, "Histoire de France, depuis le 18 brumaire jusqu'à la paix de Tilsit" (В 7 т. Paris, 1827–1838) и ее продолжение "Histoire de France, depuis la paix de Tilsit jusgu'en 1812" (В 4 т. Paris, 1838).

Примечания Н.И.Греча к "Запискам о моей жизни"

С. 188. *...какой-то родственницы Кутайсова...* – И.П.Кутайсов (ум. 1834) – пленный турок, камердинер и фаворит Павла I, в 1799 г. получил графский титул и чин обер-шталмейстера – один из высших чинов императорского двора.

"ВОСПОМИНАНИЯ СТАРИКА"

Часть первая

Ряд отрывков из этой части мемуаров Н.Греча впервые был напечатан в журнале "Русский архив" в 1871 г. (№ 2, 6) под заглавием "Выдержки из записок Н.И.Греча"; отдельные страницы – в "Русском архиве" в 1884 г. (№ 5).

С. 193. *Книга барона Корфа...* – М.А.Корф (1800–1872) – государственный деятель. С 1831 г. – управлял делами Комитета министров. (Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. Спб., 1857.)

С. 193. *...когда еще не выходила книга Герцена о 14 декабря 1825 года...* – В книге А.И.Герцена "14 декабря 1825 года и император Николай" (Лондон, 1858) была противопоставлена официальной версии Корфа революционная точка зрения на восстание декабристов.

С. 198. *Павел... вздумал вызвать на дуэль римского императора Франца II.* – Слухи о вызове Павлом I императоров Европы на дуэль возникли из-за заметки в "Гамбургской газете", сообщавшей о предложении русского правительства решать международные конфликты посредством дуэлей между императорами. Поскольку заметка не была опровергнута правительством, можно думать, что она была инспирирована Павлом I.

С. 198–199. *...выгнал Людовика XVIII с его семейством... из Митавы...* – Брат французского короля Людовика XVI Людовик XVIII (в 1814–1824 гг. – король Франции) в 1791 г. после революции бежал за границу и жил в разных государствах, изгоняемый по требованию французского правительства; Россия принимала его дважды и дважды изгоняла – в 1801 г. и в 1807 г.

С. 199. *Английский флот, пробившись сквозь Зунд, шел на Кронштадт...* – В 1801 г. Россия и Англия чуть было не оказались в состоянии войны. Разгромив датский флот у Копенгагена, английский флот под командованием адмирала Нельсона двинулся на Кронштадт и Ревель; но известие о смерти Павла I, а также решительная позиция русского правительства заставили его отступить.

С. 202. *Если б он знал, что убийцы Павла I собирались для исполнения своего замысла на одном переходе от границ России...* – В ноте Наполеона Александру I в связи с протестом последнего по поводу убийства герцога Энгиенского намекалось на убийство Павла I, подготовленное не без косвенного участия английского посла Уитворта.

С. 203. *...Бурбонов обеих линий, особенно старшей...* – Старшая линия Бурбонов – до свержения Людовика XVIII; младшая – Орлеанская линия занимала французский престол с 1830 по 1848 г.

С. 203. *...нынешнего Гришку Отрепьева, называемого Лудовиком-Наполеоном III.* – Наполеон III (1808–1873) – племянник Наполеона I – притязал на роль и идеи своего дяди, в 1836 и 1840 гг. делал попытки захватить власть во Франции; в 1848 г. стал президентом Французской республики; в 1852 г. после государственного переворота – императором Франции.

С. 204. *Говорят, что Парижский мир постыднее Тильзитского.* – Мирный трактат 18.3.1856 г. на Парижском конгрессе, завершивший Крым-

скую войну 1853–1856 гг., был подписан на достаточно тяжелых для России условиях, хотя она могла ожидать и худшего. Тильзитский мир 25.6.1807 г. после поражения прусско-русской армии был подписан на условиях Франции, где в центре внимания был вопрос о судьбе Пруссии; отказавшись от раздела земель бывшей союзницы, Александр I все же присоединил принадлежавший Пруссии Белостокский округ.

С. 205. *Россия двинула... войска свои против Австрии...* – Связанная союзом с Францией (Эрфуртская конвенция 1808 г.), Россия приняла участие, хотя и фиктивное, в войне Франции против Австрии в 1809 г.

С. 205. *...плоскую Ингерманландию.* – Земля по побережью Финского залива и Невы, первоначально заселенная финскими народностями, была присоединена к России Петром I в 1702–1704 гг.

С. 207. *Удивительная кампания с турками в 1811 г. и заключение Бухарестского мира в 1812-м... и без 1812 года предали бы имя Кутузова бессмертию...* – Решающую роль при заключении Бухарестского мира в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., необходимого России ввиду угрозы войны с Францией, сыграла армия М.И.Кутузова на Дунае в 1811 г., а также его дипломатический талант, направленный против действий французских дипломатов, убеждавших Турцию продолжать войну с Россией.

С. 207. *Война с Англиею... тяготила нас. Не было ни кофе, ни виноградного вина...* – После заключения Тильзитского договора между Францией и Россией (направленного против Англии) Россия была вынуждена присоединиться к континентальной блокаде, что отрицательно сказалось на русской экономике.

С. 208. *Сколько труда стоило Александру уклониться от брачного союза Наполеона с одною из наших великих княжон...* – Александр отказал Наполеону в руке своей младшей сестры Анны Павловны, после чего Наполеон вынудил австрийского императора Франца I отдать ему в жены принцессу Марию-Луизу.

С. 208. *...в начале 1811 г. по случаю издания у нас нового тарифа.* – Новый таможенный тариф, крайне неблагоприятный для ввоза французских товаров, был принят в декабре 1810 г.

С. 209. *...великая княгиня Екатерина Павловна, бывшая... замужем, и за благородным человеком.* – Екатерина Павловна (1788–1819) – любимая сестра Александра I. В 1809–1812 гг. она была замужем за принцем Георгом Ольденбургским.

С. 210. *Какая причина... побудила поступить со Сперанским так нечестно? Я думаю, что единственною тому причиною было его плебейское происхождение.* – Описание Гречем опалы и высылки Сперанского недостоверно. Сперанский был ложно обвинен в измене России в пользу Франции.

С. 210. *В биографии Штейна утверждается, что Сперанский учреждал тайные общества при помощи Феслера и Розенкампфа...* – В биографии прусского государственного деятеля и реформатора Г.-Ф.-К.Штейна (1757–1831), написанной G.H.Pertz "Das Leben des Ministers Freicherrn von Stein" (Band 1–3. Berlin, 1849–1855), указывается, что большой вред нанесли Сперанскому наклонность его к мистицизму и связь его с масонами – Г.А.Розенкампфом (1762–1832) – юристом, работавшим со Сперанским в Комиссии состав-

ления законов, и И.-А.Фесслером (1756–1839) – профессором восточных языков в Спб. духовной академии.

С. 211. *...поставив рядом статуи Кутузова и Барклая.* – Памятники Кутузову и Барклаю скульптора Б.Орловского поставлены перед Казанским собором в Ленинграде.

С. 213. *...сказал ему несколько слов насчет злодейских его поступков в Ольденбурге.* – И.-Д.Вандамм – французский генерал, отличавшийся жестокостью; во время наполеоновского режима в 1813 г. в Бремене (герцогство Ольденбург) приговорил к смертной казни двух немецких патриотов, несмотря на требования прокурора для них тюремного заключения.

С. 214. *Венский конгресс возобновился после Ватерлооской битвы...* – После поражения Наполеона I при Ватерлоо (18.6.1815) Венский конгресс антифранцузской коалиции, открытый 14.10.1814 г., закончился (вскоре после битвы под Ватерлоо) подписанием "Заключительного акта".

С. 215. *...блеснуть в роли конституционного короля, произнесть фанфаронскую речь...* – Предоставив польской шляхте "конституционную хартию", Александр I при открытии польского Сейма в марте 1818 г. произнес речь, напечатанную в русских газетах, где прямо говорил о своем намерении распространить "спасительные" действия конституционного устройства на все подвластные ему земли.

С. 216. *Чашу... должен был испить... император Николай.* – Речь идет о войне между Россией и Польшей в результате польского восстания 1830–1831 гг.; восстание, по мысли Греча, было вызвано чрезмерным либерализмом Александра I в польских делах.

С. 217. *...В 1814 г. ...Вильмен... получил приз за похвальное слово Монтескье...* – А.-Ф.Вильмен (1790–1870) – французский государственный деятель и писатель; в 1814 г. на торжественном заседании французской Академии читал другое произведение; "Похвальное слово Монтескье" было произнесено им в 1816 г.

С. 219. *...Уваров, произнесший в 1819 г. ... ультралиберальную речь...* – Речь С.С.Уварова на торжественном собрании Спб. педагогического института (позже – университета) в 1818 г. была связана с речью Александра I в польском Сейме.

С. 221. *Разумовского подсидел директор лицея, Егор Антонович Энгельгардт, шарлатан, лицемер...* – Е.А.Энгельгардт не мог этого сделать, так же как и докладывать о торгах, т.к. А.К.Разумовский был уволен раньше, чем Энгельгардт получил разрешение на торги.

С. 221. *Когда интриган и паук Заблоцкий прибрал в руки "Земледельческую Газету"...* – "Земледельческая газета" издавалась Департаментом земледелия Министерства государственных имуществ с 1834 г.; с 1853 г. – редактор газеты А.П.Заблоцкий-Десятовский.

С. 222. *Но на счастье прочно...* – Из стихотворения И.И.Дмитриева "Всех цветочков боле...".

С. 222. *...казанский ректор Никольский поздравил петербургскую обитель благочестия...* – Поздравление Никольского и М.Пальмина, помеченное 19 дек. 1821 г., было напечатано по бумагам Греча в "Русском архиве" (1871 г. Х. 1728–1729).

С. 224. *...он подвергся немилости Николая... за одно выражение в письме, при котором он поднес свою книгу цесаревичу...* – Книга К.И.Арсеньева "Статистические очерки России" (Спб., 1848) вызвала недовольство Николая I из-за посвящения наследнику престола Алек-

сандру Николаевичу, в котором была фраза о преградах к свободному развитию лучшей жизни народа.

С. 226. *...поехал на поклонение в Грузино.* – Поездки в имение А.А.Аракчеева в Новгородской губернии – Грузино – совершали многие современники-почитатели Аракчеева.

С. 229. *...весь-гом.* – "Весь-кругом" – военный термин, популярный в то время.

С. 231. *Васильчиков... послал своего адъютанта Чаадаева, но несколькими часами позже...* – П.Я.Чаадаев (1794–1856) – известный русский мыслитель; 19 октября 1820 г. был послан с донесением о возмущении в Семеновском полку в Троппау к Александру I, а в декабре, по неизвестным причинам, Чаадаев подал в отставку.

С. 231–232. *Так как неизвестный летописец русский (в "Полярной Звезде") обнаружил, что имя мое произнесено было в этих важных событиях...* – Имеется в виду статья "Семеновская история" (1820), напечатанная в альманахе "Полярная звезда" (1857. Кн. 3), где на с. 279 приведены слова Александра I о том, что он подозревает Греча в деле Семеновского полка.

С. 233. *...введения этой методы обучения в кантонистских школах.* – Кантонистские школы – школы для солдатских детей, начало которым было положено Петром I учреждением гарнизонных школ; при Николае I появились специальные кантонистские школы: артиллерийская, инженерная и т.д.

С. 235. *...брат мой... поступил в егеря, в Финляндский полк.* – Егеря – вид легкой пехоты и легкой кавалерии в европейской и русской армиях XVIII–XIX вв. В России первый батальон егерского типа был создан П.А.Румянцевым в 1761 г.

С. 238. *Разграблением Вазы, в шведскую войну, он осрамил себя навеки...* – В период русско-шведской войны 1808–1809 гг. Ваза – главный город Финляндского княжества – несколько раз занимался русскими войсками; Н.И.Демидов (ум. в 1833 г.) – генерал-адъютант, отличался странностями, граничащими с жестокостью.

С. 239. *...действовал успешно против неприятелей (в Персидскую войну)...* – русско-иранская война 1826–1828 гг.

С. 239. *...бывшие мониторами...* – Мониторы – наставники, выделенные из состава самих обучаемых, при ланкастерской методе обучения.

С. 240. *В начале 1820 г. императрица Мария Федоровна поручила мне, чрез... Модераха...* – Приглашение Греча для улучшения обучения в воспитательных домах К.Ф.Модерахом по просьбе Марии Федоровны произошло в 1819 г., т.к. в 1820 г. Модераха уже не было в живых.

С. 243. *Между тем случилось в воскресенье, 21-го, известное происшествие...* – Волнения в Семеновском полку (выступления I Гренадерской роты солдат) произошли с субботы 16-го на воскресенье 17 октября 1820 г.

С. 248. *...сделался поклонником подлого и нелепого Фотия...* – Фотий (П.Н.Спасский, 1792–1838) – церковный деятель, архимандрит, главный оппонент министра просвещения А.Н.Голицына, сыгравший большую роль в искоренении масонских и мистических тенденций в русском обществе.

С. 248. *...Брокгаузенов "Conversations Lexicon"...* – Основатель книгоиздательской фирмы Ф.А.Брокгауз купил в 1808 г. издательское право на начатый в 1796 г. указанный Словарь и окончил его первое издание в 1809–1811 гг. По сути, он был основателем этого

издания; далее Словарь издавался им и его наследниками несколько раз в переработанном виде.

Часть вторая

Впервые эти воспоминания напечатаны в альманахе "Полярная звезда" А.И.Герцена и Н.П.Огарева в 1862 г. (Кн. 7, вып. 2. С. 85–123) без названия имени автора под заголовком "Выдержки из записок одного Недекабриста".

С. 256. *...по прибытии в Петербург, явился в корпус на выпускной экзамен. Это было в марте 1812 г.* – П.И.Пестель вернулся в Россию в 1810 г., был определен в Пажеский корпус и выпущен из него в декабре 1811 г. прапорщиком.

С. 257. *В 1814 г. он был адъютантом графа Витгенштейна.* – П.И.Пестель был назначен к генералу П.Х.Витгенштейну (1769–1843) в 1813 г., который в апреле–мае этого года командовал русско-прусской армией в Германии.

С. 259. *...в подражание Персиевой сатире к Рубеллию, ...в "Невском Вестнике"...* – Послание К.Ф.Рылеева "К временщику (Подражание Персиевой Сатире: К Рубеллию)" было напечатано в журнале "Невский зритель" (1820. Ч. 4, окт. С. 26–28).

С. 260. *..."Сокращенная библиотека", составленная... Железниковым.* – Книга П.С.Железникова "Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам Первого Кадетского корпуса" (1800–1807. Ч. 1–4) – обычная хрестоматия, которая, возможно, оказала влияние на литературное творчество К.Ф.Рылеева.

С. 262. *...геттингенский бурш...* – Н.И.Тургенев учился в 1808–1811 гг. в Геттингенском университете.

С. 265. *...раненного на Кавказе офицера, с повязанною головою...* – А.И.Якубович в 1823 г. был тяжело ранен на Кавказе, из-за чего впоследствии постоянно носил черную повязку.

С. 268. *Его перевели в армию подполковником в Черниговский... полк...* – После восстания Семеновского полка (в 1820 г.) С.И.Муравьев был переведен в 1820 г. в Полтавский, а затем с 1822 г. в Черниговский полк.

С. 269. *...Ипполит, убит был при усмирении мятежа при Белой Церкви.* – И.И.Муравьев-Апостол во время восстания Черниговского полка был ранен и, не желая сдаваться в плен, застрелился 3.1.1826 г.

С. 269. *Матвей Иванович, другой брат, ... как видно, увлекся Сергеем: увидев всю важность своего преступления, он впал в отчаяние и искренно раскаялся.* – М.И.Муравьев-Апостол был активным членом декабристского движения – одним из основателей Союза Спасения; член Союза Благоденствия, Южного общества, участник восстания Черниговского полка; осужден по I разряду на 20 лет каторги, затем получил послабление; в Москве ему было разрешено жить с 1858 г.

С. 270. *Он был в каком-то пансионе в Москве, в 1812 году...* – Речь идет о Московском университетском благородном пансионе.

С. 271. *...вздумал читать на французском языке лекцию в Атенее...* – В 1821 г. в Париже в антимонархическом обществе "Атеней" В.К.Кюхельбекер читал лекции о славянских языках и русской литературе, что вызвало неудовольствие русского правительства, и Кюхельбекер был отозван в Россию.

С. 272. *...Кюхельбекер... вызвал его на дуэль. Пушкин принял вызов...* – Дуэль состоялась во второй половине 1819 г. Оба выстрелили в воздух.

С. 272. *...служил в 1824 г. на Кавказе...* – В.К.Кюхельбекер служил на Кавказе с 1821 по 1822 г., затем после дуэли с А.Н.Похвисневым должен был уйти в отставку; в 1823 г. он был уже в Москве.

С. 272. *...читал манифест...* – Речь идет о правительственном манифесте, написанном в ночь с 13 на 14 декабря 1825 г., – о вступлении на престол Николая I, об отречении Константина Павловича. В действительности официального отречения последнего от престола в 1825 г. не было. Было только частное письмо Николаю I (см. комментарий к с. 125).

С. 275. *Наконец был освобожден, жил... в Смоленской губернии и там умер.* – В.К.Кюхельбекер не был освобожден, а жил в Сибири на поселении, умер в Тобольске.

С. 276. *...кинулся к Михаилу со слезами...* – Разговор братьев Кюхельбекеров, так же как и рассказ о причащении, – вымысел. См. указ. литературу по декабристам в конце комментариев.

С. 276. *По миновании годов каторги, он... женился на ней...* – Здесь неверно изложена история брака Михаила Кюхельбекера. См. указ. литературу по декабристам в конце комментариев.

С. 277. *Якубович... имел зверство умышленно ранить его в правую руку...* – А.С.Грибоедов был ранен в левую ладонь.

С. 277. *...приехал в Петербург летом 1825 г. ...* – А.И.Якубович приехал в Петербург в конце 1824 г.

С. 280. *Он... был ... в действительном сражении при взятии англичанами... линейного корабля...* – Н.А.Бестужев – не участвовал в сражении с английским флотом.

С. 281. *...описание гибели брига "Фальк", взятое Головниным в собрание статей важнейших кораблекрушений.* – Речь идет о книге "Описание достопримечательных кораблекрушений, в разные времена претерпенных Российскими мореплавателями. Собраны, приведены в порядок... Флота капитаном-комендантом Головниным" (Спб., 1822. Ч. 4. С. 192–208).

С. 281. *В 1821 г. ходил он... в Средиземное море...* – В 1824 г. Н.А.Бестужев в качестве историографа русского флота был во Франции и на Гибралтаре.

С. 281. *Сердце наше кладезь мрачный...* – не совсем точное четверостишье из стихотворения К.Н.Батюшкова "Счастливец".

С. 282. *Полиция, не находя Бестужева в Петербурге, догадалась, что он в Кронштадте...* – Н.А.Бестужев был арестован в с. Косном (под Кронштадтом) в доме фейерверкера Белорусова.

С. 285. *Он скончался в 1854 году...* – Н.А.Бестужев умер в 1855 г.

С. 285. *...он [Петр Бестужев] помешался в уме и был отдан матери с тем, чтоб жить у ней в Новгородской губернии, и там умер.* – Петр Бестужев умер не у матери, а в доме для умалишенных под Петербургом.

С. 286. *...Бестужев буянил на улице и произносил дерзкие речи...* – Павел Бестужев был арестован не за речи во время коронации Николая I, а за альманах "Полярная звезда" со стихами К.Ф.Рылеева, найденный у него в Артиллерийском училище.

С. 288. *...ему предложено было вступить в союз... Он ужаснулся и сошел с ума.* – К.Н.Батюшков не состоял в декабристских обществах.

Изложенное здесь мнение Греча, что это предложение явилось причиной душевной болезни Батюшкова, совершенно необоснованно.

С. 288. *...суждение П.А.Плетнева о творениях Батюшкова... Батюшков нашел в нем... оскорбление...* – Речь идет о книге Н.Греча "Опыт краткой истории русской литературы" (Спб., 1822), где был приведен положительный отзыв Плетнева о Батюшкове. Причиной озлобления последнего против Плетнева и Греча послужило стихотворение Плетнева о Батюшкове, напечатанное в "Сыне отечества".

С. 289. *...в нынешнем (1859) году умер от болезни в Петербурге.* – И.И.Пущин умер в 1859 г. в Бронницком уезде Московской губернии.

С. 289. *Брат его... пострадал также.* – Брат И.И.Пущина, Мих.Ив.Пущин, был осужден по 10 разряду и отдан в солдаты.

С. 289. *...мартинисты...* – одно из названий масонов в России в XVIII – нач. XIX в.

С. 290. *...сеиды...* – почетный титул мусульман, ведущих свое происхождение от самого пророка Магомета.

С. 298. *Барон Владимир Петрович Штейнгель...* – Имеется в виду Владимир Иванович Штейнгель (1783–1862), декабрист.

С. 298. *По смерти графа, был уволен от службы...* – В.И.Штейнгель уволился со службы в 1819 г. при жизни графа А.П.Тормасова.

С. 298. *Князь Иван Александрович Одоевский...* – Имеется в виду Александр Иванович Одоевский (1803–1839), поэт-декабрист.

С. 299. *...увлечен был в омут Рылеевым и погиб.* – Е.П.Оболенский вступил в Союз Благоденствия в 1817 г. на 5 лет раньше Рылеева, вступившего в Северное общество осенью 1823 г.

С. 299. *...участвовал в переводе на русский язык "Истории войны 1812 года" Бутурлина.* – Д.П.Бутурлин (1790–1849) – военно-исторический писатель, его "История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. ...", написанная на французском языке, переведена и издана (Спб., 1823–1824. Ч. 1–2).

С. 301. *...Цебриков не был виноват, ...не бунтовал...* – Н.Р.Цебриков был активным участником восстания на Сенатской площади, осужден по XI разряду, по конфирмации разжалован и сослан на Кавказ.

С. 302. *Вряд ли этот пустомеля был в заговоре.* – М.С.Лунин – активнейший член декабристских обществ – Союза Спасения, Союза Благоденствия, Северного общества. Осужден по I разряду; по конфирмации – на каторжные работы на 20 лет.

С. 302. *...с какою-то молодою француженкою, Жюстиною...* – Имеется в виду Полина Гебль. Далее рассказ о ней и И.А.Анненкове не верен в деталях. См. указ. литературу по декабристам.

С. 303. *Александр Федорович фон дер Бриген... был обвинен в том единственно, что сообщил князю Трубецкому в Киеве о дерзких фанфаронадах Якубовича, который хвастался, что хочет убить Александра I.* – А.Ф. фон дер Бригген был членом Союза Благоденствия и Северного общества, выполнял поручения К.Ф.Рылеева по связи Северного и Южного обществ.

С. 304. *...предостерегал его Сенковский.* – О.И.Сенковский (1800–1858) – русский критик и журналист, профессор. Редактор журнала "Библиотека для чтения" (1833–1856); сотрудничал с Н.Гречем и Ф.Булгариным в журналах "Северный архив", "Сын отечества", газете "Северная пчела".

С. 304. *Краснокутский, обер-прокурор Сената, ... догадался, что они*

замышляют недоброе... – С.Г.Краснокутский был членом Союза Благоденствия (с 1817 г.), Южного общества; участник подготовки восстания на Сенатской площади. Умер на поселении в Тобольске.

С. 305. *Оржицкий...* – Н.Н.Оржицкий не был членом тайных декабристских обществ, но знал о существовании Северного общества; был на совещании у К.Ф.Рылеева 13.12.1825 г. Осужден по 10 разряду; по конфирмации – лишен дворянства и выслан в дальние гарнизоны.

Примечания Н.И.Греча к "Воспоминаниям старика"

С. 307. *...бюст Каракаллы...* – Каракалла (186–217 гг.) – римский император – жестокий и распутный, убийца брата.

С. 307. *...в странную эпоху владычества Струэнзе...* – И.-Ф.Струэнзе (1737–1772) – датский государственный деятель, министр короля Христиана VII; Струэнзе были предоставлены полномочия издавать от имени короля рескрипты. Осуществляя прогрессивные в целом реформы, он тем не менее восстановил против себя и двор, и население и в 1772 г. был казнен. "Странная эпоха" длилась только два года.

С. 309. *...Екатерина составила завещание, которым на основании закона... устраняла Павла... и передавала корону старшему его сыну.* – Пользуясь законом Петра I (5 февраля 1722 г.) о праве императора назначать себе наследника из лиц царской семьи, Екатерина, по некоторым данным, составила тайное завещание о передаче престола внуку – Александру Павловичу и дважды (в 1794 и 1796 гг.) объявляла о своем намерении Сенату.

С. 312. *...Морни и Валевский, и все эти подлые рабы корсиканских зверей.* – Валевский и Морни – деятели внешней политики Франции при Наполеоне III, участвовавшие в Парижском конгрессе 1856 г.; "корсиканскими зверями" Греч называет представителей династии Бонапартов, т.к. ее основатель Наполеон I родился на о. Корсика; Валевский Флориан (1810–1868) – побочный сын Наполеона I от Марии Валевской; Морни Шарль (1811–1865) – побочный сын голландской королевы Гортензии (жены Людовика Бонапарта) от ее шталмейстера.

КРАТКИЙ СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Богданович М.И. История царствования имп. Александра I и России в его время: В 6 т. Спб., 1869–1871.

История СССР: Сер. 1. М., 1966–1968. М., 1967. Т. 3–4.

История дипломатии: В 3 т. М., 1959–1965. М., 1959. Т. 1.

Киняпина Н.С. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963.

Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1–2.

Нечкина М.В. Декабристы. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982.

Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Пг., 1918.

Федоров В.А. Солдатское движение в годы декабристов, 1816–1825. М., 1963.

Декабристы: Биографич. справочник. М., 1988.

Русский биографический словарь: В 25 т. М.; Спб.; Пг., 1896–1918.

Шильдер Н.К. Император Павел Первый: Ист.-биограф. очерк. Спб., 1901.

Шильдер Н.К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1–4. Спб., 1897–1898.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абакумов А.И. – 29, 335
Абеляр Пьер, фр. философ, поэт – 355
Августинович, полк. – 22
Адлерберг В.Ф., гр., министр двора – 256–257, 291
Адлерберг, графиня, мать предыдущего – 258
Александр I, рос. император – 53, 54, 64, 66, 67, 73, 75, 81, 85, 88, 91, 93, 94, 100, 106, 116–121, 123–128, 149, 155, 187, 189–191, 194–217, 220, 221, 225, 228, 229, 231, 233, 239–241, 308–312, 315, 317–321, 323, 324, 326–329, 331, 332, 334–336, 346, 347, 349, 350, 353, 355–357, 360, 361, 363–367, 371
Александр II, рос. император – 224, 359, 366, 367
Александр Вюртембергский, герцог, брат жены Павла I – 88, 278
Александр Македонский – 158
Александра Павловна, дочь Павла I – 314
Александра Феодоровна, жена Николая I – 279, 338
Алерт де Венгоржевский, купец – 104
Алерт де Венгоржевская Ида Мирона, дочь предыдущего – 104
Алферова А.С., в замуж. княгиня Дашкова – 28
Альбедиль (Албедиль) П.Р., бар., вице-президент Придворной конторы, обер-гофмейстер – 246
Альбрехт А.И., ген. – 208
Амвросий, митрополит – 39
Ангиенский (Энгиенский) Л.-А. *см.* Луи Ангиенский
Анна Иоанновна, рос. императрица – 8, 353, 355
Анна Исааковна, сожительница Ф.М.Брискорна – 127, 143–145
Анна Павловна, дочь Павла I – 365
Анненков И.А., декабрист – 302, 370
Анненков М.П., помещик – 48
Анненков Н.П., ген. – 48
Анненкова П.Е., урожд. Гебль Полина, жена И.А.Анненкова – 302, 370
Анреп Р.Р., ген. – 340
Антония Вюртембергская, герцогиня – 212
Анштет, чиновник – 205, 215
Аракчеев А.А., гр., гос. деятель, военный министр – 24, 41, 84, 89, 94, 115, 118, 197–199, 201, 204, 209, 212, 216–218, 223, 226–228, 233, 235, 247–250, 256, 257, 259, 260, 296, 297, 317, 319, 330–335, 337, 344, 349, 350, 359, 367
Араужо, вдова португальского консула – 124, 125
Арбузов А.Ф., ген.-адъютант – 211
Арбузов Гур, прапорщик – 13, 14
Арбузов Евтифей, асессор – 14
Арбузова Е.М., сестра жены И.М. Греча – 14
Аристов И.Г., писатель – 162
Аристотель, древнегреческий философ – 176, 363
Армфельд Густав, гр., ген. – 209
Арндт Э.-М., нем. ученый, писатель – 185
Арсеньев К.И., проф. – 220, 223–225, 366
Архаров И.П., сенатор – 90, 359
Архаров Н.П., спб. ген.-губ. – 89, 90, 189, 359
Ашац фон Ассебург, бар. – 86, 87

Багратион П.И., кн., ген., главнокомандующий – 56, 57, 206, 211
Багговут К.Ф., ген. – 327
Бакунина П.М. *см.* Нилова П.М.
Балашев А.Д., министр полиции – 58, 207, 209, 210, 331, 336, 337

Балугьянский М.А., проф. – 151, 161, 224
Баратынский Е.А., поэт – 149
Баратынский С.А., брат поэта Е.А.Баратынского – 149
Барклай де Толли М.Б., кн., фельдмаршал – 75, 209, 211, 327, 335, 336
Барятинский И.С., кн., ген., участник заговора против Петра III – 95
Басков, домовладелец – 39
Батеньков Г.С., декабрист – 197, 198, 263–265, 295–298
Баторий Стефан, польский король – 7
Батюшков К.Н., поэт – 164, 288, 290, 369, 370
Бахерат, жена купца – 218
Башилов А.Ф., обер-прокурор – 28, 38
Башуцкий А.П., издатель, писатель, адъютант М.А.Милорадовича – 277
Башутский Павел, ген., спб. комендант, ген.-адъютант – 211
Безак Х.Х. (Готлиб Христиан), проф. философии – 16, 17, 18, 50
Безак Д.Х., дочь предыдущего, жена Х.Ф.Вирста – 17
Безак П.Х., чиновник, сын Г.Х.Безака – 17, 33, 39, 50–59, 61, 102, 107, 129, 138, 139, 141, 188, 356
Безак С.Я., урожд. Рашет, жена предыдущего – 53, 59
Безак А.П., ген.-адъютант, ген.-губ., сын предыдущих – 53, 60
Безак К.П., брат предыдущего, зять Н.И.Греча – 60, 136
Безак М.П., ген.-майор, брат предыдущих – 61
Безак Н.П., чиновник, брат предыдущих – 60
Безак П.П., ген., брат предыдущих – 61
Безак Ел.П., сестра предыдущих – 61
Безак Елиз.П., сестра предыдущих, жена И.К.Борна – 43, 60, 69
Безак М.П., сестра предыдущих, жена А.К.Крыжановского – 13, 43, 60
Безак О.П., сестра предыдущих, жена Н.Я.Зварковского – 60
Безбородко А.А., кн., канцлер – 28, 76, 77, 154, 309, 319
Беккер, историк – 346
Беклешов А.А., ген.-прокурор – 11, 55, 120, 123, 138, 139, 198
Белинский В.Г. – 92, 345
Беллерманн, ориенталист – 44
Белли Карл, казначей – 45
Белли И.К., офицер, сын предыдущего – 45
Белли П.К., офицер, брат предыдущего – 45, 46
Белли Я.К., офицер, брат предыдущих – 45, 46
Белизар, книгопродавец – 86
Белосельский, кн. – 294
Бель (Белль) Роберт (?), англ. писатель – 152
Бенардаки Д.Е., откупщик – 106
Бенжамен Констан *см.* Констан де Ребек Бенжамен
Бенкендорф А.Х., гр., шеф жандармов, нач. III Отделения – 56, 64, 231, 234, 239, 241, 247, 269, 294, 298, 340–342, 357
Беннигсен Л.Л., гр., ген., главнокомандующий – 119, 211
Бертье Л.А., фр. маршал – 123
Берх В.Н., ученый, рус. писатель – 304
Бестужев А.Ф., отец Бестужевых – декабристов – 123, 197, 278
Бестужев А.А. (Бестужев-Марлинский), декабрист, писатель – 261, 262, 265, 277–282, 351
Бестужев М.А., декабрист, брат предыдущего – 285, 286
Бестужев Н.А., декабрист, брат предыдущих – 176, 280–285, 300, 301, 369
Бестужев Павел А., брат предыдущих, ген. – 281, 285, 286, 369
Бестужев Петр А., декабрист, брат предыдущих – 285
Бестужев-Рюмин М.П., декабрист – 269, 369
Бетанкур Августин, ген.-лейтенант, министр путей сообщения – 278
Бецкий И.И., деятель рос. просвещения – 79, 358
Бибиков Б.П., флигель-адъютант – 243

Бибиков И.Г., ген. – 246
Биньон Л.-П.-Е., фр. дипломат, публицист, историк – 179, 180, 363
Бирон Э.-И., герцог Курляндский – 8, 11, 89
Бируков А.С., цензор – 263
Бистром фон, жена Г.Ф.Клодта – 44
Бистром А.И., полк. – 238
Бистром К.И., ген., брат предыдущего – 238, 299
Битобе П.-И., фр. поэт – 70, 358
Блудов Д.Н., гр., гос. деятель – 57, 58, 210, 290, 291–293, 295, 340, 357
Блюхер Г.-Л., кн., прус. фельдмаршал – 213
Бобринский А.Г., гр., сын Екатерины II – 85, 359
Бобринский А.А., гр., сын предыдущего – 85
Богаевский И.И., обер-секретарь – 64
Боголюбов В.Ф., чиновник – 290, 339–342
Боголюбов Филипп, отец предыдущего, служащий – 339
Бонапарт *см.* Наполеон
Бонне – 340
Борн Елиз.П. *см.* Безак Елиз.П.
Борн И.К., друг и родственник Н.И.Греча – 23, 48, 60, 75, 97, 146, 147–149, 191, 242
Борн К.И., д-р медицины, отец предыдущего – 22, 23, 97
Борн Ек.К., дочь предыдущего – 97
Борн Т.К., сестра предыдущей – 97
Бородкин Я.М., учитель – 101
Бороздин А.М., ген.-лейтенант, сенатор – 29
Бороздина Н.А., дочь предыдущего – 28, 29
Бочков Г.Г., содержатель пансиона – 142, 143, 146, 165
Бреверн, плац-майор – 100, 101
Бремме, домовладелец – 274
Бригген фон дер А.Ф., декабрист – 303, 304, 370
Брискорн Максим, аптекарь – 64
Брискорн А.М., дочь предыдущего, жена Ф.Ф.Шауфуса – 68
Брискорн Е.М., сестра предыдущей, жена Фрейганга – 67
Брискорн М.М., сестра предыдущих, жена Лемана – 68
Брискорн С.М., сестра предыдущих – 68
Брискорн М.М., майор, брат предыдущих – 65
Брискорн М.М., сенатор, сын предыдущего – 65
Брискорн А.М., сын Максима Брискорна, аптекаря – 61, 67, 71
Брискорн И.М., помещик, брат предыдущего – 64
Брискорн К.М., прокурор, брат предыдущих – 64
Брискорн Ф.М., сенатор, брат предыдущих – 65–67, 127, 143, 144, 146–148, 307
Брискорн Я.М., тифлисский вицегуб., брат предыдущих – 64
Брок П.Ф., министр финансов – 294
Брокгауз Ф.А., издатель – 248, 367
Брусилов Н.П., писатель – 151, 164
Брюмер Е.А., офицер – 71, 72
Бува, книгопродавец – 134, 135
Буйницкий И.К., писатель – 162
Буксгевден Ф.Ф., гр., ген. – 331
Булановский А.И., учитель – 26
Булатов, домовладелец – 272, 273
Булгаков Я.И., почт-директор – 342
Булгарин Ф.В., журналист, писатель – 57, 69, 121, 242, 260, 263, 264, 266, 272, 274, 275, 279, 296, 300, 304, 341–342, 344–347, 353, 357, 361, 370
Бурбоны, династия – 198, 202, 203, 287
Бурцов И.Г., ген., декабрист – 234, 238, 239
Бутурлин Д.П., гр., ген.-майор, военный историк – 224, 299, 370
Бутырский Н.И., проф., стихотворец – 224
Буцковская Д.М., жена Н.Р.Ребиндера – 25
Буш И.Ф., д-р медицины – 22
Буше Флейшер де, табачный фабрикант – 97, 98, 103, 106
Буше С.И., дочь предыдущего,

жена И.Х.Людвига – 97, 98
Быков, домовладелец – 99
Бюшинг А.-Ф., нем. ученый, географ, издатель – 18

Вакар – 188
Вакар, ген. – 188
Ваксель Л.В., акад. – 109
Ваксмут А.Я., ген. – 38
Валевский Флориан, гр., фр. министр – 312, 371
Вальденштейн Е.А., баронесса – 146
Вальденштейн Ф.И., бар., муж предыдущей – 145
Вандамм И.-Д., фр. маршал – 118, 213, 366
Варенцов В.Г., проф., фольклорист – 151
Варнек А.Г., художник – 325
Васильев А.И., гр., министр финансов – 120, 123, 124, 129, 198, 201, 204
Васильев Константин, полк. – 70
Васильчиков И.В., кн., ген.-лейтенант – 231, 238, 239, 243, 244, 308
Васильчикова А.И., урожд. Архарова – 90
Великий С.И., внебрачный сын Павла I – 65, 66, 357, 358
Веллеслей, маркиз, брат Веллингтона – 309
Веллингтон А.-У., герцог, англ. фельдмаршал – 213, 308, 309
Веневитинов, помещик – 41
Венгеров С.А., библиограф – 345
Верещагина П.Т., офиц. вдова, няня Гречей – 74
Вестман И.К., чиновник – 65, 317
Вестман В.И., чиновник, сын предыдущего – 317
Вигель Ф.Ф., чиновник, автор "Записок" – 15, 290, 354
Вилламов Г.И., статс-секретарь имп. Марии Федоровны, писатель – 65, 244–247, 307, 314, 315
Вилламов И.-Г., педагог, поэт, отец предыдущего – 314
Вилламова Е.И., сестра Г.И.Вилламова – 314
Виллие Джеймс, бар., лейб-медик – 93. 94
Вильгельм I Вюртембергский, король – 251, 359
Вильмен А.-Ф., фр. писатель, гос. деятель – 217, 366
Вирст Ф.Х., чиновник – 17, 59, 141, 142
Витгенштейн П.Х., гр., фельдмаршал – 180, 211, 257, 258, 303, 322, 368
Витовтов А.А. – 196, 329
Витт де, инженер – 74
Вишневский Викентий, ученый-астроном, проф., акад. – 224
Воейков А.Ф., писатель – 242, 274, 285, 290, 340
Воейкова А.А., урожд. Протасова, жена предыдущего – 274
Воинов А.Л., ген.-адъютант – 266
Волант де, инженер – 74
Волков, помещик – 22
Волконский П.М., кн., нач. Гл. штаба – 223, 238, 286, 310, 311
Вольтер – 153, 219
Вольцоген А.-В., бар. – 210
Воронихин А.Н., архитектор – 325, 326
Воронцов А.Р., гр., канцлер – 105, 138
Воронцов М.С., кн., ген.-фельдмаршал – 56, 211, 232, 291, 308, 325 (?)
Востоков А.Х., ученый, лингвист – 363
Врангель Карл, гр., помещик – 22
Врангель Е.К., дочь предыдущего, жена К.И.Борна – 22, 97
Врангель Б.К., плац-майор, брат предыдущей – 22
Врангель А.Б., дочь предыдущего, жена Августиновича – 22
Вронченко Ф.П., гр., министр финансов – 76, 121, 294, 297, 313, 327
Всеволожский В.А., помещик – 46
Вяземский А.А., кн., ген.-прокурор – 18, 82, 354
Вяземский П.А., кн., писатель – 259, 290
Вязмитинов С.К., ген.-губ. – 70, 324, 337

Габлиц К.И., естествоиспытатель – 61

Габриани, ген. – 145
Габриэль, фаворитка Генриха IV – 93
Габсбурги, династия – 355
Гавриил, митрополит – 330
Гагарина А.П., княгиня, урожд. Лопухина, фаворитка Павла I – 53, 93, 189
Гагарин П.Г., кн., муж А.П.Гагариной – 93, 189
Галич А.И., проф. – 220, 223, 224
Галямин В.Е., полк., декабрист – 300
Гандваль, жена генерала – 147
Гаррис, лорд Мальмсбюри, англ. посол – 154, 189
Гаспарини, певица – 69
Гастингс (Гестингс) Уоррен, англ. гос. и колониальный деятель – 255
Гаттенбергер, изобретатель – 98
Гебль Полина *см.* Анненкова П.Е.
Гедимин, вел. кн. литовский – 351
Геккерн, бар. (Дантес Жорж) – 272
Гендерсон, миссионер – 218
Геннинг, муж сестры И.М.Греча – 12
Геннинг И.Я., врач – 12
Генрих IV, фр. король – 93
Георг Ольденбургский, принц – 365
Георги И.Г., проф. – 39
Георгий XII, груз. царь – 356
Гербель Л.А., дочь декабриста А.Ф.Бриггена – 304
Гердер И.-Г., нем. писатель, философ – 156
Гереншванд, экономист – 192
Герман И.И., ген. – 106
Герман К.Ф., рус. проф. – 223–225
Герцен А.И. (Искандер) – 92, 193, 349, 364, 368
Гете И.-В. – 67, 103, 176, 211, 363
Гетц М.И. *см.* Мюссар М.И.
Гешт Себастьян, купец – 100
Гец А.Г., дочь Г.И.Вилламова – 315
Гиллис, историк – 224
Гладков И.В., спб. обер-полицеймейстер – 190, 228, 264
Глинка Ю.К., сестра декабристов Кюхельбекеров – 275
Глинка В.А., ген. – 48
Глинка С.Н., писатель – 266
Глинка Ф.Н., писатель, декабрист – 226, 240, 241, 265, 304, 305
Глухов, полк. – 183
Гнедич Н.И., писатель – 11, 12, 288, 290, 325
Гоголь Н.В., писатель – 211
Голенищев-Кутузов М.И. *см.* Кутузов М.И.
Голенищев-Кутузов П.В., гр., спб. ген.-губ. – 49, 284, 322, 336
Голиков К.Г., чиновник – 51
Голицын – 336
Голицын А.Н., кн., министр народного просвещения – 209, 217, 218, 221–223, 226–228, 291, 337, 338, 344, 350, 357, 367
Голицын В.С., кн. – 324
Голицын В.П., кн., губернский предводитель – 133
Голицын С.Ф., кн., ген. – 205
Голицына В.С., урожд. Кагульская – 26
Голицына С.В., жена П.А.Строганова – 324
Головкин Ю.А., гр., посол в Китае – 141, 205
Головнин В.М., адм., писатель – 95
Голубцов, домовладелец – 22
Голубцов Ф.А., гос. казначей – 204
Гораций, древнеримский поэт – 58
Горголи И.С., спб. обер-полицеймейстер, сенатор – 52, 190, 309, 324
Горнборг, пастор – 42
Гортензия (Богарне) – голланд. королева – 371
Горчаков А.И., кн., военный министр – 180, 209
Горчаков А.М., кн., дипломат – 311
Горчакова, княжна – 105
Горшков, унтер-офицер – 239
Госнер Иоганн, пастор – 61, 291, 344, 350
Гофман – 60
Грефе, проф. – 224
Греч Адриан, бенедиктинец – 7

Греч Михаил, прадед Н.И.Греча – 7
Греч И.М., дед Н.И.Греча – 7–11, 12, 14
Греч И.-Э., побочный сын И.М.Греча – 12
Греч Ф.М., надворный советник, брат деда Н.И.Греча – 12
Греч А.И., жена Хр.Безака, тетка Н.И.Греча – 15, 16
Греч В.И., тетка Н.И.Греча, жена П.И.Штебера – 15, 17, 31, 33, 34, 142
Греч Ел.И., тетка Н.И.Греча – 15, 17, 32, 33, 74
Греч К.И., дядя Н.И.Греча – 15
Греч Логин (Людвиг) И., дядя Н.И.Греча – 15, 16
Греч И.И., отец Н.И.Греча – 15, 17, 29, 35, 112
Греч Ек.Я., урожд. Фрейгольд, мать Н.И.Греча – 19, 27, 29, 31–33, 35, 38, 40, 129, 148
Греч А.И., брат Н.И.Греча – 33, 34, 37, 38, 68, 71, 75, 96, 114, 129, 138, 139, 142, 182, 234
Греч Павел И., ум. в младенчестве, брат Н.И.Греча – 33, 38, 74
Греч Павел И., ген.-майор, брат Н.И.Греча – 38, 75, 129, 138, 147, 234, 236, 326
Греч Ек.И., сестра Н.И.Греча – 17, 32, 33, 38, 74
Греч Елиз. И., сестра Н.И.Греча, жена Ваксмута – 38, 75, 102, 326
Греч. Елиз.К., двоюродная сестра Н.И.Греча – 15
Греч В.Д., урожд. Мюссар, первая жена Н.И.Греча – 192, 347
Греч Александр, сын Н.И.Греча – 136, 357
Греч Ольга, дочь Н.И.Греча – 242
Греч Николай, сын Н.И.Греча – 43
Греч Софья, дочь Н.И.Греча – 60, 136
Грибовский, библиотекарь, секретарь – 241
Грибоедов А.С. – 13, 210, 272, 369
Григорович В.И., секретарь Акад. худ. – 240
Григорьев, унтер-офицер – 275
Гризар, мать композитора Гризара – 191, 192
Грим (Гримм) Ф.-М., бар., фр. писатель – 195
Гуммель, цензор – 248
Гурьев С.Е., акад. – 107
Гурьев Д.А., министр финансов – 204, 209, 218, 335, 337
Густав IV, швед. король – 205, 206, 310
Гюнцель, муж дочери Я.Е.Сиверса – 190

Даву Л.-Н., фр. маршал – 183
Даль В.И., писатель, врач – 346
Данзас Б.К., полк. – 223
Данзас Г.К. – 223
Дантон Ж.-Ж., деятель Вел. фр. революции – 277
Дашков Д.В., министр юстиции – 226, 290, 291, 363
Дашков, кн. – 28
Дашкова А.С., княгиня *см.* Алферова А.С.
Деглиньи, актер – 121, 172
Дегуров А.А., проф., ректор Спб. ун-та – 224
Делабинский Феликс – 188
Делагард (Делигард), учитель – 96, 152
Дельвиг А.А., бар., поэт – 149, 271, 329
Деманж, проф. – 224
Демидов Н.И., ген. – 238, 367
Демпфер (Димпфер), губ. – 334
Демут Ф.Я., владелец трактира – 119
Демут В.И. (Малиновский-Демут В.И.), скульптор – 325
Депрерадович Н.И. (?), ген.-адъютант, врем. спб. губ. – 59
Державин Г.Р. – 15, 59, 73, 116, 138, 140, 141, 146, 170, 171, 200, 217, 290, 309, 310, 349, 357, 360, 362
Державина Д.А., жена предыдущего – 146, 228
Дерфельд, музыкант – 238
Дерябин, инженер – 132
Де Саси Сильвестр *см.* Сильвестр де Саси А.
Джонсон Самуил, англ. литератор – 178
Дибич И.И., гр., фельдмаршал –

301
Диц фон, писательница – 256
Дмитревский И.А. (Дьяконов И.А.), актер – 11, 12, 354
Дмитриев И.И., поэт, гос. деятель – 200, 290, 366
Долгорукие – 205
Долгорукий М.П., кн., ген.-майор – 329
Долгорукий П.П., кн., ген.-адъютант – 196, 204, 309, 328
Долгоруков П.В., кн., писатель, эмигрант – 92
Дорезон – 96
Дорер, фр. эмигрант – 60
Достоевский Ф.М. – 92
Дохтуров Д.С., ген. – 327
Дружинин Я.А., чиновник, писатель – 65, 131, 150, 316, 317, 327
Дубельт Л.В., ген., управ. III Отделением – 64, 269, 298, 357
Дундук, хан – 133
Дюкруа, актер – 121
Дюрок, фр. посол – 120

Евгений Вюртембергский, принц – 236
Егоров А.Е., художник, проф. – 325
Екатерина II, рос. императрица – 11, 15, 17, 21, 40, 52, 63, 65, 69, 72, 76, 78, 79, 81–87, 89, 95, 96, 98, 107, 116, 127, 178, 188, 189, 194, 196, 199, 201, 250, 289, 295, 309, 314, 317, 319, 323, 327, 339, 349, 350, 353, 358–360, 371
Екатерина Павловна, дочь Павла I, королева Вюртембергская – 88, 209, 212, 251, 359, 360, 365
Елагин И.П., писатель, гроссмейстер масонского ордена – 133, 156, 361
Елизавета Петровна, рос. императрица – 20, 36, 80, 85, 323, 358, 359
Елизавета, крепостная Гречей – 112
Елизавета Алексеевна, жена Александра I – 120, 209, 212, 312
Емс В.И., управ. типографией Акад. наук – 109, 110
Ермолаев А.Н., археограф – 325
Ермолов А.П., ген. – 211, 272

Жандр А.А., сенатор – 66, 208
Железников П.С., учитель – 260, 368
Жеребцов, новг. губ. – 249, 250
Жихарев С.П., чиновник, писатель – 290, 295
Жорж (Кадудаль), участник заговора против Наполеона I – 202
Жуковский В.А., поэт – 58, 271, 288, 290, 294, 338, 349, 357, 362
Жулковский Н.Д., почт-директор – 218

Заблоцкий-Десятовский А.П., гос. деятель, экономист – 221, 366
Завадовский А.В., гр. – 276
Завадовский П.В., гр., министр народного просвещения – 28, 76, 77, 220, 221, 323
Заветный А.А., фабрикант – 186
Загоскин М.Н., писатель – 349
Зайончек Иосиф, ген., наместник Царства Польского – 216
Закревский А.А., гр., министр внутр. дел, позднее – моск. ген.-губ. – 45, 57, 135
Зальц, бар., ген. – 60
Занд Карл, убийца А.Коцебу – 222, 361
Занфтлебен, портной – 163
Зауэрбрей фон Зауэрбрунн, прус. ген., прадед Н.И.Греча – 19
Захаров И.С., писатель – 289
Захаров Я.Д., проф. – 107, 108
Зварковская М.Н., дочь Н.Я.Зварковского, жена М.Н.Чичагова – 60
Зварковский А.Н., брат предыдущей – 60
Зварковский Н.Я., ген. – 60
Зеге фон Лауренберг, инженер – 84
Зедделер Л.И., бар., ген.-лейтенант – 346
Зейдер, пастор – 91, 134
Зихгейм фон, обер-проф. – 10
Золотарев, полк. – 49, 119
Зубов В.А., гр. – 52, 199
Зубов Н.А., гр. – 115, 117, 199, 361

Зубов П.А., кн., фаворит Екатерины II – 52, 76, 83, 90, 116, 119, 188, 199, 263, 309, 310, 360
Зубовы – 191
Зуев В.Ф., акад. – 108
Зябловский Е.Ф., проф., статистик – 224

Иван IV (Грозный), царь – 189
Иваницкий Б.И., учитель – 131–133, 139, 160
Иванов-Разумник Р.В., писатель – 347, 348
Ивашев В.П., декабрист – 303
Ивашева Камилла, урожд. Ледантю Камилла, жена декабриста – 303
Игнатьев П.Н., гр., спб. ген.-губ. – 312
Измайлов А.Е., писатель – 164
Икскуль, муж дочери гр. Я.Е.Сиверса – 190
Ильин Н.И., драматург – 51, 356
Иноходцев П.Б., акад., астроном – 108
Иоанесов, владелец типографии – 186
Искандер *см.* Герцен А.И.
Искрицкий Д.А., декабрист – 272, 305

Кавелин Д.А., директор Пед. ин-та – 219, 222
Кавелин К.Д., проф. истории, сын предыдущего – 219
Кагульская, побочная дочь С.П.Румянцева *см.* Голицына В.С.
Кадри, крепостные Н.И. Греча – 114
Казаси, директор театра – 113
Казначеев А.И., сенатор – 231, 241
Кайзерлинг, гр., посол – 8
Калиостро И.-Б., мистик – 34, 355
Каменский Н.Ф., гр., главнокомандующий – 56, 57, 206–207
Кампе И.-Г., нем. детский писатель – 70
Каневасси-Гарние, певица – 121
Канкрин Е.Ф., гр., министр финансов – 221, 317, 335
Канкрина, графиня, урожд. Муравьева, жена предыдущего – 286
Каподистрия И.-К., гр., полит. деятель – 189, 205, 215
Капуани, гр., учитель музыки – 28
Капцевич П.М., ген. – 49, 84
Каракалла, римский император – 307, 371
Карамзин В.Н., сенатор – 52
Карамзин Н.М., писатель, историк – 94, 102, 116, 125, 132, 156, 157, 162, 191, 200, 247, 289–292, 302, 309, 323, 337, 349, 360, 362
Каратыгин А.В., актер – 174
Каратыгин В.А., актер, сын предыдущего – 273
Карл XII, шведский король – 21
Каховский П.Г., декабрист – 272, 273, 277
Келер Г.-К.-Э., акад., нумизмат – 68
Кельберг, кассир – 62
Кикин П.А., статс-секретарь – 289
Кипренский О.А., художник – 12
Киселев П.Д., гр., гос. деятель – 234
Клаузевиц Карл, ген., нем. военный теоретик – 210
Клейв, англ. колониальный деятель – 255
Клейнмихель А.А., ген., отец гр. П.А.Клейнмихеля – 119, 149, 330
Клейнмихель А.Ф. *см.* Ришар А.Ф.
Клейнмихель П.А., гр., гос. деятель, министр путей сообщения – 89, 149, 233, 248, 250, 297, 329, 333–335, 359
Клингер, попечитель Дерптского учеб. округа – 220
Клодт фон Юргенсбург Ф.-А., бар., эстляндский дворянин – 43, 98, 107, 115, 191
Клодт фон Юргенсбург А.Ф., дочь предыдущего – 44
Клодт фон Юргенсбург А.Ф., офицер, брат предыдущей – 44
Клодт фон Юргенсбург Б.Ф., ген.-майор, брат предыдущих – 44
Клодт фон Юргенсбург Г.Ф., брат предыдущих – 44, 46
Клодт фон Юргенсбург Ф.Ф., офицер, брат предыдущих – 44
Клодт фон Юргенсбург Я.Ф., сын предыдущего – 44

Клодт фон Юргенсбург К.Ф., бар., ген., сын Ф.-А.Клодта фон Юргенсбурга – 26, 44–49, 107, 115, 191
Клодт фон Юргенсбург В.К., ген., сын предыдущего – 26, 47
Клодт фон Юргенсбург П.К., скульптор, брат предыдущего – 26, 47, 48, 356
Клодт фон Юргенсбург К.К., ген.-майор, брат предыдущих – 47
Клодт фон Юргенсбург С.К., сестра предыдущих – 47
Клопшток Ф.-Г., нем. поэт, литератор – 156, 176
Кнорре, чиновник – 66, 67, 143
Княжевич Д.М., литератор – 363
Княжнин Б.Я., ген., сын драматурга Я.Б.Княжнина – 335
Кобенцель Людвиг, гр., дипломат – 154
Кованько И.А. – 186
Козловский О.А., композитор – 75
Козодавлев О.П., министр внутр. дел, обер-прокурор – 130, 135, 218, 219
Кокрель, пастор – 138
Колачева, домовладелица – 33
Коленкур А.-О.-Л., фр. ген., дипломат – 179, 208, 212, 287, 311, 312
Колокольцева Е.Ф. *см.* Муравьева Е.Ф.
Колокутский, офицер – 235
Комаровский Е.Ф., гр., ген.-лейтенант, врем. спб. губ. – 59
Комовский В.Д., директор канцелярии гр. С.С.Уварова – 342
Коновницын П.П., гр., ген., военный министр – 134, 327
Кононов А.К., акад., физик – 108
Констан де Ребек Бенжамен, фр. писатель, полит. деятель – 287
Константин Павлович, сын Павла I – 75, 100, 120, 125, 184, 208, 212, 216, 227, 246, 250, 272, 279, 304, 317, 323, 328, 349, 361, 369
Копейкин, домовладелец – 47
Копьев А.Д., ген., писатель – 90, 189
Корнилович А.О., декабрист – 299, 300
Коростовцев, домовладелец – 99
Корсаков Иван, ген. – 133, 134
Корсаков А.И., сын предыдущего – 63, 133
Корсаков Н.И., кн. Дундуков, полк., брат предыдущего – 133, 134
Корсаков В.А., кн. Дундуков, зять предыдущего – 134
Корсакова А.И., дочь И.Корсакова, жена П.П.Коновницына – 134
Корсакова М.И., сестра предыдущей, жена А.И.Лорера – 134
Корф М.А., бар., гос. деятель – 311, 193, 196, 271, 273, 319, 349, 364
Корф Ф.К., бар., ген.-адъютант – 310
Костенский К.Д., чиновник – 68
Костенская А.Н., урожд. Кудлай, жена предыдущего – 68
Костенецкий В.Г., ген. – 24, 100, 330
Кострецов, домовладелец – 37
Кострецова, домовладелица – 70
Костюшко Тадеуш, руководитель польского восстания – 214, 358
Котельников С.К., акад. – 108
Котлубицкий, ген. – 84
Кох И.И., директор Пед. ин-та – 142, 161
Коханов С.В., ген.-лейтенант – 48
Кохиус, киевский комендант – 28
Коцебу А.-Ф.-Ф., нем. писатель – 135, 144, 222, 349, 361
Кочубей В.П., гр., министр внутр. дел – 118, 156, 195, 196, 209, 242, 243, 248, 324, 349, 350
Краевский – 189
Краевский А.А., журналист – 39, 90, 92, 295, 353, 359
Краснокутский С.Г., обер-прокурор, декабрист – 304, 371
Красовский А.И., цензор – 325
Крейтор, нач. ассигнационной фабрики – 69
Крейц С.И., инженер-полк. – 74, 99, 114, 140
Кремер, жена купца – 218
Кретов, приятель И.И.Греча – 113
Криденер В.-Ю., баронесса, проповедница мистицизма – 217
Криденер, ген. – 233, 238
Крок фон, жена И.Б.Пестеля, мать декабриста – 256

Крокизиус, домовладелец – 132
Крузе, домовладелец – 107, 129
Крыжановский А.К., чиновник – 60, 124
Крыжановский Н.А., сын предыдущего – 13
Крыжановская М.П. *см.* Безак М.П.
Крылов И.А., баснописец – 108, 290, 325, 338, 360
Крюковский М.В., драматург – 171–177
Крузе, домовладелец – 107
Кудлай А.Н. *см.* Костенская А.Н.
Кудлай Д.М., друг семьи Гречей – 68, 69, 102
Кудлай Е.И., приятельница матери Н.И.Греча – 68
Кудлай И.М. – 68, 69
Кудлай Н.М. – 68, 69, 73, 111
Кузьмин, майор – 41
Кукольник В.Г., проф. – 151, 161
Кукольник Н.В., писатель, сын предыдущего – 5, 155
Куницын А.П., проф., юрист – 337
Куприянов, офицер – 84
Куракин Александр Б., кн., посол – 52, 53, 310, 321, 328, 339, 340
Куракин Алексей Б., кн. – 328, 356
Куракины – 204, 205
Курута, ген. – 208
Кусов Н.И., спб. городской голова – 240
Кутайсов И.П., гр., ген.-адъютант, обер-шталмейстер – 93, 94, 105, 106, 120, 188, 191, 198, 363
Кутайсов А.И., гр., ген., сын предыдущего – 211
Кутайсов П.И., гр., сенатор, брат предыдущего – 94
Кутузов, гр. – 135
Кутузов М.И. (Голенищев-Кутузов), кн., фельдмаршал – 149, 182, 207, 211, 213, 322, 364, 366
Кутузов П.В. *см.* Голенищев-Кутузов П.В.
Кутузовы – 289
Кушелев, домовладелец – 209
Кюль А.Д. – 71
Кюль Д.И., чиновник, отец предыдущего – 70
Кюхельбекер В.К., декабрист – 260, 271–276, 368, 369
Кюхельбекер М.К., декабрист, брат предыдущего – 265, 275, 276, 369

Лаббе де Лонд Г.Л., учитель – 152
Лабзин А.Ф., масон – 222
Лаваль А.Г., графиня, урожд. Козицкая – 294, 299
Лаваль И.С., гр. – 270
Лаваль Е.И., дочь предыдущих, жена декабриста С.П.Трубецкого – 270
Лавров, сенатор – 336
Лагарп де Ф.-Ц., швейц. гос. деятель, воспитатель Александра I – 117, 195, 247, 248, 309, 317, 318
Лазарев А.П., флигель-адъютант – 283
Ламбаль М.-Т.-Л., принцесса Кариньян – 152
Ланглес, проф. – 232
Ланжерон А.Ф., гр., новорос. ген.-губ. – 56, 188, 211
Ланской С.С., министр внутр. дел – 314
Ласковский Ф.И., секретарь гр. А.С.Строганова – 311, 312
Лафонтен Август, нем. писатель – 91
Лебцельтерн Людвиг, гр., австр. посланник – 231, 299
Леванда А.И., переводчик – 162, 163, 363
Левенштерн К.Ф., бар., ген. – 29
Левшин А.И., тов. министра внутр. дел – 67
Ледантю Камилла *см.* Ивашева Камилла, жена декабриста
Леду, фр. консул – 56
Леман М.М. *см.* Брискорн М.М.
Леонтьева М.М., генеральша – 223
Лепехин И.И., акад. – 108
Лерхе, цензор – 248
Лесаж А.-Р., фр. писатель – 358
Лессинг Г.-Э., нем. писатель, драматург – 172, 178, 211
Леццано, ген. – 145, 171
Ливен К.А., кн., попечитель Дерптского учеб. округа, позднее министр народного просвещения –

311
Ливен, княгиня – 246
Линдль, пастор – 61, 67
Линней Карл, швед. ученый – 151
Линь де Чарльз, бельг. принц – 178
Лион, домовладелец – 76
Лобанов, библиотекарь – 325
Лобанов-Ростовский Д.И., кн., министр юстиции – 127, 204, 328
Ловиц Т.Е., акад. – 108
Лоди П.Д., проф. – 151, 161, 224
Ломоносов М.В., акад. – 95, 111, 156, 159
Лонгинов М.Н., библиограф, историк лит-ры – 343
Лопухин П.В., кн., ген.-прокурор – 130, 140, 192
Лопухина А.П., дочь предыдущего *см.* Гагарина А.П.
Лорер А.И., полк. – 134
Лористон А.-Ж.-Б., фр. маршал, посол – 179
Лубяновский Ф.П., сенатор – 142, 319
Луи, содержатель ресторана – 110
Луи Ангиенский (Энгиенский), герцог – 202, 203, 208, 364
Луиза, королева прусская, жена короля Фридриха-Вильгельма III – 195
Лукин (Лукьянов) М.И. *см.* Шумский М.И.
Лунин М.С., декабрист – 301, 302, 370
Людвиг И.Х., бар., чиновник – 97, 99, 107, 112
Людвиг С.И. *см.* Буше С.И., жена предыдущего
Людвиг Александр И., сын предыдущих – 97
Людвиг Алексей И., брат предыдущего – 97
Людвиг А.И., сестра предыдущих – 97
Людвиг К.И., брат предыдущих – 97
Людвиг П.И., брат предыдущих – 97
Людвиг Я.И., брат предыдущих – 97
Людвиг К.Х., бар. – 100
Людвиг, сестры, дочери предыдущего – 100
Людвиг К.К., брат предыдущих – 100
Людовик Бонапарт, голланд. король, отец Наполеона III – 371
Людовик XI, фр. король – 93, 189
Людовик XV, фр. король – 205
Людовик XVI, фр. король – 40, 323, 355, 364
Людовик XVII, провозглашен фр. королем – 40
Людовик XVIII, фр. король – 199, 214, 364
Людовик Наполеон *см.* Наполеон III

Мавра, дочь крепостной Гречей – 112
Магницкий М.Л., гос. деятель, попечитель Казанского учеб. округа – 58, 142, 209, 210, 219, 222, 223, 226–228, 244, 248, 299, 313, 319, 338, 357
Макаров, управл. Тайной канцелярией – 63
Макаров П.И., полк., писатель – 156, 163
Макдональд Ж.-Э., фр. маршал – 49, 50
Малиновский-Демут *см.* Демут В.И.
Малютин М.П., декабрист – 267
Малютина Е.И., мать предыдущего – 267
Мамонова, графиня – 41
Мандини, певец – 69
Мансуров, ген. – 15
Маре, герцог Бассано, фр. полит. деятель, статс-секретарь Наполеона I – 123
Мари, крепостная И.И.Греча – 114
Марин С.Н., офицер, писатель – 95, 359
Мария-Антуанетта, фр. королева – 323
Мария-Луиза, фр. императрица, вторая жена Наполеона I – 321, 365
Мария Николаевна, дочь Николая I – 246, 315
Мария Павловна, дочь Павла I – 321

Мария Феодоровна, жена Павла I – 11, 52, 79, 91, 119, 149, 208, 212, 223, 225, 240, 245–247, 250, 257, 278, 314, 339, 367
Марлинский А.А. *см.* Бестужев А.А.
Мартини, фабрикант – 134
Мартынов, ген. – 211
Мартынов И.И., проф., переводчик, издатель – 151, 161, 220, 221, 362
Мартынов С.М., игрок – 130
Марфа, родственница купцов Чаплыгиных – 37
Марченко В.Р., сотрудник А.А.Аракчеева – 197, 335
Маскоу (Масков) И.-Я., нем. историк – 8
Массон Карл, писатель, педагог, секретарь вел. кн. Александры Павловны – 83, 85, 349, 358
Матрешка, любовница Трощинского – 77
Мейендорф, бар. – 67
Мейер, учительница музыки – 111
Мейсман И.В., управл. газетной экспедицией – 110
Мейснер А.-Г., нем. писатель, проф. эстетики – 70, 358
Мелиссино П.И., ген. – 23, 24, 63, 330
Меллер-Закомельский П.И., бар., военный министр – 235
Мерлин П.И., помещик – 25, 113
Меттерних Клеменс, кн., австр. дипломат, министр – 231
Миллер, актриса – 173
Миллер Хр.И., чиновник – 65, 317
Милорадович А.С., ген.-губ., отец гр. М.А.Милорадовича – 28, 162
Милорадович М.А., гр., спб. ген.-губ. – 28, 56, 233, 247, 261, 270, 277, 297, 338
Миних Б.Х., гр., фельдмаршал – 8, 9, 330
Миних, гр., адъютант вел. кн. Константина Павловича – 125, 208
Минкина Настасья, фаворитка А.А.Аракчеева – 24, 249, 333, 334
Михаил Павлович, сын Павла I – 52, 230, 236, 237, 246, 251, 273, 275, 279, 311
Михайлов М.К., чиновник – 142
Михельц (Михелис), вдова купца – 73, 95
Мишо Ж.-Ф., фр. историк – 152, 362
Мишо Л.-Г., издатель, брат предыдущего – 362
Модерах К.Ф., чиновник – 11, 240, 245, 367
Моллер А.В. фон, адм., морской министр – 283
Молчанов П.С., статс-секретарь – 127
Мольер (Поклен Ж.-Б.), фр. писатель – 137
Монтандр Петр – 134
Монтандр И.П., полк., сын предыдущего – 134
Монтандр Л.П., сестра предыдущего – 134
Монтандр Н.П., сестра предыдущих, жена П.Х.Шлейснера – 134
Монтандр Ф.П., фабрикант, брат предыдущих – 134
Монтескье Ш.-Л., фр. писатель, философ – 217
Мордвинов Н.С., гр., адм. – 292, 320
Морелли, полицеймейстер – 198
Моренгейм, акушерка – 125
Моренкур, гувернер – 96
Морни Шарль, гр., фр. полит. деятель – 312, 371
Моро Ж.-В., фр.ген. – 213
Моцарт В.-А. – 167
Муловский, капитан –65
Муравьев А.З., декабрист – 286
Муравьев А.М., декабрист – 288, 323
Муравьев М.Н., статс-секретарь – 196, 204, 220, 286, 322, 323
Муравьев Н.М., декабрист – 263, 286–288, 323
Муравьева Е.Ф., урожд. Колокольцева, мать декабриста Н.М.Муравьева – 302, 323
Муравьев-Апостол И.И., декабрист – 269, 368
Муравьев-Апостол И.М., сенатор, отец последующих – 268
Муравьев-Апостол М.И., сын предыдущего, декабрист – 269, 325, 368
Муравьев-Апостол С.И., брат предыдущего, декабрист – 230, 268,

269, 300, 303, 368
Мусин-Пушкин, гр., майор – 56
Мусины-Юрьевы, графы – 53, 188
Муханов Н.А., тов. министра народного просвещения – 265
Муханов П.А., декабрист – 299, 300
Мюссар, домовладелец – 273
Мюссар В.Д. *см.* Греч В.Д., первая жена Н.И.Греча
Мюссар Д.Н., тесть Н.И.Греча – 134, 153
Мюссар М.И., урожд. Гетц, содержательница пансиона, теща Н.И.Греча – 152, 153
Мюссар Марфа Н., сестра тестя Н.И.Греча, жена П.Монтандра – 134
Мюссар Николай, проф. – 153
Мюссар Петр, пастор – 152
Мюссар С.Д., свояченица Н.И.Греча – 242
Мюффлинг (Мюфлинг), бар., ген., прус. фельдмаршал – 210

Надеждин Н.И., журналист – 353
Наполеон I Бонапарт, фр. император – 26, 50, 56, 104, 117–120, 122, 123, 179, 181, 189, 190, 198–200, 202–208, 211–214, 228, 252, 256, 310–312, 321, 322, 324, 327–329, 336, 337, 356, 357, 360, 363–366, 371
Наполеон III, племянник Наполеона I, фр. император –203, 208, 258, 287, 364, 371
Нарышкин А.Л., обер-гофмаршал, директор имп. театров – 76, 174, 175, 271, 311
Нарышкина М.А., фаворитка Александра I – 317
Настасья *см.* Минкина Настасья
Наталья Алексеевна, первая жена Павла I – 87
Ней Мишель, фр. маршал – 183
Нейдгардт А.И., управл. Воспитательным Домом – 245
Неймановская П.И., урожд. Чепегова, директриса Мариинского инта – 149
Нелидова В.А. – 93
Нелидова Е.И., фаворитка Павла I – 93
Нельсон Горацио, англ. адмирал – 156, 364
Ненчини, певец – 69, 121
Несберг А.И. *см.* Шредер А.И.
Нессельроде, гр., ген., двоюродный брат К.В.Нессельроде – 341
Нессельроде К.В., ген., министр иностранных дел – 205, 215, 310
Николай I, рос. император – 15, 64, 86, 120, 127, 188–190, 193, 198, 216, 224,225, 227, 228, 236, 237, 249–251, 279, 285, 294, 298, 300, 304, 311, 313, 318, 319, 327, 333, 334, 346, 349, 350, 356, 357, 359, 366, 367, 369
Николай Александрович, сын Александра II – 220, 324
Николев, офицер Семеновского полка – 316
Никольский П.А., писатель – 177, 178, 290, 363
Никольский, ректор Казанского ун-та – 222, 366
Нилова П.М., урожд. Бакунина (монахиня Назарета) – 228
Новиков Н.И., писатель, журналист – 289
Новосильцев Н.Н., гр., гос. деятель, статс-секретарь – 121, 123, 128, 196, 204, 220, 317, 326–328
Новосильцев П.П., домовладелец – 138
Нордберг, врач, брат последующего – 139
Нордберг И.Г., чиновник – 37, 41, 42, 139
Нордберг М.А., жена предыдущего – 37
Нордберг Андрей И., сын предыдущих – 43
Нордберг Анна И., сестра предыдущего – 42, 43, 71
Нордберг Е.И., брат предыдущих – 42
Норов А.С., министр народного просвещения – 150
Норов, домовладелец – 39

Оболенский Е.П., кн., декабрист – 299, 370
Обольянинов П.Х., ген.-прокурор – 51–53, 120, 198, 356

Овечкин, правитель канцелярии – 83
Огарев Н.П., поэт, соратник А.И.Герцена – 368
Огинский М.-К.-А., кн., польский композитор – 214
Огинский А.Г., писатель – 224
Огюст, танцовщик – 191
Одоевский А.И. (у Греча ошибочно – И.А.), кн., декабрист – 298, 299, 370
Одоевский В.Ф., кн., писатель – 271
Озерецковский Н.Я., акад. – 107–109, 111, 158, 360
Озеров В.А., писатель – 174, 363
Оленин А.Н., историк, археолог, президент Акад. художеств – 11, 55, 81, 129–131, 138, 139, 141, 170, 184, 186, 187, 268, 324, 325, 356
Ольга Николаевна, дочь Николая I – 251
Ольденбургский принц Георг, муж вел. кн. Екатерины Павловны – 64
Ольхин, офицер – 183
Омельяненко Н.К., губ. – 57, 188
Опперман, гр. – 45
Оралов Г.Ф., учитель – 132, 136
Ордынский Л.В., секретарь гр. А.Х.Бенкендорфа – 342
Оржицкий Н.Н., декабрист – 305, 371
Орлов А.Г., гр., участник заговора против Петра III – 95
Орлов Г.Г., гр., фаворит Екатерины II – 51, 359
Орлов А.Ф., кн., ген.-адъютант, шеф жандармов, нач. III Отделения – 64, 239, 269, 297, 334, 335, 357
Орлов М.Ф., брат предыдущего, декабрист – 305
Орлов-Денисов, гр. – 138
Орловский Б.И., скульптор – 366
Остерман А.И., гр., гос. деятель – 8
Остолопов Н.Ф., писатель – 164
Острогорский П.П., учитель – 132

Павел I, рос. император – 25, 26, 34, 47, 51–53, 62, 65, 66, 68, 78, 83, 85–89, 91–95, 99, 100, 102, 104–106, 114–119, 129, 130, 135, 149, 188–191, 194, 196–199, 201, 202, 213, 251, 255, 262, 263, 289, 307–309, 312, 316, 317, 319, 320, 326, 327, 330, 331, 337, 339, 349, 350, 355–361, 363, 364
Павский Г.П., священник – 233
Паизиелло Джиованни, ит. композитор – 70
Пален П.А., гр., ген., гос. деятель, участник заговора против Павла I – 52, 54, 91, 115, 119, 190, 199, 331
Пален, майор – 189
Паллас П.-С., акад. – 108
Пальмин, проф. – 222, 223, 228
Панин В.Н., гр., министр юстиции – 294
Панин Н.И., гр., дипломат, воспитатель Павла I – 86
Панин Н.П., гр., канцлер – 105, 199
Папков, правитель канцелярии – 321
Парадовский А.Г., чиновник – 37, 39, 40, 70
Паскевич И.Ф., кн. Варшавский, ген.-фельдмаршал, врем. спб. губ. – 59 (?), 226
Паскуа, певица – 121
Пассек П.Б., ген.-аншеф, участник заговора против Петра III – 95
Патиньи, владелец пансиона – 146
Паттерсон, миссионер – 218
Паули А.М. – 13–15
Паули Ек.М., бабушка Н.И.Греча – 13, 14, 112
Паули Ел. М. – 13, 14
Паулуччи Ф.О., маркиз, губ. – 211
Пашковская В.И. *см.* Шванебах В.И.
Пелагея Тихоновна, няня Н.И.Греча – 83
Пеллегрини, полк. – 34
Перетц, откупщик – 59
Перовские – 223
Перовский В.А., ген.-адъютант – 279, 283
Перовский Л.А., гр., министр внутр. дел – 225
Перрен А.Я., правитель канцеля-

рии – 235
Перский, ген. – 233
Пертц Г.-Г., нем. историк – 365
Пестель И.Б., губ. Сибири, отец декабриста – 255, 256, 295, 333
Пестель, урожд. фон Крок, жена предыдущего – 256
Пестель Б.И., сын предыдущих – 256
Пестель В.И., губ. – 256
Пестель П.И., декабрист – 230, 255–259, 269, 303, 368
Петр III, рос. император – 10, 15, 85, 95, 96, 251, 323, 353, 357, 359
Петр Великий, рос. император – 20, 21, 80, 111, 170, 295, 353, 355, 357, 365, 367, 371
Петров, ген. – 233
Пинес Д.М., литературовед – 347
Пинкертон, миссионер – 218
Пирх К.К., полк. – 230
Питт, англ. полит. деятель – 156
Пишегрю Шарль, фр. ген. – 202
Платов М.И., гр., атаман Войска Донского – 211
Платон (Левшин), митрополит – 121, 228, 361
Плетнев П.А., писатель – 288, 353, 370
Плисов М.Г., проф. – 224, 225
Плюшар Адольф, издатель, владелец типографии – 345, 346, 359
Пнин И.П., писатель – 123, 164, 197, 329
Погодин В.В., ген. – 198, 263
Подобедов С.И., чиновник – 39
Подшивалов В.С., писатель – 70, 170, 358
Полевой Кс.А., журналист – 344
Полевой Н.А., журналист – 349
Полторацкая А.А. – 130
Попов И.В., издатель – 162
Попов Д.П., проф. – 224
Попов В.М., директор департамента Мин-ва народного просвещения – 218, 222, 227, 228
Порошин С.А., воспитатель Павла I – 86, 308, 349, 359
Потемкин-Таврический Г.А., кн., фельдмаршал – 68
Потемкин Я.А., полк. – 202, 230, 231, 238
Похвиснев А.Н., декабрист – 369
Поццо ди Борго К.А., дипломат – 215
Прасковья Васильевна (Тевяшева), мать жены К.Ф.Рылеева – 267
Проб, англ. моряк – 320
Проб, дочь предыдущего *см.* Чичагова
Прозоровский А.А., кн., фельдмаршал – 55–57, 188, 206
Прокофий, камердинер А.В.Суворова – 105
Прокофьев И.В., директор Рос.-Амер. компании – 259, 265, 297
Протасов А.П., акад. – 108
Протасов, племянник А.А.Воейковой – 274
Протопопов Ф.О., друг Н.И.Греча – 145
Пуадебар, механик – 98
Пуаро *см.* Шевалье
Пугачев Е.И., предводитель Крестьянской войны – 18, 162
Пукалова В.П., фаворитка А.А.Аракчеева – 257, 333
Путятин, кн. – 17
Пушкин А.С. – 157, 311, 349, 353, 357, 362
Пушкин В.Л., поэт – 290
Пущин И.И., декабрист – 260, 288, 289, 370
Пущин М.И., брат предыдущего, офицер, декабрист – 289, 370
Пфуль К.-Л.-А., ген. – 210, 310

Раден фон, майор – 8, 9
Радиг, гравер – 79
Радлов, адъюнкт-проф. – 224
Разумовский А.К., гр., министр народного просвещения – 87, 186, 192, 220, 221, 223, 366
Разумовский П.К., гр. – 305
Райко, сын гр. А.Г.Бобринского – 85, 189
Раль, баронесса – 113
Раупах Эрнст, проф., писатель – 220, 223, 225
Рашет Яков, скульптор – 59
Рашет А.Я., чиновник, сын предыдущего – 60
Рашет В.А., военный, сын предыдущего – 60
Рашет П.А., военный, брат пре-

дыдущего – 60
Рашет Е.Я., дочь скульптора Я.Рашета, жена Гофмана – 60
Рашет К.Я., брат предыдущей – 60
Рашет Е.К., чиновник, сын предыдущего – 60
Рашет И.К., чиновник, брат предыдущего – 60
Рашет С.Я., дочь скульптора Я.Рашета *см.* Безак С.Я.
Рашет Эмилия Я., сестра предыдущей, жена Дорера – 60
Рашет Эммануил Я., брат предыдущих – 60
Рашет Ю.Я., сестра предыдущих, жена П.Г.Соболевского – 60
Раутенштраух, эстляндский дворянин – 44
Ребиндер Н.Р., сенатор – 25
Ребиндер Р.И., отец предыдущего – 25
Рейнбек – 12, 13
Рейнбот, пастор, суперинтендент – 137, 258, 259
Рейнбот, пастор, сын предыдущего – 30
Ренкевич, майор, помещик – 22
Ренкевич Е.Е. – 142
Ренкевич Е.М. *см.* Шне Е.М.
Репин Н.П., декабрист – 301
Репнин Н.В., кн., ген.-фельдмаршал, ген.-губ. – 294, 329
Ржевский, проф. – 224
Риего Рафаэль, исп. революционер – 281
Рикорд П.И., адм. – 285
Ришар М.Х., содержательница пансиона – 149, 150, 165, 166
Ришар Франц, проф., муж предыдущей – 149
Ришар А.Ф., жена П.А.Клейнмихеля, дочь предыдущих – 149, 330
Ришар Е.Ф., сестра предыдущей, жена М.А.Салтыкова – 149, 329
Ришар И.Ф., брат предыдущей – 149
Робеспьер Максимильен, деятель Вел. фр. революции – 52, 77
Рогов Т.О., проф. – 224
Розен, бар., полк. – 230
Розенкампф Г.А., бар., чиновник-юрист – 141, 210, 291, 365
Роллен Шарль, фр. историк, педагог – 158, 362
Романовы, династия – 347, 349
Ромм Жильбер, якобинец, воспитатель гр. П.А.Строганова – 323
Ронкони, певец – 121
Россини Джоакино, ит. композитор – 70
Ростислав *см.* Толстой Ф.М.
Ростовцев Я.И., ген. – 297, 299
Ростовцева А.И., мать предыдущего – 297
Ростопчин Ф.В., гр., моск. главнокомандующий – 83, 89, 262, 358
Рубан В.Г., писатель – 7, 353
Руднев, капитан – 280
Румовский С.Я., акад. – 108
Румянцев Н.П., гр., канцлер – 56, 80, 81, 204, 205, 209, 212, 310, 311, 328
Румянцев С.П., гр., сын последующего – 26
Румянцев-Задунайский П.А., гр., фельдмаршал – 20, 26–28, 87, 104, 331, 354
Рунич Д.П., попечитель Спб. учебного округа – 219, 220, 222, 223, 225, 226, 349
Руссо Ж.-Ж., фр. философ, писатель – 152, 153, 362
Рылеев К.Ф., декабрист – 197, 212, 223, 259–263, 265–267, 277, 278, 289, 297–299, 304, 348, 349, 368, 370, 371
Рылеева А.К., дочь декабриста – 267
Рюрик – 306, 351
Рязанов, ген., обер-прокурор – 53–55

Сабанеев, ген. – 327
Саблин, камер-гусар – 263
Савари, фр. посол – 208
Саврасов И.Ф. – 247
Саллюстий, римский историк – 111
Салов, ген.-майор – 332
Салтыков, кн. – 324
Салтыков М.А., сенатор, попечитель Казанского ун-та – 149, 150, 196, 329
Салтыков Н.И., гр. – 125, 319, 330
Салтыков Сергей В., фаворит

Екатерины II – 85
Салтыков С.В., племянник предыдущего – 85
Салтыкова Е.Ф. *см.* Ришар Е.Ф.
Салтыкова С.М., дочь М.А.Салтыкова, позднее жена А.А.Дельвига, затем С.А.Баратынского – 149, 329
Самойлов А.Н., гр., ген.-прокурор, гос. деятель – 63
Самойлов В.М., оперный актер – 121
Санглен де, Я.И., нач. тайной полиции – 207, 336
Сапоренти, певица – 69
Саражинович П.Г., чиновник – 57, 58, 188
Сатаров, чиновник – 100
Свербихин А.С., купец – 314
Севастьянов А.Ф., акад. – 108
Севергин В.М., акад. – 107, 111, 158
Северин Д.П., посол – 318
Сегюр Л.-Ф., фр. посол – 154
Седморацкий, ген. – 147
Семенов А.В., сенатор – 312
Семенова Н.С., оперная актриса – 121
Сенковский О.И., журналист – 304, 370
Сен-Флоран, владелец книжного магазина – 86
Серафим (Глаголевский), митрополит – 61, 228
Сиверс Е.К., гр., ген.-лейтенант, директор Гл. инж. училища – 100, 190, 233
Сиверс К.Е., брат Я.Е.Сиверса – 190
Сиверс П.Е., брат Я.Е.Сиверса – 190
Сиверс Я.Е., гр., ген.-губ., министр путей сообщения – 190, 339
Силантьев Афанасий, крепостной И.И.Греча – 113, 114
Сильвестр де Саси А., фр. ученый, лингвист – 152
Сипягин Н.М., ген. – 233–235, 238, 239
Скиати, музыкант – 111
Скиати, дочь предыдущего *см.* Мейер
Скобелев И.Н., ген., военный писатель – 114, 298, 360
Сковычев Н.И., чиновник – 111
Скотт Вальтер – 32, 355
Сленин И.В., книгопродавец – 285
Слонецкий Д.Г., учитель – 132
Смирдин А.Ф., издатель – 363
Соболевский П.Г., инженер – 60
Собольщиков, придвор. лакей – 138
Соймонов П.А., сенатор – 84, 102
Соллогуб В.А., гр., писатель – 90
Соловьев, проф. – 224
Сольский, домовладелец – 274
Сомов О.М., журналист – 277
Сорокунский А.И., губ. – 57, 188
Сосницкий И.И., актер – 174
София Вюртембергская, принцесса – 87
Спафарьев Л.В., адм. – 281, 282
Сперанский М.М., гр., гос. деятель – 51, 58, 156, 197, 209, 210, 219, 291, 295, 296, 319, 337, 350, 356–358, 362, 365
Спиридонова, балерина – 189
Старчевский А.В., журналист – 328
Старынкевич Н.А., сенатор – 232
Строганов Аника – 323
Строганов А.П., гр., сын гр. П.А.Строганова – 325
Строганов А.С., гр., сенатор – 75, 76, 78, 84, 102, 105, 311, 323, 325, 326
Строганов П.А., гр., сын предыдущего – 123, 128, 196, 204, 220, 308, 323–325, 350
Строганов, сын П.А.Строганова – 325
Строганов С.Г., гр., ген.-адъютант – 324
Строганова С.В., жена гр. П.А.Строганова – 290
Строгановы – 323, 324, 325
Струговщиков, домовладелец – 274
Струкова, помещица – 67, 143, 144
Струэнзе И.-Ф., датский полит. деятель – 86, 307, 308, 371
Стюрлер, полк. – 270
Суворов А.В., кн., генералиссимус – 104–106, 360
Сумароков А.П., писатель –

23, 24, 354, 355
Сухозанет, ген. – 37
Сухтелен П.К., гр., посол в Швеции – 74, 75, 311
Сухтелен П.П., гр., ген., сын предыдущего – 241
Сырнев, чиновник – 197

Талейран Ш.-М., фр. дипломат – 56, 205, 310, 322
Талиони, танцовщица – 48
Талызин, ген., участник заговора против Павла I – 119, 199
Танеев А.С., чиновник – 150
Татищев Д.П., посол – 340
Теренсберн, чиновник – 138
Тернич, проф. – 151, 161
Тет-Румянцевы – 26
Теттау фон А.-Ф., полк. – 8–10
Тизенгаузен, графиня, жена Б.Ф.Клодта фон Юргенсбурга – 44
Тимковский И.О., цензор, директор училищ – 111, 138, 150, 184, 185, 224, 233, 338, 360
Тиран Ф.И., адъютант гр. Палена – 119
Толмачев Я.В., учитель – 220, 223, 224
Толченов, маклер – 272
Толстой И.М., гр., министр, дипломат – 106
Толстой П.А., гр., ген., посол – 122
Толстой Ф.М. (Ростислав), муз. критик, композитор – 227
Толстой Ф.П., гр., художник, медальер – 5, 240, 363
Толь (Толль) К.Ф., гр., ген.-квартирмейстер – 48, 211
Тормасов А.П., гр., командующий армией, моск. ген.-губернатор – 182, 298, 370
Торсон К.П., декабрист – 276, 300, 301
Торсон Е.П., сестра декабриста – 301
Траверсе де Ж.-Ф. (И.И.), маркиз, морской министр – 204, 320
Тредиаковский В.К., поэт, филолог – 158, 362
Трескин Н.И., иркутский губернатор – 256, 295
Трощинский Д.П., секретарь Екатерины II – 77
Трубецкой И.Ю., кн., ген.-фельдмаршал, отец И.И.Бецкого – 79, 358
Трубецкой С.П., кн., декабрист – 294, 303, 304
Туманский В.И., поэт – 271
Туманский Ф.В., писатель, издатель – 102, 170, 359
Туманский Ф.О. (?), цензор – 91
Тургенев И.П., куратор Моск. ун-та, отец декабриста – 289
Тургеневы, братья, сыновья предыдущего:
Тургенев Александр И., историк, писатель, общ. деятель – 228, 289–291, 293, 294, 337, 338, 340
Тургенев Андрей И., поэт, чиновник – 289
Тургенев Н.И., общ. деятель, декабрист – 260, 262, 289, 292–295, 297, 304, 338, 368
Тургенев С.И., чиновник, дипломат – 232, 289, 291, 292, 294
Тьер (Тиер) Адольф, фр. гос. деятель, историк – 202, 203

Убри П.Я., дипломат – 324
Уваров С.С., гр., министр народного просвещения – 92, 111, 185, 187, 204, 219, 221, 223, 325, 340–342, 359, 360, 366
Умянцевы – 26
Усов П.С., журналист – 347
Усов С.М., проф., отец предыдущего – 221
Уткин Н.И., гравер – 260

Фальденштейн фон Ф.И., бар. – 141
Фанденбергген, портной – 175
Фауст, старший учитель спб. Петровской школы – 18
Федоров В.М., писатель – 164
Ферзен, гр. – 324
Ферзен И.Е., гр., ген. – 24
Фесслер И.-А., нем. писатель, русский обществ. деятель – 210, 366
Филарет (Дроздов В.М.), митрополит моск. – 218, 326
Филис-Андрие, актриса – 121

Филис-Бертен, актриса – 121, 216
Философов М.М., смоленский ген.-губернатор – 307, 308
Фламманд, гувернер – 140
Флейшер *см.* Буше
Фовицкий И.М. – 151
Фок И.Е., офицер, отчим матери Н.И.Греча – 24, 47, 72, 83, 92, 139, 140, 146, 148
Фок фон М.Я., управл. III Отделением – 64, 242, 243, 248, 297, 319, 357
Фок фон П.Я., брат предыдущего – 240
Фок Х.М. *см.* Шне Х.М., бабушка Н.И.Греча
Фокс, англ. полит. деятель – 156
Фонвизин Д.И., писатель – 70
Фосс, писатель – 156
Фотий (П.Н.Спасский), архимандрит – 248, 249, 367
Франц II, император «Св. Римской империи» – 198, 365
Франческо, слуга И.И.Греча – 112
Фредерикс Б.А., бар., ген.-лейтенант – 312
Фредерикс П.А. (у Греча ошибочно – П.П.), бар., обер-шталмейстер – 137
Фрейганг В.И. – 65
Фрейганг, лейб-медик Павла I – 68
Фрейганг Е.М. *см.* Брискорн Е.М., жена предыдущего
Фрейганг Е.И., жена К.Я.Рашета – 60
Фрейгольд Филипп, пастор, прадед Н.И.Греча – 20
Фрейгольд Я.Ф., полк., дед Н.И.Греча – 20, 21, 23, 24, 26, 27, 29, 31, 32
Фрейгольд Х.М. *см.* Шне Х.М., бабушка Н.И.Греча – 25–29
Фрейгольд А.Я., офицер, дядя Н.И. Греча – 19, 24, 25, 30, 32, 37, 48, 61, 67, 71–73, 75, 84, 96, 97, 113, 115, 139, 146
Фрейгольд Ек. Я. *см.* Греч Ек.Я., мать Н.И.Греча
Фрейгольд Елиз.Я., тетка Н.И.Греча, жена Г.Ф.Клодта фон Юргенсбурга – 25, 26, 38, 47, 92, 103, 112, 114, 115, 148
Фридрих II, король прусский – 87, 88, 191, 251

Ханыков П.И., адм. – 280
Хвостов А.С., чиновник, переводчик, стихотворец – 127, 128, 289
Хвостов Д.И., гр., чиновник, стихотворец, издатель – 7, 105, 326, 353
Херасков М.М., писатель – 200
Хлебников В.М., управл. Экспедицией гос. доходов – 18
Хмельницкий И.И., драматург – 18
Хмельницкий Н.И., смоленский губернатор – 64
Холщевников П.Е., учитель – 133
Хомутова, жена Аракчеева – 333
Храповицкий, ген. – 238
Храповицкий А.В., гос. деятель, писатель, секретарь Екатерины II – 18, 65, 76–78, 349, 358
Христиан VII, датский король – 40, 308, 371

Цветков М.Н., учитель – 131, 136, 137, 159, 160, 170
Цебриков Н.Р., декабрист – 301, 370
Цыплятев, комендант – 162

Чаадаев П.Я., философ – 231, 240, 241, 367
Чаплины, купцы – 37
Чарторыжский (Чарторыйский) А.А., кн., полит. деятель – 123, 128, 196, 214, 220, 326, 327
Чебышев – 286
Чепегова П.И. *см.* Неймановская П.И.
Черкасский Алексей, кн. – 8
Черникова-Самойлова С.В., оперная актриса – 121
Чернышев А.И., кн., военный министр – 121–123, 310
Чижов, проф. – 224
Чингисхан – 351
Чихачев, спб. полицеймейстер – 273
Чичагов В.Я., адм. – 320

Чичагов П.В., адм., сын предыдущего – 50, 196, 204, 320–322, 356
Чичагов М.Н., ген.-майор, архитектор – 60
Чичагова, урожд. Проб, жена адм. П.В.Чичагова – 320
Чоглокова, фрейлина – 86
Чубарова В.С. – 25
Чулков, спб. полицеймейстер – 89, 90

Шабишев, домовладелец – 240
Шарапов П.Н., учитель – 197
Шармуа, проф. – 224
Шауфус Ф.Ф., чиновник – 66, 67
Шауфус А.М. *см.* Брискорн А.М., жена предыдущего
Шах фон Виттенау – 13
Шах фон Виттенау, капитан – 13
Шаховской А.А., кн., драматург – 164, 289
Шванебах А.Ф., офицер – 61–64, 84
Шванебах Хр. А., сын предыдущего – 64
Шванебах, подполк., инженер путей сообщения, брат предыдущего – 64
Шванебах Х.Ф., инженер – 61
Шванебах В.И., урожд. Пашковская, жена предыдущего – 61, 100
Шварц Ф.Е., полк. – 230, 231, 241
Швенгельм, жена Ф.-А.Клодта фон Юргенсбурга – 43
Шебуев, художник – 325
Шевалье (Пуаро), актриса; любовница Кутайсова – 191, 192, 198, 199, 255
Шевич, офицер – 246
Шекспир Уильям – 176
Шелехов Д.П., полк. – 241, 312, 313
Шенгоф Т.И. *см.* Шне Т.И., прабабушка Н.И.Греча
Шеншин, ген. – 236
Шереметев В.А. (?), гр. – 198
Шереметев В.В., убит на дуэли с А.П.Завадовским – 276
Шеридан Р.-Б., англ. писатель – 156
Шиканедер И.-Э., актер, композитор, либреттист – 172
Шиллер И.-Ф., нем. поэт – 67, 156, 172, 176, 254
Ширинский-Шихматов П.А., кн., министр народного просвещения – 313, 359
Шишков А.С., министр народного просвещения – 70, 127, 156, 174, 210, 215, 226, 228, 241, 289, 290, 291, 332, 358, 359, 362
Шлегель Ф.-В., нем. философ – 178
Шлейснер П.Х., цензор, учитель – 133–135, 152, 160
Шлецер А.-Л., историк – 223
Шмельц, пастор – 137
Шмидер, юрист, поэт – 171, 172
Шне М.И., бригадир, прадед Н.И.Греча – 21, 22
Шне Тереза И., урожд. Шенгоф, жена предыдущего, прабабушка Н.И.Греча – 21, 22, 29
Шне Ек.М., сестра бабушки Н.И.Греча, жена Ренкевича – 22, 29, 30, 38, 107, 142, 146, 147
Шне Мария М., сестра бабушки Н.И.Греча, жена К.Врангеля – 22, 100
Шне Х.М., жена Я.Ф.Фрейгольда, во втором браке – И.Е.Фока, бабушка Н.И.Греча – 23–29, 31–33, 37, 38, 47, 48, 71, 97, 106, 107, 139, 142, 147
Шпальдинг, маклер – 62–64
Шредер, гофмаклер – 150
Шредер А.И., урожд. Несберг, жена предыдущего – 150
Шредер, жена Я.К.Белли – 45
Шрейберг Х.В., жена К.К.Людвига – 100
Штебер П.И., полк. – 17, 34
Штебер Александр П., майор, сын предыдущего – 17
Штебер Анна П., сестра предыдущего – 34
Штейн Г.-Ф.-К., бар., прусский министр – 210, 212, 215, 292, 310, 365
Штейнгель В.И., бар., декабрист (у Греча ошибочно – В.П.) – 265, 266, 298, 370
Штер М.П., сенатор – 227
Штольц Петр, портной – 35

Штольц, жена портного – 35, 36
Штольц, сын предыдущих, приятель И.И.Греча – 35
Штольц Елиз.П., сестра предыдущего, гадалка – 35, 36
Шторх А.К. – 247
Шуберт Ф.И., акад. – 44, 108
Шубин Алексей, офицер Семеновского полка – 124
Шувалов – 23
Шульгин А.С., обер-полицеймейстер – 274, 275
Шульц, жена Ф.Х.Вирста – 59
Шумский М.И. (Лукин, Лукьянов), сын Аракчеева – 235, 248, 249, 333
Шушерин А.Е., актер – 174

Щеглов, проф. – 224
Щепин-Ростовский Д.А., кн., декабрист – 277, 279
Щербаков, домовладелец – 181
Щербина Н.Ф., поэт – 211

Эверт, крепостной И.И.Греча – 114
Эйлер Леонард, акад. – 108 (?), 139
Эйнзидель, гр., посол – 310
Эккартсгаузен Карл, нем. писатель, мистик – 222
Эльсон, вторая жена Флейшера де Буше – 98
Энгель И.-Я., нем. писатель – 172
Энгельгардт, домовладелец – 285
Энгельгардт В.В. – 246
Энгельгардт Е.А., директор Лицея – 131, 221, 348, 349, 361, 366
Эпинус, проф. – 108, 308
Юнг-Штиллинг И.-Г., нем. писатель, мистик – 222
Юсупов Н.Б., кн., сенатор, дипломат – 149

Языкова Е.П. – 303
Якоби Б.С., проф., акад. – 64
Яковлев А.С., актер – 174
Якубович А.И., декабрист – 265, 276, 277, 304, 368, 369
Яшвиль В.М., кн., участник заговора против Павла I – 199

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

адм. – адмирал
австр. – австрийский
акад. – академик
англ. – английский
бар. – барон
внутр. – внутренних
г. – год и город
ген. – генерал
гл. – главный
гр. – граф
губ. – губернатор
гос. – государственный
ит. – итальянский
кн. – князь
мин-во – министерство
нем. – немецкий
новг. – новгородский
пед. – педагогический
полк. – полковник
польск. – польский
полит. – политический
проф. – профессор
прус. – прусский
рос. – российский
р. – река
с. – село
ун-т – университет
урожд. – урожденная
фр. – французский
худ. – художественный
швед. – шведский

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПИСКИ О МОЕЙ ЖИЗНИ 5

Часть первая 5
Часть вторая 129
Воспоминания юности 155
Воспоминания 167
Начало "Сына отечества" 179
Примечания Н.И.Греча к "Запискам о моей жизни" 188

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРИКА 193

Часть первая 193
Часть вторая 252
Примечания Н.И.Греча к "Воспоминаниям старика" 307

ПРИМЕЧАНИЯ Н.И.ГРЕЧА: КРАТКИЕ БИОГРАФИИ 314

Вилламов – 314
Дружинин – 316
Лагарп – 317
Кочубей – 319
Чичагов – 320
Муравьев – 322
Строганов – 323
Чарторыжский – 326
Новосильцов – 326
Долгорукий – 328
Витовтов – 329
Салтыков – 329
Пнин – 329
Аракчеев – 330
Балашев – 336
Голицын – 337
Боголюбов – 339

Послесловие 343
Комментарии 353
Краткий список рекомендуемой литературы 372
Указатель имен 373
Список сокращений 394

Николай Иванович Греч

ЗАПИСКИ О МОЕЙ ЖИЗНИ

Редактор *Н.Л. Стебаева*
Технический редактор *Е.Н.Волкова*
Корректор *Л.В.Петрова*
Оператор *Т.Г.Никонович*

ИБ № 1903

Сдано в набор 11.08.89. Подписано в печать 13.02.90. Формат 84x108/32. Бум. кн.-журн. Гарнитура Пресс-Роман. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,42. Уч.-изд. л. 23,76. Тираж 65000 экз. Изд. № 4833. Заказ 574. Цена 2 р. 80 к.

Издательство "Книга", 125047, Москва, ул. Горького, 50.
Набор выполнен на композере издательства "Книга".
Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате при Государственном комитете СССР по печати,
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Греч Н.И.

Г 81 Записки о моей жизни. – М.: Книга, 1990. – с. 396. (Историко-литературный архив).

ISBN 5-212-00282-6

"Записки о моей жизни" Н.И.Греча – ценный вклад в мемуарную литературу конца XVIII и начала XIX века. Екатерина, Павел, Александр I, Аракчеев, Сперанский и Магницкий – с одной стороны, восстание в Семеновском полку и декабристы – с другой, и, наконец, ряд виднейших литературных деятелей: Державин, Жуковский, Пушкин, Сенковский, Воейков, Булгарин – вот тот круг лиц и событий, который охвачен "Записками".

Для всех, интересующихся русской историей.

4702010101-048
Г ―――――――― 36-90
002 (01)-90

ББК 84Р1-4

Готовятся к выпуску в 1990 г. и другие издания серии
"Историко-литературный архив"

И.Забелин. Государев двор. 1990. 25 л.

Фундаментальный труд "Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях" создан выдающимся русским историком Иваном Егоровичем Забелиным (1820–1908 гг.).

Выводы науки, даже события современной жизни с каждым днем раскрывают ту истину, что домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех так называемых великих событий его истории, зародыши и зачатки его развития, всевозможных явлений жизни – общественно-политической и государственной. Очерки, публикуемые ныне под названием "Государев двор", раскрывают эту идею. Ученый, приступая к описанию повседневного жития великих государей Московских, говорит, что быт государей в общих чертах и даже в мелких частностях нисколько не удалялся от исконных, типических очертаний русской жизни. Быт этот, в сущности, был простым, деревенским, чисто русским, не отличающимся в основных чертах от быта крестьянского.

К концу XVII в., перед единодержавием Петра I, двор и дворец достигли самого цветущего состояния, какого они не достигали ни в одно из предыдущих царствований. Великолепие двора изумляло современников, и многие из них, пораженные блеском золота и красок, богатством, торжественностью, несказанным сиянием и блистанием всего окружающего, иногда видели даже более, чем было на самом деле. Они сравнивали его с Соломоновою прекрасною палатою, называли его восьмым чудом света. Самый дворец государев охранялся особенным почетом, который, по установившимся понятиям, воздавали царскому местопребыванию – ибо народ, уверовавший в высокое призвание царя, "благоговейно чтил и все знаки его величия".

Книга содержит биографический очерк о Забелине и обстоятельные комментарии.

Ж.Садуль. Записки о большевистской революции. Октябрь 1917 – январь 1919 г. 1990. 25 л.

Книга принадлежит перу сотрудника французской военной миссии в России в годы первой мировой войны.

После Октябрьской революции Ж.Садуль порвал отношения с французским правительством, вступил в Красную Армию, принял активное участие в организации и работе Коммунистического Интернационала. За это он был заочно приговорен во Франции к смертной казни. В книге повествуется о тех собы-

тиях революции и гражданской войны, очевидцем и участником которых был автор. Она содержит меткие характеристики видных деятелей партии и Советского государства того периода (в том числе и Льва Троцкого, с которым Садуль был близко знаком).

За несколько дней до Октябрьской революции Садуль писал о предстоящем событии: "Это вооруженное восстание будет иметь целью свержение Временного правительства и взятие власти большевиками, первым шагом которых станет, вероятно, заключение мира. Руководство большевистского движения разделилось по вопросу о своевременности этой акции. Ленин и Троцкий требуют выступления. Каменев, Зиновьев и Рязанов, большинство других лидеров хотели бы избежать его, опасаясь неудачи и еще больше, может быть, успеха. Они понимают, что слишком многое обещали, чтобы суметь все выполнить. Приход к власти продемонстрирует бессилие большевиков и разом приведет их к краху. Однако множество рядовых большевиков идут за Лениным и Троцким к революции. Похоже, задержать взрыв уже невозможно. Плеханов убежден в его неизбежности и желает его страстно, настолько, что дал понять — и это он, чья щепетильная демократичность известна, — что если выступление не начнется самопроизвольно, его следовало бы спровоцировать. Он, в частности, думает, что положение в стране будет ухудшаться впредь до тех пор, пока пропаганда большевиков будет отравлять фронт и тыл". Издание снабжено обстоятельным послесловием, в котором раскрывается сложный и противоречивый характер описываемых событий и их участников, а также подробными комментариями.

А.Лакиер. Русская геральдика. 1990. 25 л.

Первое (и до настоящего времени единственное) издание книги Александра Лакиера (1825—1870 гг.) "Русская геральдика" появилось почти полтора столетия назад. О ней писал в конце XIX в. выдающийся российский геральдист П. фон Винклер, называя ее "первой и блистательной попыткой истории русских гербов". Сама же книга уже тогда была зачислена в каталоги раритетов. Но, разумеется, не только этим вызвана потребность в новом издании. В настоящее время внимание русского общества обращено к прошлому как основе будущего. Символы и гербы страны, ее исторических областей и городов сосредоточивают в себе славу былых времен, являются базой для создания новых эмблем, раскрывающих историю той или иной местности, ее культурный и хозяйственный облик.

У геральдики – науки, создававшейся в течение многих столетий, – есть свои непреложные правила и обычаи. Так, обозревая древнюю российскую эмблему, Лакиер писал: "...Змей, орудие злого духа, мог означать только злое, в какой бы форме оно ни проявлялось, в виде ли внешнего врага, в виде ли раздоров, разделяющих государство и приближающих его к погибели, и в виде ли невежества. Если императрица Екатерина II не нашла лучшего способа выразить окончательную победу, одержанную Петром Великим над прежним порядком вещей, как в виде всадника на коне, который топчет змею... то нет ничего неестественного, что великие князья русские, видевшие явное зло в раздроблении России на мелкие владения и желавшие сплотить их воедино для пресечения другого несчастия, владычества татарского, не могли выразить идею эту лучше, как изобразить великого князя готовым на бой, а когда бой одержан – представить дракона пораженным".

Настоящее издание подготовлено специалистом по геральдике, автором нескольких книг по этой отрасли исторической науки, доктором исторических наук Н.Соболевой. В послесловии рассказывается о Лакиере, о других его работах.

Н.И.ГРЕЧ

"...Я напишу все, что мне известно о тогдашних событиях и обстоятельствах, которые я видел вблизи, о деятелях того времени и о действиях их, просто и, сколь возможно, правдиво, не стесняясь мыслию ни о какой цензуре, не руководствуясь ни пристрастием, ни каким-либо враждебным чувством к кому бы то ни было".

Н.И.Греч

2 р. 80 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ